

КИЕВСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕТЕРАНОВ УКРАИНЫ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ УКРАИНСКИЙ СОЮЗ
УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ

БЕЗ ПРАВА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ

*(Сборник публикаций и документов, раскрывающих
антинародную фашистскую сущность украинского
национализма и его апологетов)*

В 2-Х КНИГАХ

и дополненное

Издание второе, исправленное

КНИГА I

КИЕВ – 2006

Составители и соавторы: *Войцеховский А.А.;*
Дыгас Ж.Т.;
Ткаченко Г.С.

Авторы: **Арестов В.Н.** – кандидат философских наук, доцент;
Беляев В.А. – писатель;
Безродный Е.Ф. – доктор исторических наук, профессор;
Витренко Н.М. – доктор экономических наук, профессор, председатель Прогрессивной социалистической партии Украины;
Войцеховский А.А. – кандидат философских наук, доцент;
Герасимов И.А. – председатель Совета Организации ветеранов Украины, народный депутат, Герой Украины;
Гладков Т.К. – писатель;
Грач Л.И. – доктор исторических наук, профессор, народный депутат Украины, первый секретарь Крымского рескома Компартии Украина;
Дыгас Ж.Т. – член президиума МУСУВ, адвокат;
Жуковский В.А. – главный редактор газеты «Ветеран Украины»;
Зазулин Н.В. – член Комитета ветеранов войны Организации ветеранов Украины, публицист;
Короткин Ю.Г. – заместитель председателя Комитета ветеранов войны Организации ветеранов Украины, публицист;
Мазаров В.Н. – зам. главного редактора газеты "Комуніст";
Мнацаканов С.А. – секретарь Киевского горкома КПУ;
Масловский В.И. – доктор исторических наук, профессор;
Новосельский Т.А. – доктор исторических наук, профессор;
Олейник А.И. – член Совета Организации ветеранов «Щит», участник боевых действий в Афганистане, юрист;
Поддубный Л.А. – доктор исторических наук, профессор;

Полищук В.В. – доктор политологии, кандидат юридических наук (Канада);

Струтинский Н.В. – участник партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны, публицист;

Табачник Д.В. – доктор исторических наук, профессор;

Ткаченко Г.С. – доктор философских наук, профессор;

Ткачук А.В. – кандидат юридических наук, доцент;

Федуняк А.М. – доктор юридических наук, профессор;

Хмель И.С. – доктор исторических наук, профессор;

Чубенко В.В. – публицист, ветеран внешней разведки СБУ;

Шелюг М.П. – историк, публицист, член Союза журналистов Украины;

Шиловцев Ю.В. – доктор исторических наук, профессор;

Яцко Б.А. – руководитель Центра защиты правды истории Великой Отечественной войны Организации ветеранов Украины, кандидат исторических наук.

* * *

Книга является ответом на националистическую интерпретацию истории ОУН и УПА, представленную в виде итогового документа рабочей группы правительственной комиссии, возглавляемой проф. Кульчицким С.В. В сборник вошли публикации историков, философов и юристов, в которых дается разносторонняя оценка деятельности ОУН и УПА.

Компьютерный набор – Бойко В.А.

Авторы выражают искреннюю благодарность товарищам В.Г.Воронцову, Ю.В.Петрову, Б.Е.Стекляру, В.А. Малёванному, С.С. Надееву, А.П. Шалоплуту, оказавшим практическую помощь в подготовке рукописи книги к изданию.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО <i>Грач Л.И.</i>	6
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ С ФАШИСТАМИ	16
Октябрьская революция на Украине и крах украинского национализма. <i>Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С.</i>	16
Украинская антисоветская эмиграция. УВО-ОУН. <i>Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С.</i>	43
Фашизм и русофобия – основа идеологии украинского национализма. <i>Ткаченко Г.С.</i>	69
Закарпатье – объект экспансии нацистов и предательство украинских националистов. <i>Федуняк А.М.</i>	80
Оуновское предполье гитлеровской агрессии. <i>Ткачук А.В.</i>	88
Украинское звено общеевропейского коллаборационизма. <i>Войцеховский А.А.</i>	97
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ – ПОСОБНИКИ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ	107
ОУН в начальный период оккупации. <i>Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С.</i>	107
УПА – детище абвера и ОУН. <i>Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С.</i>	129
14-я гренадерская дивизия СС «Галичина». <i>Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С.</i>	143
«Полесская Сечь» и атаман Тарас Бульба. <i>Шелюг М.П.</i>	159
Сговор «воюющих» сторон. <i>Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С.</i>	168
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. ВОЖДИ И ИДЕОЛОГИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА:	189
Н.Михновский. <i>Безродный Е.Ф.</i>	191
Д.Донцов. <i>Ткаченко Г.С.</i>	195
С.Петлюра. <i>Войцеховский А.А.</i>	200
Е.Коновалец. <i>Войцеховский А.А.</i>	213
А.Мельник. <i>Безродный Е.Ф.</i>	225

С.Бандера. <i>Безродный Е.Ф.</i>	232
Я.Стецько. <i>Безродный Е.Ф.</i>	242
Микола Лебедь: покликання – кат. <i>В.М.Мазаров.</i>	249
Бандеровские преступники: Р.Шухевич. <i>Поддубный Л.А.</i>	259
А.Шептицкий. <i>Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С.</i>	290

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. ТЕРРОР – ОСНОВНОЕ ОРУДИЕ

БАНДЕРОВЩИНЫ	294
---------------------------	-----

План «Ост» в нацистско-оуновском исполнении.

<i>Шелюг М.П.</i>	294
-------------------------	-----

Геноцид против поляков. <i>Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С.</i> ...	299
---	-----

Геноцид против евреев. <i>Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С.</i>	316
--	-----

Бандеровский террор в послевоенной Украине.

<i>Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С.</i>	326
---	-----

Жертвы бандеровского террора: Н.Ф.Ватутин, Н.И.Кузнецов,
Я.А.Галан, К.Сверчевский, Г.М.Костельник, В.И.Масловский.

Авторы: Войцеховский А.А., Зазулин Н.В., Гладков Т.К.,

Жуковский В., Струтинский М.В., Табачник Д.В.,

<i>Чубенко В.В., Олейник А.И.</i>	340
---	-----

Национализм – это болезнь. Однажды перенесенная, она возвращается, хотя и в мягкой форме. Ее скверная особенность состоит в том, что она может одурманить самую светлую голову.

П.И.Стучка

Лживых историков следовало бы казнить, как фальшивомонетчиков.

Сервантес

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Отгремели победные салюты в честь очередной годовщины «незалежности» Украины. И хотя недавно бушевали «оранжевые» страсти, этот день большим праздником считает, даже по данным института Разумкова, лишь пятая часть населения страны. А для жизни большинства соотечественников «суверенная» держава, как видно», «плохо оборудована». И, несмотря на смену президентского караула, обустроить ее в интересах большинства сограждан никто не собирается. Это и понятно, ведь Ющенко извлечен из той же колоды карт, в которой находились Кравчук и Кучма. И потому «оранжевый» революционер Ющенко, сохраняя эксплуататорскую природу политического режима, созданного его предшественниками, попытается подавить оппозицию, воплотить волю апологетов бандеровщины и создать в стране неонацистское государство с «человеческим лицом».

Если уж у «оранжевого» президента и есть что-то, что отличает от Кравчука и Кучмы, то это, прежде всего, безоговорочное послушание дяде Сэму. И в этом ничего удивительного нет: он – зять дяди Сэма (его жена, американка Катрин, по информации СМИ, поддерживала связи с ЦРУ) обласкан властями США и их натовских партнеров.

Выполняя их волю, он усиливает русофобский, антисоветский курс, который был начат национал-радикалами в период горбачевщины и усилен с обретением «суверенитета» Украины.

С приходом к власти «оранжевых» у национал-демократов, иначе необандеровцев, носителей фашизма, открылось второе дыхание. Они стали настойчиво требовать реабилитации ОУН и ее вооруженных формирований, всего националистического движения в годы Второй

мировой войны, которое было признано Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге коллаборационистским.

Известно, что Верховная Рада еще в 1993 году учредила специальную депутатскую комиссию для изучения этих ходатайств. В результате в 1996 году Верховная Рада приняла Закон «О правовом статусе ветеранов Великой Отечественной войны». Последними были признаны не только воины Советских Вооруженных Сил, а и отдельные боевики УПА, воевавшие против фашистских оккупантов и не совершившие преступлений против народа.

Однако это не остановило национал-экстремистов – они продолжали настаивать на тотальной реабилитации ОУН-УПА, признании УПА воюющей страной, и приравнивали боевиков УПА в правовом отношении к участникам Великой Отечественной войны.

Для решения этого вопроса Верховная Рада в 1996 г. создала Правительственную Комиссию с рабочей группой, состоящей в основном из научных работников Института истории Украины НАН. Рабочей группе, которую возглавил заместитель директора Института проф. С.В.Кульчицкий, поручалось выработать объективную и научно обоснованную оценку деятельности ОУН-УПА и представить ее на рассмотрение парламенту.

В 2002 году рабочая группа опубликовала промежуточные результаты своей работы. Опираясь на этот документ, адвокаты бандеровщины предложили принять закон «О гражданском примирении участников Второй мировой войны», воевавших по обе стороны советско-германского фронта и уравнивать их в правовом отношении к участникам Великой Отечественной войны. В направленном в парламент проекте этого закона предлагается: признать борьбу Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии «за свободу и независимость Украины в период с 1939 года до середины 50-х годов» национально-освободительной войной; признать деятельность УПА и ОУН в 1941-1952 годах движением сопротивления оккупационному режиму и «тоталитарному» режиму бывшего Союза ССР и Украинской ССР; признать «ветеранами движения сопротивления» членов ОУН и бойцов УПА, которые, как известно в период Второй мировой войны и послевоенные годы вели вооруженную борьбу против конституционного строя в Украине.

В июле 2005 года рабочая группа проф. Кульчицкого опубликовала результаты своей деятельности в форме так называемого «фахового

висновку» и «Историчного нарису «Організація українських націоналістів і українська повстанська армія».

Как и следовало ожидать, рабочая группа С.Кульчицкого, состоящая в основном из историков националистической ориентации, солидаризировалась с национал-экстремистами, отбросила в сторону все факты и обстоятельства, уличающие их в предательстве национальных интересов украинского народа, в сотрудничестве с нацистскими спецслужбами и в массовом уничтожении населения Украины и других стран, входивших в антигитлеровскую коалицию. Группа С.Кульчицкого игнорировала материалы Международного Военного Трибунала в Нюрнберге и многочисленных национальных трибуналов, в которых раскрывается подлинная подоплека оуновско-нацистского сотрудничества, приводятся конкретные факты их совместной преступной деятельности, направленной на уничтожение СССР и построение на его развалинах «нового порядка».

Обойдены вниманием трофейные документы Абвера и других нацистских спецслужб, архивные документы советских органов Госбезопасности и внутренних дел, советских Пограничных и Внутренних войск, Министерства обороны СССР, в которых зафиксированы конкретные факты бандеровско-нацистского сотрудничества.

Историки с националистическим уклоном, к примеру, не придали значения такому факту, что при разгроме Советскими войсками группировки УПА на Ровенщине в апреле 1944 г. были пленены 65 немецких военнослужащих, действовавших в составе структурных подразделений УПА.

Этот факт приведен в сборнике документов «Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В сборнике также есть заявление одного германского военнопленного о связях командования германского вермахта с командованием УПА в деле совместной борьбы против Красной Армии и советских партизан.

Той же фальшивой пробы «признания» авторов рабочей группы, касающиеся «контактов» бандеровцев с немцами. Они-де, хотя и имели место, но только на индивидуальном уровне. Примерно так: приносит бандеровец командованию вермахта информацию о советских воинских частях и получает за это оружие. А о том, что поставка немецкого вооружения УПА была регулярной и к тому же в крупных размерах в документах «рабочей группы», в отличие от трофейных документов, не сказано ни слова.

Вот лишь фрагмент из трофейного немецкого документа от 23 марта 1944 года, в котором содержится стенограмма беседы члена Центрального провода ОУН-б Герасимовского с гитлеровским сановником в дистрикте «Галиция» оберштуршбармфюрером СС Витиской:

«...ОУН (группа Бандеры) обязуется представить в распоряжение полиции безопасности все разведанные о большевизме, коммунизме и о польском движении сопротивления. Кроме того, ОУН готова сотрудничать с немцами во всех военных областях, которые окажутся необходимыми в борьбе против общего врага (большевизма). С целью обеспечения интенсивности ведения боевых действий против общего врага ОУН желает, чтобы немцы конспиративным путем поставляли ей боеприпасы, оружие и взрывчатку. Доставка оружия и диверсионных материалов с немецкой стороны через линию фронта в боевые подразделения УПА должна осуществляться по всем правилам конспирации, чтобы не дать повода большевистскому режиму выставить оставшихся за линией фронта украинцев как германских пособников и агентов и отреагировать соответствующими акциями по истреблению... ОУН желает впредь вести переговоры и заключать соглашения лишь централизованно, и чтобы партнером по переговорам с германской стороны была по возможности полиция безопасности, так как она знает правила конспирации и умеет их использовать, в то время, как другие инстанции и заведения такими знаниями не владеют» (ЦГАВОВУ Украины, ф. 4628, оп. I, д. 9, л. 2).

Архивные документы отмечают содержащиеся в итоговых документах рабочей группы утверждения, что бандеровцы якобы защищали украинских крестьян от «незаконного» изъятия оккупантами скота, птицы и иного добра. Как видно из иллюстрированного в данной книге приказа командования 13 армейского корпуса вермахта, оуновцы не препятствовали оккупантам изымать скот и птицу и иное имущество для потребностей вермахта, а лишь поставили условие: такие действия законны, если совершаются в присутствии сельского старосты (украинца). И немцы приняли это условие, чтобы поддержать авторитет «союзника» и избежать впредь ненужных эксцессов. И все же эксцессы не прекратились, о чем без всяких обиняков сказано в донесении командира филиала Тернопольской тайной полиции командиру охранной полиции и СД в дистрикте «Галиция» оберштурмбармфюреру СС доктору Витиске от 22 мая 1944 г. «За отчетный период, – говорится в донесении, – в подведомственном округе политическая обстановка заметно успокоилась.

Не отмечается нападений на немцев, прекратились убийства поляков. Как уже отмечалось в нашем донесении от 16 мая 1944 года, УПА отдала распоряжение прекратить всякие нападения на немцев. Это распоряжение, по всей видимости, строго выполняется. Даже рабочая сила для выполнения дорожно-строительных работ выделяется безоговорочно... Приводятся примеры: секретарь общины Вирцбов, округ Бжежаны, заявил, что мы все должны стремиться к взаимопониманию с УПА. Трудящийся крестьянин, и в первую очередь администрация сельских общин, чаще и больше всего страдают от бесчинств со стороны УПА» (ЦГАВОВУ Украины, ф. 4628, оп. I, д. 9, л. 2 и далее).

Именно на почве ограбления крестьян солдатами вермахта возникали инциденты, сопровождаемые применением оружия. Другой причиной вооруженных инцидентов между солдатами вермахта и боевиками УПА было отсутствие у последних опознавательных знаков, из-за чего немцы неоднократно принимали упавцев за советских или польских партизан, но в каждом случае они заканчивались миром сторон. Квалифицировать их как боевые действия УПА против немцев так же абсурдно, как и отрицать союзнические отношения между ними.

Однако, как бы не старались члены группы С.Кульчицкого представить УПА вооруженным формированием украинского народа, боровшимся «за волю Украины» против немецких и советских «оккупантов», она была и остается в памяти народной бандой «резунов» и «сокирников», лишившей жизни десятки тысяч людей, «вина» которых состояла лишь в том, что они были законопослушными гражданами своего государства и не признавали власти самозванцев, выполнявших указания из Берлина.

Если характеризовать УПА на основе всех собранных о ней документальных данных, то следует, прежде всего, отметить, что ее основу составили бывшие legionеры карательных батальонов «Нахтигаль» и «Роланд», прошедшие выучку вначале в нацистской Германии, а в течение всего 1942 года – в Белоруссии в составе шутцманшафт-батальона 201, проводившего карательные акции против белорусских партизан. За особые заслуги командиры этого батальона Побигущий и Шухевич были награждены гитлеровскими орденами и повышены по службе: майор Побигущий стал командиром полка дивизии СС «Галичина», а майор абвера и СС Шухевич стал командиром УПА в звании генерал-хорунжий.

Документально подтверждено, что все основные звенья в УПА заняли, как и Шухевич, офицеры германской разведки, СС и гестапо. Вербовку рядовых крестьян в УПА осуществляла в основном бандеровская служба безопасности с помощью националистических пропагандистов и греко-католического духовенства. Уклонявшиеся от вступления в УПА подвергались жесточайшим наказаниям, вплоть до отрубания головы, как это видно из бандеровских документов, фотокопии которых публикуются в данной книге. Жестоким наказаниям подвергались и ближайшие родственники «дезертира». Так что назвать УПА добровольческой и к тому же всеукраинской могут только люди, некритически относящиеся к тому, что пишут об УПА сами его доброхоты в лице Петра Мирчука, автора «Літопису УПА».

Как известно, основной контингент боевиков УПА составляли галичане. Однако в ней находились предатели, дезертиры и военнопленные красноармейцы. Об этом поведал Сергей Чуев в своей книге «Проклятые солдаты. Предатели на службе «третьего рейха» (Москва, 2000 г.) В «УПА были и немцы» – примерно 200 человек. О судьбе последних пишет французский историк и публицист Ален Герэн в своей книге «Серый генерал». В 1946-1947 годах, когда УПА оказалась в катастрофическом положении, бандеровская служба безопасности тайно отправила всех немцев в «лучший мир» с целью избавиться от них как от вероятных свидетелей «освободительных» акций УПА.

Прямо скажем: именно в эти годы у бандеровцев что называется земля горела под ногами от народного гнева. Уже в предшествующие годы многие из тех, кто осознал подлинную антинародную роль УПА, покинули ее ряды. Во второй половине 1944 года и в течение всего 1945 года бежали из УПА и явились с повинной в органы Советской власти 55 тысяч человек. (См.: Без срока давности. Харьков, 2001. С. 301.) В бандах УПА остались только лица с криминальным прошлым, которым не светило никакое избавление от уголовного наказания.

Те же, кто фанатично верил в слова Дмитрия Донцова «Державність України може повернути лише інтервенція чужих держав», жили надеждой на войну и на вторжение в Украину войск НАТО.

Тяжкие злодеяния ОУН-УПА, совершенные на украинской земле и на территории сопредельных государств не дают права кому бы то ни было и, прежде всего историкам, называть УПА народной, добровольческой и к тому же освободительной. Та «самостійна Україна», за которую она боролась против «собственного» народа и лишила жизни сотни тысяч людей, была ни чем иным, как проекцией тоталитарного

фашистского государства, свободного лишь от «чужонациональных домішок» и малейших признаков демократии, в котором право на власть принадлежало бы только ОУН во главе с ее вождем, который по примеру германского нацизма совмещал бы в одном лице функции лидера ОУН, главы правительства и главы государства. (См.: Енциклопедія українознавства. Т. 5. С. 1725).

УПА, как мы уже отметили, не была ни народной, ни добровольческой. Просто она была вооруженным отрядом бандеровской ОУН, преследовавшей узкокорыстные цели этой политической монопартии, претендовавшей на монопольную власть в Украине.

А что касается «научной» ценности работ членов группы Кульчицкого, в частности А.Кентия, автора книг «Нариси Організації українських націоналістів 1929-1941», «Нариси Організації українських націоналістів 1941-1942 рр.», «Українська повстанська армія в 1944-1945 рр.», «Українська повстанська армія в 1945-1952 рр.» Все эти работы изданы в 1999-2000 годах Институтом истории Украины НАН в редакции С.Кульчицкого. Они насыщены архивными материалами, но эти материалы отобраны с таким расчетом, чтобы не выдать тайну негласного сотрудничества главарей ОУН и «старшин» УПА с нацистскими спецслужбами. Бандеровщина представлена в работах Кентия, а тем более самого Кульчицкого, как самостоятельное движение, якобы выражающее «вековые чаяния украинского народа к независимому государственному существованию». Антинародная сущность этого движения, его коллаборационизм, предательство старательно завуалированы.

Так, описывая возникновение ОУН и решения Учредительного съезда ОУН, состоявшегося в Вене в 1929 году, А.Кентий в «Нарисах історії ОУН 1929-1941 р.р.» обошел молчанием тот общеизвестный факт, что ОУН с самого своего основания была организацией тоталитарной, фашистского толка. Глава этой организации Евгений Коновалец имел такие же властные полномочия, как и фюрер НСДАП. Любое его решение имело силу закона и не подлежало обсуждению. А это, в силу его приверженности к Гитлеру, позволило ему поставить всю Организацию украинских националистов на службу «третьему рейху» в качестве резидентуры абвера. Данный факт вскрылся на Нюрнбергском судебном процессе по делу главных нацистских преступников. Всех неугодных и подозрительных Коновалец изгонял из ОУН. Такие же неограниченные полномочия имели все нижестоящие «проводники». В частности, им предоставлялось право «окончательного и неотлага-

тельного» решения, что привело к кровавым чисткам как внутри самой ОУН, так и к «межпартийным» разборкам (после раскола ОУН на фракции бандеровцев и мельниковцев), унесшим жизни тысяч членов ОУН и их «позапартийных» противников. В числе жертв бандеровщины основатели ОУН и активные участники фракции мельниковцев Микола Сциборский, Омелян Сенник-Грибивский, Роман Сушко, Ярослав Барановский. Немало людей было погублено в ходе акций бандеровцев, пытавшихся насильственным путем включить в УПА «Полесскую Сечь» Тараса Бульбы-Боровца.

Вопреки этим историческим реалиям, некоторые «национально сознательные» историки твердят о едином антинемецком фронте украинских националистов. Один из них – Анатолий Русначенко, автор книги «Народ збурений» (Львов, 2002 г). Первый раздел своего труда он озаглавил «Антинімецький фронт визвольного руху», хотя никогда такого фронта не существовало. Оуновцы и гитлеровцы составили единый для них антисоветский антибольшевистский фронт.

В 1930-е годы Коновалец и некоторые его соратники побывали в США и Канаде. В работах А.Кентия этот визит главаря ОУН и его свиты подается как «пристойный и логичный», что на деле не было ни тем, ни другим. Созданные главарями ОУН на американском континенте украинские националистические организации занимались не только шпионажем в пользу нацистской Германии, но и похищением людей с целью наживы. Так, в ноябре 1938 года в Нью-Йорке разразился сенсационный скандал, подхваченный средствами массовой информации. Полиция и ФБР нашли виновников исчезновения Норманна Миллера, Артура Фрида и других американских граждан. Похитителями и убийцами оказались длительное время проживающие в США украинцы Дмитрий Гула, Иосиф Сакода, Василий Декниса, Дмитрий Варга. Все они были членами созданной одним из главарей ОУН Сенником-Грибивским «Организации возрождения Украины». Организация занималась не только шпионажем в пользу Германии, но и сбором денежных средств на нужды ОУН путем незаконного обложения налогами эмигрантов-украинцев. Более солидные суммы они получали от родственников похищенных ими американцев, а в случае отказа, – уничтожали их. В ходе следствия по этому делу, как пишут американские авторы Майкл Сайерс и Альберт Кан в своей книге «Тайная война против Америки», вскрылись довольно любопытные детали, касающиеся деятельности ОУН. Дмитрий Гула совместно со своими сообщниками занимались сбором средств в кассу ОУН путем страхования людей на

большие суммы, затем застрахованных убивали и получали страховку. Кончилось это дело арестом еще одного американского украинца – капитана вооруженных сил США, уличенного в шпионаже в пользу фашистской Германии и передаче секретной информации Сенику-Грибивскому, действовавшему от имени и по поручению провода ОУН. Сенику-Грибивскому удалось избежать ареста – он спешно покинул США.

В эти годы СМИ сообщали о бесчинствах украинских националистов в Канаде, Аргентине и других странах американского континента, где они совершали бандитские нападения на демократические организации, вели разнузданную фашистскую агитацию и пропаганду, прославляли Гитлера и его нацистский режим в Германии.

Е.Коновалец как резидент германской военной разведки осуществлял руководство всеми звеньями ОУН, где бы они не находились (в США, Канаде, Аргентине и других странах) и вели подрывную работу в пользу Германии. Уличенный в шпионаже Коновалец был выдворен из Польши и Швейцарии, о чем сообщалось во многих средствах массовой информации, и о чем А.Кентий не счел нужным упомянуть в своих трудах.

Сегодня рудименты бандеровщины дают о себе знать в бесконечных попытках отдельных националистических организаций навязать украинскому народу идеологию украинского национализма, разрушить сложившиеся добрососедские отношения с Россией и Белоруссией, втянуть Украину в агрессивный блок НАТО, ликвидировать все демократические завоевания советской эпохи. С приходом к власти «оранжевых» демократов НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ проявления во внешней и внутренней политике еще больше обострились: ведется неприкрытая расправа с оппозицией, оказывается моральное давление на ветеранов Великой Отечественной, не желающих примириться с фашистскими пособниками, отказывающимися признать свою вину перед народом и добивающимися любой ценой стать вровень с ветеранами войны, защищавшими Родину на фронтах Великой Отечественной войны.

Выражая протест против такого невиданного глумления над исторической правдой, скорбя о миллионах жизней, загубленных оуновцами, Киевское историческое общество совместно с учеными Центра защиты правды истории Организации ветеранов Украины подготовило Сборник трудов, раскрывающих подлинную сущность украинского интегрального национализма во всех проявлениях, начиная

с крушения национализма на Украине в годы Октябрьской революции и гражданской войны, превращения его в разновидность эмигрантского фашизма и кончая пособничеством гитлеровской Германии и американскому глобализму.

Сборник состоит из 8 разделов и приложения. Каждая статья помечена именем автора и датой опубликования.

Хочется верить, что данный труд поможет украинской исторической науке найти правильное, документально обоснованное решение проблемы ОУН-УПА.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ С ФАШИСТАМИ

Войцеховский А.А., Ткачен ко Г.С.

Октябрьская революция на Украине и крах украинского буржуазного национализма

Великая Октябрьская Социалистическая революция не только «потрясла мир», но и стала необычайно мощным локомотивом прогресса на планете в XX столетии. Вдохновителем и организатором революции выступила партия большевиков во главе с В.И.Лениным. Творчески применяя и развивая дальше марксизм – «науку побеждать» в классовой борьбе, она разработала такую стратегию и тактику в революции, которые и поныне остаются образцом стратегии и тактики для всех коммунистических партий мира.

Политическая линия ленинской партии выразила многовековые чаяния рабочего класса и трудового крестьянства многонациональной России, вызвала у них взрыв революционной страсти и обеспечила победу в классовой борьбе – установление власти трудящихся в форме республики Советов.

История Октября постоянно подвергается фальсификации со стороны идеологов буржуазии и ее «троянских коней» – оппортунистов. Эти фальсификации, которые с течением времени становятся все более изощренными и коварными, мешают трудящимся, коммунистам во всей полноте понять величие идей Октябрьской революции и извлечь уроки из ее исторического опыта.

Одним из первых, кто начал искажать содержание и характер Октябрьской революции были украинские буржуазные националисты: председатель Центральной рады (с марта 1917 г. по апрель 1918 г.) М.Грушевский, премьер Центральной рады и один из лидеров Директории В.Винниченко, деятели Центральной рады, Гетманата и Директории Д.Дорошешко, Е.Мартос, И.Мазепа, В.Липинский, А.Шульгин, П.Христюк и другие.

Так, основатель буржуазно-националистической историографии М.Грушевский в своей «Ілюстрованій історії України з додатком Нового періоду Історії України за роки від 1914 до 1919» рассматривает события на Украине исключительно через призму «государственно-творческой» деятельности Центральной рады, которая в ответ на

сообщение из Петрограда о свержении Временного правительства ответила фарисейским провозглашением Украинской Народной республики. Революционный переворот в Петрограде Грушевский представляет как событие локального характера. Он и словом не обмолвился о Втором Всероссийском съезде Советов, каждый пятый делегат которого являлся представителем украинского народа, и который заявил о переходе государственной власти в Центр и на местах к Советам народных, солдатских и крестьянских депутатов.

Борьба трудящихся Украины за установление Советской власти выдается Грушевским за «проявления большевистской инвазии». Под давлением фактов он все-таки признает, что «все время Украина жила в состоянии внутренней борьбы», но замалчивает, что это состояние было обусловлено банкротством Центральной рады, которая до последнего своего дня (29 апреля 1918 г.) противодействовала проведению в жизнь декретов о мире, земле, отмене капиталистической собственности на фабрики и заводы, принятым Вторым Всероссийским съездом Советов. Главную причину падения Центральной рады Грушевский объясняет «военной интервенцией с Севера».

Необъективность Грушевского проявилась и в том, что Первый Всеукраинский съезд Советов, который в декабре 1917 года, выражая волю трудящихся масс, провозгласил себя высшим органом власти на Украине и избрал рабоче-крестьянское правительство, он называет фальшивым, а части Красной Армии, освободившие Харьков, а со временем и Киев от буржуазно-националистического отребья, – не иначе как «большевистскими бандами» [1].

Описание исторических событий, связанных с Октябрьской революцией, М.Грушевский строит на основе им же изобретенной антинаучной схемы, суть которой составляют теории «исключительности» украинского народа, «отрубности» его истории от исторических путей русского и белорусского народов, «безбуржуазности» украинского общества, «единого потока».

Еще до Октябрьской революции передовые деятели украинской культуры увидели, что историография М.Грушевского и его единомышленников оказалась в тупике и носит реакционный, шовинистический характер. Не случайно И.Франко в ноябре 1915 г. решительно выступил против того, чтобы «на разных языках толочь и перемалывать фальшивые исторические конструкции проф. М.Грушевского, слабость и непрочность которых уже теперь чувствует каждый историк» [2].

Грушевский утверждал, что эксплуататорами в Украине являются чужеземцы – русские, евреи, поляки. Он не замечал того, что в условиях капитализма нации социально разделены на две части – на эксплуататоров и эксплуатируемых. Направляя свой гнев против чужеземцев, Грушевский прикрывал эксплуатацию украинского народа, чинимую собственными паразитами – украинскими буржуа в лице Яхненко, Терещенко, Семиренко, Кочубея, Рымаренко и тысячами таких, как они. Подобные утверждения в свое время остро осудил П.Грабовский – украинский революционер-демократ. «Наибольшей несусветицей, – писал он в 1900 г., – есть то, что Украина, якобы была когда-то единым, неделимым телом, с точки зрения национальных интересов..., как хотят утвердить наши псевдопатриоты, – такой Украины никогда не существовало и не существует... Сказать, что украинский шляхтич, иерарх или казак следовал к той же цели, что и посполитые, что все они были заняты одними мыслями и делами, одинаково боролись за украинскую идею, – значит тешить себя и читателей сказками, закрывая глаза на события действительной жизни, закрывать уши, чтобы не слышать голос науки и разума» [3].

Грушевский сознательно закрывал глаза и уши на выявленный переписями населения за 1987 и 1913 годы факт, что основная масса национальных богатств на Украине (и особенно пахотных земель) находилась в руках украинских помещиков, фабрикантов и заводчиков. Основную двигательную пружину общественного развития он видел в межнациональных антагонизмах, и поэтому не переставал внушать своим слушателям и читателям, что Россия-де является врагом Украины, и что все напасти идут с Севера.

Несколько более объективным в описании революционных событий на Украине оказался один из экс-премьеров Директории Исаак Мазепа. В своей трилогии «Україна в огні й бурі революції» он не обходит молчанием факты о выступлениях трудящихся Украины против Центральной рады, хотя и пытается обвинить в этом российских большевиков, увлекавших обездоленных крестьян и рабочих своими социалистическими призывами. «Революция началась и развивалась, – писал он, – под знаком идей демократии и социализма, которые были чрезвычайно популярными в массах. Лозунги «Земля и воля», «Демократическая республика», «Вся власть Советам!» господствовали над всеми другими. С недемократическими и несоциалистическими призывами нельзя было показаться на люди. Влияние буржуазных партий быстро свелось почти к нулю. Словом, уже в первой стадии

революции, во времена власти Львова и особенно Керенского стала почти невозможной какая-нибудь более широкая политическая работа вне лозунгов и программ социалистических партий, которые большей частью стояли на почве демократического переустройства бывшей царской империи». По этим причинам, по свидетельству И.Мазепы, – буржуазно-националистические партии, входившие в состав Центральной рады, начали срочно перелицовываться в социалистические. Что до «малосознательных народных масс», то они, по словам Мазепы, пошли за привлекательными лозунгами большевиков»... «Власть Центральной рады с каждым днем начала утрачивать почву под ногами» [4, т. 1, с. 13].

Не ясно ли, что украинский народ был заряжен тем же революционным духом, что и российский народ. Как свою родную он принял большевистскую программу социалистического переустройства общества и отверг домогательства буржуазных националистов сохранить анти-народный буржуазный строй.

У трудящихся Украины проявился классовый инстинкт. Они быстро разобрались в том, что Центральная рада лишь по названию состоит из представителей социалистических партий, на деле же в Раде господствовали представители буржуазных и мелкобуржуазных партий. Об этом откровенно заявил не кто иной, как лидер партии украинских социал-демократов и глава правительства Центральной рады Владимир Винниченко. «Мы понимали революцию, – пишет он в трилогии «Відродження нації», – как буржуазно-демократическую. Мы никоим образом не покушались на буржуазно-демократический строй и поэтому со стороны несоциалистических элементов не могли встретить никакого сопротивления себе. МЫ В СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЫЛИ ТОЛЬКО РЕСПУБЛИКАНЦАМИ и ДЕМОКРАТАМИ, А НЕ СОЦИАЛИСТАМИ (выделено нами – Ред.) (Но только республиканцами и демократами были и те самые «социалисты» – меньшевики и эсеры, которые так боялись нашей социалистичности»» [5, т. 1, с. 12-13].

Продолжая эту мысль, Винниченко далее заметил, что не были «социалистами меньшевики и эсеры», которые так рьяно поддерживали Временное буржуазное правительство России.

Классовое родство Украинской Центральной рады и Временного правительства в Петербурге проявлялось в политике этих властных структур. После Февральской революции Центральная рада выполняла роль краевого органа Временного правительства, что нашло отражение в первых двух универсалах.

Центральная рада поспешила проявить солидарность с Временным правительством, которое с согласия меньшевистско-эсеровских Советов расстреляло 4 июля мирную демонстрацию рабочих Петрограда. В телеграмме Генеральный секретарь Центральной рады заверял Временное правительство в своей «энергичнейшей поддержке» «против попыток большевиков свергнуть власть законного коалиционного министерства».

Как и Временное правительство, Центральная рада оказалась неспособной решить ни одного сколько-нибудь значительного вопроса для судеб Украины. Она не дала народу ни мира, ни земли, ни свободы. Украинские войска, поддерживавшие Центральную раду, продолжали бессмысленную войну «до победного конца», к чему их призывал военный министр Симон Петлюра. Крестьяне не получили обещанную землю, общество в целом – свободу от эксплуатации. Центральная рада, по словам И.Мазепы, «при всех своих патриотических чувствах... плелась в хвосте революционных событий, не имела ясного плана и твердой воли». Отсутствие ясного взгляда на дела у деятелей Центральной рады, по словам того же автора, «проявилось особенно ярко при решении земельного вопроса на Украине» [5, т. 1, с. 31]. Правительство Центральной рады подготовило проект земельного закона, согласно которому земля оставалась в руках помещиков и кулаков. Изъятию подлежала лишь та земля, которая превышала норму в 40 десятин. И неслучайно этот проект, узаконивавший помещичье и кулацкое землевладение, был отвергнут крестьянами Украины.

Такой же классовой логике следовала Центральная рада в отношении к империалистической войне. Вместе с Временным правительством она выступала за ее продолжение до победного конца. Этот антинародный курс Центральной рады согласовывался с характером внешней политики стран Антанты, особенно Англии и Франции, которые за участие в войне против Германии и Австро-Венгрии обещали финансовую и техническую помощь «для организации и возрождения Украины». В силу этого, – отмечает Мазепа, – «к сепаратным переговорам с Германией и Австрией Центральная рада приступила уже только после того, как российская большевистская власть начала в ноябре переговоры с Центральными государствами и в конце декабря 1917 года подписала с ними перемирие на фронте. Все это сеяло неудовлетворение в украинских массах и укрепляло почву для большевистской пропаганды в Украине» [4, т. 1, с. 32-33]. А в конечном счете Центральная рада и представляющие ее буржуазные и мелко-

буржуазные партии, как отмечает О.Субтельный, «утратили связь с массами» [6, с. 428].

Одним из главных направлений «государственно-творческой деятельности» Центральной рады стало создание национальных вооруженных сил. Летом 1917 г. около 300 тысяч украинских солдат, проходивших службу в российской армии, под воздействием националистической пропаганды реорганизовались во «всеукраинские» формирования и приняли присягу на верность Центральной раде.

Однако создание вооруженных сил Украины оказалось в руках авантюристов, которых больше всего занимала собственная карьера. На данное обстоятельство обратил внимание в своих мемуарах бывший министр Центральной рады и гетманского правительства Дмитро Дорошенко. Во главе армии, пишет он, стали люди «не сумевшие отделить военное дело от партийных задач и внесшие в формирование украинской армии все дурные приемы дешевой демагогии и узкого политиканства. Во главе генерального секретариата по военным делам стал С.В.Петлюра, человек штатский, имевший к военному делу лишь то отношение, что с 1916 г. он состоял помощником уполномоченного земского союза на Западном фронте. Он окружил себя молодыми прапорщиками военного времени, матросами, писарями, военными чиновниками – это и был штат неокрепшей армии. Ко всем старым офицерам, хотя бы они были и чистокровными украинцами, Петлюра и его ближайшие помощники относились с глубоким недоверием. Шли по большей части авантюристы, вроде полковника Капкана (командира первого украинского полка имени Б.Хмельницкого), форменного бандита-полковника П-ка, типичного проходимца и авантюриста штабс-капитана Б-го и прочих... Понятно, что такие люди ничего прочного создать не могли,... в распоряжении Центральной рады находились осенью 1917 года всего несколько «полков», представлявших из себя скорее отряды партизан под командою своих атаманов, чем регулярные войсковые части. Эти дружины удальцов, носившие трескучие названия: «Полк имени гетмана Сагайдачного», «Полк имени Дорошенко», «Полк имени Грушевского» и т.д. – не выдержали, пробы при первом же серьезном испытании» [7].

Во время январского (1918 г.) восстания киевских пролетариев все перечисленные полки, не желая проливать кровь ради спасения Центральной рады, объявили нейтралитет. Вследствие чего войско Центральной рады, насчитывавшее в своих рядах к тому времени 20 тысяч человек (О.Субтельный указывает 15 тысяч человек) и состоявшее

в основном из сечевых стрельцов, ополчения «вольных казаков» и галичан, бывших военнопленных, не смогло остановить такие же примерно по численности советские войска, шедшие из Харькова на выручку восставшим пролетариям г. Киева.

«Куда же поделись те 300 тысяч бойцов украинизированных отрядов, которые летом присягали Центральной раде?» Отвечая на этот вопрос, О.Субтельный отмечает: «Большинство из них возвратилось в свои села, заняв нейтральную позицию, между прочим как и некоторые из тех, которые оставались под ружьем. Часть перешла к большевикам» [6, с. 433].

Иначе осуществлялся процесс создания Красной Армии в Украине, во главе которой стояли большевики. Сразу после революции при формировании воинских частей строго выдерживался принцип добровольности. Добровольцы – сознательные защитники дела Октября, интересов трудового народа и составили ядро вооруженных сил Советской Украины. Первой воинской частью революционной рабоче-крестьянской армии Украины стал полк «червонного казачества», формирование которого началось в декабре 1917 г. по решению Украинского Советского правительства. Центром сосредоточения вооруженных сил для защиты и закрепления победы социалистической революции на юге стал Харьков – первая столица Советской Украины.

5 января 1918 года по приказу Народного Секретариата Советского правительства Украины началось решительное наступление украинских советских частей («червонных казаков») совместно с вооруженными отрядами рабочих, прибывших из центральных районов страны, против войск контрреволюционной Рады. Одновременно развертывалось наступление советских войск против каледицев в направлении Донецкого бассейна. К этому времени Советская власть была установлена в большинстве районов Донбасса, в Екатеринославе, Николаеве, Полтаве, Херсоне, Одессе и других крупных городах Украины.

Советские войска по пути следования из Харькова на Киев через Полтавщину и Черниговщину обрастали все новыми и новыми отрядами добровольцев. В боях за освобождение Киева от Центральной рады наряду с первым полком Червонного казачества под командованием Виталия Примакова участвовали два отряда Петроградских красногвардейцев, первый Московский революционный отряд, первый Минский революционный отряд, отряд моряков Черноморского флота под командованием А.Полупанова, красногвардейцы Донбасса под командованием шахтера Д.Жлобы, красногвардейцы других городов Украины,

латышские стрелки во главе с Берзином. Их общая численность, как свидетельствуют архивные документы, не превышала 6500 чел. [8, т. 1, с. 290]. В то время Центральная рада, располагая 20-тысячным войском, сосредоточила в Киеве 12 000 солдат, которые имели много пушек и пулеметов [9].

Идейное руководство советскими войсками осуществляли большевики Виталий Примаков и Юрий Коцюбинский. К тому же Ю.Коцюбинский в должности Главнокомандующего войсками Украинской республики руководил всеми боевыми операциями по освобождению Киева от буржуазно-националистической контрреволюции, а Ю.Примаков являлся Чрезвычайным комиссаром по борьбе с контрреволюцией [10].

26 января 1918 года советские войска овладели городом Киев. За несколько дней перед этим сечевые стрельцы под командованием Е.Коновальца и гайдамаки С.Петлюры жестоко подавили восстание киевских пролетариев против Центральной рады. Более 1500 человек были повешены, расстреляны, заколоты штыками. О таких кровавых событиях Субтельный и другие украинские историки предпочитают умалчивать. Зато не жалеют красок для очернения «большевиков», которые разбились на дальних подступах к Киеву отряд киевских добровольцев, состоявший из юнкеров, студентов и гимназистов. По этому поводу «новые украинцы» ежегодно устраивают траурные митинги и заупокойные молебны с целью прославления «павших героев» и проклятья «московских оккупантов». Действительные же обстоятельства гибели «молодых украинских патриотов», чтобы не предстать в невыгодном свете, националисты скрывают от народа.

Но у националистов бывают и минуты откровения. Такой миг пережил и Д.Дорошенко. В статье «Памяти тех, что полегли под Крутами», которая была опубликована в 1918 году в газете «Украинское слово» и еще ни разу не переиздавалась в «независимой» Украине, Дорошенко пишет: «...Случилось это 17 января 1918 года по старому стилю... Когда враг стоял уже под Бахмачем, некого было послать для обороны этого важнейшего стратегического пункта, т.е. настоящего «ключа к Киеву». Те «миллионы штыков», на которые еще летом думала опереться Центральная рада, давно развеялись как дым. Стояли, правда, в Киеве полки, носившие гетманские имена: был полк Хмельницкого, полк Сагайдачного, полк Дорошенко, был даже полк Михаила Грушевского. Но они, сбитые с толку и деморализованные, провозгласили «нейтралитет». В Киеве было много «сознательной» интеллигенции, но жертвовать своими головами она не умела или не

хотела: только десятки со всего количества приняли участие в борьбе на киевских улицах. Но была молодежь... Она не имела в душе наших сомнений и колебаний. Она не видела разницы между словом и делом. Такой молодежи было немного. Когда настал критический момент «Вспомогательный студенческий курень» один за два дня собрался и двинулся по Бахмач. Были тут студенты университета и гимназисты. Многие из них убежали из дома, ибо боялись прощания с отцом-матерью, чтобы их слезы не удержали их дома. Большинство из них перед этим не держало в руках винтовки, в глаза войны не видело. Знали ли те, кто посылал этих детей, что посылают их на убой? Сами они, даже если и знали, что идут на смерть, шли не колеблясь. Направляющими среди них были «украинизированные» (т.е. петлюровские – Ред.) офицеры, которые играли в карты и пьянствовали в своем вагоне, в то время как враг был уже совсем близко, наседавал на станцию Круты. Увидев это, офицеры гаркнули машинисту, чтобы он двигал к Киеву, и сбежали, даже не предупредив своих солдат. И те, кто успел на ходу догнать поезд, спаслись, а тех, кого застигли в десятки раз превосходящие по численности и силе враги, замордовали, не просто убили, а зверски замучили. Это и была «трагедия под Кругами», о которой мы со всем этим горем, которое было потом, вроде бы и позабыли».

Небольшое дополнение к статье Дорошенко вносит Наталия Полонская-Василенко в своей двухтомной «Історії України», впервые изданной в Мюнхене в 1976 г. «Бахмач защищал отдел киевских юнкеров, – пишет она. В помощь им пришел из Киева отдел студентов – 300 штыков: они были уничтожены под Кругами 28 января» [11, с. 479]. Однако никто из «новых украинцев» даже не упоминает, что оплакиваемые ими юноши на гибель были обречены пославшей их на войну Центральной радой и предавшими их на поле боя петлюровскими офицерами. Последние, возвратясь в Киев, «смывали» свой позор кровавыми расправами над восставшими рабочими, издевательствами над ранеными, женщинами и детьми. Впоследствии они были непременно участниками еврейских погромов, унесших сотни тысяч жизней.

Как мы уже отмечали, вооруженные силы Советского правительства Украины неизменно росли и крепили при самой горячей поддержке со стороны трудящихся, поднявшихся на борьбу против националистической Центральной рады, за установление Советской власти. В то же время вооруженные силы контрреволюции разлагались и редели. Аргументы наших оппонентов, что причиной разложения вооруженных формирований

националистов якобы была большевистская пропаганда, весьма поверхностны и туманны. Их опровергнуть счел нужным даже В.Винниченко. «Мы тогда, когда склонность масс к нам угасала и умирала, – писал он, – поясняли это большевизмом. Большевики, дескать, деморализовали солдатские массы, сагитировали их, оболгали украинскую власть перед ними, распалили своей демагогией их темные инстинкты, потянули за собой бессовестными, безоглядными обещаниями всяких неосуществимых благ, – вот массы и пошли за ними. А мы, дескать, честно вели себя, мы не обещали того, что невозможно, мы заботились об организации жизни, строя, порядка, мы не хотели разрушать хозяйственные силы страны, мы звали массы к дисциплине духа, к работе, а это деморализованным массам не нравилось и они из-за этого отвернулись от нас.

Так мы тогда разъясняли ситуацию. Так, наверное, будут объяснять ее украинские историки. Но такие разъяснения будут либо нечестными, либо наивными...

И то и другое объяснение – неверное. Вся причина в том, что украинская власть, что вся руководящая, партийная украинская демократия РАЗОШЛАСЬ СО СВОИМИ МАССАМИ, ЧТО ОНА БЫЛА СОЦИАЛЬНО НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ, НЕРЕШИТЕЛЬНАЯ, НЕВЫРАЗИТЕЛЬНАЯ И НЕСОЦИАЛИСТИЧНАЯ» [5, т. 5, с. 88-89].

«Огромное большинство украинского населения, – с горечью писал В.Винниченко, – было против нас» [5, т. 2, с. 216].

Не имея опоры в «собственном» народе (а политика без масс, говорил В.И.Ленин, является авантюристичной политикой), Центральная рада с целью самосохранения 27 января (9 февраля) 1918 г. через своих представителей в Брест-Литовске подписала с германо-австрийской делегацией договор о фактической оккупации Украины войсками Германии и ее союзниками. Чтобы устранить формальные препятствия для заключения такого договора «Центральная рада 11 (24) января 1918 г. издала IV Универсал, в котором заявила об отрыве Украины от России». И хотя 26 января (8 февраля) 1918 г. рада бежала из Киева, но акт предательства украинского народа был свершен. В Украину началось вторжение 450-тысячной австро-германской армии [12].

Этим актом украинские националисты, возглавлявшие Центральную раду, доказали верность традициям своим предшественников: для защиты своих эгоистических интересов искать опору за рубежом.

За указанные услуги Центральная рада обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до июля 1918 г. миллион тонн зерна, мяса, круп и другие продукты.

Немецкие армии, быстро растекаясь по Украине, уничтожали Советскую власть. 2 марта 1918 г. они восстановили власть Центральной рады в Киеве. И тем ни менее, как пишет, ссылаясь на В.Винниченко, советолог Эдвард Карр, ни благодарственные молебны, организованные Петлюрой, ни красноречие Грушевского не могли скрыть «горькой правды», состоявшей в том, что Рада была обязана своим возвращением «германским тяжелым орудиям» [13].

На непрочность положения, зависимость Центральной рады от оккупантов неоднократно указывали и представители немецкого командования. Так, генерал Гофман в своем дневнике в марте 1918 г. писал: «Центральная рада, кроме наших войск, не имеет за собой ничего» [14].

Немцы и австро-венгры разделили Украину на сферы влияния. Значительная часть Волыни и Киевщины была оккупирована немецкими войсками, южная Украина – австро-венгерскими. Уже в этом начальном периоде украинско-немецкой «дружбы» оккупанты показали себя хозяевами положения. Они игнорировали просьбу украинской стороны прислать из Австрии полки украинских сечевых стрельцов и прислали польские, австрийские и немецкие, которые, как отмечает Н.Полонская-Василенко, «самовольно располагались – без договоренности с украинскими войсками. А дальше немцы начали вмешиваться в гражданское управление: арестовывали, судили, расстреливали самовольно» [11, т. 2, с. 482].

«Политика Центральной рады, – отмечает О.Субтельный, – вызвала разочарование почти во всех слоях населения. Неукраинцы осуждали разрыв связей между Украиной и Россией, бедные крестьяне не получили ожидаемой земли, у состоятельных крестьян и крупных землевладельцев национализация их владений вызвала гнев, а все вместе осуждали Центральную раду за ввод в страну жестоких немцев. Со своей стороны немцы тоже утратили терпение к несостоятельным политикам, которые преобладали в Центральной раде, они быстро удостоверились, что она не имела практически никакого административного аппарата для сбора тех миллионов тонн продуктов, которые так отчаянно потребовали голодные немецкие и австрийские города, и поэтому 28 апреля 1918 г. разогнали Центральную раду [6, с. 434-435].

Вот как описывает, ссылаясь на очевидцев, момент разгона немцами Центральной рады белогвардеец Могилиянский Н.М.: «Маленький отряд вооруженных немецких солдат вошел в зал заседания рады... «Руки вверх!» – скомандовал немецкий офицер. Все подняли руки, кроме проф. М.С.Грушевского, который смущенный остался сидеть на председательском кресле. Выпустили сначала публику, проверяя документы, потом членов рады, задержали только некоторых членов правительства... Не обошлось без издевательств. Так, министра иностранных дел... поставили лицом в угол и велели не двигаться. Был произведен обыск, выемка документов, причем обыску подвергся и стол председателя рады, проф. М.С.Грушевского». Был задержан и насильно увезен премьер Голубович [15, с. 128].

Так, «поруганная» Украиной 13 месяцев бесславно пала Рада.

Спустя пару лет Винниченко скажет: «Конец Центральной рады начался не тогда, когда запросила немцев, а когда порвала со своими массами».

Эта апрельская трагикомедия украинско-германского альянса не стала поучительным уроком для украинских националистов. Современные «самостийники», захватившие в 1991 году власть в Украине, с упорством маньяков рвутся в объятия НАТО, снискавшего славу европейского и мирового жандарма. С помощью дубинок натовской военщины они пытаются подпереть свой преступный режим и спасти его от грядущего народного возмездия.

С целью более эффективного ограбления Украины и создания видимости государственного правопорядка немецко-австрийские оккупанты заменили Центральную раду своим ставленником – бывшим царским генералом украинского происхождения, крупным землевладельцем Павлом Скоропадским. 29 апреля 1918 года на съезде, созванном в Киеве Союзом землевладельцев, Скоропадский был провозглашен гетманом Украины. На него возлагалась задача «спасти страну от хаоса и беззакония». В тот же день новоиспеченный гетман провозгласил установление «Украинской державы» (в отличие от Украинской Народной республики). Новое «государство», выражавшее интересы и настроения крупных землевладельцев, фабрикантов, банкиров и заводчиков, высших слоев чиновничества, базировалось на химерном сочетании **МОНАРХИЧЕСКИХ**, **РЕСПУБЛИКАНСКИХ** и особенно **ДИКТАТОРСКИХ** принципов. Новый правитель подчеркнул святость частной собственности, отменил нововведения Центральной рады о национализации крупных поместий, ввел традиционный институт

казачества, к которому принадлежали зажиточные крестьяне. Расчет делался на то, что помещики и кулаки станут основной социальной опорой режима. Гетман наделил себя правом (разумеется с согласия немцев) издавать законы, назначать правительство, руководить внешней политикой и военными делами, быть верховным судьей. «Однако эти претензии на почти неограниченную власть не могли скрыть тот факт, что власть на Украине практически принадлежала немцам» [6, с. 439].

Марионеточный режим Скоропадского В.И. Ленин с полным основанием характеризовал как «реставрацию буржуазно-помещичьего монархизма на Украине при поддержке кадетско-октябристских элементов всероссийской буржуазии и с помощью германских войск» [16, т. 3, с. 304].

Немцы в период «правления» Скоропадского, пишет Могилянский Н.М., «играли с Украиной так, как кошка с мышкой: то придавит, то даст побегать и насладиться иллюзией свободы, зорко следя в то же время, чтобы добыча не ушла от стола хищника-победителя» [15, с. 132-133].

Однако по иному оценивают режим Скоропадского украинские националисты. Они представляют Скоропадского крупным государственным деятелем, якобы положившим начало возрождению Украины. Так, уже цитированная Н.Полонская-Василенко весьма красочно характеризует гетмана как творца земельной реформы, новой системы образования, науки и т. д.

Режим Скоропадского рассыпался вместе с военным поражением Германии (ноябрь 1918 г.) На его месте были реставрированы элементы прежней Центральной рады, получившие название Директории, во главе которой были поставлены Винниченко и Петлюра.

Привезенный в обозе немецкой армии в Германию Скоропадский не прекратил антиукраинской деятельности. Спецслужбы фашистской Германии (по замыслу Розенберга) решили «не сбрасывать его со счетов политической акции против коммунизма и еврейства».

Гитлеровское руководство, оказывая внимание гетману – банкроту, видимо, не исключало возможности, что при определенных обстоятельствах его можно было бы, как и в 1918 г., выдвинуть на роль главного коллаборациониста Украины. В этом качестве П.Скоропадский стал бы очень удобен фашистам, так как безудержно был готов в угоду своим хозяевам предавать национальные интересы Украины и превращать ее в колонию Германии. Прислужничество фашистам П.Скоропадский полностью раскрыл в своем письме, адресованном криминальному

советнику гестапо Шредеру, внешнеполитическому отделу НСДАП и имперской рейхсканцелярии, где он предложил при помощи Германии создать фашистскую «великоукраинскую державу», которая «должна естественно, навсегда сохранить свой сельскохозяйственный характер. Техническую помощь она будет получать от германского рейха» [17]. Развитие экономики Украины и использование ее природных богатств, писал Скоропадский, должны осуществляться при помощи Германии. Украина теперь имеет возможность расселить 19 миллионов немцев, которым будут гарантированы все привилегии [18].

Скоропадский публично демонстрировал свою приверженность фашистской идеологии и преданность главарям национал-социалистической партии. Его личные связи с Герингом и Розенбергом продолжались до последних дней гитлеровского рейха.

В декабре 1918 г. Директория, пришедшая на смену Скоропадскому, при поддержке Антанты захватила власть в Киеве и других регионах страны. Большую роль в создании и деятельности Директории играли сечевые стрельцы во главе с петлюровским полковником Коновальцем.

Не замедлили прийти на помощь предателям украинского народа и американские империалисты, официально признавшие петлюровскую Директорию в качестве законного правительства Украины. Выслуживаясь перед империалистическими правителями Запада, Директория 15 января 1919 г. подписала кабальный документ о передаче Украины под протекторат Франции [4, с. 76].

Внутренняя политика Директории была направлена на сохранение буржуазных порядков и эксплуатации. Главными методами управления стали демагогия, социальное маневрирование, репрессии и разжигание национальной вражды, особенно вражды и ненависти к русским и Советской России. «Подходя ко всем явлениям жизни с точки зрения своей профессии, – писал В.К.Винниченко, – атаманина вносила и в новую область своей деятельности /в политику/ военный способ мышления и военные методы. Атаманы, например, весьма наивно думали, что можно военной силой заставить неукраинскую буржуазию украинизироваться. С этой целью, например, атаманы Коновалец и Петлюра издали приказ об "украинизации" вывесок: в три дня заменить все надписи украинскими, иначе – наказание... Для атаманской /особенно петлюровской/ психики этого было довольно. Им нужна была лишь показная, декоративная сторона».

Не зная иных способов борьбы с нежелательными явлениями, атаманщина во всех сферах своей "политической" деятельности заботилась только о том, чтобы изменить вывески. Ее мещанской психике было не под силу понять то, что капитал и буржуазия говорят и пишут свои вывески, на том языке, на каком к ним притекают деньги, что они охотно напишут вывески не только на украинском, но и на негритянском языке, когда заметят, что это помогает притоку денег, что покупатель хочет такой, вывески."

Враждебный социальным и национальным интересам украинского народа характер Директории проявился в первые же дни прихода ко власти. Вступивший в Киев, "осадный корпус" Коновальца прежде всего разгромил рабочие организации. Была установлена жестокая цензура, легализованы сторонники гетманщины, начата массовая переправа белогвардейских офицеров на Дон. Вопреки своим обещаниям, Директория оставила неприкосновенной частную собственность на землю, заявила о своем враждебном отношении к Временному Рабоче-крестьянскому правительству Украины и социальным преобразованиям осуществляемым в Советской России.

В созданное Директорией правительство вошли те самые представители националистических партий, которые входили в Украинский национальный союз. Подтверждая провозглашенный ранее запрет на агитацию против Директории, Коновалец заявил, что все агитаторы, задержанные на месте дислокации националистических войск, подлежат незамедлительному расстрелу без следствия и суда. Расстрелы стали практикой террористического режима Директории. Атаманщина, – писал В.К. Винниченко, – показала что сами обыватели-украинцы, несмотря на самое искреннее желание иметь украинскую власть, стонали и корчились от этого бессмысленного режима. Единственный ответ на все: карательная военная: экспедиция на крестьян, на рабочих, на большевиков, на свои украинские партии, на обывателя, на газеты, на лозунги – решительно на все. И все это во имя украинской государственности.

При этом атаманом мог стать всякий, кто захотел. Главным атаманам выдавалось удостоверение, что такое то лицо уполномочено формировать отряд, ему давалось несколько миллионов рублей, и новый атаман начинал свою деятельность. Разумеется, ни отчетов, ни контроля, ни ответственности за деньги и за свою деятельность эти "национальные герои", не признавали. А

потому эти атаманы и атаманцы свободно раскрадывали деньги, пьянствовали, бесчинствовали и устраивали еврейские погромы...

Казалось бы, что на тех нескольких десятках верст территории, которые еще оставались под атаманской властью и при тех материальных и физических средствах, которые находились в руках правительства, можно было бы навести здесь идеальный порядок. И в то же время, кажется, нигде не было такой разрухи, беспорядка, неопределенности спокойствия и жизни, как на этом клочке территории. Разбои, грабежи и убийства среди белого дня совершались в самой столице атаманщины. Сами "министры" – бывали и также времена, – боялись ночевать дома и прятались по конспиративным квартирам. В "провинции" / т.е. в окрестностях "столицы" / бесчинствовали местечковые комиссары, коменданты и мелкие атаманы, в деревне же никакой власти не было, и крестьяне часто окапывались рвами, окружали себя пулеметами и пушками и не пускали к себе представителей "народной" власти.

Директория, представляя собой режим буржуазно-националистической [диктатуры во главе с Петлюрой, вызвала нарастающее сопротивление трудовых слоев населения. На сторону Советских войск, остов которых составляли украинские части, в частности Богунская и Таращанская дивизии, перешли даже повстанческие группы М.Григорьева, Н.Махно, Д.Терпила (Зеленого) и другие. Украина покрылась повстанческими отрядами во главе с атаманами, отвергавшими режим Директории. Одним из них оказался атаман Болбачан – командир Запорожского корпуса. Так называемая украинская армия – опора Директории развалилась. Одна ее часть «отходила к большевикам, другая шла к российским белогвардейцам» [5, т. 2, с. 205-208].

В Украине вновь возрождались Советы. Рабоче-крестьянское правительство Украины во главе с Пятаковым (украинец по национальности) 29 ноября 1918 г. выпустило Манифест, объявляя о взятии власти, о передаче земли крестьянам, фабрик и заводов в руки «трудящихся масс Украины».

В начале декабря вновь была восстановлена Советская власть в Харькове. Революционные войска начали стремительное наступление на юг. В связи с этим Директория выразила протест правительству России. Однако Чичерин (нарком иностранных дел) в ноте от 6 января 1919 г. «отрицал ответственность за правительство Пятакова и его армии, которые были «вполне самостоятельны» [19].

Тем не менее правительство Советской России предложило Директории начать мирные переговоры. Директория, лидером которой в то время был Винниченко, направила в Москву свою делегацию во главе с Семеном Мазуренко. И, как свидетельствует Винниченко, «после длительных переговоров было достигнуто соглашение о прекращении военных действий и о взаимоотношениях между Украиной и Советской Россией. Семен Мазуренко сразу же по прямому проводу уведомил об этом свое правительство и попросил о ратификации Директорией этого ВАЖНЕЙШЕГО АКТА» (выделено нами – авт.). К сожалению, информацию Мазуренко «принял Петлюра, в руках которого находился военный телеграф», утаил ее от Директории и потому «ратификация договора не состоялась. С.Мазуренко, – продолжает Винниченко, – несколько раз домогался ответа от Директории, однако его не получил. Он хотел возвратиться на Украину, чтобы лично доставить подготовленный договор, однако по приказу Главного атамана С.Петлюры его на Украину не пустили. Таким образом этот чрезвычайного значения для нашей державности акт был скрыт от украинства, и вся последующая борьба за нее пошла в таком несчастливом для нас направлении.» Москва, с горечью заключает Винниченко, «не дождавшись ратификации мирного пакта, приняв молчание Директории за нежелание» установить мирные отношения с Россией, «возобновила военные действия, надавила» на петлюровское войско и выбросила его за пределы Украины, в Польшу [19].

Однако и после этого петлюровские банды еще не раз совершали разбойные нападения на Украину. Но в связи с условиями Рижского мирного договора петлюровцы, гетманцы и другие претенденты на всеукраинский престол были вынуждены покинуть Польшу. Так волей судьбы Петлюра оказался в Париже, где его приютила масонская ложа. Здесь его настигло заслуженное возмездие.

Петлюровцы проводили массовые кровавые акции против мирного населения, особенно против лиц еврейской национальности, подозревая их в сочувствии Советской власти. По утверждению бывшего депутата Центральной рады М.Г.Рафеса, один из членов Рады говорил, что в то время антисемитизм был «нашим главным козырем» и что «против антисемитизма никакой большевизм не устоит» [20].

В еврейских погромах, которые многократно повторялись, погибло около 300 тысяч человек. Эту цифру установили французские журналисты, проводившие на Украине в 1926 году журналистское расследование в

связи с делом Шварцбарда, застрелившего Петлюру [21]. Главным виновником еврейских погромов ими был назван Петлюра, что и подтвердилось в судебном заседании по делу Шварцбарда. Подтверждают это также мемуары В.Винниченко [5, т. 3, с. 186-189]. Тем не менее «новые украинцы» пытаются представить Петлюру защитником евреев и национальным героем Украины. В мае 1996 г. такую попытку предпринял орган Верховного Совета Украины газета «Голос Украины» в статье В.Сергейчука, о 50-летию со дня смерти Петлюры.

Вопреки установленным фактам и обстоятельствам украинские националисты пытаются отрицать причастность петлюровцев к еврейским погромам. О.Субтельный считает, что главными виновниками этих преступлений являлись якобы «российские антибольшевики» белогвардейцы [6, с. 449-450]. Категорически отрицает вину петлюровцев и Н.Полонская-Василенко. По ее словам, «еврейскими погромами обозначался путь армии Деникина». Их аргументы просты: всю вину своих предшественников они возлагают как на деникинцев, так и на большевиков, обеляя тем самым петлюровцев.

Весной 1919 г. остатки петлюровского воинства бежали за границу. Потерпевший поражение Петлюра, не принимаемый в расчет западными союзниками и презираемый Деникиным, обратился за моральной и материальной поддержкой к Пилсудскому. Между последним и отвергнутой Директорией в апреле 1920 г. был подписан тайный договор, названный в националистической литературе Варшавским. Ради «тщеславного стремления управлять Украиной-сателлитом, входящим в «Польскую империю», Петлюра цинично отказался не только от Восточной Галичины, но и от всей земли на запад от Днепра. В основу территориального размежевания между Польшей и «УНР» были положены польские границы 1772 г. А это означало, что Польше отходила часть украинской территории с населением около 9 млн человек. Договор предусматривал также «восстановление прав польских помещиков на их бывшую земельную собственность на территории Украины» [22].

Примечательно, что условия соглашения Петлюры с Пилсудским обсуждались на совещании в Варшаве, организованном Левицким, с представителями украинских «социалистических» партий: социал-демократов, эсеров, самостийников, хлеборобов-демократов и других. Все указанные представители положительно высказались об условиях соглашения [23].

Соглашения Петлюры и его «правительства» с панской Польшей явились актом национальной измены. Так их квалифицировали не только советские исследователи, но и многие бывшие деятели Центральной рады, Гетманата и Директории, в их числе украинский историк С.Томашевский и бывший министр в правительстве Гетманата профессор Сергей Шелухин. Последний в брошюре «Варшавский договор между поляками и Симоном Петлюрой от 21 апреля 1920 года», изданной в Праге в 1926 году, писал: «Содержание договора производит гнетущее впечатление: он полон всяких хитростей и вывертов, и написан так, будто бы между сторонами, которые его творили, был сговор против Украинской нации – в нем было все для поляков и решительно ничего для украинцев... Такие договора могут быть продиктованы только победителями» [24].

Во время третьего похода Антанты на Советскую страну в 1920 г., когда западные цивилизаторы главную ставку сделали на Врангеля и Пилсудского, три дивизии «УНР» оказались в подчинении польского командования. Петлюра таким образом оказался «генералом без армии».

Однако объединенные силы интервентов 14 империалистических стран и внутренней контрреволюции, а вместе с ними и петлюровцы и на этот раз были разбиты и вышвырнуты за пределы Советской Родины. Этот исторический подвиг, начало которому было положено в Октябре 1917 г., совершили миллионы рабочих и крестьян под руководством партии большевиков.

В чем же секрет успеха Советской власти в борьбе с украинской контрреволюцией?

Большинство политиков украинского национализма, в том числе и современных «национал-демократов» главные причины поражения буржуазно-националистической контрреволюции в Украине видят во вне украинского общества – во вмешательстве Москвы, в «коварстве» большевиков. Однако, даже среди лидеров национализма бывают и такие, которые иногда говорят правду.

Одним из таких является Винниченко. Осмысливая причины поражения националистической Директории, он писал: «И тут опять-таки, как и при Центральной раде мы всю вину приписываем русским большевикам: Это они, дескать, шли на Украину со своими войсками и били нас. И опять-таки необходимо открыто и искренне сказать, что если бы против нас не было восстания нашего собственного крестьянства и рабочих, то Российское Советское правительство ничего не смогло

бы сделать против нас. И не российское правительство выгоняло нас из Украины, а наш собственный народ» [5, т. 3, с. 204].

Большевизм, которому противники социализма приписывают «чуженациональный характер», в действительности был близким и понятным украинскому народу, выражал и отстаивал его коренные интересы. Не случайно он нашел благодатную почву в Украине. В республике неуклонно росла численность большевистских организаций. За период с марта по декабрь 1917 года она выросла более чем в 35 раз. Если в марте в ее рядах насчитывалось около 2 тысяч членов, а в апреле – около 8 тысяч, то уже в октябре – более 50 тысяч, а в начале декабря – 70 тысяч человек [25].

Быстрый рост партийных ячеек на фабриках и заводах позволил Киевскому комитету РСДРП(б) уже в середине марта 1917 г. поставить вопрос об организации в городе районных комитетов партии. Вскоре были созданы Подольский, Печерский, Демеевский, Городской, Шулявский, Соломенский, а немного спустя Зализничный райком и РСДРП(б) [8, т. 2, с. 16].

Стремительно возрастали численность партийных организаций Донбасса, Харькова, Днепропетровска. Так, на первой районной Горловско-Щербиновской партийной конференции, состоявшейся в середине апреля 1917 г. 25 делегатами были представлены 1450 членов партии этого района. А на конференции большевиков Донецко-Криворожского бассейна, проходившей 13-15 июля в Екатеринославле, 33 делегата представляли 13648 членов партии. Среди них были представители от Харькова, Екатеринослава, Луганска, Макеево-Юзово-Петровского района и др. Луганская партийная организация в июне 1917 года насчитывала в своих рядах 2500 членов партии [8, т. 2, с. 80, 116].

С ростом большевистских организаций крепили Советы рабочих и солдатских депутатов, усиливалось их влияние на массы. Под влиянием большевистских организаций, которые вышли из подполья в дни Февральской революции, состоялись выборы в Советы – прежде всего в крупных промышленных центрах – Харькове, Киеве, Екатеринославе, Николаеве, Одессе, Луганске. На протяжении первой половины марта на Украине были созданы 43 Совета, а всего за период двоевластия тут действовало 252 Совета рабочих депутатов [26]. Принципиальная борьба большевиков привела к полной изоляции националистических и соглашательских элементов как в составе Советов, так и вне их.

Факты напрочь опрокидывают измышления антикоммунистов о «неподготовленности» большевиков к овладению властью в Украине,

об отсутствии у них опоры на большинство трудящихся». Тем не менее поток подобных фальсификаций не утихает. Их послевоенную волну заполнили публикации зарубежных «советологов» и «украиноведов» – Р.Пайпса, А.Адамса, Р.Салливена, Д.Дана, Х.Сетона-Уотсона и других [27].

В книге под претензионным названием «Образование Советского Союза. Коммунизм и национализм. 1917-1923» Р.Пайпс утверждает, что большевистское правительство на Украине, образованное в январе 1918 года, якобы «держалось лишь на вооруженной силе, не имея поддержки и даже сочувствия со стороны украинского населения» [28]. И чтобы утвердить эту неправду, он отбросил все противоречащие этому утверждению факты. Точно также поступают А.Адамс [29] и Р.Салливен [30]. Они всячески расхваливают действующие на Украине в годы революции и гражданской войны мелкобуржуазные партии, прикрывавшиеся социалистическими названиями, забывая при этом упомянуть, что эти правящие партии, как свидетельствовал И.Мазепа, без обмана «не могли и показаться на люди».

Акцентируя внимание на этнических особенностях российского народа и других народов России, Салливен пытается протянуть мысль о том, что последние якобы не могли принять как свою «чувствительно ориентированную в сторону города программу РСДРПб») и потому-де «они попали в наиболее существенные антисоветские группы». Маститому советологу должно быть известно, что революционные силы как на Украине, так и в других национальных окраинах бывшей России были интернациональными. На Украине наряду с украинцами за власть Советов на фронтах гражданской войны сражались русские, молдаване, евреи, башкиры, китайцы, венгры, сербы, белорусы, представители многих других народов. Среди них прославленные полководцы и политкомиссары В.Антонов-Овсеенко, М.В.Фрунзе, Г.Котовский, С.М.Буденный, К.Е.Ворошилов, Ю.М.Коцюбинский, В.Примаков, П.Дыбенко, В.Киквидзе, А.Пархоменко, Н.Щорс, Ян Берзин, Алеко Дундич, Ян Фабрициус, Иона Якир, Ян Гамарник.

Остов Красной Армии на Украине составляли, как уже отмечалось, полки Червоного казачества. В них влилось большое число вооруженных отрядов, которые ранее воевали на стороне Центральной рады, Гетманата и Директории. Об этом пишут не только советские авторы. К примеру, канадский историк О.Субтельный отмечает: «Сначала большевистские силы во главе с Антоновым-Овсеенко состояли из нескольких отрядов Красной Армии и разрозненных нерегулярных формирований. Однако

по мере их углубления в Украину партизанские отряды один за другим покидали Директорию и присоединялись к большевикам» [6, с. 449].

Не ясно ли, что украинские партизаны не делали бы этого, если бы не убеждались в правоте большевиков и составляли, как пишет Салливен, «самые существенные антисоветские группы»? Несомненно и то, что были и такие вооруженные формирования украинских «партизан», которые боролись то на стороне Красной армии, то до последнего патрона – против нее. Таковыми были банды Григорьева, Зеленого, Маруси, Тютюнника. Народ в конечном счете не поддержал их, и они бесславно сошли с исторической арены.

«Методику» фальсификации истории Октябрьской революции и гражданской войны, выработанную в зарубежных антикоммунистических центрах подхватили оуновские теоретики. В мельниковском издании книги Юрия Бойко «Російські історичні традиції в большевицьких розв'язках національного питання», например, предпринимается попытка научно утвердить буржуазно-националистический тезис, согласно которому Октябрьская революция была якобы «простой сменой одной формы российской оккупации Украины – царской новой формой – большевистской». За отсутствием доказательств Бойко ссылается на «дух нации». Он-де указывает на то, что «предшественницей большевиков в их развязках национальных проблем была российская прогрессивно-демократическая интеллигенция». А она-де всегда поддерживала имперскую, колонизаторскую политику царского самодержавия. К этой «ассимиляторской» и «централистской» интеллигенции Бойко относит не только царедворцев и всю царскую бюрократию, но и Герцена с Добролюбовым, а также других прогрессивных мыслителей прошлого, изучаемых и почитаемых большевиками. Расчет оуновского «теоретика» прост: пока его читатели доберутся до Герцена и Добролюбова, они заглотят оуновскую наживку. Не потому ли «новые украинцы» запретили преподавание русской литературы в украинских школах и наводнили книжные рынки литературой, подобной «творению» Бойко?

Тем же способом Бойко пытается доказать, будто бы и Ленин целиком придерживался означенной традиции «русификаторства», «никогда не разлучался с идеей единой и неделимой России и российского гегемонизма». Такие «утверждения» являются ни чем иным, как грубым поклепом. Широко известно, что именно В.И. Ленин поставил в плоскость не только теории, но и практической политики право каждой нации на самоопределение. О том, что такое право было

целиком реальным, свидетельствует хотя бы отделение Польши и Финляндии.

Ленин отстаивал идею федеративного устройства советского многонационального государства и уделял пристальное внимание разработке тех государственных принципов, на которых создавался Союз ССР. Именно Ленину принадлежит известный призыв: «Не бойтесь признать свободу отделения всех этих наций. Не насилием надо привлекать другие народы к союзу с великороссами, а только действительно добровольным, действительно свободным соглашением, НЕВОЗМОЖНЫМ без свободы отделения» [16, т. 32, с. 7]. Потому что, подчеркивал В.И. Ленин, «чем свободнее будет Россия, чем решительнее признает наша республика свободу отделения невеликорусских наций, тем сильнее ПОТЯНУТАЯ к союзу с нами другие нации, тем меньше будет трений, тем реже будут случаи действительного отделения, тем короче то время, на которое некоторые из наций отделятся, тем теснее и прочнее – в конечном счете – братский союз пролетарско-крестьянской республики российской с республиками какой угодно иной нации».

Такова правда о взглядах В.И. Ленина на национально-государственное строительство Советского Союза. И чтобы на фоне этой правды прибегать к неприглядной лжи, как это делает Бойко, нужно быть целиком ослепленным зоологической ненавистью. Эта ненависть не позволяет правильно оценить роль Коммунистической партии и другим буржуазно-националистическим «теоретикам», в частности М. Стахиву. Данные о национальном составе РКНПб), ее организационном построении, которые он приводит в своих работах, должны, по мысли автора, убедить читателя в том, что эта партия «со всех сторон» была чуждой украинскому народу. В составе партии, как пишет Стахив, «было мизерное меньшинство лиц, которые считали себя украинцами», «ее центр, который решал всю политику, пребывал в чужой стране – Московии» и, наконец, «до лета 1918 года эта партия не имела на Украине для своих местных губернских организаций единого краевого центра».

Ослепленный ненавистью к большевикам, Стахив не замечает, что его «аргументы» порождают неразрешимый с позиций буржуазного национализма парадокс: Как большевистская партия с такой «малочисленной прослойкой» украинских коммунистов и «несовершенной организацией» сумела повести за собой украинский народ, другие украинские народы России и превозмочь объединенные силы иностранных интервентов и внутренней контрреволюции?

Дать правдивый ответ на этот вопрос означало бы признать, что большевики были единственной революционной партией интернационалистов, которая отражала коренные интересы трудящихся всех наций и народностей, а ее ленинский Центральный Комитет был действительным штабом революции.

Признать эту истину могут лишь немногие противники коммунизма. К такой редкой категории людей можно отнести Н.Бердяева. Вот, что он писал по этому поводу в работе «Истоки и смысл русского коммунизма»: «В 1918 г., когда России грозили хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. Он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному опыту, а не к одному разрушению». И далее: после Февральской революции «большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое». «Только большевизм, – замечает Бердяев, – оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям» [31].

Одним из тех, кто предпринял попытку осмыслить уроки Октября с позиций западной «советологии», является оуновский теоретик Анатолий Каминский. В 80-е годы, в разгар «холодной войны» он опубликовал в оуновском журнале «Сучасність» ряд статей [32], целью которых было совершенствование подрывной антисоветской деятельности, что на языке наших недругов звучит как совершенствование стратегии и тактики «национально-освободительной борьбы». Разделяя взгляды Донцова, Стецка и других ультраправых авторитетов украинской антисоветской эмиграции на «социалистическую деградацию» лидеров Центральной рады как одну из важнейших причин краха «украинской революции» 1917 года, Каминский сожалеет, что «Антибольшевистский блок народов (АБН) возник, видите ли, слишком поздно – в конце Второй мировой войны, тогда как «украинской революции» его недоставало уже в 1917 году».

Свои выводы оуновский «теоретик» пытается усилить историко-философским анализом причин, которые вызвали «украинскую национальную революцию» и привели ее к поражению. За основу своего «исследования» он взял писания Е.Бернштейна, М.Джиласа и других ренегатов, а также таких «респектабельных» «советологов», как Д.Дан, Х.Сетон-Уотсон, Л.Кочен.

Следуя за своими идолами, Каминский объединяет Февральскую буржуазно-демократическую и Октябрьскую социалистическую революции в одну им придуманную «селянскую революцию», которую-де начали украинцы, проходившие военную службу в Петрограде, и подхватили селяне на Украине.

К сожалению, в эту же крайность, правда, с иными политическими целями впали некоторые «теоретики» ныне здравствующей Социалистической партии Украины. Не заметив коренной разницы между двумя революциями 1917 года и пренебрегая величиим Октября, коренным образом изменившего жизнь трудящихся Украины, сделавших их хозяевами своей судьбы, они предложили провести 1997 год под знаком 80-летия «национально-демократической революции на Украине».

Националистические шатания партии А. Мороза, проявившиеся 10 лет тому назад, вылились в союз с «оранжевыми», являющимися орудием американо-натовских глобалистов по закабалению Украины.

В чем же секрет успеха Советской власти в борьбе с украинской контрреволюцией?

Большинство политиков украинского национализма, в том числе и современных «национал-демократов», главные причины поражения буржуазно-националистической контрреволюции в Украине видят вне украинского общества – во вмешательстве Москвы, «в коварстве» большевиков. Однако, даже среди лидеров национализма бывают и такие, которые говорят правду.

Одним из таких был Винниченко. Осмысливая причины поражения националистической Директории, он писал: «И тут опять-таки, как и при Центральной раде, мы всю вину приписываем русским большевикам: это они дескать, шли на Украину со своими войсками и били нас. И опять-таки необходимо открыто и искренне сказать, что если бы против нас не было восстания нашего собственного крестьянства и рабочих, то Российское Советское правительство ничего не смогло бы сделать против нас. И не Российское правительство выгоняло нас из Украины, а наш собственный народ» [59].

Фальсификация истории Великой Октябрьской социалистической революции на Украине – это часть общего фронта «холодной войны» против сил прогресса, которую ведет под флагом антикоммунизма мировой империализм и один из его отрядов – украинские буржуазные националисты с целью обмана трудящихся и увековечивания капиталистического рая.

В этой связи последовательное и аргументированное разоблачение клеветников Октябрьской революции представляет собой не только

защиту исторической правды, но и способ сохранения в общественном сознании социально выверенных ориентиров на построение гуманного, справедливого общества без эксплуатации и угнетения.

Литература и источники

1. Грушевський М. Ілюстрована історія України. 1919.
2. Франко І.Я. До Дорошенка В.В., 4 лист. 1915// Збір. творів: В 50 т. – К., 1986, Т. 50 – С. 432.
3. Грабовський П. Вибрані твори. К., 1949 – С. 249
4. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. Київ: Прометей, 1951. Т. I., с. 13.
5. Винниченко В. Відродження нації: У 3 т. Київ – Вена, 1920.
6. Субтельний О. Україна. Історія. – К., 1993.
7. Дорошенко Д.И. Война и революция на Украине. В сб.: Революция на Украине. Москва-Ленинград, 1930, – С. 88-89.
8. Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції: У 2-х т. – К., 1967.
9. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. – М., 1924. Т 1, – С. 148.
10. Дубинский И.В. Шевчук Г.М. Червонное казачество. – К., 1987, с.29, 33.
11. Полонська-Василенко Н. Історія України. – Київ, 1993. Т. 2.
12. Абраменко И.В. Установление Советской власти на Украине// Марксизм и современность. – 1995, – №1. – С. 83.
13. Карр Э. История Советской России. – М., 1990. Т.1 и 2. – С. 242-243.
14. Гофман М. Записки и дневники 1914-1918 гг. – Л., 1925. С. 242.
15. Могилянський Н.М. Трагедія України / Революція на Україні. – М., Л., 1930.
16. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. – С. 304.
17. ПА ИИП при ЦК Компартии Украины. Ф. 57. Оп. 4. Д. 338. – С. 115-117.
18. Лихолат А.В. Национализм – враг трудящихся. 184-185.
19. Винниченко В. Заповіт борцям за визволення України. – К., 1990.
20. Рафес М.Г. Два года революции на Украине. – М., 1920. – С. 132.
21. За двадцать лет до Освенцима. Свидетельства о еврейских погромах на Украине в 1918-1920 годах, собранные французскими журналистами// «За рубежом». – 1990. – №28 (1565).

22. Лихолат А.В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917-1922). – С. 456-51.
23. Хміль І.С. Петлюра і петлюрівщина// Український історичний журнал – 1990. – №3.
24. Войцехівський О.О. Симон Петлюра: міфи і реалії// Радянська Україна, 1990, 16 листопада.
25. Курас І.Ф. Торжество пролетарського інтернаціоналізму і крах мелкобуржуазних партій на Україні. – К., 1978. С. 176.
26. Гамрецький Ю.М. Ради робітничих депутатів України в 1917 р. (період двовладдя). – К., 1966. – С. 28.
27. Войцехівський О.О. Великий Жовтень і його буржуазно-націоналістичні фальсифікатори //Філософська думка. – 1987. – №6.
28. Pipes R. The Formation of Soviet Union. Communism and Nationalism 1917-1923/Cambridge, 1954. P. 126, 192.
29. Adams A. Bolsheviks in Ukraine. The Second Campaign, 1917-1918. New Haven, London, 1963.
30. Sallivant R. Soviet Politics and the Ukraine, 1917-1957, New York, London, –1962 p. 5-6.
31. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. с. 95, 114-115.
32. Камінський А. За сучасну концепцію української революції, 1970; Динаміка визвольної боротьби. 1973, «Сучасність».

Украинская антисоветская эмиграция. УВО-ОУН

Уцелевшие остатки буржуазно-националистических партий и правительств, потерпевших поражение на Украине, нашли приют в европейских странах и при поддержке правящих в них режимов возобновили подрывную работу против Страны Советов.

Привезенный в Германию в декабре 1918 года немецкими войсками Павел Скоропадский получил аккредитацию как «гетман Украины в изгнании». Ему была назначена ежегодная пенсия в размере 10 тысяч марок и предоставлена роскошная вилла в центре Берлина (Вайсензее), получившая название резиденции экс-гетмана Украины. Отсюда Скоропадский развернул организационную работу по насаждению гетманщины в рядах эмигрантов из Украины на принципах Украинской хлеборобско-демократической партии (УХ-ДП). Вокруг него группировались прежде всего бывшие члены и сторонники этой партии и гетманщины. Однако одна лишь политическая трескотня не приносила никаких надежд на реставрацию на Украине буржуазно-помещичьего строя, и вскоре она была отодвинута Скоропадским на второй план. Главным для него стало сотрудничество с немецкой разведкой, имевшей свои щупальца не только на Украине, но и во многих странах европейского и американского континентов, прежде всего, в Великобритании, Польше, США и Канаде.

Гитлеровское руководство оказывало всевозможные знаки внимания гетману-банкроту, не исключая возможности вновь возвратить его на Украину в качестве главного коллаборациониста. В этом качестве Скоропадский был бы очень удобен фашистам, так как безудержно был готов в угоду своим хозяевам предавать интересы украинского народа и превратить Украину в житницу Германии, сельскохозяйственный придаток «третьего рейха». Свои планы экс-гетман раскрыл в письме, адресованном криминальному советнику гестапо Шредеру, внешне-политическому отделу НСДАП и имперской рейхсканцелярии. В нем он предлагал при помощи Германии создать фашистскую «велико-украинскую державу», которая навсегда сохранит «свой сельскохозяйственный характер», а техническую помощь будет получать от «третьего рейха» [1].

Фашистские спецслужбы Германии (по замыслу Розенберга) решили «не сбрасывать его (Павла Скоропадского. – Ред.) со счетов в политической акции против коммунизма и еврейства» [2]. И это определило его судьбу

на годы сотрудничества с гитлеровскими властями. Гетманский центр стал одной из резидентур германской разведки. При ее помощи и по ее заданию гетманцы создали ряд националистических организаций, которые действовали под видом научных и культурных обществ. Одним из них являлся так называемый «Український науковий інститут» (УНІ) в Берлине, занимавшийся «научным» обоснованием захватнических планов «третьего рейха». Его деятельность направляли генералы рейхсвера Греннер и Келлер, а также внешнеполитическая разведка Министерства иностранных дел Германии. В числе сотрудников УНІ находились бывшие министры гетманского правительства на Украине В.Дорошенко и И.Марчук, прославившиеся апологетами «Drang nach Osten». В межвоенные годы «гетманцы» прибрали к своим рукам украинские националистические организации в США и Канаде, создав там широко разветвленную сеть «Союза хлеборобов-державников» и военные формирования «Сечи».

Украинские эсеры во главе с Никитой Шаповалом и Михаилом Грушевским, эмигрировавшими в 1918 году, с целью объединения украинской эмиграции для продолжения борьбы против Советской власти создали в Чехословакии «Український громадський комітет» (сокращенно: «Громком»). Был учрежден ряд учебных заведений для эмигрантов из Украины: Подебрадская сельскохозяйственная академия, Химический университет в Брно, Горная академия в Пшибраме, Политехнический институт в Праге. В них готовились кадры для государственной деятельности на Украине (после того, как в ней будут восстановлены буржуазные порядки).

Петлюра со своими подручными – бывшими министрами «правительства УНР» Андреем Левицким, генералом Сальским и другими бывшими окопались в конце 1919 года вначале в Польше, а затем перебросились в Чехословакию, Болгарию, Францию, где создали широко разветвленные звенья антисоветской организации под названием «Украинский центральный комитет» (УЦК), а в Румынии и Югославии – «Украинские допомоговые комитеты» (УДК). Петлюровское правительство сначала находилось в Тарнове, а затем в Варшаве, позже часть его членов перебралась в Париж. Тем не менее, основной состав петлюровского «правительства» до 1939 года находился в Варшаве. Он вел враждебную работу против СССР по заданию и при непосредственной помощи панской Польши и ее разведки, а также при активном содействии английской и французской разведок и правящих кругов этих стран. «Национальные герои» типа Петлюры и Левицкого, – по отзыву Юрия Тютюнника, одного из бывших петлюровских атаманов,

– торговали землями украинской нации, душами миллионов украинских рабочих и крестьян, торговали, прячась, как ворюги, от народного глаза, и никого ни о чем не спрашивали. Потому как считали себя признанными освободителями украинского народа. Вот и «освобождали», отдавая Галицию и Волынь с Холмщиной заодно под господство польского магната» [3, с.14].

Вся деятельность Петлюры и его «правительства в эмиграции» была направлена на то, чтобы спровоцировать вооруженные выступления поляков и деникинцев против Советской Украины... «На протяжении всего лета 1921 года, – пишет Микола Любченко в предисловии к книге Ю.Тютюнника «З поляками проти України», – эмигрантская и европейская пресса в один голос кричала, что Петлюра готовит поход на Украину, что его штаб во Львове находится в полной боевой готовности, что ему, наконец, обеспечена материальная помощь со стороны союзных держав – и в первую очередь, Польши и Франции. Перебежчики и беженцы из польского «демократического рая» сообщали, что на польской территории осуществляются формирования интернированных украинцев, которые вскоре будут брошены на Украину под видом повстанцев» [3, с. 3].

После смерти Петлюры, в 1926 году вакантное место «президента УНР» занял Андрей Левицкий, вице-президентом стал «председатель совета министров» Прокопович. На территории Западной Украины петлюровцы сосредоточились, главным образом, на Волыни. Их политическим центром являлись «Волынское украинское объединение» и зависимая от него «Украинская хата».

В 1921 году в Праге была создана националистическая организация «группа националистической молодежи» во главе с Иваном Гутой, а затем Осипом Бойдуником – из бывших старшин войск УГА (Українська Галицька Армія). В скором времени возникли другие организации подобного же типа: «Легія українських націоналістів» во главе с инженером Николаем Сциборским, во Львове – «Союз української націоналістичної молоді», во Франции – «Український Національний Союз» (УНС), в США – «Об'єднання друзів звільнення України».

УКРАИНСКАЯ ВОЙСКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (УВО)

В 1920 году в эмиграции возникла так называемая Украинская войсковая организация (УВО) во главе с бывшим петлюровским полковником Евгением Коновальцем. Основное ядро этой антисоветской организации составляли офицерские кадры осадного корпуса «сечевых

стрельцов» – бывшей гвардии УНР периода Центральной Рады и Директории, а также бывшие старшины армии ЗУНР. В создании УВО активное участие принимали бывшие соратники Коновальца по осадному корпусу Андрей Мельник, Василий Кучабский, Роман Сушко, Емельян Сеник и другие менее заметные фигуры. «Это было войско, – свидетельствует активный участник националистического движения тех лет Зиновий Кныш, – принудительно одетое в гражданскую одежду. Внешне оно ничем не отличалось от своего гражданского окружения: студентов, чиновников, учителей, крестьян, ремесленников. Но если бы какая-то таинственная сила позволила заглянуть им в душу, мы снова бы увидели стрельцов, десятников, поручиков и сотников» [4].

Такая характеристика примечательна тем, что в ней фиксируется изначально присущий организационным структурам украинского национализма характер военной организации. «Введение воинской дисциплины и практики индивидуального террора должно было исказить нормальное развитие и деятельность массовой политической организации, на роль которой амбициозно претендовала ОУН», – пишет один из теоретиков ОУН Р. Борковский [5].

Именно по этой причине УВО не получила однозначного признания в среде других эмигрантских антисоветских организаций. Представители пяти ячеек украинской военной эмиграции, в середине января 1923 года собравшиеся в Праге на организационный съезд, объявили о создании Украинского войскового союза (УВС). УВС декларировал себя единой общенациональной организацией, стремящейся к объединению всех группировок украинских вояк в эмиграции. УВС просуществовал недолго – вместо него в ноябре 1926 года был образован Союз организаций бывших вояк армии УНР. Вскоре аналогичные организации возникли в ряде стран Европы (Германии, Франции, Польше, Болгарии, Чехословакии), в США и Канаде.

Не спешил с признанием УВО и Президент Западно-Украинской Народной республики (ЗУНР) Е.Петрушевич, называвший ее не иначе, как войсковая организация (ВО). Словом, каждая группировка украинского офицерства в эмиграции старалась создать свою организацию, считая, что только ее программа отвечает реалиям времени и задачам по свержению Советской власти на Украине. Однако наиболее пригодной для этих целей правящие круги Германии и Польши признали УВО. Они-то и субсидировали подрывную антисоветскую и антикоммунистическую деятельность этой организации, заявившей о себе рядом террористических акций на территории Польши. Важнейшими из них

стали: покушение на жизнь главы польского государства Пилсудского, предпринятое Степаном Федаком в 1921 году, и широкая кампания саботажа в 1922 году. Наряду с этим, сторонники Коновальца совершали расправы над коммунистами, вообще левыми, а также простыми тружениками, не разделявшими националистической идеологии. Деятельность организации, первоначально декларировавшей собственный непартийный характер, все больше приобретала черты политической организации националистического толка с ярко выраженной классовой направленностью.

Обострение классовых противоречий в буржуазных странах, где формировалась и действовала УВО (в основном, на территории Польши и Чехословакии) вызывало и консолидацию всех антисоциалистических и антикоммунистических сил. Единство целей и задач облегчало сотрудничество украинских националистов с буржуазными партиями и правительствами целого ряда государств, открывало широкие финансовые возможности. По настоятельной «рекомендации» и на деньги УВО возобновилось издание известного «Літературно-наукового вісника» во Львове. Финансирование его обуславливалось рядом обязательств со стороны издателя. Так, на пост главного редактора журнала был назначен известный своими правыми взглядами публицист Дмитрий Донцов, а в состав редакционной коллегии введен и сам Коновалец (последнее не афишировалось, и имя главаря УВО в реквизитах издания не фигурировало) [6].

Откуда же черпали деньги украинские националисты?

Частично на этот вопрос отвечает О.Субтельный. В своей книге «Україна. Історія». «Организация, которая по приблизительным данным насчитывала 2 тысячи членов, – пишет канадский историк, – имела связи как с восточно, так и с западноукраинскими эмиграционными правительствами и получала тайную финансовую помощь от западноукраинских политических партий». В 1923 году, когда положение УВО резко изменилось в связи с признанием законности присоединения Галиции к Польше, «Коновалец обратился за финансовой и политической помощью к чужеземным государствам, прежде всего врагам Польши – Германии и Литве» [7, с. 544].

Однако самую существенную помощь УВО оказала немецкая военная разведка – абвер. Еще в 1921 году Коновалец дал руководителю абвера полковнику Глемпу официальное обязательство передать свою организацию в полное распоряжение немецкой военной разведки [8].

Не отказывались главари украинского националистического лагеря и от помощи со стороны панской Польши, платившей им мзду за предоставленные шпионские услуги. Тесно сотрудничал с разведслужбами Польши разведцентр УНР в Ровно, которым руководил бывший петлюровский полковник Иван Литвиненко. Основной задачей этого центра было ведение подрывной работы против Советской Украины.

Потребности создания резерва квалифицированных шпионов, террористов, диверсантов обусловили введение специальной системы обучения украинских националистов. Для этого в 1923 году в Мюнхене были организованы курсы разведчиков абвера. Еще один подобный центр был основан в 1924 году.

Третий центр подготовки украинских националистов для ведения подрывной работы в пользу немецкой разведки был открыт в Гданьске в 1928 году.

Избрав путь террористической и диверсионно-подрывной деятельности, члены УВО в Галиции сразу же перешли на нелегальное положение. Все они были связаны строгой военной дисциплиной, безоговорочно подчинялись своим командирам. Уже к концу 1922 года в Галиции было создано 13 округов УВО. Они делились на повиты и сельские ячейки.

В июле 1921 года Коновалец приехал во Львов и реорганизовал руководящий орган УВО. Вместо существовавшей Коллегии (М.Матчак, И.Навроцкий, Ю.Полянский, В.Целевич, Я.Чиж) была создана «Начальная команда», в которую вошли те же лица, но с более расширенными полномочиями. Дело в том, что Коновалец, по указке Петлюры и с одобрения польских властей, начал готовить свое войско к вторжению на территорию Украины. Цель вторжения – поднять на Украине «все-народное восстание против большевиков». Для этого был создан во Львове «Повстанческий штаб». Возглавил его генерал УНР Юрий Тютюнник. Узнав о предстоящем походе на Украину, Коновалец принял активные меры, предложив Тютюннику помощь живой силой, а также разведывательной информацией о положении за Збручем. К тому времени разведывательная секция УВО во главе с Романом Сушко уже располагала некоторыми данными о положении на «той стороне».

«Повстанческим штабом» были сформированы две группы. Одна, численностью 880 человек, под командованием полковника УНР Паляя в ночь с 27 на 28 октября перешла Збруч и вторглась на территорию Советской Украины с северных районов Тернопольской области. Вторая группа, численностью в 990 человек, под командованием генерала-

хорунжего Янченко вторглась с Ровенского направления. В ее состав входили атаман Тютюнник со 170 военных и гражданских лиц, которым предписывалось – ни много ни мало – развернуть министерства и другие управленческие структуры после захвата власти на Украине. Правительства Польши и Франции заверили Петлюру и Тютюнника, что в случае первого успеха их вооруженных отрядов, они готовы направить на Украину свои регулярные войска.

В целях организации шпионской и иной подрывной деятельности на территории Советской Украины в банды Паля и Янченко были включены начальник разведки УВО Р.Сушко и начальник штаба УВО Ю.Отмарштейн. Польская разведка включила своих представителей в лице майора Флерека, поручиков Ковальского и Щалина. Планировался четвертый поход Антанты. Об этом советским органам контрразведки стало известно от внедренного в штаб Тютюнника сотрудника внешней разведки Всеукраинской ВЧК Сергея Карина.

Банды Паля и Янченко, встреченные советскими войсками под командованием Виталия Примакова и Григория Котовского, были наголову разбиты. По этому поводу Г.И.Котовский в газете «Пролетарская правда» за 27 ноября 1921 года писал: «... 17 ноября банда Янченко была нашими группами окружена со всех сторон. Рискавая быть полностью уничтоженной, банда была вынуждена сложить оружие. Нами захвачен штаб армии, штаб дивизии (хотя по количеству личного состава группировка Янченко не достигала не только дивизии, но даже полка. – Ред.), 22 пулемета, большой обоз, свыше 250 человек убито и 517 взято в плен... Захвачен начальник гражданского управления Куриленко, министр торговли и промышленности Красовский... Часть командного состава, видя свою гибель, застрелилась или подорвалась на гранатах. В числе тех, кто покончил жизнь самоубийством, был кандидат в министры внутренних дел М.Белинский. Сам же Тютюнник со своими ближайшими соратниками позорно бежал к своим хозяевам в панскую Польшу...» [9]. В это время Коновалец примчался во Львов, о чем предпочитают умалчивать современные историки, чтобы не опоздать к «дележке пирога». Но делить было нечего: авантюра Петлюры и Коновальца провалилась. И напрасно сегодняшние поклонники петлюровщины оплакивают Базар (поселок в Житомирской области, где покоятся останки более 350 (как они пишут) участников «визвольного рейду»). Таким был закономерный исход сражения, навязанного нам врагами. Действия советских войск были правомочными и конституционными. Они не вышли за пределы самообороны.

Тем временем УВО в Галиции разрасталась и набирала темпы. В системе УВО были созданы рефертуры: организационная, боевая, политическая и финансовая. Особое место в УВО занимала разведывательная рефертура, возглавляемая бывшим сотником УСС (Украинских сечевых стрелков) Осипом Думиным. Вокруг его личности было немало разных слухов. Одни считали, что он работал на польскую и советскую разведки, другие – на немецкую. Наиболее вероятно, что он служил немцам и полякам, с которыми сотрудничал и его шеф Евгений Коновалец.

После провала петлюровской военной авантюры Советское правительство заявило Польше решительный протест, ссылаясь на Мирный договор, заключенный между Украиной и Польшей в марте 1921 года. В связи с этим правительственные круги Польши отказались помогать Петлюре в его враждебной деятельности против Украинской ССР. В скором времени Петлюра покинул Польшу и подался в Париж, где его гостеприимно приняла масонская ложа, членом которой он состоял с 1918 года [10]. Здесь в мае 1926 года его настигла смерть от руки Самуила Шварцбарда, заявившего на следствии и суде, что он застрелил Петлюру как главного виновника еврейских погромов на Украине в годы гражданской войны, унесших жизни сотен и тысяч ни в чем неповинных граждан, в том числе и многих его родственников. Суд присяжных признал Шварцбарда невиновным и оправдал его [11].

Назначив Андрея Мельника руководителем УВО в Галиции, Коновалец также выехал за границу. Весной 1922 года он встречался в Берлине с руководителем одного из отделов абвера полковником Гемпше. Он дал ему письменное обязательство передать в распоряжение немецкой разведки всю собранную УВО разведывательную информацию. За эту и ей подобные услуги УВО стало ежемесячно получать от абвера 9 тысяч рейхсмарок [1].

По требованию абвера УВО перенес центр своей деятельности на западноукраинские земли. В этой связи Коновалец определил текущие задачи УВО следующим образом: «Теперь, когда Польша подписала мирный договор с Советской Украиной, ситуация заставляет нас поднять знамя борьбы против Польши. В противном случае мы потеряли бы влияние не только на Родине, но и в лагерях военнопленных, где каждый наш солдат горит огнем мщениия за оккупацию пилсудчиками Восточной Галиции и Волыни. Однако нашим смертельным врагом остается большевизм. Борьбу с поляками мы будем вести постольку, поскольку они сами будут вынуждать к этому» [9].

Уже в 1922 году УВО развернуло в Галиции террористическую и диверсионно-подрывную деятельность. На одном только железнодорожном транспорте было совершено 38 диверсионных актов. Наряду с этим, были сожжены воинские складские помещения и магазины возле города Перемышляны; на станции Львов-Бибрка была повреждена система телеграфно-телефонной связи; повреждены железнодорожные станции с их объектами в Сопотове, возле Кут и Городка, предпринято 8 попыток взрыва железнодорожных путей, сожжены помещения полиции в Яворове, Городке, Угневе и Судовой Вишне. В том же году предпринято 20 покушений – с точки зрения террористов из УВО – на предателей и польских пособников, 10 – на полицейских и их агентов, 7 – на польских военнослужащих [12].

Летом-осенью 1922 года УВО осуществило 2300 поджогов польских помещичьих усадеб, фольварков, других польских объектов. Широкий резонанс вызвал рейд группы боевиков УВО (численностью 50 человек) в Тернопольскую область с целью уничтожения и разрушения хозяйств польских колонистов, насаждаемых властями в западном регионе Украины.

Все названные преступные акции польские власти относили не только на счет УВО, но и были склонны обвинять в этом членов Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ).

Поляки не допускали мысли, что все это – проделки их вчерашних «друзей» в лице Петлюры и Коновальца и их сообщников. Но вскоре они убедились в предательстве тех и других и предприняли против них ответные акции. В конце 1922 года при проведении так называемых «пацифистских» акций польская полиция задержала около 20 тысяч манифестантов, оказавшихся украинцами. По утверждению В.Мартынца (одного из приближенных Коновальца), поляки арестовали всех активистов УВО, не успевших выехать за границу или перейти на нелегальное положение. От нанесенного удара УВО не могла опомниться долгое время. Действия польских властей надолго парализовали деятельность УВО и ее возможности. Спад активности этой организации отмечали и немецкие источники. В частности, подчеркивалось, что в 1923 году УВО имела вид невыразительного существа: постоянные аресты и разгромы ее звеньев, систематически осуществляемые поляками против украинцев, парализовали всю ее работу. Только единственное подразделение УВО еще подавало признаки жизни – это ее разведывательная служба [13].

Растерянность в рядах УВО усилилась после принятия Радой послов 14 марта 1923 года решения о праве Польши на владение западными областями Украины. В одном из конфиденциальных писем на имя Е.Петрушевича сообщалось: «Со всех областей ВО приходят отчеты о расширении деятельности коммунистов... В некоторых центрах самые лучшие члены ВО перешли в коммунистический лагерь» [1, с. 94].

В связи с угрозой распада УВО в западных областях Украины, потерей ее разведывательных возможностей, что могло бы привести к прекращению финансирования ее немецкими спецслужбами, летом 1923 года Коновалец собрал в Праге совещание руководящего состава своей организации в Галиции. Об этом событии один из сподвижников Коновальца подполковник М.С.Курах отзывался следующим образом: «..Летом 1923 года Коновалец созвал в Праге совещание, на котором сделал доклад о создавшейся ситуации на международной арене. Существо доклада сводилось к тому, что ориентация на Польшу окончательно провалилась и необходимо искать более реальные силы, на которые могло бы опереться украинское националистическое подполье в борьбе против СССР и Польши за отторжение украинских территорий.

Коновалец сказал, что, находясь в Берлине, он заключил соглашение с германскими правительственными кругами и генеральным штабом германской армии (читай: абвером. – Ред.) о помощи украинским националистам в осуществлении ими планов по созданию самостоятельного украинского государства. Его информировал генерал Тренер о том, что Германия готовится к предстоящей войне с целью сбросить с себя тяжесть Версальского договора и планирует в недалеком будущем агрессию против СССР и Польши. Коновалец поставил вопрос о необходимости ориентироваться на Германию как на единственную страну, которая осуществит агрессию против СССР и Польши. Правительственные круги Германии, – завершил Коновалец, – согласны оказать помощь украинским националистам, если они примут активное участие на стороне Германии в борьбе с ее врагами» [9].

Таким образом, принимая немецкую ориентацию, УВО обязалась предоставить все свои силы и средства в распоряжение германского командования и германской разведки, под руководством которых будет вестись работа украинского националистического подполья.

В докладе Коновальца без всяких обиняков говорилось о том, что «УВО полностью подпадает под влияние германской разведки и

представляет в ее распоряжение свой разведывательный аппарат, средства пропаганды, кадры террористов и боевые силы, находящиеся в Польше, Советской Украине и в других странах».

Коновалец и его штаб в Берлине поддерживали непосредственную связь с абвером, а также с краевой командой и краевым проводом во Львове. Непосредственная связь УВО в Галиции с германской разведкой осуществлялась через проживающего во Львове полковника абвера Альфреда Бизанца и часто приезжавшего во Львов Ганса Коха, также сотрудника абвера. Со стороны УВО с ними поддерживал связь Михаил Матчак, который концентрировал у себя собранные членами УВО материалы и передавал их непосредственно А.Бизанцу, а тот – руководству абвера.

Как поясняет М.С.Курах, Коновалец поставил перед участниками совещания задачи: учесть все кадры украинских националистов, которых можно будет использовать для вооруженного нападения на СССР, сконцентрировать кадры УВО таким образом, чтобы их можно было быстро привести в состояние боевой готовности и использовать в военных целях: реорганизовать разведывательную службу УВО применительно к условиям военного положения под руководством германского Генштаба. «... После совещания в Праге, – продолжает Курах, – Коновалец вызвал меня к себе в гостиницу «Бараник» и предложил подписать обязательство о сотрудничестве с немецкой разведкой. Я спросил, чем вызвана необходимость такого шага, и не является ли это недоверием к моей работе в УВО. Коновалец ответил, что он лично дал такое же обязательство о сотрудничестве с немецкой разведкой и того же требует от своих ближайших сотрудников, т.е. руководящего состава УВО. В доказательство сказанному, Коновалец показал отобранные им аналогичные обязательства от Иосифа Навроцкого, Михаила Матчака, Ярослава Барановского, Петра Баковича, Богдана Билинкевича...» [9].

Из этого следует, что Коновалец пользовался полным доверием абвера и выполнял в нем функции резидента, ибо вербовать агентуру германская разведка поручала только своим официальным сотрудникам или резидентам. В таком качестве Коновалец руководил агентурной сетью абвера из числа украинских националистов на территории Польши, Чехословакии, Румынии и других стран.

Далее Курах рассказал, как он действовал после вербовки. Возвратясь во Львов, он через Михаила Матчака связался с Альфредом Бизанцем, проживавшим здесь под видом арендатора имения. Тот познакомил его с агентом немецкой разведки Францем Миллером, агрономом

Малопольского крестьянского общества во Львове. «Узнав, что я уже дал подписку о сотрудничестве с абвером, Миллер заявил, что от меня он не собирается отбирать еще какие-нибудь обязательства, но дал мне новый псевдоним – «Сичовер Шидер – 1895» – для связи с абвером». Этим псевдонимом Курах подписывал добытые данные о политических настроениях населения, о деятельности различных политических партий и культурно-просветительских обществ, о поведении и деятельности отдельных лиц, занимавших то или иное положение в обществе, и т.д.

В последние годы в независимой Украине наблюдается тенденция изобразить деятельность УВО как борьбу против панской Польши. Тем самым организацию пытаются представить как самодовлеющую, опирающуюся на собственные силы, дистанцировать ее от связей с иностранными государствами. Так, уже упоминавшийся нами канадский историк Орест Субтельный предпочитает говорить о стремлении УВО «... продолжить вооруженную борьбу против польской оккупации», для чего «тайно готовила демобилизованных ветеранов в Галиции, интернированных солдат в Чехословакии к возможному антипольскому восстанию, а также проводила операции, направленные на дестабилизацию польского оккупационного режима» [7, с. 543].

Тем самым националистическим силам псевдоисторики «отводят» роль своеобразного защитника украинского населения Галиции, оказавшегося под жесточайшим социально-экономическим и национальным гнетом панской Польши после передачи этой территории Польше решением Антанты 14 марта 1923 года. Однако факты говорят совершенно о другом. Основная направленность деятельности УВО отвечала целям и задачам сначала Польши, а затем Германии, которым она служила в качестве пятой колонны против Советской Украины и прогрессивных сил украинской эмиграции. В этом качестве УВО пребывала и на последующих этапах, когда она преобразовалась, а лучше сказать – переросла в ОУН.

ОРГАНИЗАЦИЯ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (ОУН)

Заветной мечтой Коновальца и его соратников было объединение всех националистических сил в эмиграции для совместной борьбы против их общего врага – Советской власти на Украине. С этой целью верхушка УВО, именовавшаяся Проводом Украинских националистов (ПУН), вместе с главарями других националистических организаций еще в 1928 году начала подготовку к объединительному съезду, который

состоялся в конце января – начале февраля 1929 года в Вене. Съезд, или как его называли сами националисты, Перший Великий Збір ОУН, собрал довольно небольшую аудиторию – в его работе приняли участие 30 делегатов и гостей. 10 из них представляли «Легию украинских националистов» из Подебрада во главе с Николаем Сциборским, 5 – УВО во главе с Евгением Коновальцем, 3 – Группу украинской национальной молодежи (из Праги) и 2 – Союз украинской националистической молодежи (из Львова).

Съезд принял постановления о создании и устройстве ОУН, ее целях и задачах, избрал руководящие органы. Возглавил Провод ОУН Е.Коновалец, его заместителем стал Н.Сциборский, секретарем – В.Мартынец. Членами ПУН были избраны: Д.Андриевский, Д.Демчук, Ю.Вассиян, М.Капустянский, П.Кожевников, Л.Костарив. Главным судьей ОУН стал Я.Дуб (М.Кушнир), а главным контролером – Я.Моралевич. В составе Провода создавались рефертуры: организационная, политическая, связи, финансов, секретариат [14].

Решающее значение в принятии съездом решений сыграло то обстоятельство, что они заранее были подготовлены соратниками Коновальца, а сам Коновалец восседал в президиуме съезда в председательском кресле и задавал тон всему съезду. Соратники звали его «вождем» и отзывались о нем как о самом заслуженном борце за «незалежну Україну». Харизма «вождя» сопровождала Коновальца все последующие годы, вплоть до смерти в 1938 году.

Роль, которую брала на себя ОУН, была намного шире, чем та, которую играла УВО. В решениях съезда подчеркивалось, что ОУН не будет ограничивать свою деятельность какой бы то ни было конкретной территорией, а будет стремиться овладеть всеми украинскими районами и землями, где проживают украинцы. ОУН заявила, что будет проводить «политику всеукраинского державництва» и будет противостоять всем партийным и классовым группировкам украинства. В постановлениях Первого Великого сбора ОУН украинский национализм охарактеризован как «духовное и политическое движение», а украинская нация как «исходная основа каждого действия и целевого предназначения каждого направления украинского национализма».

В сфере военной политики ОУН исходила из постулата: «лишь военная сила, которая опирается на вооруженный народ, готовый настойчиво и энергично бороться за свои права, может освободить Украину от захватчиков и сделать возможным создание украинского государства».

Примечательно, что в решениях Первого Великого Сбора не раскрываются формы и методы деятельности ОУН, однако из поставленной им задачи «оздоровить отношения внутри нации, вызвать в украинском народе государственно-творческие силы» явствовало, что эта новообразованная организация не собирается считаться с волей украинского народа и его конституционным строем и будет действовать вопреки тому и другому.*

Более четко об этом сказано во 2-й программе ОУН, принятой в 1939 году, т.е. уже после утверждения в Германии фашистского строя. «Основная цель в программе ОУН, – говорится в этом документе, – это борьба за возрождение УССД и обеспечение ей – путем конструктивной работы, ее внутреннего устройства и огромных потенциальных сил – имперских позиций на Востоке Европы». И далее: «Устройство и социальную жизнь государства украинский национализм будет строить на здоровых принципах провідництва. Началом и воплощением этого принципа будет Глава Государства – Вождь Нации как носитель ее суверенитета, символ ее духовного и политического единства, как ее наивысший авторитет и руководитель» [15].

Иными словами, речь шла о переустройстве всей жизни украинской нации на фашистских принципах нациократии, что предполагало насильственное свержение Советской власти вооруженным путем, к чему ОУН готовилась с первых дней своего существования, а если поточней, то еще со времени образования своей предшественницы УВО.

Что касается форм и методов деятельности ОУН, то ее главари и идеологи предпочитали не распространяться об этом, следуя примеру своих покровителей – германских нацистов, молчаливо уничтожавших миллионы людей «во имя величия рейха». Они и поныне замалчивают совершенные ими злодеяния или пытаются приписать их своим недругам. Так поступают и их потомки из когорты «національно свідомих» историков, не жалеющие сил на извращение исторической правды ради обеления своих предшественников и очернения тех, кто изгнал их с украинской земли сначала в 1920-м, а затем в 1945-м году.

Однако возвратимся к документам Первого Великого Сбора ОУН. ОУН не только декларировала «вождизм», но и воплотила его в

* Думается, что понимает это и А.В.Кентий, написавший по заказу Института истории Украины НАН «Нариси історії Організації українських націоналістів (1929-1941 рр.)». Но он отделался уклончивой фразой «новопостала організація навряд чи буде діяти, так би мовити, в конституційному полі» (с. 7).

жизнь. Решениями Первого Великого Сбора ОУН главарь ПУН наделялся такими же полномочиями, как и фюрер нацистской партии. Ему предоставлялась неограниченная власть в отношении руководства ОУН и ее членов. Она распространялась на все стороны жизни ОУН и нещадно карала за провинности. В частности, уже Первый Великий Сбор определил, что глава ПУН или, в случае его отсутствия, заместитель принимают все решения от имени ПУН. Члены ПУН были лишь «советниками главы» [16].

Позднее, в августе 1939 года на Втором Великом Зборе ОУН был принят новый «Устрій ОУН». В нем подчеркивалось, что «глава ПУНа обладает всей полнотой власти по руководству украинским националистическим движением». Далее указывалось: «За свою деятельность и решения глава ПУН отвечает перед Богом, нацией и собственной совестью». Широкие полномочия предоставлялись и нижестоящим проводникам. Они имели неограниченное право «окончательного и неотлагательного решения».

К чему это привело, показали последующие события, когда внутри ОУН начались разборки по поводу дележа власти между Мельником и Бандерой, и каждая из фракций ОУН сводила кровавые счета не только с членами другой фракции, но и со своими «однопартийцами», «заподозренными» в предательстве. Указания проводника было достаточно, чтобы уничтожить любого «врага» или даже подозреваемого. Многочисленные факты – тому подтверждение. Мы их приводим в последующих разделах и главах нашей книги. Один такой факт – убийство бандеровцем Сциборского и Сенника – приводит О.Субтельный в своей книге «Україна. Історія» [17, с. 569].

А.В.Кентий же уходит от фактов и старается «облагородить» вождизм Коновальца. По его словам, «принципы вождизма» при жизни Коновальца не проводились в жизнь в деятельности провода ОУН, и сам Коновалец «всегда считался с чужой мыслью, пытался уладить конфликты и недоразумения путем переговоров, не прибегая к более решительным средствам».

Действительно, в своей среде Коновалец был крайне осторожен, так как по собственному опыту знал: нацистские спецслужбы действуют по принципу «доверяй, но проверяй», и каждый из его подчиненных мог оказаться их агентом. Свести с таким счетами небезопасно и даже рискованно. А на личный риск Коновалец не отваживался: он привык убирать неугодных чужими руками. «Коллегиально» изгнанными из ОУН оказались основатели Легии украинских националистов, открытые

приверженцы нацизма Сциборский, Кожевников и Костырев. Их «вина» состояла в том, что они были выходцами из Надднепрянской Украины. Доверием «вождя» пользовались только галичане.

Из многочисленных источников, как отечественных, так и зарубежных, известно, что Коновалец и его соратники Е.Сеник-Грибивский, В.Курманович, Р.Сушко в 30-е годы побывали в США и Канаде. Их пребывание в этих странах историк А.В.Кентий характеризует как «пристойное и логичное». И это потому, что он игнорирует факты, свидетельствующие об обратном. Созданные главарями ОУН на Американском континенте националистические организации занимались не только шпионажем, но и похищением и уничтожением людей с целью получения выкупа, исчисляемого немалыми суммами в долларах. Так, в ноябре 1938 года в Нью-Йорке разразился сенсационный скандал, подхваченный средствами массовой информации. Полиция и ФБР нашли виновников таинственного исчезновения американских граждан. Один из них, чудом оставшийся в живых Нормат Миллер, указал дом, в котором похитители подвергали его пыткам, требуя выкуп в сумме 15 тысяч долларов. Оказалось, что камера пыток находилась в помещении «Украинского национального центра», именовавшегося «Обществом взаимопомощи». В ней были обнаружены пулемет германского производства и другое огнестрельное оружие, а также обугленные человеческие останки. Как выяснилось, это были останки умершего под пытками другого американского гражданина – Артура Фрида. Похитителями и убийцами оказались длительное время проживавшие в США украинцы Дмитрий Гула, Иосиф Сакода, Василий Декниса и Дмитрий Варга. Все они были членами созданной Сеником-Грибивским «Организации державного возрождения Украины», занимавшейся не только шпионажем в пользу нацистской Германии, но и сбором денежных средств на нужды ОУН, незаконно облагая налогами эмигрантов-украинцев. Более солидные суммы они получали от родственников похищенных ими американцев, а в случае отказа – уничтожали их.

В ходе следствия по этому делу, как пишут Майкл Сейерс и Альберт Кан в своей книге «Тайная война против Америки», вскрылись довольно любопытные детали, касающиеся деятельности ОУН. Дмитрий Гула совместно с сообщниками занимался сбором денежных средств в кассу ОУН путем страхования людей на большие суммы, затем застрахованных убивали и получали за них страховку. В 1930 году Гула «унаследовал» 2 тысячи долларов за П.Келлигера, «сгоревшего при невыясненных обстоятельствах». В январе 1931 года страховая

компания выплатила Гуле страховку за человека, убитого «неизвестными» лицами. Через полгода Гула получил страховку в сумме 35 тысяч долларов за рабочего Павольского, погибшего при «случайном» наезде автомобилем. Только один Б.Кузив избежал той же участи, так как Гула оказался под арестом.

Кроме Артура Фрида, банда Гулы похитила и несколько других американцев, в частности Б.Фабера и У.Миллера. Фабер был похищен утром 18 апреля 1938 года, когда он выходил из помещения городского банка в Нью-Йорке. Ему скрутили руки, завязали глаза и доставили в помещение ОДВУ, где заставили написать родственникам послание с просьбой прислать 25 тысяч долларов. Родственники собрали лишь десятую часть этой суммы. Но и этих денег, к счастью, хватило, чтобы бандиты отпустили Фабера на свободу, пригрозив убийством в случае обращения в полицию.

Девятнадцатилетний У.Миллер был похищен на Лонг-Айленде вместе со своим приятелем. Их также привезли в резиденцию ОДВУ, где Миллера закрыли в одной из комнат, а его товарища отпустили с условием, что он будет посредником в переговорах с родителями похищенного. Родители Миллера были вынуждены заплатить шантажистам 13 тысяч долларов.

Банда Гулы «зарабатывала» большие деньги и на незаконном изготовлении самогона, который «гнали» тут же, в здании ОДВУ. Эта организация в США носила название «Организация друзей возрождения Украины».

Через некоторое время ФБР арестовало капитана армии США украинского происхождения (фамилии его американские публицисты не называют. – Ред.) за передачу секретных сведений агенту иностранной державы. Этот агент возглавлял ячейку ОДВУ в Пенсильвании. В начале 1941 года капитан был осужден американским судом, и тогда стало известно, что иностранным агентом был Сенник-Грибивский, правая рука Конвальца по организации террористической и шпионской деятельности. В те годы шпионской работой Сенника-Грибивского руководил шеф абвера полковник Николаи. Периодически Сенник-Грибивский посещал США под предлогом возрождения украинской культуры в среде украинских эмигрантов, а фактически – для выполнения заданий абвера. Даже в момент ареста Гулы и его сообщников Сенник-Грибивский находился в США, но, как пишут Сейерс и Кан, «организатор террора и шпионажа поспешил уехать в Берлин».

Для тех своих людей в Соединенных Штатах, которые не имели возможности пройти выучку в учебных заведениях германской разведки, Сенник-Грибивский составил специальную инструкцию. Один экземпляр ее попал в руки авторов книги «Тайная война против Америки». Они процитировали некоторые выдержки из нее, свидетельствующие о том, что инструкция в целом писалась с участием консультантов из абвера [17].

В 1933 году, когда нацисты пришли в Германии к власти, «организатор террора» снова появился в США, чтобы активизировать подрывную деятельность ОДВУ, охватить шпионскими щупальцами все 48 американских штатов. На германские деньги Сенник-Грибивский организовал ячейки ОДВУ в тех промышленных городах США, где проживали украинцы. Некоторые из этих ячеек действовали под вывеской «Украинского Красного креста», другие назывались «страховыми обществами» или «спортивными клубами». У всех была единая цель – помочь нацистской Германии в ее борьбе против всех демократических стран за построение «нового порядка» во всем мире. Многие американцы украинского происхождения, являвшиеся членами ОДВУ, даже не подозревали, что являются в то же время орудием в руках гитлеровцев.

Не с лучшей стороны проявили себя оуновцы и на украинских землях, оказавшихся под польским владычеством. «В начале 30-х годов, – пишет О.Субтельный, – кроме сотен актов саботажа и десятков случаев «экспроприации» государственных фондов, члены ОУН организовали более 60 покушений и убийств. Важнейшими их жертвами стали: Тадеуш Голувко (1931) – широко известный польский сторонник украинско-польского компромисса, Емельян Чеховский (1932) – комиссар польской полиции во Львове, чиновник советского консульства во Львове Алексей Майлов (1933), убитый «из мести за голодомор 1932-1933 гг. на Советской Украине», Бронислав Перацкий (1934) – польский министр внутренних дел, на которого ОУН возложила ответственность за пацификацию 1930 года. Было совершено множество покушений на украинцев, которые не соглашались с политикой ОУН. Наиболее известным из них стало убийство в 1934 году авторитетного украинского педагога Ивана Бабья» [17].

Попутно заметим: за участие в террористическом акте над министром внутренних дел Брониславом Перацким был привлечен к уголовной ответственности Степан Бандера – будущий главарь ОУН. Он был осужден польским судом к смертной казни. Однако эта мера наказания была заменена на пожизненное заключение в местах лишения

свободы. Осенью 1939 года Бандера был выпущен из тюрьмы немцами, оккупировавшими Польшу, за что заплатил им верной и преданной службой как агент абвера и палач украинского народа.

Вскоре после прихода нацистов к власти в Германии контакты между нацистскими правителями и оуновскими главарями приобрели деловой и систематический характер. Над штаб-квартирой ОУН взвился черно-красный флаг, мало чем отличавшийся от гитлеровского партийного штандарта. «Все йде добре, – писал Коновалец своему душепастырю Шептицкому, – Щасливий початок 1933 року створив умови, за яких наша визвольна акція кожного дня набирає все більшого розвою і сили. Час випробував нашу дружбу і співробітництво з німцями і, випробувавши, показав, що, незважаючи на багатократні спокуси порозумітися з поляками, ми обрали єдину правильну орієнтацію. Цим ми зобов'язані виключно вашій ексцеленції».

В январе 1934 года по приказу германского инспектора Дильсена и полковника Райхенау берлинская центральная организация ОУН, руководимая самим Коновальцем, вливается в штат гестапо на правах особого отдела. В предместье Берлина Вильгельмсдорфе на средства немецкой разведки были построены казармы для украинских националистов и велось обучение сформированных по военному образцу отрядов. Они имели форму и были приравнены к гитлеровским штурмовым отрядам. Руководил ими Рихард Ярый, он же Ярыга-Рымарт, он же Карлаты, ставший к тому времени офицером абвера. По такому же образцу перед нападением на Советский Союз будут созданы батальоны «Роланд» и «Нахтигаль».

Памятным событием в жизни Коновальца была встреча с Гитлером в 1931 году. Будущий фюрер Великой Германии обещал своему «союзнику» всяческую помощь, если тот направит деятельность своей организации только против Советского Союза и прекратит – против Польши. Последнее условие Коновалец воспринял как указание к прекращению террора против политических и государственных деятелей Польши, благосклонно относившихся к фашистскому движению. А таковыми были подвергшиеся террору Ю.Пилсудский, С.Войцеховский – диктаторы и президенты Польши, воевода О.Грабовский, украинский кандидат в Сейм С.Твердохлеб и многие другие. Иное дело – уничтожение недругов Германии. В их числе оказались член Сейма, директор Департамента Министерства иностранных дел Польши Тадеуш Голувко, секретарь советского консульства во Львове Алексей Майлов и другие менее известные люди. Каково же было возмущение гитлеровского

руководства, а заодно и Коновальца, когда в 1934 году после подписания договора «о дружбе» между гитлеровской Германией и панской Польшей с участием Бандеры в Варшаве был убит министр внутренних дел Польши Перацкий. Непосредственный исполнитель этого теракта М.Лебедь, избалованный с помощью Коновальца, был арестован и выдан гитлеровцами польским властям.

Прекращение оуновского террора против власть предержащих в Польше отнюдь не облегчало положения трудящихся. Напротив, заглаживая свои грехи перед польскими властями, фашиствующие молодчики Коновальца при поддержке польской полиции, реакционной прессы и церкви развернули, что называется, бешеный террор против революционных сил, особенно на исконно украинских землях. Они чинили вооруженные нападения на митинги, собрания и демонстрации трудящихся, организовывали настоящую охоту на коммунистов, которых разыскивала полиция, громили прогрессивные органы печати, истязали и убивали неугодных людей. По указке полиции внедрялись с провокационными целями в коммунистические и профсоюзные организации.

Не с лучшей стороны «коновальщина» зарекомендовала себя и в других странах, где имелись большие скопления украинских поселенцев – в Канаде, США, Бразилии, Аргентине. Созданная в Канаде в 1928 году с участием Коновальца Стрелецкая громада развернула в своих печатных органах пропаганду фашистских идей, а заодно и сбор шпионской информации... на случай войны. Как пишет Марко Терлица в книге «Правнуки погані», воодушевленные «подвигами» гитлеровских штурмовиков Германии украинские фашисты в Канаде устраивали погромы украинских рабоче-фермерских организаций, уничтожали их помещения, стреляли в дома выдающихся антифашистов. Только что сформированная в 1933 году в Аргентине «Українська стрілецька громада» (с тем, чтобы оправдать надежды, возложенные на нее «идейными отцами» в Берлине) начала свою «деятельность» с разгрома украинского прогрессивного клуба в Буэнос-Айресе.

Тем временем Коновалец неотступно отрекается от каких бы то ни было демократических форм руководства своей организации, превращается в диктатора, личное усмотрение которого выше любых коллегиально принятых решений. «Положен под сукно» Устав ОУН («Устрій»), принятый учредительным съездом (Першим Великим Збором) ОУН, обязывавший проводить съезды этой организации каждые два года. Ни в каких съездах Коновалец, ставший «единоличным вождем партии» и марионеткой в руках абвера, не нуждался.

Полной нелепостью было бы «вождю партии» и резиденту абвера отчитываться о проделанной работе перед подчиненными и позволить им избирать Провод ОУН. Вождь сам избирал своих приближенных и удалял неугодных. В числе первых оказались бывшие соратники Коновальца по осадному корпусу – Андрей Мельник, Роман Сушко, Емельян Сенник-Грибивский. Кстати, с Мельником его связывали не только служебные, но и родственные узы: жена Коновальца была сестрой жены Мельника. А вот бывшие члены Легии украинских националистов, в основном надднепрянцы Кожевников, Костырев, Сциборский, были отстранены от руководства ОУН и обречены на нищенское существование. Дело в том, что Коновалец единолично распоряжался денежными средствами, получаемыми из казны «третьего рейха», и довольно прямолинейно использовал эту возможность в целях упрочения своего положения в ОУН. Он был последней инстанцией, где рядовые оуновцы могли обжаловать принятые им решения. Обращения с жалобами в иные инстанции – абвер, НСДАП – считалось в ОУН покушением на честь и достоинство их «провідника». Недопустимым считалось обращение с жалобами и к самому «провіднику». Бывший «легист» киевлянин Гай Гаевский (настоящая фамилия Жлудский) был изгнан из ОУН только за то, что осмелился написать «провіднику» письмо, в котором указывалось на нераспорядительность референта ОУН Мартынца, причинившего ущерб интересам ОУН во время выселения чешскими властями украинских националистов из страны в 1934 году. Заметим при этом, что Мартынец – бывший адъютант Коновальца в курене сечевых стрельцов.

Действуя подобным образом, Коновалец оставлял в рядах ОУН только тех, кто никогда и ни в чем не прекословил ему и умел держать язык за зубами, а на руководящую работу брал лично преданных ему людей, среди которых появлялось все больше авантюристов, непригодных к исполнению возложенных на них функций. Созданное таким путем «единство рядов ОУН» разрушалось изнутри его же «вождем», уверовавшим в свою непогрешимость и незаменимость.

При той системе тотального шпионажа, который пронизывал все звенья немецкого общества и, особенно, эмигрантские организации, промахи и злоупотребления Коновальца и его окружения не оставались незамеченными их немецкими хозяевами. Их особенно раздражала поставляемая «украинской агентурой» дезинформация о положении в СССР, в которой хвастливо преувеличивались заслуги ОУН «в деле подрыва СССР изнутри».

По-иному стал смотреться и сам Коновалец, проваливший агентурную работу в Польше и Швейцарии и выдворенный из этих стран за террористическую деятельность. Ответственный чиновник НСДАП Шикеданц докладывал руководству нацистской партии: «Коновалец не произвел на меня впечатления вождя народа и даже в какой-то мере значительной личности. На мой взгляд, его можно отнести к категории людей посредственных способностей». Все более скептическое отношение к нему сменялось открытым игнорированием. Берлинская «Фольксцайтунг» все чаще называла «вождем украинцев», верным последователем Гитлера Ричарда Ярого. Имя Коновальца даже не упоминалось. О нем снова заговорили лишь после его гибели 23 мая 1938 года.

Жизненный путь Коновальца и обстоятельства его гибели дают основание сказать о нем то же, что сказал Винниченко о Петлюре в связи с его смертью: «Пал не по чьей-то вине, а из-за собственной судьбы». Искусственная героизация личности Е.Коновальца и возглавлявшегося им сечевого стрелцтва ничего общего не имеет с целями национального возрождения на Украине, восстановления несправедливо призабытых героических страниц из истории украинского народа. Они на руку лишь тем антинациональным и антидемократическим силам, которые направляют свои усилия на подпитывание агрессивного национализма.

После смерти Коновальца к руководству ОУН пришел его многолетний соратник Андрей Мельник. Большинство в Проводе ОУН принадлежало ветеранам движения, которые, однако, давно отошли от непосредственной работы в западно-украинских землях. Позиция Мельника была достаточно определенной: «Немцы – это природные союзники, и освобождение Украины следует объединять с победами их армий» [7, с. 546].

Однако непосредственная подготовка к нападению на СССР требовала большего динамизма и готовности на любые экстремистские действия, неразборчивости в выборе средств, что было не по силам консервативному и осторожному Мельнику.

Выполнение такого рода задач готовы были взвалить на свои плечи представители «молодой генерации» ОУН, лидером которых был Степан Бандера (1909-1959). 15 апреля 1939 года контролируемое этим крылом издание «Нация в походе» впервые употребило термин «бандеровцы» [18].

Это крыло провозгласило образование «Революционного Провала ОУН», объявив в феврале 1940 года об «украинской националистической революции» и необходимости «националистическо-революционных основ и методов», отвечающих активным потребностям существующего момента» [19]. Одной из «основ» бандеровской ветви ОУН стала печально известная СБ (Служба безопасности), во главе которой находились Н.Лебедь и Н.Арсенич.*

По свидетельству непосредственного участника тех событий, «система надзора и система ликвидации жертв лишь на основе решений самой СБ – без какого-либо суда – была позорной и страшной, но, приводя в целом к катастрофическим последствиям, давала бандеровцам чувство власти. Они загнали оппозицию под землю. Никто открыто не отваживался высказать какую-либо критику» [20].

Схожую оценку деятельности СБ – несущей конструкции всей ОУН – дает еще один участник событий тех лет М.Смовский: «СБ была организована по гитлеровскому образцу. Почти все командиры СБ – это бывшие курсанты гитлеровской полицейской школы в Закопане 1939-1940 года. Вышколили их гестаповцы» [21].

К сожалению, ни одну из этих оценок не учел Кентий, претендующий на объективность.

В результате кровавой межфракционной резни было уничтожено около 400 сторонников Мельника (в т.ч. 4 члена Провода ОУН, сотни руководителей разного уровня), значительные потери понесли и сторонники Бандеры. После убийства в 1941 году членов ПУН Сциборского и Сеника, по утверждению О.Субтельного, «убийства и взаимные доносы немцам в жестоком конфликте двух фракций ОУН стали обыденным явлением» [7, с. 569].

Борьба за перераспределение сфер влияния между различными группировками не выходила все же за рамки обычной схватки за возможность использования финансовых ресурсов фашистского рейха. Причем, как отмечал в своих показаниях бывший высокопоставленный чиновник абвера полковник Э.Штольце, «получив от абвера большую сумму денег для финансирования оуновского подполья и организации

* Н.Арсенича один из его «коллег» по работе в Кракове характеризовал как самого жестокого *деятеля* бандеровского Провода, не считавшегося ни с какими смягчающими обстоятельствами и не знавшего иных мер влияния, кроме физического уничтожения. Именно он подписал 27 октября 1943 года директиву, требовавшую за самовольные выступления против немцев карать виновных, вплоть до расстрела (Вісті з України. – 1991. – №21. – С. 7).

разведывательной деятельности против Советского Союза, Бандера пытался их присвоить и перевел в один из швейцарских банков. Эти деньги нами были изъяты и снова возвращены Бандере. Аналогичный факт имел место и с Мельником». В целом же, оуновцы, как и другие националистические организации, активно сотрудничали с фашистским режимом.

Если на определенном этапе имелись некоторые колебания в целесообразности партнерства с таким противником и вера в возможность заключения соглашения со странами «западной демократии», то военные успехи фашистской Германии развеяли все сомнения в желаемом партнере. Вначале была в ходу такая точка зрения: «Нам также необходимо «жизненное пространство», но лишь для нас самих, а не для немцев» [22]. Именно подобного рода логика и толкала лидеров и рядовых членов ОУН к сотрудничеству с врагами Украины. Ведь противником №1 фашистской Германии так же, как и для ОУН, был Советский Союз.

А в документах бандеровской ОУН весны 1941 года четко указано: «... отношение ОУН к государствам и политическим движениям решается их антимосковским отношением, не большей или меньшей политической созвучностью с украинским национальным движением» [23]. Ставка делалась на «естественных союзников». Они действительно были естественными, если учесть схожесть идеологических, организационных принципов, единых целей и задач. Такой союз выглядел вполне естественным.

Когда вспыхнула Вторая мировая война казалось, что начата реализация планов ОУН по установлению «нового порядка» на западно-украинских землях. В нацистском руководстве который раз муссировалась идея создания украинского марионеточного государства, установления над ним контроля для сохранения его «самостоятельности». Прецеденты такого рода были. При помощи фашистской Германии было инициировано создание автономии в Закарпатье, которую возглавил сторонник про-немецкой линии А.Волошин. Однако после того, как это образование сыграло свою подлую роль, в марте 1939 года эта территория была отдана Гитлером Венгрии, а Германия «не советовала» оказывать сопротивление оккупантам. И тем не менее, такая судьба «союзников» Германии не насторожила руководство ОУН. Рассматривался вопрос о ее привлечении к ведению боевых действий на территории Польши.

И тем не менее расчетам такого рода сбыться было не суждено: 17 сентября 1939 года начался реальный процесс воссоединения

украинских земель в одном государстве. Это был новый этап в развитии Западной Украины. Суть его верно определил Ярослав Галан, выступая на пленуме СПУ 29 июня 1944 года: «Народ Галичини впервые за 700 лет своей истории перестал быть объектом, но стал субъектом истории, полным творцом своего настоящего и будущего».

Література и источники

1. Партархив Інститута історії партії при ЦК Компартії України ЦГАОО України, ф. 57, оп. 4, д. 338, – С. 115-117.
2. ЦГАВОВУ України, ф. 4628, оп. 1, д. 10, – С. 1-5.
3. Тютюнник Ю. З поляками проти України, 1924.
4. Книш З. Військо у цивільній одежі//Життя і смерть полковника Коновальця. Львів, 1993. – С. 78.
5. Происхождение ОУН. Ее цели и задачи//Марксизм и современность. – 1995. – №1. – С. 78.
6. Книш З. Становлення ОУН. К., 1994. – С. 21.
7. Субтельний О. Україна. Історія. – К., 1993.
8. Партархив Інститута історії партії при ЦК Компартії України ЦГАОО України, ф. 57, оп. 4, д. 338. – л. 85.
9. Архив КГБ УССР.
10. Петлюра: міфи і реалії//Хто є хто. Політичні портрети. – К., 1991. – С. 22.
11. За двадцять лет до Освенцима//За рубежом, 1990, №28 (1565).
12. Кулич В. Дещо про залізницю. – Л., 1927. – С. 15.
13. Мартинець В. Українське підпілля. Від УВО до ОУН. – Мюнхен, 1949. – С. 53.
14. Кентій А. Нариси історії Організації українських націоналістів (1929-1941 рр). – К., 1998. – С. 6-7.
15. Політична програма і устрій ОУН, (1939).
16. Книш З. Про джерела українського організованого націоналізму. – Торонто, 1970. – С. 170.
17. Сейерс М., Кан А. Тайная война против Америки. – Нью-Йорк, 1942.
18. Євген Коновалець і його доба, – С. 36
19. Обвиняет земля. Организация украинских националистов. Документы и материалы. – М., 1991. – С. 105.

20. Чому була потрібна чистка в ОУН. Теремовля, 1941. – С. 97-98.
21. Леонтьев С. Порядні люди таким руки не подають//Сільські вісті, 1992, 10 листопада.
22. Субтельний О. В названій роботі, с. 569.
23. Альянс ОУН-СС // Воєнно-історический журнал. – 1991. – №4.
24. Косик В. Україна і Німеччина в Другій світовій війні. – Париж – Нью-Йорк – Львів, 1993. – С. 488.

Фашизм и русофобия – основа идеологии украинского национализма

Идеология украинского национализма как система идей, взглядов в сфере политики, права, философии, нравственности, эстетики и религии стала зарождаться в середине XIX столетия. Её появление было обусловлено пробуждением в Украине национальной жизни.

Общественная природа идеологии украинского национализма, как и иного национализма, – классовая. Она отражает политические и нравственно-психологические устремления эксплуататорских, буржуазных и мелкобуржуазных, по своей сути, слоев населения. Развитие капитализма, товарно-денежных отношений вносит кардинальные изменения в менталитет народа, усиливает формирование стяжательских, эгоистических и карьеристских настроений, прежде всего у элиты общества, которые и составляют нравственно-психологическую основу идеологии национализма.

Идеология украинского национализма имеет общие черты с национализмом других народов и проявляется в следующем:

- нация представляется как внеисторическая общность;
- абсолютизируются национальные различия;
- идеализируется менталитет своей нации;
- успехи нации объясняются особой ее даровитостью, а неудачи – недостаточной обособленностью от других наций;
- в сознании народа культивируется чувство превосходства над другими нациями, пренебрежение к их правам, по отношению к ним насаждается недоверие, чванство, высокомерие и даже враждебность, которая легко перерастает в расизм и фашизм. Подобное произошло с украинским национализмом: от национальной идеи он эволюционировал к фашизму. Данное обстоятельство был вынужден признать даже Орест Субтельный, книгу которого «Україна. Історія» высоко оценил апологет бандеровщины Кульчицкий. По его словам, идеология украинского национализма, «вполне очевидно содержала элементы фашизма и тоталитаризма» и что его ближайшими сородичами являлись «Железная гвардия Румынии», «Усташи» в Хорватии, «Стрела и крест» в Венгрии и аналогичные движения в Словакии и Польше [1].

Определяющей чертой идеологии украинского национализма стала русофобия, сформированная в особых исторических условиях. Своеобразие их таково: основные постулаты идеологии украинского

национализма сформировались не на общем (украинском), а региональном (галичанском) национальном массиве, политическая элита которого оказалась под влиянием и полным контроле западных спецслужб (австрийских, польских, германских), готовивших экспансию против России.

К примеру, Макс Ронге (бывший руководитель разведки Австро-Венгерской империи) в своих воспоминаниях писал: «Предложение украинским националистам об их участии в борьбе против России получило горячий отклик» у Кость-Левицкого, Василенко, Зализняка, Малиновского и других лидеров «Союза за освобождение Украины», созданного в Галиции». Русофобские настроения в Галиции традиционно утверждала и униатская церковь. Митрополит Шептицкий настойчиво призывал свою паству «вырвать христианский Восток из клещей ереси (православия – Авт.), водворить его в лоно апостольского и европейского сообщества».

Спецслужбы западных стран сумели подготовить в Галиции многочисленный отряд воинствующих националистов, поведение которых шокировало даже гетмана Павла Скоропадского. В «Спогадах» он писал: «Культура галичан из-за исторических причин слишком разнится от нашей... Среди них много узких фанатиков, в особенности в смысле исповедания ненависти к России... Для них не важно, что Украина без Великороссии задохнется, что ее промышленность никогда не разовьется, что она будет всецело в руках иностранцев, что роль их Украины «быть каким-то прозябающим селянством» [2].

Завершили формирование русофобской устремленности у националистов гитлеровцы. Примечательно, когда гитлеровцы создавали дивизию СС «Галичина», то они считали, что «галичане и украинцы – две разные нации, и при этом галичане – это почти арийцы» [3].

Следовательно, радикальный, воинствующий украинский национализм с русофобской заданностью – это продукт одного региона Украины – Галичины, и потому наш «рідний» национализм справедливо было бы именовать галичанским национализмом.

Идеология украинского национализма формировалась на протяжении полутора веков. Отдельные ее элементы можно найти в трудах 20-40-х годов XIX в.: «Історії Русів» (автор анонимный), «Історії Малої Росії» Д.Бантиш-Каменского, «Історії Малоросії» Н.Маркевича. Авторы этих работ считали Киевскую Русь общей колыбелью русских, украинцев и белорусов, обосновывали целесообразность национальной автономии для Украины в рамках российской империи.

Новый вклад в развитие националистических взглядов в Украине внесли работы правого крыла Кирилло-Мефодиевского товарищества (возникло в 1846 г.): П.Кулиша, Н.Белозерского, Н.Костомарова и др.

Из них наиболее полно идеи украинского, буржуазно-помещичьего по сути, национализма выразил П.Кулиш. В обобщенном виде их можно представить так:

- национальный вопрос имеет приоритет перед социальным вопросом;

- люди отличаются один от другого преимущественно своими национальными признаками;

- украинский народ «глубоко демократический». Он сплочен единством национальных задач и «остается всегда и во всем народом, а не классом, выделившимся из народа» [4];

- украинская нация отлична от иных славянских народов. Она выше других наций. Ей предстоит осуществить мессианскую роль в отношении других народов.

Других взглядов в национальном вопросе, принципиально отличающихся от взглядов П.Кулиша, придерживался Т.Шевченко. У «Кобзаря» решение национальных проблем было подчинено социальным (классовым). Поэт пламенно звал своих друзей встать на защиту крестьянства, убеждал их «подать голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!» [5].

У нас есть больше оснований относить Тараса Григорьевича к русофилам, в чем убеждают читателя его многие записи в дневнике, которые он сделал, возвращаясь из ссылки. 12 ноября 1857 г. Шевченко, находясь в Нижнем Новгороде, записал: «Мне здесь пока хорошо. Нижегородская аристократия принимает меня радушно и за работу платит, не торгуясь, 25 рублей серебром за портрет, нарисованный карандашом... А книгами и журналами по милости моих новых друзей, вся комната завалена... Теперь мне только не достает столицы (Петербурга. – Авт.)». Т.Шевченко очень сокрушался, когда узнал, что ему въезд в столицу пока не разрешен. Появилась другая запись: «Что же я теперь буду делать без моей Академии? Без моей возлюбленной акватинты» [5, с. 150-338].

Тарас Шевченко хотел жить и творить в полюбившейся ему северной столице.

Русофобский настрой в зародившемся украинском национализме подогревали польские идеологи И.Лысяк-Рудницкий, И.Терлецкий, М.Чайковский, Ф.Духинский и др.

Польские украинофилы идеализировали историю польско-украинских отношений, акцентировали внимание на противостояние России, самые радикальные из них даже «отрицали славянскость москалей», обосновывали необходимость реанимации Речи Посполитой [6].

Среди идеологов украинского национализма самой колоритной фигурой был и остается М.С.Грушевский (1864-1934). Его перу принадлежат: многотомная «Історія України-Русі». «Нариси історії Українського народу» и множество других работ по этнографии, истории украинской литературы, фольклору и т.п.

Анализом его исторических работ занимались многие ученые-обществоведы, в том числе В.Е.Евдокименко, В.Г.Сорбей и др. Специалисты отмечали, что антинаучность его исторической концепции, по оценке В.Г.Сарбея, зиждется на следующих фальсификаторских теориях:

– «исключительность» украинского народа, иначе, украинцы одареннее других наций, им принадлежит мессианская роль;

– «отрубность» истории украинского народа от исторических путей русского и белорусского народов. (Отрицание общности происхождения и общности судеб русских, украинцев и белорусов становилось аргументом к их противопоставлению и превращению во враждующие нации);

– «безбуржуазность» украинского общества. Данное положение стало помехой на пути осознания трудящимися своих классовых целей и задач;

– «единый поток» в развитии украинской культуры. Это утверждение сеет иллюзию о якобы существующей общности духовных основ, нравственно-этических и эстетических ценностей у эксплуататоров и эксплуатируемых и способствует сохранению социального угнетения.

Творцы духовной культуры Украины хорошо увидели противоречивость литературного творчества этого крупного историка. В одном из писем, написанных в 1915 г., И.Я.Франко решительно выступил против того, чтобы «на разных языках толочь и перемалывать фальшивые исторические конструкции проф. М.Грушевского, слабость и непрочность которых уже теперь чувствует каждый историк» [7].

Русофобская заданность Михаила Грушевского проявилась уже в начале XX столетия. В мае 1909 г. по его предложению на заседании Галицкой Украинской партии председательствовал Кость Левицкий,

действовавший по заданию австрийских спецслужб. Было принято решение об «организации по всей Галиции празднования в честь гетмана Мазепы» и издании «брошюр, разъясняющих значение выступления Мазепы в защиту угнетенных русским правительством казаков» [8].

М.Грушевский, отрицая классовую борьбу, основную двигательную пружину общественного развития видел в национальных антагонизмах. Главным врагом Украины, полагал он, является Россия, и что все напасти идут с Севера.

Националистические концепции Грушевского, воплощенные в политику Центральной Рады, стали источником величайшей трагедии украинского народа. Ошибочно представив Советскую Россию главным врагом Украины, Центральная Рада совершила акт предательства – в феврале 1918 г. заключила с Германией и Австро-Венгрией договор, в соответствии с которым войска указанных государств оккупировали Украину. Оккупанты превратились в полных панов, вмешивались в гражданское управление: арестовывали, судили и расстреливали самовольно [9].

Весьма поучительно и то, что Центральная Рада во главе с М.Грушевским была разогнана немцами, с помощью которых украинские националисты рассчитывали сохраниться у власти. Заменив Центральную Раду Скоропадским, оккупанты продолжали «играть с Украиной так, как кошка с мышкой: то придавит, то даст побегать и насладиться иллюзией свободы, зорко следя в то же время, чтобы добыча не ушла от стола хищника-победителя» [10].

Историография М.Грушевского полностью вошла в идеологический арсенал украинского интегрального национализма. У Грушевского оказалось немало приверженцев и последователей. Одним из самых заметных из них стал Николай Чубатый, автор книги «Княжа Русь-Україна та виникнення трьох східнослов'янських націй», изданной в 1964 г. в Нью-Йорке – Париже. Автор комментирует и развивает преимущественно те положения Грушевского, в которых он отрицает общность трех восточнославянских народов – русских, украинцев, белорусов.

Заметный след в историографии украинского национализма оставил Вячеслав Липинский (1903-1934 гг.). Его основной труд «Листи до братів-хліборобів», (написанный 1919-1926 гг.)

Автор отрицал социально-классовые антагонизмы в украинском обществе, по его утверждению, деятельность рабочих, промышленников, духовенства, купцов и т.д. направлена к общей цели, и все классы

нуждаются в согласии. Помещиков, крестьян и кулаков он объединил в класс «хлеборобский», которые-де «одинаково работают на земле», в равной мере заинтересованы в «самостийной державе» и социальном сотрудничестве.

Липинский вслед за Грушевским утверждает, что украинцы – «высокоразвитая классово сформированная нация в противоположность русской нации, которая, по его выражению, еще не вышла из первичной «охлократической» стадии развития». Таким образом, Липинский пытался обосновать тезис о несовместимости коренных интересов украинского и русского народов.

Идеалом политической системы у Липинского стала так называемая «классократическая» держава, во главе ее стоит монарх, который якобы будет выражать интересы всех классов Украины. Автор обосновывает вывод о том, что строительство «самостийної» Украины следует начинать с возрождения национальной элиты, т.е. помещиков, кулаков и т.д. (что собственно и возрождается сегодня в ходе так называемых демократических реформ).

Теоретические наработки Вячеслава Липинского получили дальнейшее развитие в творчестве Дмитрия Донцова (1883-1973 гг.) и его последователей. Донцов в своих трудах «Націоналізм», «Хрестом і мечем» и других создал образ «настоящего борца за незалежність України» и обосновал основополагающий принцип украинского интегрального национализма, именуемый «провідницьким» или «фюрер-принципом».

В соответствии с этим принципом независимое украинское государство может создать лишь избранное меньшинство нации и ее лидеры, наделенные следующими чертами:

- беспредельной преданностью национальной идее;
- ненавистью к другим народам;
- уверенностью в себе;
- осознанностью своего величия к основной массе нации и способностью подчинить большинство нации и повести его за собой.

Донцов, как и Липинский, считал народ серой массой, способной лишь трудиться на отведенном участке земли. Он пренебрежительно именовал народ «гречкосеями», нуждающимися в жестком руководстве и кнуте. Донцов убеждал националистов в необходимости «победить собственное общество. Объезжать его как дикого коня. Прутом и шпорами» [11].

Донцов настаивал на том, чтобы националистические идеи перенести в кровь нации, возродить частную собственность на средства

производства и землю. Его «самостійна Україна» – это тоталитарное государство военной диктатуры, которое должно обеспечить национальную однородность, полную дискриминацию других национальностей и «иерархию социальных сословий», т.е. утвердить социальное неравенство.

Донцов идеализирует фашизм и лидеров этого движения – Гитлера и Муссолини, переводит на украинский язык и издает «Майн кампф».

Итак, по Донцову, в Украине ОУН должна быть аппаратом власти, состоящим из «лучших людей» во главе с вождем, который соединит в себе функции лидера движения и главы государства. Все эти установки легли в основание первой (1929) и второй (1939) программ ОУН.

Чрезвычайный Збор ОУН (апрель 1941 г.), руководствуясь идеями Донцова, в программных документах записал: в Украине существуют «враждебные национальные меньшинства» – русские, поляки и евреи [12].

Крупной фигурой среди тех, кто создавал идеологию украинского национализма, был Николай Сциборский (1897-1941 гг.). На формирование его мировоззренческих и политических взглядов решающее влияние оказал национал-социализм.

Приведем некоторые его догматы:

– «Фашизм – это прежде всего национализм – любовь к своей отчизне и патриотизм чувств, доведенных до самоотречения и культа жертвенного фанатизма. Источником его происхождения является национальный инстинкт, национальный дух и национальное сознание»;

– Фашизм – это «теоретический эталон» и «движущая сила, поднимающая нацию на высшую историческую ступень»;

– Если демократия в основу своих доктрин положила «чрезмерный культ разума», то «фашизм свою философию построил на признании духа, воли и идей (спиритуализм, волюнтаризм, идеализм) в качестве решающих факторов исторического развития» [13].

Сциборский считал недопустимым межнациональные браки, «смешения народов и рас».

Аналогичные идеи отстаивали и другие теоретики украинского национализма – современники Сциборского и, в частности, Николай Михновский (1877-1924 гг.), который постулировал: «Украина для украинцев», «Помоги своему земляку прежде других», «Не бери себе в жены из чужинцев, иначе и дети твои будут чужинцами»... Обращаясь к рабочим, он призывал их «к полному изгнанию из Украины чужаков» [13, с. 143].

Идеи расизма и человеконенавистничества идеологов украинского национализма легли в основу выработки инструкций, директив и программ ОУН. Эти документы и вся практическая деятельность ОУН были направлены на то, чтобы сформировать воспетый Донцовым и его единомышленниками «орден рыцарей крестоносцев», привить боевикам ОУН бездушный фанатизм, превратить их в слепых исполнителей воли буржуазно-националистической верхушки.

«Декалог» – десять заповедей украинских националистов, разработанных одним из ведущих идеологов ОУН Степаном Ленкавским (1904-1977 гг.), призывает к отказу от собственного «Я», к полной отдаче себя в распоряжение националистических вождей. Декалог содержит так же призывы к борьбе, ненависти и мести, добиваться «увеличения горы трупов противника», не обращая внимания на реакцию мирового сообщества. В «Пояснениях к декалогу» записано: «Дело, за которое мы беремся, освещает средства. Все, что совершается для дела, хорошо, свято... Националистическая мораль – мораль завоевателя» [14].

Аналогичные положения были закреплены и во второй программе ОУН, принятой в 1939 г.

С националистической идеологией полностью солидарны униаты. Союз креста и меча оказался прочным и стоил народам не мало крови. Иерархи униатской церкви (Шептицкий, Слепой, Хомишин, Гриньох, Лаба и др.) благословили оуновцев на кровавые дела и братоубийственную войну на Украине, а в 1941 г. приветствовали вторжение гитлеровских войск в нашу страну и выступили с поддержкой фашистского оккупационного режима.

Как видим, идеология украинского национализма имеет фашистское основание. Данный факт признают и сами оуновцы. К примеру, Луцкий (бывший член Центрального провода ОУН) справедливо отметил: «Идеология ОУН формировались в период усиления германского национал-социализма и итальянского фашизма. Именно потому что украинский национализм развивался под влиянием этих течений, между украинским национализмом и германским национал-социализмом так много общего» [15].

Евгений Онацкий (автор многих работ по апологетике украинского национализма, опубликованных в предвоенные и послевоенные годы) писал о том, что различие между германским фашизмом и украинским национализмом чисто условно. По его словам, «фашизм является национализмом нации государственной, а украинский национализм – национализмом нации негосударственной».

Уже вторая программа ОУН (1939 г.) декларировала нациократию – государственно-политическую систему, сочетающую элементы политического устройства нацистской Германии и корпоративного строя фашистской Италии. В так называемой Украинской Соборной Самостийной державе (УССД) декларировалась монополярная власть ОУН при полной ликвидации каких бы то ни было демократических прав и свобод. Социально-экономическую основу УССД оуновцы предполагали построить по образцу и подобию государственного синдикализма в фашистской Италии.

Расхождения в названных выше идеологиях были оставлены главарями ОУН без внимания, как несущественные. Свою же новую идеологию они назвали ИНТЕГРИРОВАННОЙ, якобы отвечающей ВЫСШИМ ДОСТИЖЕНИЯМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА, откуда и произошло второе название украинского национализма – УКРАИНСКИЙ ИНТЕГРИРОВАННЫЙ (ОРГАНИЗОВАННЫЙ) НАЦИОНАЛИЗМ. И своей идеологией, и своими практическими делами он ничем не отличается от других разновидностей фашизма. На фашистскую природу украинского национализма указал в своей недавней публикации «Современный образ национализма: пошли ли на пользу уроки прошлого» член-корреспондент НАН Украины Мирослав Попович. «Это не секрет, – пишет он, – оуновцы открыто называли себя фашистами». И далее: «Олег Ольжич, который сегодня является нашим национальным героем, писал о том, что в культурной политике украинский национализм... ближе к нацистам Гитлера, чем к Муссолини... это напечатано в наше время с удивительными комментариями» [16].

За ходом формирования идеологии украинских националистов пристально следили лидеры фашистской Германии, в частности, Розенберг и Канарис. При обсуждении вопросов использования украинских националистов в своих экспансионистских целях они обратили внимание на то, что ОУН не имеет своей политической идеологии. Аналогичная оценка была выражена и в справке-докладе, подготовленной 13 декабря 1938 г. для Гитлера. В документе подчеркивается, что ОУН «никогда не имела своей политической идеологии. В своей деятельности она ограничивалась мелкими террористическими акциями в Галиции...

В последние годы, получив поддержку от министерства рейхсвера, она превратилась в группу, занимающуюся вопросами разведки и контрразведки».

А.Розенберг и Ф.Канарис заявили, что «политические установки ОУН могут определяться лишь Берлином» [17].

Надо полагать, что лидеры ОУН при принятии второй программы ОУН (1939) и в других документах учли критические замечания своих германских хозяев и более целеустремленно стали формировать свое воинство по образцу и подобию гитлеровцев. И тем не менее, руководство фашистской Германии продолжало контролировать деятельность ОУН, отводя ей весьма «специфические» функции: держала оуновцев на положении наемных убийц и палачей, шпионов и диверсантов, охранников концлагерей и полицейских. Эта роль, как показала история, вполне устраивала украинских националистов.

Куря фимиам нацистской Германии, националистическая пропаганда вскоре после оккупации гитлеровцами западных областей Украины возвещала: «День 22 июня 1941 г. вырвал нас из эмиграции» [18].

Центральный провод ОУН потребовал от своих организаций украсить города и села фашистскими лозунгами, на главных улицах соорудить триумфальные арки с надписями «Хайль Гитлер!», «Слава ОУН!», «Слава Бандере!», «Да здравствует немецкая армия!», «Да здравствует Адольф Гитлер!».

Тем временем фашистское руководство не скрывало своих подлинных целей в отношении украинского народа. «Вы можете мне поверить, – обращался в декабре 1942 г. к немецким солдатам гауляйтер Украины Э.Кох, – что я вытяну из Украины последнее, чтобы только обеспечить вас и ваших родных». И тут же: «Один центнер украинской пшеницы важнее, чем вся украинская проблема» [18, С. 37].

Генетическое родство фашизма и украинского национализма обусловило безоговорочную поддержку гитлеровской Германии украинскими националистами. Их идейно-нравственная и политическая позиция адекватно выражена редактором националистической газеты «Вольню» Уласом Самчуком в статье «Адольф Гитлер». «Наше единственное желание, – писал Самчук в августе 1941 г., – действительно помочь германской армии достичь намеченной цели. Верим твердо и непоколебимо в ее победу, ибо во главе ее стоит муж чрезвычайного мерил и чрезвычайной духовной силы – Адольф Гитлер».

Природная общность германских нацистов и украинских националистов проявилась в чудовищной жестокости к народам, ставшим жертвой гитлеровской агрессии, ко всем противникам установления фашистско-бандеровского режима, а также в способах и приемах достижения поставленных целей.

В 1945 г. германский фашизм, оруженосцами которого выступали украинские националисты, был повержен. Эта великая миссия выпала

на долю Советской Армии, наших отцов и братьев. Однако украинские националисты с их фашистской природой и русофобской заданностью не могли оставаться без хозяина. И он незамедлительно отыскался. В такой ипостаси выступили организаторы «холодной войны» – американские гегемонисты, которых, по праву, сегодня именуют неофашистами.

Украинские националисты и в новой ситуации сохранили свой фашистский нрав. По велению новых хозяев они сменили свое звериное рычание на голубиное воркование и стали антигуманные и антиукраинские акции в интересах творцов нового мирового порядка проводить под вывеской «борцов за демократию и права человека».

Література и источники

1. Киевский вестник, 1993, 26 марта.
2. Скоропадський П. Спогади. – Київ-Філадельфія, 1995. – С. 52-53.
3. Зеркало недели, 2002, 29 марта.
4. Сочинения и письма П.А. Кулиша. – К., 1909. – Т.1. – С.34.
5. Шевченко Т. Твори: В 5 т. – К., 1979. Т. 5. – С. 115.
6. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. – С-Пб., 2000. – С.54.
7. Франко І.Я. До Дорошенка В.В., 4 лист. 1915// Зібр. творів: В 50 т. – К., 1986. – Т. 50. – С. 432.
8. Україна в ХХ столітті. – К., 1997. – С.48.
9. Полонська-Василенко Н. Історія України. – К., 1993. – Т. 2. – С. 483.
10. Революция на Украине. – М.-Л., 1930. – С. 123-133.
11. Донцов Д. Хрестом і мечем. – Торонто, 1967. – 120.
12. Поліщук О.О. Український буржуазний націоналізм і його «теорія держави». – К., 1986. – С.13.
13. Без срока давности. – Харьков, 2001. – С.146.
14. ЦГАВООУ Украины, Ф. 3833, Оп. 2, д. 49. – С.14-15.
15. Поліщук О.О. Український буржуазний націоналізм і його «теорія держави». – С.18.
16. Газета «День». – 2002 года 2 февраля.
17. ЦГАВОВУУ, ф. 4628, Оп. 1, Д. 10, – Л. 1-5.
18. ЦГАООУ, ф.57, Оп.4, Ед.хр. 340, – Л.11.
19. Волинь. – 1941. – 14 серпня.

Закарпатье – объект экспансии нацистов и предательства украинских националистов

Уже многие годы украинские национал-демократы пытаются переписать историю националистического движения на землях Украины, с тем чтобы «освободить» ее от «ненужных» фактов и обобщений, указывающих на сотрудничество ОУН и ее вооруженных формирований с германскими спецслужбами.

Перед нами – образчик такой «историографии» – фолиант под названием «Історія українського війська. 1917-1985», изданный во Львове в 1996 году. [1] Привлекает внимание раздел этого фолианта, посвященный «Карпатской Сечи». Его автор – Степан Россоха – далеко не мастерски преподнес историю этого детища Абвера, свободной от какого-либо упоминания о самом Абвере, а исполнителей его воли представил «независимыми творцами» украинской государственности. В их числе оказался и сам автор раздела – один из бывших участников так называемого Штаба Карпатской Сечи, объединявшего группу украинских националистов. Стремясь к наибольшей краткости в изложении «деталей», которые могли бы пролить свет на действительность того времени, Россоха обходит молчанием перипетии отделения Закарпатья от Чехословакии и агрессивные акции нацистской Германии, круто изменившие судьбу этого края и всей Чехословакии. Лишь небольшим штришком отметил, что «с 1387 года Карпатская Украина была провинцией Венгрии». Но не проронил ни слова о силах, выступивших за отделение Закарпатья от Чехословакии и инициаторах этой акции.

Восполним этот пробел кратким экскурсом в историю этого края.

В ноябре 1918 года распалась лоскутная Австро-Венгрия. В результате острой классовой борьбы в Венгрии победила пролетарская революция. 21 марта 1919 года здесь была провозглашена Советская власть. В течение марта Советская власть была установлена в большинстве районов Закарпатья. Одним из первых мероприятий народной власти стало отделение церкви от государства, а также отмена высоких налогов в пользу униатской церкви, ограничение платы за исполнение церковных обрядов.

10 сентября 1919 года в пригороде Парижа Сен-Жермене был подписан договор, по которому Закарпатье включалось в состав буржуазной Чехословакии. Тем временем германский фашизм начал заявлять о своих претензиях на чужие территории под предлогом

«жизненной необходимости» расширения «жизненного пространства» для нужд немецкой нации. Вслед за этим 12 марта 1938 года нацистская Германия осуществила насильственное присоединение (Anschluss) Австрии, объявив ее провинцией «Третьего рейха».

Очередной жертвой фашистской агрессии стала Чехословакия. Поскольку последняя имела относительно сильную и хорошо вооруженную армию, а также состояла в договорных отношениях с Францией и Советским Союзом, гарантирующих ее безопасность, нацисты не решились на открытую агрессию против нее. Они предприняли «обходный» маневр, целью которого было взорвать Чехословакию изнутри, используя при этом методы политического давления и шантажа, а также возможности спецслужб. Подлую роль в этой аванюре нацисты отводили украинским националистам. Под предлогом самоопределения национальных меньшинств Чехословакии, они развернули широкую пропагандистскую кампанию за передачу Судетской области, Германии большинство населения которой составляли немцы, а также за предоставление независимости Словакии и Закарпатья, где компактно проживали венгры. Однако Чехословакия не спешила поддаваться нацистскому шантажу.

Если Венгрию немцы рассматривали как своего потенциального союзника, то в Чехословакии ее считали скорее врагом, нежели вынужденным «союзником». После Мюнхенского (1938) сговора Англии, Франции, Германии и Италии, актами которого санкционировалось отторжение Судетской области от Чехословакии и передача ее нацистской Германии, судьба Чехословакии была предрешена. В том же 1938 году немцы оккупировали Судеты, а Польша – Тишинскую Силезию, входившую в состав Чехословакии.

Еще задолго до этого, подталкиваемые нацистскими спецслужбами, сепаратистские силы Чехословакии во главе с фашистом Генлейном и главарями националистических и клерикальных организаций развернули широкую кампанию за выход Словакии и Закарпатья из состава Чехословакии. Их поддержали немецкие и венгерские спецслужбы, организовав подрывную деятельность против Чехословакии. Абвер, СД (Служба безопасности) и Гестапо под разными прикрытиями массово засылали свою агентуру и боевиков из числа лиц, причастных к ОУН и базировавшихся, в основном, в Берлине и Вене, а также проживающих в Галиции. В одной только Вене, являвшейся плацдармом подрывной деятельности ОУН против Чехословакии, в подчинении немецких спецслужб находилось около 800 подготовленных оуновских

боевиков. С целью руководства сепаратистским движением, организации провокаций и подрывных акций силами небольших вооруженных формирований, созданных функционерами ОУН, Абвер в начале октября 1938 года направляет в Закарпатье своего агента, вождя ОУН Андрея Мельника.

7 октября в городе Жилина состоялось совещание представителей профашистских организаций Словакии. На нем было принято решение «Об автономии Словакии». На следующий день аналогичное совещание в Ужгороде приняло меморандум «Об автономии Карпатской Украины» и образовало временное правительство во главе с Бродием – председателем т.н. Земледельческого Союза. В этой ситуации правительству Чехословакии ничего не оставалось, как объявить о преобразовании Чехословацкой Республики в федеративное государство в составе Чехии, Словакии и Подкарпатской Руси. Таким образом, фашисты достигли цели: расчленили Чехословакию на «федеративные земли», взяли под контроль деятельность марионеточных правительств Словакии и Закарпатья. Осталось только оккупировать Чехию, что и произошло 15 марта 1939 года.

Однако возвратимся к «Истории Карпатской Сечи» Степана Россохи. Он пишет: «4 сентября 1938 года в Ужгороде по инициативе поручников Организации Украинских Националистов состоялось собрание, ... на котором создали Украинскую национальную оборону (УНО). В состав ее проводы вошли: Степан Россоха (автор данной истории), председатель Иван Рогач. Военный штаб УНО возглавил полковник Аркас (бывший офицер Украинских сечевых стрелцов), полковник Г.Стефанив и сотник (капитан УСС) Клименко.

Россоха доверительно сообщает, что уже летом 1938 года ощущалась «необходимость организовать собственную вооруженную оборону». В это время, по его словам, соседи Карпатской Украины венгры и поляки начали засылать туда своих хорошо подготовленных диверсантов, которые подрывали мосты, совершали нападения на государственные учреждения и объекты, терроризировали население. Из этого следует, что Украинская Национальная Оборона создавалась только для того, чтобы противодействовать венгерским и польским диверсантам, т.е. защитить Чехословакию от противоправного вмешательства иностранных разведок.

Возникает вопрос: почему это делали не соответствующие государственные органы Чехословакии, а вооруженные формирования, создававшиеся, по словам Россохи, «по инициативе поручников

ОУН»? В писаниях господина Россохи, мягко говоря, не все согласуется. Дело в том, что УНО создавалась лидерами ОУН под руководством абвера и гестапо. И не для защиты границ Чехословакии, а, напротив, – с целью подрыва ее изнутри путем осуществления нападений на официальные учреждения под видом иностранцев, творить хаос и создавать напряжение. Данная ситуация стала ширмой политики гитлеровцев, которые выразили резкое неудовлетворение бездействием правительства Бродия. Временный поверенный в делах Германии в Праге Генке рекомендовал чехословацкой стороне отстранить Бродия от занимаемой должности. 24 октября 1938 года он был арестован чехословацкими властями. На следующий день по рекомендации германской дипломатической миссии в Закарпатье премьер-министром был назначен Августин Волошин – бывший преподаватель Ужгородской духовной семинарии, сотрудничавший с германскими спецслужбами. С этого времени правительство «Подкарпатской Руси» превратилось в марионетку нацистских правителей. Волошин и его правительство фактически вышли из подчинения властям Чехословакии, ревностно выполняя указания Берлина.

Используя тактику давления, Германия постоянно вела с Венгрией торги относительно Закарпатья, толкая ее к выходу из Лиги Наций и присоединению к Антикоминтерновскому блоку, иначе говоря, к коалиции агрессивных государств против Советского Союза. Получив принципиальное согласие правительства Венгрии по данной проблеме, Гитлер разрешил Венгрии захватить Ужгород, Мукачево и Берегове (12% территории Закарпатья) под предлогом самоопределения проживавших там мадяров. В то же время мадяры были сориентированы на доброжелательное отношение к проживавшим в этом районе украинским националистам. А вот как об этом пишет Россоха: «После уступки мадярам Ужгорода, Мукачева и Берегово., 2 ноября 1938 года столица Карпатской Украины была переведена в Хуст. Здесь, 9 ноября Украинская Национальная Самооборона была реорганизована в Карпатскую Сечь... В состав Главной Команды Карпатской Сечи вошли: Дмитрий Климпуш – комендант, Иван Россоха – генеральный писарь, Степан Россоха – связной старшина по связи с правительством Карпатской Украины и референт прессы. Шефом Генерального штаба был назначен полковник Колодзинский – в оуновском подполье имел кличку «Гузар» (в прошлом – офицер сечевых стрельцов, близкий к Е.Коновальцу и А.Мельнику, погиб в боях с венграми 17 марта 1939 года вместе с З. Косаком. – Ред.). В состав Штаба вошли: четовой О.Велянский, четовой

3. Косак (четовой УСС в 30-е годы являлся заместителем референта по военным делам краевой эк-зекутивы ОУН в Галиции – Ред.), четовой Крис, поручик Чёрм ный, поручик Щука, поручик Калина...»

Примечательно, что четыре последние личности автор почему-то прикрыл псевдонимами. Завесу секретности частично открывает польское консульство в Хусте. 9 ноября 1938 года оно информировало Министерство иностранных дел своей страны о том, что «в Штабе Карпатской Сечи в качестве организаторов и инструкторов работают четыре немецких офицера». Раскроем и мы двоих из них. Псевдоним «Щука» принадлежал Роману Шухевичу – лейтенанту абвера. В оуновском подполье он использовался до 1943 года, т.е. до назначения Шухевича командующим УПА, в соответствии с указаниями Абвера. Однако прежняя кличка не импонировала «его генеральскому величеству» и была заменена на более благозвучную – «Тарас Чупринка». К этому времени Шухевич имел чин капитана и являлся официальным сотрудником Второго Управления абвера.

Псевдоним «Калина» принадлежал Юрию Лопатинскому – члену Центрального Провода ОУН, организатору УПА, официальному сотруднику абвера. Шухевич и Лопатинский, опасаясь преследования со стороны польских властей за участие в террористической деятельности в середине 30-х годов, бежали из Галиции в Германию. Весной 1938 года окончили организованную абвером и вермахтом офицерскую школу, в которой обучались многие оуновцы, получили звания лейтенантов (т.е. поручников, по националистической фразеологии. – Ред.), стали официальными сотрудниками нацистской военной разведки и использовались в разного рода подрывных акциях против Украины, Польши, Чехословакии и других стран Европы. Как позже пояснил плененный советскими войсками полковник абвера Альфред Бизанц, до 1939 года проживавший во Львове и руководивший агентурой абвера из числа националистических «вождей» в Галиции, деятельность Шухевича и Лопатинского, как и других деятелей Карпатской Сечи и правительства Волошина, координировал и направлял капитан абвера Эккель. После захвата Австрии Германией Эккель выполнял задания абвера в Вене, затем был направлен в Закарпатье, с апреля по август 1939 года выполнял задания абвера вместе с Бизанцем во Львове и, в целом, в Галиции. Во Львов он прибыл на личном автомобиле под видом торговца лесом, что позволяло ему свободно разъезжать по всем западным областям Украины.

В 1944 году Лопатинский бежал на Запад с отступающими немецкими войсками. В декабре того же года в составе группы абвера, которую возглавлял гауптман Кирн, был заброшен на немецком военном самолете в лесной массив Калушского района Ивано-Франковской области на базу Шухевича. Затем, по выполнению задания, о котором рассказывается в последующих главах книги, Кирн и Лопатинский тайно через линию фронта возвратились в Германию.

Подобный путь в оуновском подполье, только рангом ниже, прошли четовой Крис и поручик Черный. Поэтому неудивительно, что при создании «Сечи» оуновцы старательно использовали опыт нацистских штурмовых отрядов СС. Это проявлялось даже в цвете их мундиров, изготовление которых финансировалось нацистами, а также в форме приветствия. Всеми описанными здесь событиями руководил «вождь» ОУН Андрей Мельник, направленный туда фашистскими спецслужбами [2].

Придя к власти, А.Волошин запретил в Закарпатье все политические партии левой ориентации. Право на существование осталось только за возглавляемой самим Волошиным Христианско-демократической партией и руководимой И.Боднаром и братьями Климпушами «Украинской крестьянской партией». Обе эти партии и ранее активно сотрудничали с ОУН, а в 1933 году заняли профашистскую позицию и поддержали гитлеровский план захвата Советской Украины. В конце 1938 года эти партии объединились и создали «Украинское Национальное Объединение» (УНО), которое возникло в Германии еще в 1934 году по предложению А.Розенберга, руководившего в тот период внешней службой (разведкой) нацистской партии. По этому поводу С.Россоха пишет: «Укрепление Карпатской Сечи и победа Украинского Национального Объединения на выборах в Сейм Карпатской Украины 12 февраля 1939 года... прибавило украинцам еще больше уверенности и упорства в построении своей государственности...» [3].

В декабре 1938 года и в феврале 1939 года в Хусте состоялись съезды «Карпатской Сечи», рассмотревшие организационные вопросы этого небольшого вооруженного формирования.

Теперь посмотрим, как интерпретирует это событие автор «Истории Сечи».

«... Второй съезд Карпатской Сечи, который состоялся 19 февраля, – пишет Россоха, – продемонстрировал военную силу и дисциплину Карпатской Сечи, которая проявилась в десятитысячном походе сечевых подразделений к столице Хусту... С возгласами «Слава!»

приветствовала столица Карпатской Украины во главе с премьер-министром доктором Августинем Волошиным. К стройным подразделениям сечевого войска обратились с приветствиями представители правительства и Главной Команды Карпатской Сечи, среди них генерал Виктор Курманович и др.» [4].

Россоха утверждает, что «Карпатская Січ» насчитывала более 10 тысяч воинов, но достоверные источники считают эту цифру завышенной в 5 раз.

Обострение взаимоотношений между пражским правительством и властями Закарпатья привело к тому, что правительство Чехословакии заменило некоторых министров в администрации Волошина. Сам Волошин обратился за поддержкой к руководству «третьего рейха». В беседе с немецким консулом Шплеттштрассером 7 марта 1939 года Волошин предложил, чтобы Закарпатская Украина была провозглашена независимой, и над ней был установлен германский протекторат.

Как видим, и на этот раз националистическая верхушка ради своих шкурных интересов идет на предательство национальных интересов Украины.

Однако нацистские правители не приняли предложение Волошина, будучи заинтересованными в дальнейшем развитии конфликта. 11 марта германское правительство передало венгерскому посланнику Стояи ноту, которой разрешалось проведение «некоторых венгерских акций в Закарпатье», с той лишь оговоркой, чтобы они «не притесняли и не преследовали украинских националистов, которые действуют в этом регионе» [5] 13 марта 1939 года Венгрия получила разрешение Гитлера на полную оккупацию Закарпатья. 14 марта того же года венгерские войска, спровоцировав приграничные конфликты с чехами, начали оккупацию Закарпатья. 15 марта войска нацистской Германии перешли границу Чехии и оккупировали эту страну. Дислоцировавшиеся в Закарпатье небольшие подразделения словацкой армии, пребывая в неведении о действиях своего правительства относительно вероломного вторжения германских и венгерских войск, оказали сопротивление оккупантам. Нечто похожее предприняли и отряды «сечевики» – против мадьяр, что явно не входило в планы гитлеровцев. В связи с этим германский консул в Хусте Гоффман передал правительству «Карпатской Украины» рекомендацию своего правительства: «сечевикам» не следует оказывать вооруженное сопротивление венграм. Поскольку рядовые «сечевики» не были информированы об этом и продолжали выполнять команды низовых командиров, то боевые действия были

прекращены не сразу. В результате «сечевики» потеряли более 100 человек убитыми, более 300 – ранеными.

18 марта венгерские войска полностью оккупировали Закарпатье и вышли на границу с Польшей. Марионеточное правительство «Карпатской Украины» во главе с Волошиным и с частью «сечевиков» бежало в Румынию, а затем через Югославию перебралось в Берлин. Тех «сечевиков», которые были захвачены в плен, венгры вывезли в лагерь военнопленных, что вблизи города Ниередьгаза, и впоследствии передали немцам.

В 1941 году часть «сечевиков», выходцев из Галиции, по зову оуновских главарей, участвовавших в «защите» Закарпатья, вошла в состав карательных батальонов «Нахтигаль» и «Роланд».

Література и источники

1. ОУН в світі постанов Великих Зборів, Конференцій та інших документів з боротьби 1929-1955 рр., – С. 31.
2. Історія українського війська. 1917-1985. Львів.
3. Россоха С. Історія Карпатської Січі.
4. Архив КГБ УССР. Особый фонд.
5. Россоха С. Історія Карпатської Січі., –С. 18.

Оуновское предполье гитлеровской агрессии

Украинские националисты активно участвовали в подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз. Эту их преступную деятельность возглавил Центральный провод ОУН во главе с Евгением Коновальцем, агентом гитлеровской военной разведки. Местом его дислокации с 1933 года стал Берлин.

Реализуя свои преступные планы, украинские буржуазные националисты по заданию и на средства абвера создали сеть разведывательно-диверсионных школ, дислоцировавшихся в Берлине, Мюнхене и Данциге. В них готовились шпионы, диверсанты, террористы. Из выпускников формировались диверсионные отряды и группы, которые участвовали в нападении на Польшу, а несколько позже – на Советский Союз.

После смерти Е.Коновальца в 1938 г. во главе ОУН нацисты поставили А.Мельника, сына богатого землевладельца, бывшего полковника УГА (Украинской галицкой армии), позже – управляющего имениями митрополита Шептицкого. Мельник был хорошо известен гитлеровцам своей политической ненавистью к СССР. Он так же, как и Е.Коновалец, был агентом абвера, а с началом Второй мировой войны стал резидентом германской разведки. На средства нацистского рейха он создал ряд специальных школ, в которых проходили подготовку лица украинского происхождения. Одна из них с шестимесячным сроком обучения находилась в пригороде Берлина. В ней обучали методам осуществления диверсий, террора и организации повстанческих выступлений.

Во время военных действий фашистской Германии на территории Польши украинские националисты развязали кровавый террор против поляков и сочувствовавших им украинцев.

Убедившись в лакейской раболепии оуновцев, гитлеровцы сразу же после оккупации Польши пригласили их на работу в так называемую «украинскую полицию», используемую нацистами для борьбы с патриотами. Нацисты высоко оценили старания «украинских полицейских» по борьбе с мирным населением и незадолго до нападения на Советский Союз приступили к массовой подготовке из оуновцев полицейских кадров для оккупационного аппарата на Украине. В этих целях главари ОУН на средства гитлеровской военной разведки в городах Холме и Перемышле создали школы украинской полиции. Их возглавили офицеры гестапо Мюллер, Ридер, Вальтер и другие. До начала военных

действий против СССР эти школы успели подготовить из украинцев около 400 полицейских.

Одновременно с этим гитлеровская разведка развернула в широком масштабе подготовку агентов, предназначенных для разведывательно-диверсионной и повстанческой деятельности на советской территории. Так, в специальном лагере близ озера Химзее, в Германии, готовились диверсанты, а в военном тренировочном центре Квинцгуте проходили подготовку шпионы [1].

Когда Красная Армия взяла под свою защиту западные области Украины и Белоруссии, основная масса оуновцев бежала на территорию польского «генерал-губернаторства». Там же оказались многие главари и активисты украинских националистических партий и формирований. Центром ОУН стал Краков – резиденция гитлеровского генерал-губернатора Г.Франка.

После бегства главарей Львовского провода ОУН, направляющего подрывную работу на всей территории Западной Украины, многие ее организации распались. Однако значительная часть оуновского актива продолжала нелегально вести подрывную работу против органов Советской власти. Особо следует отметить, что подрывная деятельность украинских буржуазных националистов с приближением фашистской агрессии против СССР все более обуславливалась военно-политической стратегией нацистской Германии. А она требовала инициировать националистическое движение в Украине, которое могло бы стать оправданием гитлеровского вторжения. Иными словами, речь шла о подготовке вооруженного восстания украинских националистов в Западном регионе Украины. «Очаг пожара в украинских регионах, – указывалось в одном из документов внешнеполитического ведомства нацистов, – дал бы Германии повод для военного вмешательства в крупных размерах» [2].

Осуществляя эти замыслы, оуновцы использовали различные формы и методы подрывной деятельности, приспосабливаясь к обстановке, складывавшейся на западе республики. Так, в первое время после воссоединения западноукраинских земель, Бессарабии и Северной Буковины с Украинской ССР украинские националисты придерживались тактики заигрывания с местными властями, стремясь «работать» во всех организациях, чтобы занять там «теплые места» и «действовать» изнутри.

Такая тактика давала возможность оуновскому руководству внедрять своих активистов в органы местного самоуправления. Бывший член

львовской экзекутивы Луцкий А.А., к примеру, сумел пробраться в аппарат одного из райисполкомов Станиславской области и даже добиться избрания депутатом в Народное Собрание. Опасаясь возможного разоблачения, он в конце 1939 г. бежал в Краков.

Органами Советской власти было выявлено только в Станиславской области 156 оуновцев, внедренных в сельские комитеты. После того, как тактика заигрывания с местными органами власти потерпела поражение, ОУН перешла к организации саботажа во всех основных сферах жизни народа: торговле, промышленности, сельском хозяйстве и др., используя при этом имевшие место трудности, а в ряде случаев создавая их искусственно.

Саботаж наиболее активно проводился в торговле. Проникнув в торгующие организации, оуновцы срывали мероприятия местных властей, направленные на бесперебойное обеспечение населения продуктами питания и товарами первой необходимости. Например, только по г. Станиславу в первом квартале 1940 г. по плану должно было быть завезено на торгующие пункты крупы 200 тонн, а фактически завезено всего 38 тонн, картофеля – 1300 тонн, завезено 33, животного масла – 10 тонн, завезено 1,2 тонны и т.д. В то же время на базах госторга, обллегпрома лежали в большом количестве обувь, меховые изделия, мануфактура и другие невостребованные товары. Подобное положение имело место и в других областях Западной Украины.

Когда саботаж украинских националистов был сломлен, ОУН встала на путь бандитизма и террора в отношении партийно-советского актива и членов их семей. По неполным данным, во второй половине 1940 г. оуновцами было совершено 30 террористических актов, а в преддверии вероломного нападения Германии на СССР их было совершено только за два месяца 1941 г. 17. При этом было убито 17 активистов и ранено 10 [3].

В целях максимального использования оуновцев в своих целях германская разведка незадолго до нападения на Советский Союз инспирировала раскол в ОУН, используя для этого борьбу за власть между лидерами – А.Мельником и С.Бандерой, появившемся к тому времени в Кракове после освобождения немцами из польской тюрьмы. Посредством раскола ОУН на две враждующие организации – мельниковцев и бандеровцев, нацисты получили возможность эффективнее использовать их в подрывной работе против СССР. Бывший шеф безопасности и СД в городе Ровно Миллер, касаясь раскола ОУН, заявил: «Мы выдали миллион рублей и приложили большие усилия,

чтобы вместо Мельника поставить Бандеру. Мы не пожалеем ничего, чтобы сделать десять Бандер» [4].

С.Бандера был хорошо известен фашистской военной разведке еще до того, как стал ее агентом. По характеристике бывшего заместителя начальника второго отдела абвера полковника Е.Штольце, представшего перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге в качестве свидетеля, Бандера «был великим демагогом, фанатиком и бандитом. Для достижения своей цели он готов пойти на любое преступление, пренебречь любыми принципами человеческой морали» [5]. Именно благодаря этим качествам он и стал агентом гитлеровского абвера.

Украинских националистов, возглавляемых Мельником, прибрало к своим рукам нацистское гестапо, в то время как бандеровская клика очутилась в руках абвера. Однако это условное разделение не мешало гестапо пользоваться услугами бандеровцев, а абверу – услугами мельниковцев в их борьбе против страны Советов. После происшедшего раскола в ОУН оба ее лагеря, соперничая между собой, стремились с еще большим усердием служить фюреру и его клике в надежде на получение права господствовать над украинским народом.

С поражением буржуазной Польши бандеровцы начали лихорадочно комплектовать вооруженные банды и нелегально забрасывать их на территорию западных областей Украины для совершения диверсий на объектах промышленности и транспорта, а также террористических актов над представителями партийно-советских органов и правоохранительных служб.

Наряду с этим главари ОУН при непосредственном участии офицеров ОКВ (Верховного главнокомандования вермахта) и фашистской разведки из оуновцев и других враждебно настроенных к СССР украинцев – эмигрантов приступили к формированию военизированных отрядов для участия в готовившейся интервенции против Советского Союза. В 1940 году в Кракове из бандеровцев был создан двухтысячный отряд «сечевых стрельцов», в Лукхенвальде был сформирован батальон «украинских сечевиков». Тогда же известный своей жестокостью нацист Теодор Оберлендер сформировал, в основном из бандеровцев, батальон «Нахтигаль» («Соловей»). Параллельно был сколочен также из оуновцев батальон «Роланд». Эти формирования предназначались для выполнения особых заданий немецкого командования на захваченной советской территории.

Весной 1941 года бандеровский «провод» ОУН на средства спецслужб гитлеровской Германии сформировал четыре так называемых

«походных группы», в состав которых вошли наиболее активные украинские националисты. Эти формирования представляли собой вспомогательный оккупационный аппарат для оказания помощи фашистской администрации в укреплении на захваченной территории Украины так называемого «нового порядка».

Выполняя указания своих покровителей, Бандера осенью 1940 года направил во Львов эмиссара центрального «провода» ОУН Е.Стибайло с директивой, обязывающей все оуновские ячейки, действовавшие в западных областях Украины, переключить работу всего националистического подполья на сбор шпионской информации, главным образом, военного характера. В директиве, в частности, указывалось: «...направьте людей на Буковину, в Бессарабию и Литву для разведки этих районов. Подготовьте точный отчет. Кроме того, дайте людей и связь в восточные области... Передайте военные книги, карты, газеты, копии документов, политическую информацию об отношении к немцам» [6].

На выполнение этого задания руководство ОУН направило всю сеть своих шпионских звеньев, созданных при каждом «проводе» ОУН, начиная от Краковского «провода» до уездных «проводов» включительно.

Представляет интерес перечень объектов разведывательной деятельности оуновцев. Это прежде всего воинские части Красной Армии, их дислокация, вооружение, командный состав и места их жительства, военные и иные стратегические объекты, подходы к ним, органы НКВД и милиции, анкетные и характеризующие данные на их личный состав, адреса мест проживания и прочее.

В сотрудничестве фашистской разведки с ОУН существовал такой порядок: подготовленные из числа оуновцев шпионы засылались на советскую территорию для сбора разведывательных данных. После их возвращения добытая информация передавалась в соответствующие органы ОУН, а оттуда – в абверу. Впоследствии такой порядок получения от ОУН разведывательной информации о Советском Союзе был изменен. С тем, чтобы ни малейшая часть добытых данных не оседала в центральном «проводе» ОУН, фашистская разведка наряду с использованием шпионской сети ОУН создала свою отдельную от оуновской агентурную сеть, вербуя в нее оуновцев и прогермански настроенных лиц, которых после обучения в специальных школах забрасывали в западные области Украины.⁷ Эта агентура, возвращаясь

с выполнения задания, передавала шпионские данные непосредственно сотрудникам германской разведки [7].

Агентура вербовалась не только из числа рядовых оуновцев, но также и из руководства ОУН. Последние нередко использовались в качестве резидентов абвера. Одним из них оказался бывший руководитель разведывательного отдела Львовской экзекутивы ОУН Н.М.Матвейчук.⁹

О масштабах использования гитлеровской разведкой украинских буржуазных националистов в разведывательно-диверсионной деятельности против СССР свидетельствуют следующие данные: из общего количества выявленной и обезвреженной органами НКВД УССР в предвоенном периоде германской агентуры 30% ее состава представляли оуновцы [8].

Наряду с этим в 1939-1940 гг. гитлеровцами была создана широкая сеть школ и курсов по подготовке из оуновцев командных военных кадров для комплектования так называемых «украинских» формирований. Такие учебные заведения функционировали на территории Германии, «польского генерал-губернаторства» и в некоторых районах Чехословакии, оккупированных немецкими войсками. В них обучались офицеры и подофицеры летных, танковых и других родов войск. Вместе с тем, оуновцами были военизированы украинские «таборы» (лагеря), где проживало большое количество украинских националистов, бежавших из западных областей Украины.

Для подготовки руководящего состава оуновского подполья для оружейных бандформирований по инициативе краковского «провода» ОУН были созданы специальные курсы, именовавшиеся «Вищий старшинський вишкіл» [9].

По мере приближения фашистской агрессии против СССР центральный «провод» ОУН по требованию нацистов активизировал свою подрывную деятельность. Для ее руководства и координации при краковском «проводе» бандеровцев был создан так называемый «повстанческий штаб». Аналогичные «штабы» были организованы на территории Тернопольской и Станиславской областей.

Во исполнение своих зловещих планов украинские националисты спровоцировали ряд вооруженных акций против органов власти. Так, в декабре 1939 года в г. Збараже и некоторых прилегающих к нему селах Тернопольской области оуновцы организовали вооруженное выступление. Его руководители планировали отдельными группами захватить город, разоружить находившийся там военный гарнизон,

войска НКВД, а затем распространить опыт этого выступления на другие города западного региона Украины [9].

В эту акцию оуновцами было втянуто значительное количество своих единомышленников. Только в селе Кобылье активом местной ОУН была организована повстанческая группа численностью около 400 человек, в селе Лубенки – группа в составе более 100 человек. Обе эти группы двинулись на Збараж, но при подходе к городу были рассеяны войсками НКВД и милицией.

Повстанческие выступления украинских националистов против Советской власти имели место и в других городах и населенных пунктах Западной Украины.

После неудавшихся вооруженных акций оуновцев нацисты настойчиво потребовали от главарей ОУН активизации подрывной работы на западе республики. Выполняя это указание, краковский «провод» ОУН перебросил на территорию западных областей Украины своих опытных эмиссаров с задачей: в течение двух месяцев «освоить» территорию, собрать информацию о военно-техническом обеспечении воинских частей Красной Армии, о настроении местного населения, иметь полное представление о количественном и качественном состоянии повстанческих групп, на которое можно было бы опереться в вооруженном восстании против Советов. Обращалось также внимание на активизацию вербовок в ОУН. Переброшенные из-за границы оуновские агенты, курьеры развернули активную подрывную работу против местных органов власти. В результате предпринятых контрмер органами Советской власти было обезврежено значительное количество вражеских агентов и эмиссаров ОУН, засланных из-за границы.

В ответ на это краковский «провод» принял решение: подготовить в кратчайший срок и перебросить на территорию западных областей Украины свои руководящие кадры для восстановления националистического подполья и подготовки вооруженного восстания. На основании полученной информации и предпринятых мер оуновскому подполью в марте 1940 года был нанесен очередной оперативный удар: обезврежен руководящий состав львовской экзекутивы и ряд главарей окружных, уездных «проводов», нарушены их организационные связи, изъято оружие и различная специальная техника.

После разгрома второго состава экзекутивы краковский «провод» и его «повстанческий» штаб были вынуждены снова перебросить в западные области Украины опытных и наиболее доверенных своих эмиссаров. Новый оуновский «десант» сумел в сравнительно короткий

срок восстановить многие звенья оуновского подполья и развернуть подрывную работу по подготовке вооруженного восстания, которое планировалось на осень 1940 года, готовились командные кадры повстанцев, собиралось оружие. Но и на этот раз планам оуновцев не суждено было сбыться. опередили органы советской контрразведки. Оуновская верхушка и ее покровители – органы гитлеровской разведки приняли решение: всех наиболее опытных нелегалов, используя любые возможности, вплоть до вооруженного прорыва через советскую государственную границу, вывести на территорию «генерал-губернаторства». Там подготовить, а весной 1941 года перебросить обратно в Украину для продолжения подготовки вооруженного восстания. В этой операции планировалось использовать до тысячи оуновцев. Организованные группы оуновцев неоднократно пытались прорываться через советские пограничные посты на Запад.

За период с ноября 1940 года по февраль 1941 года пограничными войсками зарегистрировано 86 случаев попыток группового прорыва через границу СССР. Однако осуществление этого плана оказалось нереальным. Через границу удалось прорваться лишь единицам. Основная часть оуновцев была задержана.

Органы безопасности республики располагали достоверной информацией о том, что оуновское подполье приводит в боевую готовность свои организации и формирования. Попавшим в их руки «Единым генеральным планом повстанческого штаба по подготовке вооруженного восстания на Украине» предусматривалось осуществление учета повстанческих формирований, координация их действий во время выступления. «Выступление, – говорилось в этом документе, – должно быть на всех землях Украины одновременно; в один и тот же час должны выступить Львов, Луцк, Черновцы, Киев, Одесса, Харьков, Донбасс и Кубань». В документе придавалось особое значение первой ночи вооруженного выступления, когда планировалось ликвидировать всех лиц, занесенных в так называемые «черные» списки. Это – партийные и советские работники, активисты, сотрудники НКВД и милиции, командиры войсковых частей Красной Армии и другие. Восстание планировалось на апрель 1941 года. Однако и эта попытка оуновцев свергнуть украинский народ в пучину братоубийственной войны была сорвана решительными действиями чекистов. Были вскрыты и ликвидированы повстанческие формирования, обезврежено большое количество бандеровского актива, изъято оружие и другие боевые средства. Только с января по апрель 1941 года в ходе проведения

чекистских операций ликвидировано 63 банды. У них изъяты три станковых пулемета, 14 ручных пулеметов, 296 револьверов, 29 обрезов, 11 гранат, 46452 патронов. Однако до конца искоренить бандеровское подполье так и не удалось. Этому помешала фашистская агрессия против СССР, в подготовке и развязывании которой, как сказано выше, украинские коллаборационисты приняли активное участие.

Таковы исторические факты.

К великому сожалению, населению Украины эта информация либо вовсе не знакома, либо представлена в искаженном виде путем соответствующего препарирования средствами массовой информации, поставленными на службу неонацизму.

Литература и источники

1. Де Йонг. Немецкая пятая колонна во II мировой войне. – М., 1958. – С.248.
2. Чередниченко В.П. Анатомия предательства. – К., 1983.
3. Архив КГБ УССР. Ф. 16, оп.39, – Л. 765.
4. Полікарпенко. Організація українських націоналістів під час другої світової війни. ОУН за кордоном, 1951. – С.50.
5. Нюрнбергский международный трибунал. – М., 1974. – Т.7.
6. Архив УКГБ по Львовской обл., д. 640, т. 2, – Л. 231-232.
7. Архив КГБ УССР, ф.16, оп. 33, – Л. 58.
8. Архив ВКШ СССР им. Ф.Э.Дзержинского, Ф.5, Оп. 8
9. Архив КГБ УССР, ф.16, оп. 33, п.н. 58, л. 182.

Украинское звено общеевропейского коллаборационизма в годы Второй мировой войны

(текст выступления на Международной конференции по проблемам истории Второй мировой войны, состоявшейся в Киеве в ноябре 1995 года)

В осуществлении зловещих планов закабаления народов Европы нацистской Германией не последнюю роль играли предатели из числа местных граждан, чьи интересы в той или иной мере совпадали с интересами агрессора. С их помощью Гитлеру удалось без потерь поставить на колени Францию, Чехословакию и другие европейские страны. На Украине в годы войны с немецкими оккупантами активно сотрудничали украинские буржуазные националисты, разделявшие с нацистами цель уничтожения Советского Союза и мирового коммунизма. Местом их сосредоточения являлись западные области Украины, где национализм укоренился еще в годы польского владычества и в предвоенные годы был «подогрет» массовыми репрессиями со стороны советских властей.

Существенное значение при оценке характера националистического движения на Украине имело то обстоятельство, что его руководящий центр – центральный провод ОУН находился в Берлине и пользовался всесторонней поддержкой нацистских властей Германии. Нюрнбергский судебный процесс по делу главных нацистских преступников высветил преступную роль лидеров ОУН – Коновальца, Мельника, Бандеры, Ярого, Стецка и других, состоявших в тайных, агентурных связях с нацистскими властями и направлявших националистическое движение на Украине в интересах Германии [1].

По указанию германских властей лидеры ОУН лично и через подчиненных им лиц собирали шпионскую информацию о Советском Союзе, США, Канаде, Великобритании, направляли рядовых националистов в специальные (разведывательные) и военные учебные заведения нацистской Германии, готовясь к войне [2]. В канун гитлеровской агрессии совместно с сотрудниками абвера сформировали из числа украинских националистов карательные батальоны «Роланд» и «Нахтигаль», а также три так называемые походные группы численностью более 6 тыс. человек, которые 22 июля 1941 г. в колоннах немецких оккупантов ступили на украинскую землю [3].

Идя на сотрудничество с немцами, украинские националисты рассчитывали на достижение заветной цели – установление господства над украинским народом и построение так называемой украинской соборной самостийной державы (УССД) [3]. Однако Гитлер не считал нужным делить власть на оккупированных землях Украины с оуновцами и предоставил им неограниченную возможность унижать и истреблять украинский народ в интересах «Великой Германии». Эту возможность оуновцы использовали с невиданным размахом, уничтожив в альянсе с нацистами 5 млн 300 тысяч мирных граждан Украины и отправив на принудительные* работы в Германию более 2

* Знакомство, с которыми у него началось еще в 1918, когда Геринг прибыл в Украину в составе оккупационных войск кайзеровской Германией, приглашенных к нам Центральной радой для «защиты от большевизма».

В годы Второй мировой войны Геринг, раскрывая свое отношение к оуновцам, заявил: «Я их глубоко призираю, но ведь во время войны берут, то, что есть под

миллионов трудоспособных мужчин и женщин [4, с. 567].

Кровавая бандеровщина уже в послевоенные годы унесла и искалечила десятки тысяч человеческих жизней [4, с. 590]. Все это делалось якобы ради построения «самостийной украинской державы». Иные националистически ориентированные историки при этом лицемерно утверждают, будто такую державу желал украинский народ. Однако националисты никогда не интересовались мнением народа и навязывали народу свою волю методами и средствами террора, заимствованными у нацистов. Да и сама модель УССД, декларируемая в программах ОУН, ничего общего не имела с интересами украинского народа. Это была модель тоталитарного государства, собранная из элементов нацистской диктатуры в Германии и корпоративного строя в фашистской Италии. Именно поэтому украинский национализм стал называться интегрированным. Известный канадский историк Орест Субтельный, чей труд «Україна. Історія» переиздан на Украине, хотя и пользуется термином «интегрированный», но этимологии его не объясняет, дабы не обнажать фашистские корни украинского интегрированного национализма. Менее щепетильными оказались авторы Енциклопедії українознавства под редакцией В.Кубиевича. «У майбутній Україні, – пишуть они, – відводилося місце лише одній політичній організації (ОУН), що мала б становити своєрідний орден «лучших людей», а апарат влади повинен творити ієрархію «провідників» з вождем на чолі, що сполучатиме функції лідера руху та голови держави» [5]. Автор первых двух программ ОУН (1929 и 1939 гг.) и проекта Конституции УССД Микола Сциборский разъяснял, что государственно-политический строй на Украине, названный им «нациократическим», является прямым отрицанием какой бы то ни было демократии, а глава государства, он же провідник ОУН в своих решениях и поступках ответственен только перед Всевышним и народом [6].

Разумеется, ничего общего с чаяниями украинского народа приведенные программные установки ОУН не имели и не имеют. Основываясь на историческом опыте, можно безошибочно утверждать, что Украина никогда не могла бы стать демократическим, правовым государством, если бы не освободилась от ига германских нацистов и их пособников – украинских националистов. В значительной степени

«усамостійнення» України забезпечено перемогою Радянського народу в Великій Вітчизняній війні 1941-1945 рр.

Самооцінки оунівців і їх послідовників типу «Ми борці за волю України» і спроби переіменувати націоналістичне рух українських колабораціоністів на національно-визвольне знайшли гідний опір в працях радянських авторів [7] і багатьох реально мислячих дослідників на Заході. Серед них американські дослідники Джон Армстронг і Крістофер Сімпсон, італійський історик Джузеппе Боофа, французький публіцист Аллен Герэн, польський публіцист Едвард Прусс, англійський історик А. Даллін, німецький історик В. Брокдорф, польський історик Р. Торжецьки [8]. Названі дослідники єдиномисні в тому, що націоналістичне рух на Україні в роки Другої світової війни не було національно-визвольним, так як ОУН і УПА НИКОГДА НЕ ЯВЛЯЛИСЬ САМОСТІЯТЕЛЬНОЮ ПОЛІТИЧЕСКОЮ СИЛОЮ. Їх діяльність направлялась і контролювалась властями нацистської Німеччини через їх агентуру в лиці главарей ОУН-УПА. Остання була сформована на Волині з числа націоналістів і їх симпатиків в 1943 році для боротьби з партизанами. Ідеологія УПА, відзначають багато зарубіжні дослідники, в тому числі і Джузеппе Боофа в своїй двохтомній «Історії Радянського Союзу», була фашистською. Не отрицает этого и Орест Субтельный, утверждавший, что «український інтегральний націоналізм очевидно містив елементи фашизму й тоталітаризму» [9]. І пояснює він це впливом фашизму на формування ідеології українського націоналізму, прийнявши в 20-і роки крайню форму, названу інтегральним націоналізмом. Відмінною рисою українського інтегрального націоналізму став повний відмова від старих демократических і соціалістических принципів і перехід на принципи тоталітарної диктатури.

Микола Сциборський в своїй «Націократії» підкреслював єдність основних цілей і світоглядеских початків українського інтегрованого націоналізму і фашизму. Їх загальні цілі: знищення Радянського Союзу і світового комунізму, побудова «нового порядку» в Європі і по всьому світі під егідою Великої Німеччини. Обидва політическі рухи мають схожу світоглядеску основу. Її складають визнання духа, волі і ідей (спірітуалізм, волюнтарізм, ідеалізм) вирішальними факторами загального розвитку [9].

Відштовхуючись від цієї «основи», український націоналізм, по словам Сциборського, «при виборі засобів звільнення української

нации не ограничивает себя никакими «общечеловеческими» предписаниями «справедливости», милосердия и гуманизма» [10]. Вот чем, в частности, объясняется та неопикуемая жестокость, с которой оуновцы «освободили» украинский народ, опираясь на фашистских завоевателей.

Американский исследователь Кристофер Симпсон, автор изданной в США в 1986 г. книги «Бловбек» на конкретных фактах раскрывает преступное прошлое ОУН и УПА. Это и расстрелы безоружных военно-пленных, и массовое уничтожение женщин, стариков и детей, и геноцид евреев и поляков. Особую жестокость оуновцы проявляли к лицам, которые вступали в колхозы. Им отрубали руки, которыми они голосовали за образование колхозов и вступление в них. Сотрудничество с нацистами в годы Второй мировой войны, а также их собственная кровавая история, – суммирует Симпсон, – «обрекли украинских националистов на вечное отчуждение от большинства украинского народа, представителями которого они себя считают». Опираясь на документальные источники, автор повествует о сотрудничестве оуновцев с нацистским режимом в Германии, а после войны – с ЦРУ. Он подтверждает, что ОУН-УПА имели «тоталитарно-фашистский характер и мощные связи с германской разведкой адмирала Канариса», т. е. с абвером.

Тезис о сотрудничестве главарей ОУН-УПА с руководителями абвера развернут французским публицистом А.Герэном в большое документальное повествование, озаглавленное им «Серый генерал». В нем, в частности, молодое поколение найдет ответ на волнующий его вопрос: убивали ли оуновцы немцев, и, если убивали, то при каких обстоятельствах и за что? Да, убивали, – пишет Герэн, – но только по недоразумению или когда избавлялись от них как от «демаскирующего материала». Дело в том, что немало германских военнослужащих было прикомандировано к подразделениям УПА. Оказавшись в окружении советских войск, бандеровцы в ряде случаев уничтожали своих «союзников», дабы замести следы немецко-украинского сотрудничества. По недоразумению, – когда не срабатывали средства опознания, например, когда переодетых в форму Красной Армии бандеровцев немцы принимали за своих врагов. В таких случаях между немцами и оуновцами возникали перестрелки. Заканчивались они, как правило, миром, без ощутимых потерь для обеих сторон. Об этом свидетельствуют трофейные документы, копии которых в русском переводе опубликованы в сборнике «Обвиняет земля» [11].

Объективный анализ материалов показывает, что УПА была создана в соответствии с планами нацистского руководства Германии, подготовленным еще до войны офицерским составом из числа националистов, прошедших выучку в нацистской Германии и обеспечена вооружением и снаряжением и использовалась для борьбы против

советских партизан, а при отступлении немецких войск – для затруднения продвижения советских войск. При этом немцы подготовили тайные склады оружия для использования его украинскими националистами в тылу Советской Армии. Об этом дали показания в Нюрнберге бывшие сотрудники абвера полковник Эрвин Штольце и капитан Юзеф Лазарек [12].

Несостоятельны утверждения тех историков, которые пытаются убедить своих читателей в том, будто после аннулирования немцами бандеровского акта провозглашения «самостійний України» и разгона «правительства» Стецька украинские националисты перешли в оппозицию к своим бывшим союзникам и даже начали против них вооруженную борьбу. Факты говорят о том, что союзнические отношения между оуновцами и гитлеровцами не прекращались до самого окончания войны. Так, при разгроме советскими войсками группировки УПА в Кременецких лесах на Тернопольщине в апреле 1944 г. вместе с оуновцами были захвачены немецкие военнослужащие численностью 65 человек, сражавшиеся на стороне своих союзников. Захваченный унтер-офицер вермахта Н., будучи допрошен в качестве военнопленного, показал, что немецкое командование поддерживает тесные контакты с командованием УПА. По данному вопросу командир 13 танкового корпуса генерал-лейтенант Гауфе в марте 1944 г. издал специальный приказ, предписывающий оказывать помощь частям УПА как при формировании, так и при переброске через линию фронта для действий в тылу Советской Армии. В районе Подкамень, по показаниям того же военнопленного, немцы перебросили на самолетах курень украинских повстанцев и в помощь им – группу немецких солдат, которая после выполнения боевого задания подлежала возвращению в немецкий тыл.

Информация об этом содержится в донесении Народного Комиссара внутренних дел и начальника управления внутренних войск Украинского округа командующему Первым украинским фронтом Маршалу Советского Союза Г.К.Жукову [13]. Аналогичные случаи отмечены и в других документах того времени.

Особо пристального внимания заслуживают архивные документы, раскрывающие предательство Бандеры и Стецька в период пребывания их в немецком концлагере «Заксенхаузен». Имеющиеся в архивах Украины письма обоих главарей ОУН в адрес руководителя краевого провода ОУН во Львове Микола Лебеда свидетельствуют о том, что немцы были заинтересованы в их вмешательстве в дела националисти-

ческого подполья на Украине, так как оно было сориентировано Бандерой и Стецком на сотрудничество с немцами и продолжение вооруженной борьбы только «против Москвы». Условия пребывания лидеров ОУН в немецком концлагере не оставляют сомнения в том, что их «заточение» было показательным, для создания главарям ОУН имиджа мучеников, страдающих за идею украинской независимости. Этот вывод подтверждается фактом личной встречи Стецка и Лебеда в Кракове в 1943 г., о чем сообщается в книге американского историка Джона Армстронга «Украинский национализм» [14].

В работах нацио-налистически ориентированных историков замолчаны или крайне невнятно отражены кровавые деяния оуновцев на территории зарубежных стран. Между тем дивизия СС «Галичина» в годы войны участвовала не только в боях против наступающих частей Советской Армии, но и в уничтожении украинских сел, в которых скрывались партизаны (Гута Пеняцкая, Беняки), в подавлении национально-освободительных движений народов Польши, Чехословакии, Югославии и лишь за несколько дней до капитуляции нацистской Германии дивизия СС «Галичина» была переименована в Первую Украинскую. На ее кровавом счету уничтожение Дембицкого концлагеря (Польша) с его 750 тысячами узников осенью 1944 года, о чем еще в 50-е годы сообщалось в радиопередачах польского радио. Замалчиваются и так называемые «освободительные рейды» УПА по территории Польши и Чехословакии в послевоенные годы (1946-1948), унесшие тысячи человеческих жизней народов этих стран и подтолкнувшие правительство ПНР к переселению, проживавших в юго-восточных районах Польши украинцев в северо-западные (так называемая акция «Висла») [15].

Крайне поверхностно в националистических изданиях освещается междоусобная борьба бандеровцев и мельниковцев, в которой самую незавидную роль сыграли Бандера и Лебедь, а также возглавлявшаяся последним бандеровская служба безопасности (СБ). Из архивных источников известно, что именно эта «служба», тесно взаимодействовавшая с гестапо, спровоцировала братоубийственную бойню между бандеровцами и мельниковцами и тем самым расколола националистическое движение в интересах нацистской Германии. Ею уничтожено много украинских патриотов, заподозренных в инакомыслии или бездоказательно обвиненных в предательстве. Имена таких людей предавались забвению. Долг историков поднять их из забвения

и занести в мартиролог Второй мировой войны, а не ограничиваться собиранием сведений о потерях, понесенных в борьбе с органами Советской власти. Понуждает к этому, кроме всего прочего, содержащееся в книге О.Субтельного указание на то, что после смерти Омеляна Сеника и Миколы Сциборского от рук убийцы в сентябре 1941 г. «...убийства и взаимные доносы немцам в жестоком конфликте двух фракций ОУН стали обычным явлением» [16].

Для ответа на поставленные вопросы недостаточно одних отечественных архивов. Необходимо привлечение архивов бывших нацистских спецорганов, а также ОУН и УПА, разведывательных и контрразведывательных органов Польши, Чехословакии, Югославии, США, Канады, Великобритании, Франции.

Ветераны Великой Отечественной войны, которых я представляю здесь, надеются, что настоящая конференция заложит основы объективного и всестороннего исследования истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, столь необходимого для правильного понимания перемен, происшедших и грядущих.

Литература и источники

1. Нюрнбергский процесс: Сб. документов: В 8 т. – М., Юриздат, 1989. Т. 3, – С. 426.
2. Лидеры ОУН – агенты нацистских спец-служб// Правда, 1991., 4 мая.
3. Ткачук А.В. Украинские буржуазные националисты-пособники гитлеровской агрессии. – В сб: Действительные и мнимые освободители Украины» (материалы научно-практической конференции в Военно-научном обществе при штабе МО Украины от 9 апреля 1993 г.).
4. Субтельний Орест. Україна. Історія. – Вид. Київ: Либідь, 1993 р.
5. Енциклопедія українознавства. (Словникова частина); гол. ред. В.Кубійович. – Париж, Нью-Йорк. Молоде життя, 1966. Т. 5. – С. 1725.
6. Сціборський М. Націократія. – Париж, 1935.
7. Чередниченко В. Націоналізм проти нації. – К.: Політвидав України, 1970; Чередниченко В. Анатомія зради. – Політвидав України. К., 1978; Замлинський В. Тавровані презирством народу. Політвидав України, 1974; Даниленко С.Т. Дорогою ганьби і зради. – К.: Наукова думка, 1972.
8. Armstrong J.A. Ukrainian Nationalism. – New York and London. 1963.
 - Kristopher Simpson. Blowback. N. Jork, 1986.
 - Edward Pruss. Herosi spod snaku trysuba. – Warszawa, 1985.
 - Dallin. German Rule in Russia 1941-1945. – London, 1957.
 - Brockdorf W. Geheimkomandos des Zweiten Weltkrieges. – München, 1967.
 - Torzecki R. Kwestia ukrajinska w polityce III Rzeszy (1933-1945). – Warszawa, 1972.
 - Джузеппе Боофа. История Советского Союза. – М., 1990, Т.2, – С. 107.
 - Аллен Герэн. Серый генерал. – М.: Прогресс, 1971.
9. Сціборський М. Націократія. – С. 38.
10. Там же.
11. Действительные и мнимые освободители Украины. С. 47-55; Архив КГБ СССР.
12. Военно-исторический журнал. – 1990, №4.

13. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941 г. (Документы и материалы). Изд. Юридической литературы. М., 1975, стр. 627.

14. J.A. Armstrong Ukrainian Nationalism. New York and London 1963, p. 280.

15. Текст выступления опубликован в материалах Международной конференции по проблемам истории Второй мировой войны, состоявшейся в Киеве в ноябре 1995 г., а также в журнале «Марксизм и современность», №3 за 1995 год.

16. Субтельний О. Україна. Історія. – С. 542.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ – ПОСОБНИКИ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С.

ОУН в начальный период оккупации

22 июня 1941 года гитлеровская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, напала на Советский Союз. Фактор внезапности и недостаточной подготовленности советских войск к войне с вооруженной по последнему в то время слову науки и техники армадой захватчиков дал временный перевес врагу: за несколько недель он оккупировал всю Правобережную Украину.

Вместе с гитлеровскими войсками на украинскую землю потянулись украинские националисты в составе специальных батальонов «Нахтигаль», «Роланд», «Походных групп», сотрудников УЦК, полицейских, переводчиков и прочих прислужников оккупантов. Не отставали от них и униатские эмиссары с заданиями Ватикана и митрополита Шептицкого пытавшихся создать на оккупированной фашистскими войсками советской территории униатские экзархаты. «Украинские интегральные националисты, – отмечает канадский историк О.Субтельный, – с энтузиазмом приветствовали нападение немцев на СССР, рассматривая его как многообещающую возможность установления независимой украинской державы» [1, с. 567]. С первых же дней войны они развернули широкую диверсионно-террористическую деятельность на украинской земле, преследуя цель дезорганизовать советский тыл, подавить волю украинского народа к сопротивлению наседающему врагу.

В оуновской брошюре под названием «За українську державність», представляющей собой обзор отчетов ряда главарей территориальных подпольных организаций бандеровцев, зафиксировано: «Перед началом немецко-советской войны ОУН, несмотря на невероятные трудности, организовала в селах сеть подпольщиков (оуновские организации, — Ред.), которые... в целом ряде районов Тернопольской области организовали вооруженные выступления повстанческих отрядов, разоружили много воинских частей. В целом... наши боевики подвергли нападению все города и села области еще до прихода туда немецкой армии».

Аналогичные преступления украинские буржуазные националисты совершили на территории Львовской, Станиславской (ныне Ивано-Франковской), Дрогобычской, Волынской и Черновицкой областей. Так, 28 июня 1941 года вблизи города Перемышляны на Львовщине несколько оуновских банд напали на небольшие отряды Красной Армии и отдельные автомашины, которые эвакуировали женщин и детей. Над красноармейцами и беззащитными людьми бандиты учинили жестокую расправу. Эти же банды помогли гитлеровцам захватить г. Перемышляны.

В районе местечка Рудка подразделение фашистской армии нарвалось на мужественное сопротивление советских войск. Нацисты попросили помощи у оуновцев и те, как говорится в оуновской брошюре «За українську державність», «приняли живое участие в найзавзятіших боях». Сильно помогла немцам местная националистическая молодежь, которая поставляла оккупантам «конкретную информацию» о частях Красной Армии.

**С эсэсовскими штандартами вынуждены были идти
возле трибуны и украинские девушки
(немецкая хроника)**

В Станиславской области банды ОУН действовали в Косовском и Долинском районах. Косовские отряды, как отмечается в брошюре, ликвидировали все остатки коммунистов, которые скрывались в окрестных селах. В окрестностях Долины партизанские группы (банды ОУН – Ред.) успешно истребляли красные части и громили их...

Дрогобычская организация националистов пыталась проводить антисоветскую работу в рядах Красной Армии и советских учреждениях. Оуновцы арестовывали советских активистов, поджигали склады с оружием и боеприпасами, в некоторых районах вели бои с отступавшими частями Красной Армии.

Так же активно действовали националисты в Волынской и Ровенской областях. В районе поселка Верба Ровенской области они убили лейтенанта Красной Армии и троих бойцов. Вблизи Добромиля, Кольнятычев, Торговицы развернулись ожесточенные бои небольших красноармейских подразделений с оуновскими бандами. «С приходом немецкой армии, отмечается в брошюре, партизанские отряды (банды

ОУН – Ред.) вместе с немцами делали облаву в окрестностях Красного. Во время облавы взято 15 большевиков... В селе Красное красные пытались организовать свою партизанку, но украинские отряды их ликвидировали...».

В городе Вижница и селе Ростоки Черновицкой области украинские националисты вели бои с группами красноармейцев. Во многих селах области оуновцы делали антисоветские надписи, создавали свои комитеты и отделы так называемой «безпеки», которые впоследствии стали составной частью УПА [2].

Наряду с этим чудовищные преступления совершали вооруженные оуновские банды, специально подготовленные за границей и перебросенные на территорию республики накануне и в первые дни войны для осуществления диверсий, террора и других преступлений. Усилиями чекистских органов Украины в ее западных областях было обезврежено 63 банды ОУН в составе 273 бандитов [3]. Эти бандформирования забрасывались, в основном, в крупные административные центры: Львов, Дрогобыч, Ровно, Борислав, Хотин, где совершали массовые расправы над их жителями. Только в городе Олевске ими было истреблено около 600 человек, в том числе много женщин и детей [4]. О злодеяниях оуновских банд сообщается в донесении штаба Юго-Западного фронта от 24 июня 1941 года: «В районе Устьлуга действуют диверсионные группы врага, переодетые в нашу форму. В этом районе горят склады. В течение с 22 и утра 23 июня противник высадил десант на Хиров, Дрогобыч, Борислав, последние два уничтожены» [5].

Вместе с тем, в карательных операциях против мирного населения использовались также и воинские подразделения, сформированные, в основном, из специально обученных для этой цели оуновцев: легионы имени «Коновальца», так называемый «Украинский легион» и другие. Эти формирования нацистских наемников двигались вслед за передовыми частями фашистской армии, а некоторые в их составе, совершая вместе с оккупантами неслыханные злодеяния.

В первых колоннах нацистской армии двинулся в свой разбойничий поход по украинской земле пресловутый легион «Нахтигаль». Его кровавый путь был усеян трупами ни в чем неповинных людей. 30 июня 1941 года нахтигальевцы вместе с гитлеровскими ордами ворвались в город Львов и учинили там кровавую расправу над его жителями. Действия легионеров, как пишет западногерманский исследователь Вальтер Брокдорф, переполошили даже бывалых нацистов. Они «взяли в зубы длинные кинжалы, засучили рукава гимнастеров, держа оружие

на изготовке. Их вид был омерзителен, когда они бросились в город... Словно бесноватые, громко гикая, с пеной у рта, с вытаращенными глазами неслись украинцы по улицам Львова. Каждый, кто попадался им в руки, был жестоко казнен [6].

Уже в первые часы оккупации Львова начались массовые расправы над его жителями, сопровождавшиеся истязаниями и пытками. Для этого из легионеров были созданы специальные команды, которые занимались ликвидацией работников местных органов власти и лиц еврейской национальности.

Легионеры из пресловутого батальона «Нахтигаль».

С нескрываемой радостью они настигли беспомощного старика еврея, чтобы тут же лишить его жизни (Львов, 1941)

(из фолианта W.Poliszczur. Dowody zbrodni OUN i UPA, Toronto, 2000)

В период с 1 по 4 июля 1941 года с участием украинских националистов, сформированных в легион «Нахтигаль» и по их наводкам, гитлеровцами были уничтожены во Львове выдающиеся польские ученые и представители интеллигенции и других западных областей Советской Украины – академик Соловий, профессора: Бартель, Бой-Желенский, Серадский, Новицкий, Ломницкий, Домасевич, Ренцкий, Вайгель, Островский, Манчевский, Грек, Круковский, Добжанецкий и другие. Всего 64 человека.

Относительно бандеровского легиона «Нахтигаль», которым руководили Теодор Оберлендер, бандеровец Роман Шухевич и униат Иван Гриньох, мельниковец Богдан Михайлюк в своей брошюре «Бунт Бандеры», изданной в 1950 году за рубежом, писал: «Они (бандеровцы – Ред.) называли его громким именем «легион», а немцы «Соловей», поскольку его задачей было идти позади немецких войск, петь украинские песни и создавать среди украинского населения дружественные для немцев настроения».

Но эти националистические молодчики в форме вермахта с желто-голубой ленточкой на плече, трезубом на кокарде и со словами «С нами бог» на пряжке вместо песен занимались уничтожением мирных советских граждан.

Такие же преступления совершали украинские националисты и в других городах и селах западных областей Украины, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками. Они вылавливали в селах оставшихся советских активистов и жестоко с ними расправлялись – вешали, расстреливали, душили и избивали.

Всех уничтоженных советских граждан украинские националисты под страхом смерти запрещали их близким хоронить на кладбище. И несчастные родные и другие члены семьи хоронили убитых где придется – во дворе, в огороде или в поле.

Обо всех этих кровавых злодеяниях гитлеровцев и украинских националистов в первые дни фашистской оккупации западных областей Украины хорошо знал и митрополит Шептицкий. Но князь униатской церкви не стал на защиту советских людей, напротив, 5 июля 1941 года он обратился к духовенству и верующим с призывом еще усерднее молиться за «победоносную немецкую армию». За первую неделю июля 1941 года нацистами и оуновцами было уничтожено свыше трех тысяч львовян [7].

Тысячи невинных советских граждан нахтигалевские палачи уничтожили в Золочеве и Тернополе, Сатанове и Виннице и других городах и селах Украины и Белоруссии, где со временем оказалось это абверовское подразделение. Кровавые оргии и массовые экзекуции совершались нахтигалевцами также в Станиславе. Там в первые дни гитлеровской оккупации было уничтожено 250 учителей, врачей, инженеров, адвокатов.

Особенно жестоко расправлялись оуновцы с еврейским населением. Первые месяцы оккупации западных областей Украины оуновцы вместе с гитлеровцами устраивали так называемые «кристальные ночи» – расстреливали, убивали и сжигали во Львове, Тернополе, Надворной

десятки тысяч евреев. В одном только Станиславе с июля 1941 по июль 1942 г. гитлеровцами вместе с оуновцами уничтожено 26 тысяч евреев, что подтвердилось в Мюнстере (ФРГ) на суде над бывшим руководителем полиции безопасности и СД в Станиславе Г.Кригером в 1966 году [8].

Канадский историк О.Субтельный в своей книге «Україна. Історія» отмечает, что наиболее характерной чертой оккупационного режима, свидетельствовавшей о его нацистской природе, было отношение к евреям и военнопленным. Большинство евреев оказалось в руках нацистов, которые вместе с украинскими националистами создали на Украине 50 гетто и более 150 больших концентрационных лагерей. За несколько месяцев нацисты уничтожили 850 тысяч евреев [1, с. 573]. В Киеве за первые два месяца оккупации нацистами и украинскими националистами в Бабьем Яру было расстреляно около 33 тысяч человек. За три года оккупации нацистами и оуновцами из Буковинского куреня Петра Войновского здесь было уничтожено более 360 тысяч граждан, в числе которых находились военнопленные, партизаны, партийные и советские работники [9].

Таким же бесчеловечным было отношение нацистов и украинских националистов к советским военнопленным. До конца войны из 5,8 миллионов советских военнопленных погибло 3,3 миллиона, в том числе 1,3 миллиона на Украине. А всего за годы войны на территории Украины оуновцы вместе с немцами уничтожили 5 миллионов 300 тысяч человек, 2 миллиона 300 тысяч работоспособных украинцев и украинок угнали на каторжные работы в Германию [1, с. 574, 590].

Направляя в помощь гитлеровцам военизированные подразделения и вооруженные банды, украинские националисты полагали, что им удастся обеспечить для себя «теплые» местечки в администрации будущего гитлеровского протектората на Украине и поделить с нацистами политическую власть. Однако уже тогда было видно, что ОУН нужна была гитлеровцам не как равноправный партнер для дележа захваченной территории и награбленного богатства, а как союзник кровавых злодеяний над советскими людьми. Со всей очевидностью это признавали даже многие оуновцы. «Немецкие военные круги, – подчеркивал бывший член ПУНа (Провод украинских националистов) З. Кныш, используя военно-разведывательные усилия бандеровцев, не думали в борьбе с большевиками опираться на них [10].

Второй особенностью подрывной деятельности ОУН в рассматриваемом периоде является то, что украинские националисты с помощью

гитлеровцев сумели организовать на всей временно оккупированной немцами территории республики органы самоуправления, в первую очередь так называемые сельские и районные управы и полицию, главной задачей которых являлось вылавливание и истребление коммунистов и работников советских органов. По всей Украине, как пишет О.Субтельный, появилось более ста некоммунистических газет. В больших городах, особенно в Киеве, возникло много литературных, научных и общественных групп. Они развернули широкую пропагандистскую работу, призывая украинцев к сотрудничеству с германскими оккупантами, которых услужливо называли «освободителями».

Наряду с этим оуновцами были сформированы батальоны украинской охранной полиции №109, 114, 115, 116, 117, 118 и другие, которые вели бои с советскими партизанами.

Для вооруженной борьбы с белорусскими партизанами батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» в конце октября 1941 года были отозваны с фронта и объединены в одно формирование, так называемый шутцманшафт-батальон. В середине марта 1942 года шутцманшафт-батальон-201 во главе с оуновцем и майором абвера Евгением Побегущим и его заместителем гауптманом Романом Шухевичем был переброшен в Белоруссию. Здесь он стал именоваться подразделением 201 полицейской дивизии, которая вместе с другими бригадами и оперативными батальонами действовала под верховенством обергруппенфюрера СС Е.Бах-Залевски. За «боевые доблести» Побегущий и Шухевич были награждены гитлеровцами «железными крестами». В чем состояла «боевая доблесть» Побегущего и Шухевича, как и всего шутцманшафт-батальона, сказано в книге известного украинского исследователя В.И.Масловского «З ким і проти кого воювали українські націоналісти в роки Другої світової війни». «Вже сьогодні, – пишет автор, – досить чітко визначено, що шутцманшафт-батальон не мости охороняв в партизанському краї, в Білорусі, а діяв у складі каральних формувань обергруппенфюрера СС фон дем Бах-Залевскі проти білоруських партизанів і мирного населення, брав участь у каральних операціях «Болотяна лихоманка», «Трикутник», «Котбус» та інших [11]. На их «боевом счете» десятки сожженных белорусских хуторов и деревень, в том числе печально известная Хатынь, несчетное количество загубленных жизней белорусских патриотов.

Свой кровавый след шутцманшафт-батальон-201 оставил и на украинской земле, дотла уничтожив волынское село Кортелисы и

расстреляв 2800 его граждан, о чем в свое время писал нынешний «демократ» Владимир Яворивский [12].

Кроме того, многие украинские националисты проходили воинскую службу в подразделениях вермахта: более 700 оуновцев служили солдатами в 5-й танковой дивизии СС «Викинг», 1000 человек в составе танковой дивизии СС «Фрундберг», многие оуновцы являлись военнослужащими 22-й дивизии Кейтеля, бригады «Нора» и др. [13].

Главари ОУН направили на Украину вслед за наступавшими частями фашистской армии несколько так называемых «походных групп». Эти подразделения, по определению оуновских «проводников», являлись «своеобразной политической армией», в состав которой вошли кадровые националисты, имевшие опыт борьбы в условиях глубокого подполья. Маршрут их движения был заранее согласован с абвером. Так, северная «походная группа» в составе 2500 человек двигалась по маршруту Луцк – Житомир – Киев. Средняя – 1500 оуновцев – в направлении Полтава – Сумы – Харьков. Южная «группа» в составе 880 человек следовала по маршруту Тернополь – Винница – Днепропетровск – Одесса.

Деятельность этих групп сводилась к выполнению функций вспомогательного оккупационного аппарата на захваченной территории республики: они помогали гитлеровцам формировать так называемую украинскую полицию, городские и районные управы, а также другие органы фашистской оккупационной администрации. Одновременно с этим участники «групп» устанавливали контакты с разного рода уголовными элементами, используя их для выявления патриотического подполья и советских партизан.

С самого начала своего существования эти органы самоуправления были под властью гитлеровской оккупационной администрации. Имеющиеся в архивах Украины материалы подтверждают это. Например, в указаниях рейхскомиссара Украины Эриха Коха за №119 «Об отношении воинских частей к украинскому населению» подчеркивается «... созданные украинские национальные местные управления или районные управы должны рассматриваться не как самостоятельные управления или уполномоченные от высших властей, а как доверенные для связи с немецкими военными властями. Задача их заключается в том, чтобы выполнять распоряжения последних» [14].

Вместе с тем, главари ОУН послали на захваченную территорию Украины значительное количество «зондерфюреров», переводчиков, проводников и других пособников оккупантам. Вскормленные гитле-

ровским гестапо оуновцы в черных мундирах с желто-голубыми нарукавниками и трезубцами совместно с эсесовцами несли службу палачей в лагерях смерти – в Травниках, Майданнике, Освенциме и других.

**Командир карательного шуцманшафт – батальон-201,
Евгений Побегущий на организованной фашистами во Львове
манifestации (1943 г.) (немецкая хроника)**

Направляя на советско-германский фронт свои формирования, украинские буржуазные националисты таким образом оказывали рейху не только вооруженную поддержку в борьбе с регулярными частями Красной Армии и советскими партизанами, действовавшими во вражеском тылу, но и практически помогали фашистам осуществлять захватническую политику на оккупированной территории. Эту свою преступную деятельность осознавали даже многие главари оуновского подполья. Так, бывший член центрального провода ОУН А.А.Луцкий, будучи захвачен чекистскими органами, на допросе 31 июля 1945 года показал: «Продвигаясь вслед за немецкой армией на восток, ОУН

помогала немцам создавать местные органы власти, помогала практически осуществлять их захватническую политику на территории СССР» [15]. Более определенную оценку деятельности оуновцев в годы войны дал бывший командующий северной группой УПА С.П.Янышевский. На допросе 3 ноября 1948 года он показал: «Препятствуя Советской Армии в ее борьбе против немцев, участники оуновского подполья явились предателями украинского народа и своей деятельностью помогали только немцам» [15].

В исследуемый период украинские буржуазные националисты провели также определенную работу по созданию сети территориальных националистических организаций на востоке Украины. Например, на оккупированной территории восточных областей республики ОУН-бандеровцами было создано два краевых провода: в городе Киеве (провод ОУН центральных и восточных украинских земель), в состав которого вошли провода ОУН Житомирской, Винницкой, Киевской, Черниговской, Полтавской, Сумской и Харьковской областей, хотя на деле они мало чем проявили себя; в городе Днепропетровске (провод ОУН южных украинских земель), который распространял своё влияние на Кировоградскую, Днепропетровскую, Херсонскую, Одесскую, Ворошиловградскую и Крымскую области [16].

Аналогичную работу провели и ОУН-мельниковцы, для чего были направлены в оккупированные районы Украины опытные главари ПУНа Капустянский, Гайвас, Бойдуник, Сушко, Сулятицкий и другие, которые создали также два краевых провода ОУН: Львовский, распространявший свое влияние на западные области УССР, и Киевский под шифром «Схід», действовавший на востоке Украины. Кроме этого, ими же было организовано ряд областных проводов ОУН: Киевский, Харьковский и Волынский.

Временные успехи фашистской армии на советско-германском фронте в первые дни войны вскружили голову не только гитлеровцам, но и украинским буржуазным националистам, которые полагали, что настал благоприятный момент для реализации многолетних обещаний нацистов о создании «Самостийной Украины» под протекторатом фашистской Германии. 30 июня 1941 года в городе Львове Я.Стецко, И.Гриньох, Р.Шухевич и другие бандеровцы созвали собрание так называемых «представителей западно-украинских земель» в количестве 30 человек, на котором с благословения униатских клерикалов и самого Шептицкого провозгласили создание самостоятельного украинского государства. На том же собрании был объявлен декрет об образовании

марионеточного правительства – «Украинского краевого правления» – во главе с Ярославом Стецко.

Примечательно, что на этом собрании в бывшем здании украинской «Просвіти» также присутствовали германские оккупационные власти. В числе приглашенных находились доверенные лица адмирала Канариса: главы германской военной разведки Г.Кох, А.Бизанц и Г.Кайт. В заранее подготовленном «акте самостійності» (параграф №3) говорилось: «Українська держава буде тісно співдіяти з націонал-соціалістичною Великою Німеччиною, що під проводом Адольфа Гітлера творить новий лад в Європі і світі... Українська армія... буде боротися з союзною німецькою армією... за новий лад у цілому світі [8, с. 91].

С.Бандера и его сторонники явно спешили. Они хотели упредить действия мельниковцев и побыстрее захватить власть на Украине. Выступая по этому поводу на наспех организованном сборище, один из подручных С.Бандеры Ярослав Стецко, по словам бывшего униатского священника Гавриила Костельника, заявил: «Политику мы будем проводить без всяких сантиментов. Мы уничтожим всех без исключения, кто станет на нашем пути... Наша власть будет политической и военной диктатурой ОУН, для врагов страшной и неумолимой» [17].

Несмотря на то, что этот «акт» был присягой националистических верховодов на верность фашизму, Гитлер не пожелал делить власть ни с каким украинским правительством. Приказом Гитлера, датированным 17 июля 1941 года, временно оккупированные нацистами советские земли перешли в ведение «рейхсминистерства» по делам занятых восточных областей, которое возглавлял А.Розенберг. При этом территорию Украины разделили искусственными границами. Галиция, в частности, была присоединена как «дистрикт» к так называемому «генерал-губернаторству». Аналогичную попытку предприняли и мельниковцы, создав в Киеве осенью 1941 года «Національну Раду України» во главе с членом ПУНа Ф.Величковским, но и ее вскоре немцы разогнали. Одесская область, южные районы Винницкой и западные земли Николаевской областей под названием «Транснистрия» переданы Румынии, значительная часть территории Украины включена в состав рейскомиссариата «Украина», разделенного на 6 генеральных округов. Иные же оккупированные украинские земли непосредственно подчинялись немецкому командованию.

Таким образом, провозглашенная бандеровцами «самостійна Україна» существовала только на бумаге и то не долго. Что же касается ее инициаторов – Бандеры и Стецка, – то они были вызваны сначала в

Краков, а затем в Берлин и там подверглись выговору «за самоуправство». Им предложили внести предложения об упразднении «акта от 30 июня» и о дальнейшем улучшении сотрудничества украинских националистов и нацистов. Такие предложения Бандера и Стецко написали и подали на рассмотрение нацистской верхушки [8, с. 101]. В предложениях имеются дополнительные подробности относительно прислужничества украинских националистов германским властям. Отмечается, в частности, что УВО, а со временем ОУН издавна сотрудничали с Веймарской республикой, а позднее с нацистской диктатурой. Свою внешнеполитическую концепцию украинский национализм строил только на тесном сотрудничестве с Германией.

Сделав краткий «исторический» экскурс в прошлое, оуновские верховоды подошли к сути проблемы, в связи с которой они оказались в Берлине, к «акту» от 30 июня. Они просили гитлеровцев не связывать события 30 июня с «недисциплинированностью» националистов. Эту просьбу они обосновали тем, что националисты долгое время боролись против Советской власти и теперь желают завоевать доверие народа на западе Украины, чтобы направить его на борьбу с Советами. Для этого они готовы выполнять самую грязную работу: взрывать фабрики и заводы, средства транспорта и связи, уничтожать культурные ценности народа, исполнять обязанности полицаев, карателей, шпионить, подрывать движение сопротивления и т.п. И, наконец, все попытки украинских националистов еще до войны уяснить их компетенцию – что позволительно, и что непозволительно в борьбе против Москвы – были безрезультатными. В частности, накануне нападения на Советский Союз Стецко пытался обсудить этот вопрос во внешнеполитическом отделе нацистской партии. Один из чиновников этого отдела доктор Ляйбрадт, к которому обращался Стецко, отказался разговаривать с ним, не добился встречи и другой националистический верховод В.Стахів. Руководители нацистского партийного аппарата не желали обсуждать вопросы политики с националистической челядью и даже не желали пускать их на порог учреждений, которые выполняли прямые указания «фюрера». Считая, что разговоры на политические темы с оуновцами не стоят выеденного яйца, они посылали их к разведслужбам, которым националисты отдались душой и телом.

Ссылаясь на то, что «акт» 30 июня был заблаговременно согласован с абвером, Бандера и Стецко просили своих покровителей не провозглашать отмену «акта» от 30 июня и роспуска «правительства» Стецко, а вместо этого создать так называемую «Украинскую нацио-

нальную раду» во Львове, которая не будет иметь никаких политических функций и будет действовать по строгому принципу: выполнять все приказы и указания губернатора Галиции и всесторонне способствовать установлению «нового порядка» в западных областях Украины. «Сподіваємося, – писали Бандера и Стецко, – що таке розв’язання справи, з одного боку, заспокоїть українських націоналістів, а з другого – не підірве престижу Німеччини».

Это предложение верховодов ОУН было одобрено нацистской верхушкой. «Рада» была создана, но без каких бы то ни было актов, декретов и универсалов, без фанфар и торжественных речей. А когда страсти утихли, «Рада» без какой бы то ни было огласки была разогнана, так как даже такой послушный националистический «орган» был не нужен гитлеровцам.

Что же касается дальнейшей активизации агентурной деятельности украинских националистов, то в связи с провалом плана «блицкрига» и усиления антифашистской борьбы населения на оккупированных землях Украины бандеровской ОУН было предложено немедленно вступить в двойную политическую игру. Участие Бандеры и Стецко в этих планах нацистов пока что исключалось. В интересах «конечного дела» их оставляли в Берлине под домашним арестом, чтобы таким путем они могли «доказать свою дисциплинированность» и верность идеалам фашизма. Верховоды ОУН по предложению немецкой разведки передали свои полномочия Лебедю – второму заместителю Бандеры, который с того времени стал именоваться «правительственным проводником». Для инструктирования Лебедя относительно мер нацистской разведки «арестованный» Стецко, как отмечает американский исследователь Джон Армстронг, из концлагеря Заксенхаузен специально на несколько дней выезжал в Краков [18]. Бандеровцам поручалось следить за политической жизнью населения Западной Украины, приспособившись к его настроению и, в случае необходимости, переходить на «нелегальное» положение в так называемое «антинемецкое подполье» с тем, чтобы сдерживать антифашистские настроения масс, порывы к борьбе против оккупантов. Как основание для перехода ОУН на «нелегальное» положение Лебедю предлагалось использовать факт непризнания «акта» 30 июня и инсценированный арест Бандеры, Стецко и министров его марионеточного «правительства» – Габрусевича, Ильницького, Старуха, Стахова и других.

Тем временем Бандера и Стецько спокойно жили в обособленном от других узников помещении концлагеря Заксенхаузен. Отсюда они

слали указания Лебедю о деятельности ОУН. В них они требовали, чтобы не было сделано ни одного выстрела по немцам. «Наш враг Москва», – писали они [19].

После казалось бы ошеломляющего удара по «государственности» Украины, украинские буржуазные националисты на протяжении всей войны продолжали активно участвовать в карательных операциях против советских патриотов, проводивших борьбу с оккупантами.

Вскоре после ареста Бандеры и Стецко Николай Лебедь, возглавивший бандеровское подполье на Украине на встерче с нацистом Теодором Оберлендером подтвердил свое клятвенное обещание вместе с немцами вести войну против Советского Союза до его полного разгрома и построения на его развалинах «нового порядка». (Фотокопия письма Т.Оберлендера полковнику абвера Лахузену, датированное 14 июля 1941 г. на стр. 120-121).

Из оуновцев комплектовался низовой оккупационный аппарат нацистов: бургомистраты, полиция, старостаты и другие. Например, главарь краевого провода ОУН «Одесса» Янишевский («Далекий») служил комендантом и следователем украинской полиции в городе Виннице. Там же служил «Смок», впоследствии главарь провода ОУН на ПЗУЗе. Заместителем коменданта Тучинской райполиции в Ровенской области являлся Трофимчук («Недоля»), впоследствии командир куреня УПА и др. Они принимали непосредственное участие в злодеяниях над ни в чем неповинным населением и попавшими в их руки советскими военными служащими.

Об одной из многочисленных трагедий, виновниками которой были оккупанты и их оуновские пособники, поведал на допросе 4 июля 1944 года бывший заместитель начальника Дубровицкой районной полиции В.С.Логвинович. «15 июля 1941 года, – показал Логвинович, – в м.Дубровица прибыла большая группа гестаповцев, как позже выяснилось, для умерщвления еврейского населения. На следующий день по приказу начальника местного гарнизона на площади собралось около 3-х тысяч человек, среди которых было много стариков, женщин и детей. Огромная толпа в сопровождении гестаповцев и полицейских – украинских националистов двинулась к вокзалу, откуда всех их вывезли в город Сарны. Там они и были расстреляны. Некоторым из обреченных удалось бежать с места казни. Однако полицейские вылавливали их и группами по 30-40 человек передавали гестаповцам. «Трудно описать чувства, охватившие обезумевших от горя и ужаса невинных людей, – признавался Логвинович, – я наблюдал сцены, как в порыве отчаяния,

потерявшие рассудок матери, подняв кверху грудных детей, шли навстречу палачам, моля о пощаде. Сраженные огнем, они падали и умирали со словами проклятия на устах к своим убийцам» [19, с. 6-8].

Письмо нациста Теодора Оберлендера начальнику 2 отдела абвера
полковнику Лахузену

Vertraulich!

Lemberg, den 14. Juli 1941

Herrn

Oberst d. Gen. St. L a h o u s e n E d l e r
v o n V i v r e m o n t,
Chef Abwehr-Abteilung II im Oberkommando
der Wehrmacht,

B e r l i n W 35

Tirpitzufer 82

Sehr verehrter Herr Oberst!

Für Ihren freundlichen Brief vom 5. Juli danke ich Ihnen verbindlich und beeile mich Ihnen zu antworten.

Am 12. Juli habe ich ein Gespräch mit dem Herrn Lebedj gehabt. Dabei übermittelte ich ihm Ihre Grüsse und bedankte in Ihrem Namen für die wertvolle Mitarbeit und Unterstützung, die er unserem Amt bisher geleistet hatte.

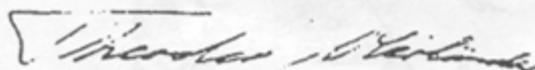
Ich betonte, dass der Hauptzweck unseres Gesprächs darin bestehe, sich über eine möglichst rationelle und zweckmässige Durchführung einer systematischen Zusammenarbeit auf lange Sicht ins Klare kommen. Ich zeigte auf, weshalb es gerade jetzt im Kriege notwendig sei, eine solche Aufgabe zu intensivieren, und unterstrich, dass die Mitarbeit des Herrn Lebedj nach dem Einmarsch der siegreichen-deutschen Truppen in Lemberg keinesfalls beendet werden darf, sondern dass es im Gegenteil gerade jetzt notwendig ist, sich systematischer als bisher darin einzuschalten. Was die praktische Durchführung dieser Mitarbeit anbetrifft, so erörterten wir einzelne Massnahmen, über die Sie durch FS informiert werden. Ich versprach Herrn Lebedj weitgehende Unterstützung und unterstrich, dass die von ihm früher geleistete Arbeit vom Kommandeur der Sicherheitspolizei und des SD in Lemberg hoch eingeschätzt wurde.

Aus seinen Äusserungen ersah ich, dass er sofort erfasst hatte, worum es sich handelt, sodass meine weiteren Aufklärungen überflüssig wurden.

Herr Lebedj hat mich versichert, er werde auch in der heutigen Lage weiterhin im Interesse des gemeinsamen Kampfes gegen Bolschewismus und Judentum jederzeit gern zur Verfügung stehen. Er wäre sehr dankbar, wenn wir entsprechende Direktiven auch anderen Persönlichkeiten aus den ukrainischen Kreisen in Lemberg geben würden.

Heil Hitler!

Ihr sehr ergebener

Тот же текст в переводе на русский язык

Конфиденциально

ЛЬВОВ, 14 июля 1941 года.
Господину полковнику Генштаба
Лахузену Эдлеру фон Вивремонт,
шефу 2 отдела Абвера при Верховном
командовании вермахта
Берлин, W 35
Тирпитцүфер 82

Высоко уважаемый господин полковник!

Благодарю Вас за дружеское письмо от 5 июля и спешу ответить на него. 12 июля я имел разговор с господином Лебедем. При этом я передал ему Ваше поздравление и от Вашего имени поблагодарил его за ценное сотрудничество и поддержку, которую он оказывает нашей службе.

Я подчеркнул, что главная цель нашего разговора состоит в том, чтобы прийти к возможно длительному, рациональному и систематическому сотрудничеству. Я указал на то, чему теперь, во время войны необходимо интенсифицировать его и подчеркнул, что сотрудничество господина Лебеда после вступления победоносных немецких войск во Львов ни в коем случае не заканчивается, а напротив, именно теперь должно систематически продолжаться.

Что касается практического осуществления этого сотрудничества, то мы обсуждаем некоторые мероприятия, о которых Вы будете информированы. Я обещал Лебедю дальнейшую поддержку и подчеркнул, что ранее проводившаяся им работа высоко оценивается начальником полиции безопасности и службой безопасности во Львове.

Из его высказываний я понял, что он тотчас сообразил о чем идет речь, так что мои дальнейшие разъяснения оказались излишними.

Господин Лебедь заверил меня, что он охотно предоставляет себя в наше распоряжение в интересах совместной борьбы против большевизма и еврейства. Он был бы признателен, если бы соответствующие директивы были доведены нами и до других лиц из украинских кругов Львова.

Хайль Гитлер!
Преданный Вам –
Теодор Оберлендер

Касаясь моральных качеств полицейских, участвовавших в этой карательной акции, Логвинович заявил: «Личный состав райполиции был укомплектован пятьюдесятью отъявленными головорезами, нетерпеливо ожидавшими «мокрой работы». Это были люди со звериными инстинктами, ожидавшими только случая, чтобы проявить их на деле истребления советских людей» [19]. Данную характеристику можно отнести к абсолютному большинству бандеровцев, служивших в так называемой «украинской полиции», являвшейся зловещим орудием охраны нацистского «нового порядка».

Массовые казни советских людей осуществлялись и на территории восточных областей республики. Так, только в городе Пирятине Полтавской области было расстреляно свыше 2700 местных жителей. В Васильковском и Ржищевском районах Киевской области уничтожено около 5 тысяч человек.

Бандеровцы совершали чудовищные злодеяния над советскими военнослужащими, бежавшими из фашистских концлагерей. Только в одном Гоцанском районе Ровенской области летом 1943 года ими было замучено и расстреляно около 100 военнопленных. Трупы погибших, а в ряде случаев и живых людей, с привязанными на шею камнями палачи бросали в реку Горынь [19, д. 18, с. 14]. В январе 1944 года в Березновском районе той же области бандеровские бандиты зарезали 15 красноармейцев [19].

Вот так, руками украинских буржуазных националистов гитлеровцы строили «новый порядок» на временно оккупированной территории Украины, что во всех ужасающих подробностях подтвердилось на Нюрнбергском процессе над главными нацистскими преступниками.

И потому в тылу врага росло и набирало силы партизанское движение, которое все больше втягивало в свои ряды советских патриотов. Так, уже в первые месяцы войны на оккупированной территории республики действовало 946 партизанских отрядов и групп, насчитывавших в своих рядах около 35 тысяч патриотов, которые наносили урон живой силе и военной технике противника.

Борьбе с партизанским движением на оккупированной территории Украины фашисты вынуждены были уделять все большее внимание. Однако оккупанты понимали, что одна лишь открытая пропаганда национализма среди жителей захваченных районов республики не в

силах удержать советских людей от вооруженной борьбы с ними. Поэтому они начали использовать оуновцев для обмана украинского населения, предложив главарям ОУН объявить, что после роспуска «правительства» Стецько они якобы уходят в «подполье», откуда намерены вести борьбу против оккупантов.

В архивах хранится немало документов, раскрывающих коварную тактику действий оуновцев. Это касается, прежде всего, организации лжепартизанских отрядов, которые создавались по прямому приказу Гитлера в занятых районах республики и использовались против патриотов, ведущих борьбу во вражеском тылу. Вот что говорится по этому вопросу в приказе Гитлера «О противопартизанской войне»: необходимо использовать все средства обмана, маскировки. Оправдала себя организация лжепартизанских отрядов из местных жителей, находящаяся на службе у немцев и действующая под их руководством». В состав этих формирований нацисты под видом «борьбы» с немецкими захватчиками вовлекали как оуновцев, так и жителей, не входивших в состав ОУН, спасавшихся в лесах от чудовищной эксплуатации, грабежа и насильственного вывоза на принудительные работы в Германию. Люди, обманутые немецкой фразеологией, считали, что их поведут на борьбу со своими поработителями. Однако этого не произошло, да и не могло произойти, так как цель данной провокации состояла в том, чтобы отвлечь народные массы от выступления против оккупантов. Отсутствие же обещанной «борьбы» с фашистскими захватчиками оуновские главари объясняли неподготовленностью украинского народа к ней. Одновременно с этим бандеровские лидеры усиленно обрабатывали участников так называемого «антинемецкого подполья» в антисоветском духе, доказывая, что их первым врагом является Москва.

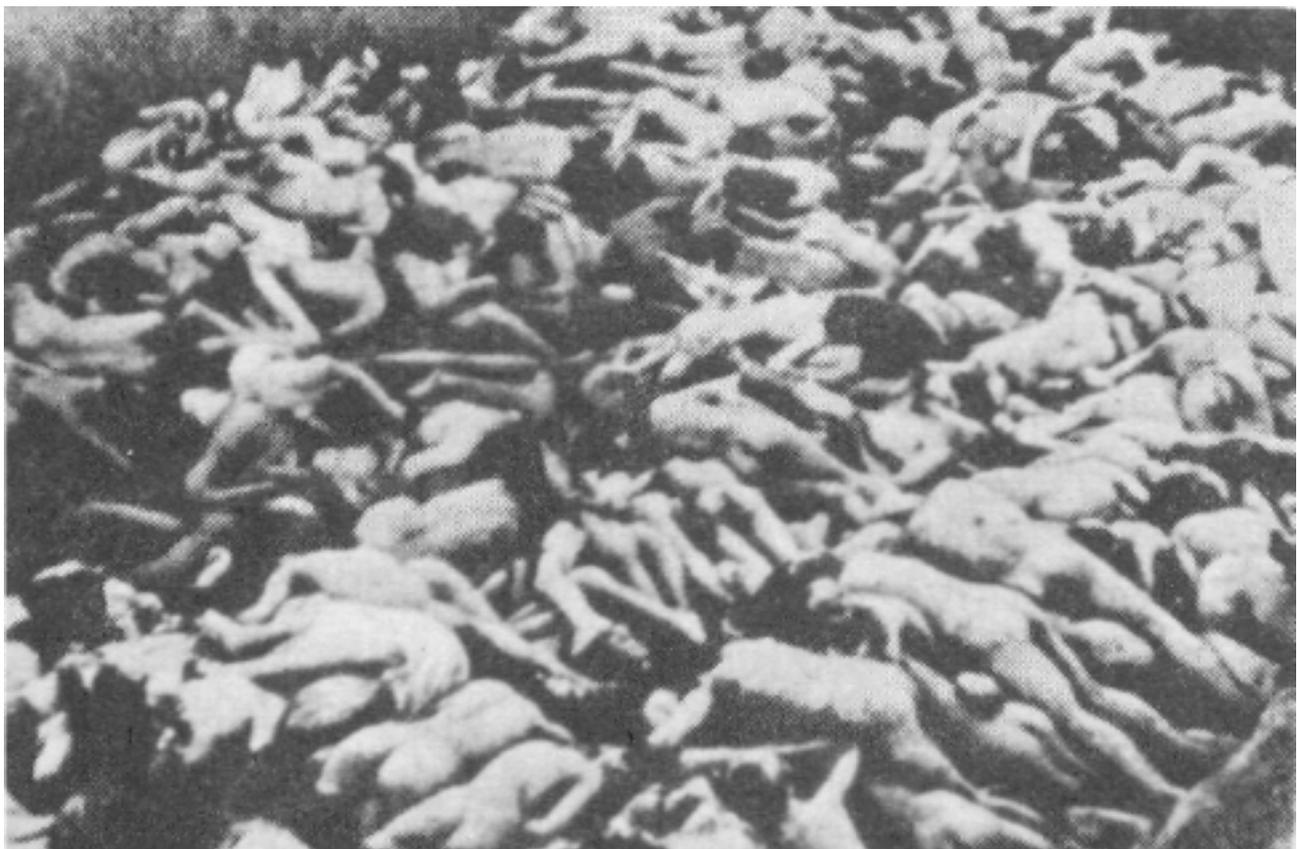
Подобную деятельность по созданию лжепартизанских отрядов главари ОУН-бандеровцев проводили не только на западе Украины, но и на востоке республики – в Ворошиловградской, Харьковской, Сталинской, Сумской, Черниговской и других областях. Действуя по заданию гестапо, они причинили немалый ущерб партизанскому движению, сковывая боевые действия патриотов против врага.

Разоблачая эти коварные приемы нацистов, руководство Украинской ССР в своем обращении к населению оккупированных районов республики в 1943 году отмечало:... «Немцы и их слуги – украинско-

немецкие националисты хотят обмануть, сдержать борьбу украинского народа со своим заклятым врагом – немецкими захватчиками. Создавая лжепартизанские отряды, украинские националисты делают это для того, чтобы украинцы... не пошли в настоящие партизанские отряды, которые действительно ведут борьбу с оккупантами» [20].

После разгрома армейских группировок противника под Москвой, на Волге, а также успешных действий советских войск на других участках Восточного фронта, немецко-фашистская армия стала откатываться все дальше на Запад, неся огромные потери в живой силе и технике. Чтобы пополнить свои войска, гитлеровцы прибегали к тотальным мобилизациям населения своей страны. В этих условиях украинские буржуазные националисты поспешили на помощь своим хозяевам, пообещав выставить миллионную армию, состоящую полностью из оуновцев. С этого момента начинается второй этап в подрывной деятельности украинских националистов против СССР в годы войны. Он, как и первый, также имеет свои особенности в организации и ведении враждебной работы против страны Советов. В частности, в отличие от предыдущего, в это время главенствующая роль в проведении диверсионно-разведывательной и террористической деятельности против местных органов власти, наступавших частей Красной Армии принадлежала не территориальным организационным звеньям ОУН, а воинским формированиям националистов и вооруженным бандам, входившим в состав УПА (Украинской повстанческой армии).

В завершении этого раздела мы поместили две фотоиллюстрации «Две сцены из Яновского концлагеря», заимствованные нами из книги Михаила Ганусяка, «Lest we forget», изданной прогрессивным издательством в Торонто в 1976 г.

В Яновском концлагере... (Львов)

Источники

1. Субтельний О. Україна. Історія. – Київ, 1993. – С. 567.
2. За українську державність. Вид. ОУН.
3. Архив КГБ УССР, ф. 16, оп. 34/51, п.н. 8, – Л. 2.
4. Архив КГБ УССР, д. 386, т. 1, – Л. 140-142.
5. Архив КГБ УССР, д. 490, т. 1, – Л. 100.
6. Brockdorf W. Geheimkommandos des Zweiten Weltkrieges. Munchen, 1967, – S. 126-127.
7. Коровин Б.В., Чередниченко В.П. В тылу врага. – М., 1974. – С. 409.
8. Чередниченко В.П. Націоналізм проти нації. – К., 1970. – С. 95.
9. Гаража С. За кем пойти следом?// Правда. – 1992. – 19 ноября.
10. Михайлюк Б. (Кныш З.). Бунт Бандеры. – Канада. 1950, – С. 20.
11. Масловський. З ким і проти кого воювали українські націоналісти в роки Другої світової війни. М., 1999, – С. 27.
12. Яворівський В. Вогнені Кортеліси. – К., 1960.
13. Міньковецький Д.І. Тавра запроданства не змити. – В сб.: Реабилитации не подлежат (Материалы научно-практической конференции 21-22 июня 1996 года). – К. 1997. – С. 15.
14. Центральний гос. архив обществ, организаций Украины (далее ЦГАОО Украины), ф. 1, оп. 1-14, ед. хр. 115, – Л. 73-76.
15. Архив КГБ УССР, ф. печ. изданий, д. 372, т. 38, д. 287.. 20. т. 16, – Л. 142.
16. Сурма. – 1941. – 2 липня
17. ЦГАВОВУ Украины, ф. 3833, оп. 3, д. 7, – С. 5.
18. Armstrong J.A. Ukrainian Nationalism. – London, 1960, – P. 83.
19. Архив КГБ УССР, ф. печ. изданий, д. 372, том. 1, – С. 7.
20. Обращение к населению оккупированных районов Украины. – Киев: Укриздат ЦК КП(б)У. 1943. – С. 13.
21. Michael Hanusiak. Lest we forget. – Toronto. 1976.

УПА – детище абвера и ОУН

В 1943 году сначала на Волыни, а затем и в других западных регионах Украины появились первые подразделения УПА. Создание таких формирований было вызвано наступательными действиями Красной Армии на Восточном фронте и активизацией партизанского движения. Эти обстоятельства вынудили главарей ОУН консолидировать свои силы для защиты собственных интересов. К тому же неудачи гитлеровцев на фронте заставили руководителей Германии менять тактику в отношении своих пособников.

13 декабря 1942 года рейхминистр оккупированных восточных территорий А.Розенберг провел совещание, на котором обсуждались вопросы формирования из местного населения вооруженных групп и отрядов, которые бы приняли участие в борьбе с советскими партизанами. Анализируя обстоятельства того времени и соответствующие документы, немецкий историк Норберт Мюллер в своей книге «Вермахт и оккупация» категорически утверждает, что вооруженные формирования украинских националистов были созданы с санкции рейхминистра Альфреда Розенберга [1].

**Группа старшин Северного куреня ДУН (Дружин украинских националистов). Все в униформе германского вермахта
(из архивов УПА)**

Решение о создании отрядов УПА было принято на конференции ОУН, состоявшейся 17-23 февраля 1943 года. В решении конференции записано: «Для планового развития борьбы и самообороны необходимо создать группы организованной силы... под названием Украинской повстанческой армии».

А вот как на деле выглядела эта «самооборона». В начале августа 1943 года в Сарнах Ровенской области состоялось совещание представителей немецких властей и ОУН во вопросам совместных действий против советских партизан.

В середине августа с той же целью делегация выезжала в Берлин. В результате договорились о том, что ОУН-УПА обязывается охранять железную дорогу, мосты от налетов советских партизан, участвовать в борьбе с партизанским движением, выполнять и поддерживать мероприятия немецких оккупационных властей. В свою очередь, немцы обязались оказывать всестороннюю помощь украинским националистам в обеспечении их оружием, в случае разгрома Советского Союза разрешить создать «Самостоятельную украинскую державу» под протекторатом Германии.

В сентябре 1943 года так называемый третий «Великий Збір» украинских националистов поставил перед ОУН задачи:

- формирование, вооружение и оснащение УПА, ее обучение и подготовка для повстанческого, вооруженного наступления в тылу Красной Армии в целях создания Украинской Соборной Самостийной державы (УССД);
- совершение диверсионно-террористических актов в Советском тылу, физическое истребление офицеров Красной Армии и войск НКВД, партийного и советского актива;
- нарушение нормальной работы тыла Красной Армии путем разрушения фронтовых железнодорожных коммуникаций, поджога воинских складов; вербовка населения, в основном молодежи в диверсионно-повстанческие отряды;
- внедрение оуновцев в части Красной Армии для разложившейся, шпионской, диверсионной и террористической деятельности;
- националистическая агитация и пропаганда среди населения в целях восстановления его против Советской власти [2].

Руководителем ОУН-УПА на период отсутствия С. Бандеры был избран И.Рубан, он же М.Лебедь, а главнокомандующим УПА – К.Савур (Клячківський). Организационная структура ОУН-УПА выглядела так:

Территориально УПА была разделена на 4 группы: УПА-Північ, УПА-Захід, УПА-Схід и УПА-Південь.

Каждая группа делилась на военные округа. Так, в группу «Північ» входило 4 военных округа, охватывавших территорию Волынской и Ровенской областей, северные районы Тернопольской области, которые ранее были в составе Волынской губернии. УПА оказывала влияние на южные районы Брестской и Пинской областей Белоруссии, где проживала значительная часть украинского населения.

Деятельность группы УПА-Захід, состоявшей из 6 военных округов, распространялась на территории Львовской, Станиславской, Тернопольской, Черновицкой и Дрогобычской областей, а также на некоторые восточные районы Польши (Перемышльский, Холмский, Замостский и Санокский повиты).

Под контролем УПА-Схід оказались Житомирская, Винницкая и Хмельницкая области. После освобождения этих областей Красной Армией группа УПА-Схід организационно прекратила свое существование; действовавшие там несколько вооруженных групп бежали на Тернопольщину и влились в округ УПА под командованием «Энея» – П.Олейникова, бывшего коменданта полиции в Полтавской области.

Группа УПА состояла из 3-4 «курень» (батальонов) численностью до 300 человек каждый. В «Курень» входило по три сотни (роты), численностью 70-80 человек, придавался взвод тяжелых пулеметов, взвод противотанковых пушек, взвод снабжения, санитарное отделение, отделение полевой жандармерии, взвод разведки.

Первичным формированием в УПА являлся рой (отделение) в составе 10-12 человек; три роя составляли чету (взвод) – примерно 40 человек, а 3-4 четы – сотню. В каждом курене, кроме командира, имелись его заместители, политвоспитатель, начальник штаба. В селах они имели своих «господарчих» – заготовителей провианта, фуража и других предметов первой необходимости.

Остов УПА составляли бывшие легионеры расформированных спецбатальонов «Нахтигаль» и «Роланд», штурманшафт-батальона – 201, весь 1942 год проводивший картельные операции против белорусских партизан, украинские полицейские и предатели, дезертировавшие из Красной Армии.

В формировавшуюся УПА включались оуновцы, а также вербовалась неграмотная в политическом отношении молодежь. Вербовкой людей занималась специальная служба безопасности (СБ). Она была построена по образцу германской тайной полиции (гестапо) и являлась грозой

УПА. Вот как о ней отзывается известный французский публицист и историк А.Герэн в своей книге «Серый генерал»: «Люди из СБ были проводниками террора и официальными палачами ОУН и УПА. Но этим кровавым делом занимались имевшиеся во всех отделах СБ и подчинявшиеся им специальные вооруженные «группы СБ», состоявшие из десяти – пятнадцати человек, которые выполняли роль карающей руки, а также осуществляли различные задачи внутренней политики и внешние подрывные действия. Но при всем этом главное в СБ – это прежде всего разведка, специальные службы Бандеры. На каждом организационном уровне УПА СБ подразделялась на три группы, или «звена», соответственно занимавшихся сбором информации (или можно еще сказать «открытой разведкой»), шпионажем и контршпионажем» [3]. Немалое значение в бандформированиях уделялось идеологической обработке боевиков. В УПА, как засвидетельствовал итальянский историк Джузеппе Боофа, господствовала фашистская идеология [4].

Численность УПА по различным оценкам в отдельные периоды составляла от 30 до 60 тысяч человек. Некоторые источники называют 90 тысяч. Канадский историк Орест Субтельный считает, что в конце 1943 года – начале 1944 года, то есть в её «апогее» численность УПА не превышала 30-40 тысяч [5].

Анализ архивных документов показывает, что УПА создавалась под непосредственным руководством гитлеровских спецслужб.

Аллен Герэн прямо указал на то, что УПА – продукт давней деятельности германской разведывательной службы. УПА никогда не была украинским военным формированием, она не что иное, как часть «Ваффен СС», ибо создавалась по гитлеровскому образцу и переняла полностью фашистскую ментальность. Главари ее были гитлеровские наемники и агенты: командующий УПА Клячкивский («Клим Савур»), сменивший его Роман Шухевич («Тарас Чупринка»), начальник штаба УПА Грицай – были офицерами абвера. С немецкой разведкой сотрудничали организаторы УПА Н.Лебедь, командующий на При-карпатье А.Луцкий, один из руководителей Главного штаба Д.Маевский. Заместитель командующего УПА Ю.Стельмащук («Рудый») был заброшен на Украину в составе группы агентов-диверсантов накануне Великой Отечественной войны с заданием взорвать Сарненский железнодорожный узел. Перечень этих гитлеровских агентов можно было бы продолжить.

Большинство из них были подготовлены гитлеровцами в специальных военных разведывательно-диверсионных школах Германии.

Многим из них были присвоены воинские звания фашистского абвера. К примеру, командир УПА Клячкивский имел звание старшего лейтенанта Абвера и в то же время являлся членом центрального провода ОУН, Иван Гриньох («Герасимовский») – капитан абвера, в начале войны капеллан батальона «Нахтигаль», затем чиновник в министерстве Розенберга, с февраля 1943 года во Львове являлся посредником в переговорах между командованием УПА и командованием германских оккупационных властей, участвовал в формировании УПА в Галичине. Все переговоры с представителями разведорганов и вермахта Германии о взаимодействии УПА с немецкими войсками против Красной Армии вел Луцкий Александр («Богун»), старший лейтенант абвера, член Главного штаба УПА, командующий УПА «Запад-Карпаты», с начала 1944 года заместитель командующего УПА; Сидор Василий («Шелест») – капитан абвера, командир роты шуцманшафт-батальона, сражавшегося в Белоруссии против партизан, затем командующий УПА «Запад-Карпаты» (после ухода с этого поста А.Луцкого); Лопатинский Юрий («Калина») – старший лейтенант Абвера, член центрального провода ОУН, член Главного штаба УПА; Павлюк Владимир («ИРКО») – капитан абвера, командир роты шуцманшафтбатальона, командовал куренем УПА в Станиславской области, затем руководил сетью ОУН на Перемышлянщине; Андрусак Михаил («Ризун») – лейтенант абвера, служил в «Нахтигале», командовал отрядом в Станиславской области; Мельник Петр («Хмара») – командир роты дивизии СС «Галичина», командир куреня УПА в Станиславской области и т.д. Кстати, руководителями СБ, как правило, были бывшие сотрудники гестапо, жандармерии, вспомогательной украинской полиции. Все названные выше и многие другие главари УПА были награждены немецкими орденами.

Гитлеровцы не только формировали УПА, но и вооружали её. Этим занималась абверкоманда-202. По неполным данным, для вооружения УПА было передано 700 минометов, около 10 тысяч станковых и ручных пулеметов, 26 тысяч автоматов, 22 тысячи пистолетов, 100 тысяч гранат, 80 тысяч мин и снарядов, несколько миллионов патронов, радиостанции, портативные машинки и другое вооружение и снаряжение.

Сотрудник абвера капитан Лазарек Юзеф, будучи допрошенным в качестве военнопленного сообщил: «На протяжении марта – апреля 1944 года я лично из Львова через своего подчиненного лейтенанта Винтгансена направлял в «черный лес» для банд УПА трижды по две

грузовые машины с оружием, в которых находилось около 15 тонн различного оружия (винтовки, автоматы, легкие пулеметы и боеприпасы)» [6].

Об обеспечении фашистскими оккупантами оружием и боеприпасами банд УПА рассказывал и захваченный оуновский эмиссар Стефюк Юрий: «Я являюсь живым свидетелем того, как немцы вооружали наши боевки... Я лично видел, как весной 1944 года немцы везли на подводах (а их было около 20) вооружение: автоматы, винтовки и патроны, несколько станковых пулеметов, даже две противотанковые пушки со снарядами, военное снаряжение и все это передали в распоряжение куреня УПА «Рена» [6].

Для постоянной связи с гитлеровцами в распоряжение крупных националистических банд абвер выделял радистов с рациями, а также специальные группы курьеров.

В лесах, на хуторах, а иногда и в селах у доверенных лиц бандеровцы сооружали подземные укрытия «схроны». Те, кто случайно узнавал о них, были обречены на смерть. Иногда бандеровцы принуждали сельских жителей копать такие жилища, а затем их расстреливали, чтобы скрыть тайну... В 1944 году в Рогатинском районе на Станиславщине националисты задержали 25 евреев, которые прятались в лесу, приказали им вырыть несколько «схронов», оборудовали их и тщательно замаскировали. Когда работа была закончена, их расстреляли.

В бандеровской агитационной литературе, которая широко распространялась среди украинского населения, усиленно популяризовались «боевые» действия УПА против немцев. Литература эта, как установлено, издавалась под немецким контролем и в немецких типографиях [7].

Бандеровцы жестоко расправлялись с каждым, кто пытался уклониться от так называемой мобилизации в банды. По приказу Клячкивского к «дезертирам» УПА применялась «особая мера наказания» – сто ударов палками, что было равнозначно смертной казни. Семьи «дезертиров», как правило, уничтожались, а их хозяйства подвергались разграблению или сожжению.

Из иллюстрируемых ниже бандеровских документов (повесток, приговоров) нетрудно понять, что УПА, не была добровольческим формированием. В нее «зазывали» под страхом применения жесточайших мер как к уклоняющимся от службы в УПА, так и их родственникам.

1. Приказ командования УПА о мобилизации гр-на Устименко Н.А. в УПА, содержащий предупреждение, в случае неявки на пункт назначения, конфискация принадлежащего ему имуществу и отдачи под суд.

Наказ
грома Устименко 1924 року
Згідно розпорядження УПА про
мобілізацію всього здатного до несення
військової служби населення наказую
громадянина с. Соловники Устименко
Миколи Антоновича народження 1924 року
звільнити в повній борві ризикуючи
на умовних місцях проживання.
За неявку Ваше майно буде
конфісковано, а Ви будете передані
органом революційного суду.
Командир [підпис] /Козачко/

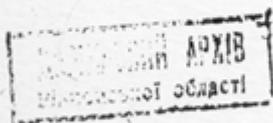
2. Решение полевого суда ОУН-УПА по делу казака Ризиканта, обвиняемого в дезертирстве и измене родине. Приговор: наказать казака Ризиканта самым суровым образом – путем отрубания головы перед отрядом.

Директор

Полевого Суда
в справе дезертирства
Ризиканта.

В склад полевого
Суду. Входящий
№ 10001. Замиско
казака Пидкова, К-К Свѣжон

Полевий суд розглянув справу
дезертирства казака Ризиканта з заголовку
ім. помічника Н. Колодзійського, котрий
був у складі полку 102 1943 р
На підставі протоколу К.М. при ш.Вш.
і признав до вини, обвинуваченого
Ризиканта покарати за дезертирство,
за деморалізацію УПА, як рівно ж за
зраду батьківщини як найсуровішою
карю - карою смерті через відрубання
голови перед загоном.

Склад К.С. / Замиско
Пидкова /
Свѣжон

Фонд № 030 Спр. № 2 1943 р. 50

3. Приговор оуновско-бандеровского суда по делу казака Степового-Сокаленко, который исполняя обязанности руководителя подрайонного СБ, оставил УПА и поступил в истребительный батальон. Осужден к расстрелу. За ним последовали все его боевики.

Жолюкникатъ

26

Организаційний Суд Р.П. розглянув
справу боєвиків ~~Степового~~
обвинуваченого в слідуючому:

1. Неодержанню та знехтуванню
решень Революційного Трибуналу
від 31.3.44 та 16.6.44.
2. Ступеню в армію без дозволу зверхника
свого територіальної організації.
3. Деморалізація своїх підвладних то,
боєвиків та саме: передувачом був р-н
як правий боєвик виконує обов'язки
керівника районного С.Б. у числі своїх
членів, а всі його бойовики за пок-
тримкою, як зверхника німці
в "Істребительний батальон" і т.д.

Суд постановив:

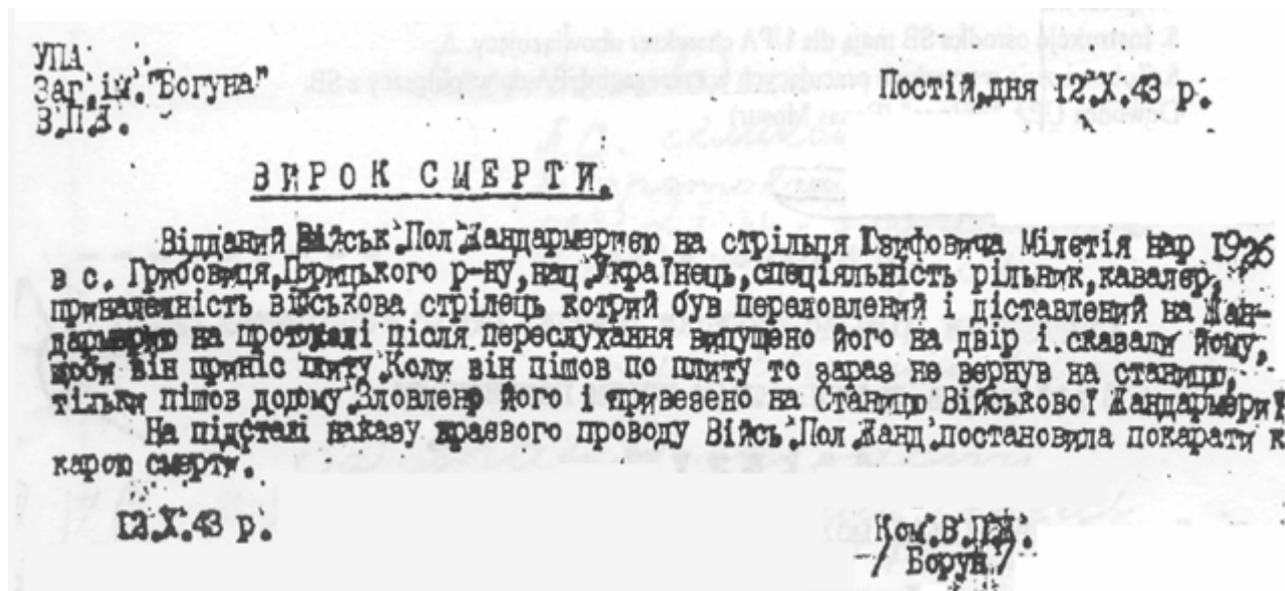
1. Степового - Сокаленко: усунути з
рядів О.У.П. і засудити до кару
смерті через розстріл.

17.8.44

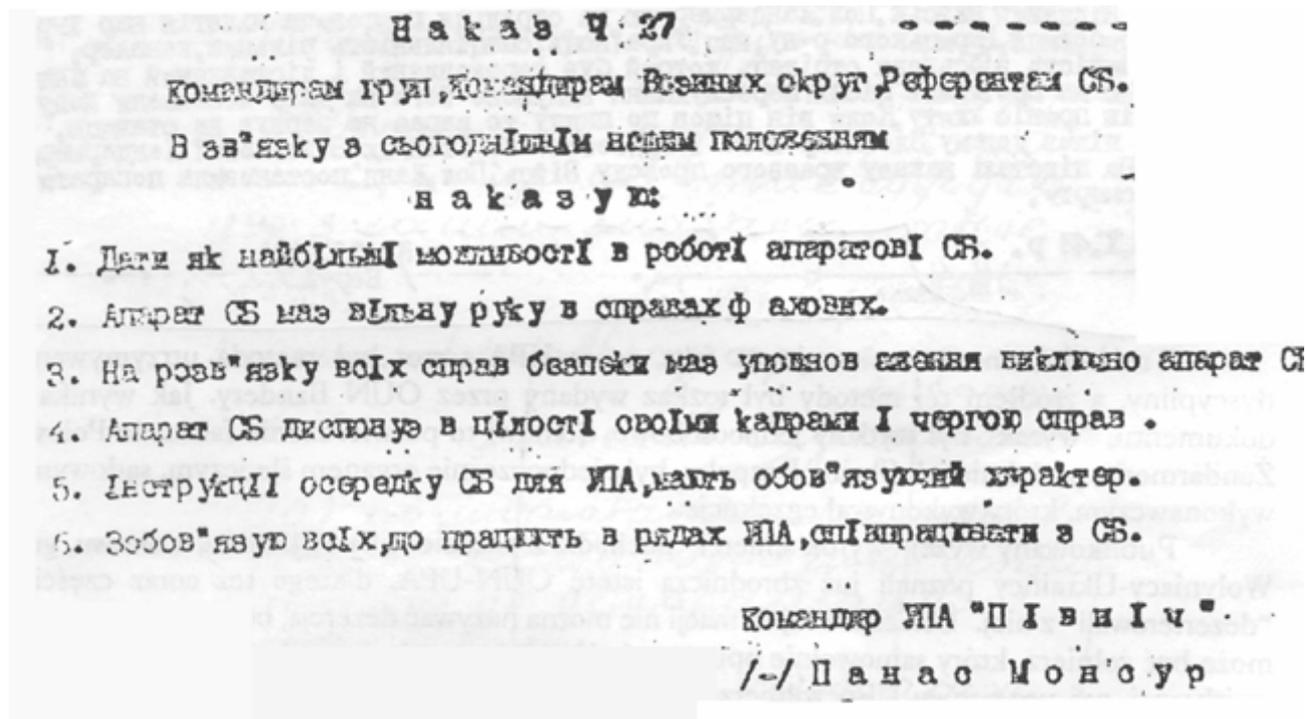
Организаційний Суд -
Районний Надрайонний
| - / | / |

4. Приговор о расстреле стрелка полевой жандармерии Юзифовича Милетия за невыполнение приказа начальства и неявку к месту службы.

5.

6. Приказ командира УПА «Північ» Панаса Монсура о предоставлении аппарату службы безопасности (СБ) широких возможностей для деятельности в частях УПА.

Приказ №4 командира отряда группы «Заграва» главарю банды Гуку о направлении двух отделений (роев) в польскую колонию «Галиція» с целью уничтожить там пять семей поляков и произвести разведку.

7.

Група "Заграда"
зав. вій. Кошаринського

Указ № 4
(До відання відділам)

1.) Наказую К-рові Гукві вислати два рої в сторону колонії Галиція, щоб там знищити п'ять родин поляків і одного рою в сторону Терезетова, щоб розвідати про військів і як можна зайняти німцями худобу котра пасеться недалеко Терезетова. Одному рою з відділу К-ра Арка в сторону Черкавова і Клодичі, як боеву розвідку.

Слава Україні!
Героям - Слава!

Львів, дня 28. IX. 43

Командир загону!

Постановление полевого суда ОУН-УПА ст 19.05.1944 г. по делу казака Атута. Последний за распространение писsemистических мыслей деморализующих упавцев, приговор к расстрелу.

8.

Постановление
Полевого Суда
в составе 4-рых члн. Совеса.
рай. Стрипского, мажарина
Вигора і писаря Кавача
сформированого на підставі
протоколів П.М. з днів 23.4.44
і справи казака Атута

Половий Суд розширив
ши справу обвинуваченого казака
Атута і тим, що він поширю-
вав писемистичної думки говорючи:
що думки зле стобити і час справи
що все маємо взуття, майо
істий, і що як так буде дай
то з вами знагаме і вогне
буде.

До того дня 19.5.44 р. казак
Атута і крова сучарі і казака
либоня.

Половий Суд постановив:

За поширення злих думок
пошири казацтвом злих допро-
тадних до деморалізації
і розбиваору,
А оскільки за градіхи
сучарів і свого друга
покороти казака Атута
варою смертні через розстріл
перез вогном!

Смау ІС.
1 Вигор
1 Стрипський

Постановление полевого суда группы УПА «Заграва» от 03.05.1944 г. по делу казаков Вовкулака и Шаткир. За сон на посту оба приговорены к расстрелу. Приговор утвердил командир Ярок.

9.

У. П. В.
Група Заграва
Хочезуєвські записи

Постанова

Л. С. скликавчого за підставою
бі протоколів списаних
дней 2 і 44 г з обвинувачення
Козаків Вовкулака
і Шаткіра
і служб. старшина Трещаків

За станом на барти
як за факт котрий грозить
несподіваним нападом ворога
і знищенням нас, і за небезпечності
их козу і контролю попередньому
що тму буде спати на стійці
ной буде розстріляні —

Л. С. постановляє: покарати
Козаків Шаткіра і Вовкулака
карою смерті через розстріл перу
вудилом.

Постійні дее 3 і 44 г.

Л. С. Соловей
/ Якович
Ярок

Постанову Л. С.
затверджує:
Вовкулаку і Шаткіра
— розстріляти.
Л. С. / Ярок. /

Литература и источники

1. Muller Norbert. Wehrmacht und Okkupation. Hamburg, 1973.
2. Архив КГБ УССР. ф. печатных изданий, д. 372, т. 38, л. 305.
3. Герэн А. Серый генерал. – М., 1971.
4. Боофа Дж. История Советского Союза. – М., 1970. Т. 2, С. 107.
5. Субтельний О. Україна. Історія. Київ: Либідь, 1993. – С. 582.
6. Архив КГБ УССР, ф. печатных изданий, д. 372, т. 38.
7. Заречный В. Альянс ОУН-СС//Военно-исторический журнал. – 1991. – №4. – С. 57-58.
8. Wiktor Poliszczuk. Dowody zbrodni OUN i UPA. – Toronto, 2000, (1-9).

14-я гренадерская дивизия СС «Галичина»

Уже в первые дни войны руководитель ПУНа (Провод украинских националистов) Андрей Мельник начинает атаковать Берлин, посылая А.Розенбергу, тогдашнему рейхсминистру оккупированных восточных территорий, а также гауляйтеру Г.Франку (главе генерал-губернаторства), их многочисленным помощникам и иным нацистским бонзам «послания», «меморандумы», «письма» и «заявления» с предложениями создать войсковые силы «украинцев», т. е. украинских националистов, «для борьбы с большевизмом». Гитлеровцы же в то эйфорически-победное время просто не обращали на них никакого внимания. Триумфальные успехи на Восточном фронте не давали им повода принимать помощь от своих пособников, которых они откровенно презирали, как примитивных политических мосек [1, с. 91].

Одно из таких «посланий» националистов из Галиции было подано 12 января 1942 г. «его превосходительству и рейхсканцлеру Германского рейха Адольфу Гитлеру». В нем, в частности, отмечалось: «Украинская нация связывала большие надежды с развитием обстановки в Восточной Европе, приведшей в середине прошлого года к войне между Германией и Советским Союзом. Руководящие круги украинского народа были убеждены в том, что столкновение между национал-социалистической Германией и большевистской Москвой неизбежно, и что только Германский рейх под руководством Вашего превосходительства был в состоянии нанести большевизму смертельный удар. Поражение России должно было дать возможность Украине присоединиться к политической системе Европы... Мы заверяем Вас, Ваше Превосходительство, что руководящие круги на Украине готовы к теснейшему сотрудничеству с Германией с тем, чтобы вести борьбу с общим врагом общими усилиями германского и украинского народов и установить действительно полный порядок на Украине и во всей Восточной Европе» [1, с. 152].

Это «послание» подписали: граф Андрей Шептицкий – митрополит, президент Украинской национальной рады во Львове, М.Величковский – президент Украинской национальной рады в Киеве, А.Левицкий – заместитель Симона Петлюры – головного атамана УНР в Варшаве, Омелянович-Павленко – голова Генерального совета комбатантов в Праге, А.Мельник – вождь украинских националистов в Берлине.

Однако вскоре обстоятельства резко изменились. Гитлеровские войска понесли сокрушительное поражение под Сталинградом, изменившее весь ход военных действий на Восточном фронте. Уже 6 февраля 1943 года с благословения того же митрополита А.Шептицкого руководитель ПУНа А.Мельник снова шлёт послание «хозяевам». На этот раз в адрес начальника штаба Верховного командования вермахта (в немецкой транскрипции ОКВ. – Ред.), генерал-фельдмаршалу В.Кейтелю: «... Кажется пришло время включить Украину (читай: украинских воинственных националистов. – Ред.) в антибольшевистский фронт.... Необходимо сформировать боеспособное украинское войско... К сожалению, на протяжении последних двух лет было утеряно множество возможностей... Необходимо этот вопрос перенести в сферу практических действий без волокиты и траты времени. Надеюсь, что проблемы формирования украинских вооруженных сил в том виде, в котором мы тут изложили, найдет у Вас, господин генерал-фельдмаршал, надлежащее понимание и внимание... Украинские верно-подданные и, прежде всего, военные круги готовы к разрешению этого вопроса, которому мы во имя победоносного окончания борьбы с Москвой придаем огромное значение, стремимся принять участие и отдать себя в распоряжение главного командования вооруженных сил».

Инициативу А.Мельника и тех, кто был с ним заодно, поддержал губернатор дистрикта «Галиция» группенфюрер СС О.Вехтер. Как сообщает Тарас Гунчак в своей книге «У мундирах врага», вероятнее всего разрешение на формирование украинской дивизии, которая бы вошла в состав войск СС, Вехтер получил от самого Гимmlера, к которому он по обыкновению обращался, как к своему шефу, возглавлявшему СС. «Возможно, пишет Гунчак, – идею они впервые обсуждали с Гимmlером 1 марта 1943 года. Во время беседы 4 марта 1943 года Вехтер передал Гимmlеру письмо с предложением, если Гимmlер это одобрит, обговорить с украинскими «проводниками» создание добровольческой дивизии СС «Галичина». 28 марта 1943 года Вехтер известил Гимmlера о том, что он в целом поддерживает создание дивизии. Для того чтобы заручиться поддержкой влиятельных чинов СС, Вехтер переговорил с Крюгером, генералом СС, а через два дня – с шефом штаба СС группенфюрером Бергером. Вдохновленный успехом этих переговоров 12 апреля 1943 года Вехтер созвал совещание, на котором должны были высказать свои мнения о формировании дивизии руководители партии, высшие функционеры из полиции СС [2].

Далее из книги Т.Гунчака и других источников мы узнаем о том, что «совещание», на котором присутствовали десять нацистских лидеров, сразу же приняло решение о начале создания дивизии, которой следовало называться «СС – добровольческая дивизия Галичина», или «Добровольческая дивизия Галичина». Участники совещания условились, что «исходя из психологических и политических соображений» следует избегать слова «полиция» в названии формирования. Таким образом, речь шла о формировании полицейской «охранной», т. е. карательной дивизии в системе войск СС и именно это надо было спрятать – «из психологических и политических соображений». И тем не менее совещание, на котором присутствовал один из «создателей» дивизии полковник Альфред Бизанц, постановило экипировать галицких «дивизийников» так же, как экипированы все полицейские (охранные) формирования СС, то есть в серую униформу со щитком со специальным галицким знаком на правом рукаве.

Создание этой дивизии было официально оформлено 28 апреля 1943 года специальным «Актом» немецкого губернатора Галиции Вехтера. Присяга была такая же, как и для других добровольческих объединений: «Я служу тебе, Адольф Гитлер, как фюреру и канцлеру!»

Так выглядел парад националистов-волонтеров 14-й дивизии» СС «Галичина». (Станислав, 1943 год. Немецкая кинохроника)

Специально подчеркивалось, что вербовка «добровольцев» должна проводиться «великодушно». Это означало, что с учетом преимущественно низкого качества людского материала, особенно под расистским углом зрения, прием в добровольцы был открыт не только лицам нордических или доминантно нордических или фаликийских расовых групп, но и «смешанцам» из двух первых групп с небольшими примесями альпийской, динарской или средиземноморской групп, а также «смешанцам» преимущественно восточного или альпийского типа. Не допускались к приему в дивизию только «смешанцы неевропейского типа».

На трибуне возле Львовского оперного театра О.Вехтер, Ф.Фрайтаг и другие по случаю формирования дивизии СС «Галичина» (1943 год. Фото немецкой кинохроники)

В день провозглашения о создании дивизии СС «Галичина» Вехтер издал секретную директиву с инструкцией относительно проведения призыва, во время которого ни в коем случае не должно создаваться впечатление, будто бы немцы рассчитывают на помощь украинцев, и что украинцы являются немецкими союзниками. Призывные комиссии должны делать ударение на том, что «украинцы активно привлекаются к борьбе с большевизмом». Лозунг «борьба против большевизма» стал лейтмотивом всех, кто занимался вербовкой: организаций УЦК, священ-

ников, учителей школ, воспитательных националистических организаций, войсковой управы, всех почитателей гитлеризма [1, с. 144].

За пропаганду вербовки отвечало пресс-бюро Центрального Комитета, подчиненное отделу по культурным делам, возглавляемому Михаилом Кушниром. Пресс-бюро имело в своем штате писателей и журналистов, которые писали газетные статьи и репортажи, публиковавшиеся главным образом в газетах «Краківські вісті» и «Львівські вісті». По городам и селам Галиции разъезжали представители Военной управы с докладами, в которых убеждали слушателей «в необходимости сотрудничать с немцами» и «вместе с ними воевать против большевиков».

Вербовка в дивизию, – по словам того же Т.Гунчака, – «невзирая на некоторые препоны, оказалась значительно легче и успешней, нежели ожидалось».

По данным Т.Гунчака, на начало июня 1943 года в дивизию СС «Галичина» записалось 81999 человек, принято 52875, отказано в приеме 29124. Однако на этом призыв в дивизию не прекратился. Призывная организация, возглавляемая гауптштурм-фюрером СС К.Шульце, которая превратила действующую Войсковую управу в свой вспомогательный орган, продолжала мобилизацию в дивизию до конца оккупационного периода Галиции, т. е. до августа 1944 года, а определенные дополнения делали и дальше, до начала весны 1945 года за счет беженцев из Галиции.

Поскольку мобилизация проходила, что называется с «перевыполнением плана», гитлеровцы сформировали не одну, а несколько воинских частей. Кроме 11578 рекрутов, которые пребывали в учебных лагерях для военнослужащих дивизии СС «Галичина», немцы, согласно отчету Шульце, сформировали также пять полков и один батальон из излишков, призванных в дивизию в конце июля и в августе 1943 года. Как раз эти полки и батальон сразу же предназначались для муштры, как полицейские («охранные») войска СС.

Для того чтобы удовлетворить потребности в человеческой силе, немцы применяли традиционные методы рекрутирования, а также осуществляли насильственный набор украинской молодежи для различных форм службы. 13 июня 1944 года Хроновьят (член войсковой управы, отвечавший за вербовку в дивизию, бывший сотник УГА. – Ред.) доложил, что «это имеет место в различных местах Галиции». В районе Бережан, например, молодых людей хватали и отправляли служить в 9-ю и 10-ю дивизии СС (9-я танковая дивизия СС «Хоенштауфен» и 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг» находились летом 1944 г. как раз на подступах ко Львову по соседству с 14-й гренадерской дивизией

СС «Галичина». – Ред.). Уполномоченный Военной управы в Зборовском районе Григорий Лучанко сообщал, что из села Хоростец германская дивизия, которая отъезжала во Францию, забрала 40 человек. В Винниках, возле Львова, немецкие власти без ведома Войсковой управы зарегистрировали всех мужчин, родившихся между 1900 и 1930 годами. «Казалось, – пишет Гунчак, – что не будет конца той практике, когда могли забрать людей просто на улице, в театре, в школе и других общественных местах» [2].

В завершение приведем свидетельство М.С.Чарторыйского из его книги воспоминаний «Між молотом і ковалдою» «Мобилизация в СС-дивизию проходила будто бы на основе «добровольности», а когда эта «добровольность» оказалась недостаточной, тогда началось насилие: хватание, залог, аресты, вывозы, так что безопасности не было уже ни дома, ни вне дома, ни в школе, даже из церквей начали немцы вылавливать молодежь для «прекрасной Германии [3].

Анализируя литературу, посвященную 14-й стрелковой дивизии СС «Галичина», находим, что среди многих авторов самое заметное место занимает книга воспоминаний бывшего начальника штаба этой дивизии В.-Д.Гайке «Українська дивізія «Галичина». Історія формування і бойових дій у 1943-1945 роках».

В предисловии к книге В.Кубийович, бывший председатель УЦК, один из деятельных и руководящих творцов дивизии откровенно подчеркивал, что для немецких старшин (офицеров) дивизии, как и для начальника ее штаба майора Гайке, эта воинская формация «была обыкновенной дивизией, сформированной из украинцев». Это действительно так. Но к этому нужно, безусловно, добавить, что для тех же немецких офицеров она была обыкновенной эсесовской дивизией.

Гайке отмечает, что через дивизию прошло около 32000 вояк. И в этом нет ничего удивительного, так как после катастрофы под Бродами на Львовщине в июле 1944 года, когда дивизия утратила почти весь свой личный состав, она еще дважды переформировывалась и постоянно пополнялась резервными и новыми вояками.

В то время, когда националистические вербовщики дурили неосознательных юношей Галиции, расшифровывая «SS» как «сечевые стрельцы», Гайке четко отмечает: «официальное название дивизии от 30 июля 1943 года: SS – Freiwilligen – Division – «Galizien» – СС – добровольческая дивизия «Галичина» и от 27 июня 1944 года: 14 SS – Freiwilligen – Grenadier – Division (14 СС-добровольческая гренадерская дивизия (Галицкая №1). И тут же добавляет: «Однако Гиммлер ясно

предостерегал, что в дивизии ни с какой точки зрения нельзя даже думать о независимости Украины. Слова «Украина», «украинец», украинский» запрещалось употреблять под угрозой наказания. Вояки, дивизии должны называться не «украинцами», а «галичанами» [4].

Вначале, согласно распоряжению начальника главного управления СС обергруппенфюрера Ганса Ютнера, ответственность за формирование дивизии возлагалась на бригаденфюрера СС Шимана. На этом посту он находился до 19 ноября 1943 года. С 20 октября того же года до конца существования дивизии ее командиром был оберфюрер СС Фриц Фрайтаг, бывший командир полицейского полка, которому 20 апреля было присвоено звание бригаденфюрера (генерал-майор войск СС).

Сначала основной состав дивизии находился в «Гайделлагере», а с конца февраля 1944 года – в стационарном войсковом лагере в Нойгамере (Силезия, Германия).

И хотя 28 апреля 1943 года во время провозглашения декрета губернатора дистрикта «Галиция» Вехтера о создании дивизии СС «Галичина» дивизия представлялась как стрелецкая войск СС, гитлеровское командование, а вернее управление войск СС первый набор «добровольцев» направило в полицейские части («охранные» войска СС). Именно это и пытаются скрыть националистические и даже некоторые иностранные авторы и исследователи «истории дивизии».

«Как только 18 июля 1943 года состоялся выезд первой группы «добровольцев» из Львова на «вышкол», – свидетельствует В.Гайке, – их разместили сначала в лагере «Гайделягер» (в Пусткове, вблизи Дембицы), а затем переформировали в 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й полицейские полки» [4].

В начале февраля 1944 года в дивизию поступает срочное распоряжение из Управления войск СС о формировании на базе дивизии «боевой группы» для борьбы с советскими и польскими партизанами. «Боевая группа» в составе одного батальона и батареи легких пушек в течение суток была отправлена в район Чесанова, Любачева, Тарнограда, Белограя и Замостье (Польша). Через день была откомандирована вторая «боевая группа» для борьбы с большевистскими партизанами на северо-западе от Львова. Гайке отметил, что обе группы «действовали довольно успешно». Однако об этих «успехах» он не распространяется. И без него известно: в составе «Боевой группы» находился 4-й полк СС. Вся группа вела бои в Гуте-Пеняцкой, что вблизи Золочева на Львовщине, против польского населения и группы советских и польских партизан.

В захваченных советскими войсками архивах дивизии СС «Галичина» об этом кровавом событии можно прочесть такую запись: «В бою с партизанами участвовал первый батальон 4-го полка... Ранено от 8 до 12 наших эсесов. Села Гута-Пеняцкая и Беняки сожжены и усмирены». Эту запись дополнили живые свидетели трагедии. Действительно, села Гута-Пеняцкая и Беняки были стерты варварами с лица земли. Погибло более 800 польских крестьян и партизан.

Другая запись о «подвигах» эсесов в Тернополе: «Когда немцы и наши эсесы отбили у большевиков занятую часть города, тогда наши согнали всех поляков в костел и там их истребили» [1].

Архивы бесстрастно рассказывают и о том, как спецкоманды дивизионников в июне 1944 года во Львове уничтожили более 1500 мирных граждан, расстреливали военнопленных красноармейцев в Золочеве, сжигали с землей городок Олеско, уничтожив около 300 его жителей, способствовали угону советских людей на каторжные работы в Германию [5].

Именно в это время в составе дивизии СС «Галичина», чего не отрицает и Т.Гунчак, действовало 5 полков и один батальон. А это больше чем дивизия. В таком составе они пребывали на протяжении года, до конца июня 1944 г.

В боях под Бродами дивизия СС «Галичина» «имела полную боевую готовность» – она состояла из 29-го, 30-го и 31-го полков полного комплекта и различных специализированных подразделений. В ней пребывало 346 офицеров, 1131 унтер-офицер и 13822 гренадера, вместе – 15299 вояк. Среди тех, кто вышел из «Бродовского котла» было 1000 человек и 1200 вояков полевого резервного батальона, находившегося вне кольца окружения. Еще несколько сот уцелевших вояков прорвались из окружения небольшими группами. Всего уцелело около 3000 человек.

Таким образом, дивизия СС «Галичина» с июля 1943 года была абсолютно полицейским подразделением с полицейским генералом во главе, с пятью полицейскими полками, с командным составом недавних полицейских формирований. Да и исполняли еще не успевшие окончательно сформироваться подразделения дивизии чисто полицейские (карательные) функции и задачи.

«Весной 1944 года, – свидетельствуют Гайке, – в состав дивизии были включены 4-й и 5-й полки, а со временем 6-й, 7-й и 8-й полки. Чтобы добиться перевода этих формирований, понадобились долгие и твердые домогательства УЦК, губернатора. Вехтера и самих вояков

этих полков. Полицейские полки были сформированы из добровольцев, призванных в дивизию первым набором. Они проходили боевую выучку возле Гдыни, Белостока, в Меца, По, Тарб и Солье-де-Борн во Франции. Тут они действовали в таком составе: 4-й полк Gal SS Freiw Regiment Галицкий СС добровольческий полк... Командирами и их заместителями этих полков были исключительно немцы» [4].

В начале февраля 1944 года 4-й полк был переброшен в Галицию для борьбы с советскими партизанами, где он со временем принимал участие в боях с частями Красной Армии под Тернополем. Во Франции «дивизионники» закончили военную подготовку и весной 1944 года их большинство было отправлено в дивизию в Нойгамер. Во время выучки их использовали также против французских партизан. А это значит, что 14-я гренадерская дивизия СС «Галичина» только несколько месяцев (март – июль 1944 года) была действительно полевой и стрелечкой. После же разгрома под Бродами остатки ее снова переформируют в том же Нойгамере на основе запасного полка, который оставался там для выучки, в обычную полицейскую («охранную») дивизию СС и используют не во фронтовых, а в карательных целях.

А уже в начале октября 1944 года дивизию в полном составе (уже снова переформированную) перемещают в Словакию для подавления вспыхнувшего там восстания против фашистов – своих и немецких. Тут дивизии была подчинена печально известная «бригада Дирливангера». Та самая бригада эсесовских головорезов, которая «прославилась» ужасными зверствами против партизан и мирного населения Белоруссии.

После многих и довольно продолжительных карательных акций в Словакии во время великого народного восстания дивизия СС «Галичина» была направлена не на молниеносно приближающийся фронт, а в Штирию и Каринтию для борьбы против югославских партизан. Тут галицкие эсесовцы провели последние месяцы войны. Собственно в последние дни войны, по словам Гайке, дивизия оставила боевые позиции против советских войск (она находилась тогда на территории Германии. – Ред.) и бросилась навстречу английским войскам, чтобы сдать в плен. В местечке Тамсвег, где проходила колонна дивизии, англичане поставили пропускной пункт, в котором задерживали все «чуженациональные» и эсесовские части. Узнав об этом, командир дивизии Фриц Фрайтаг впал в состояние прострации и застрелился. Командиром дивизии стал бывший петлюровский генерал и польский полковник Павел Шандрук, являвшийся к тому же председателем так называемого Украинского национального комитета (УНК).

В начале марта 1945 года УНК издал «декларацию», которую подписали П.Шандрук, его заместители В.Кубийович и О.Семененко, в которой объявлялось о начале деятельности УНК. Опираясь на поддержку Андрея Левицкого, от которого Шандрук получил мандат на председательство в УНК, а также на согласие А.Мельника и С.Бандеры, ново назначенный командир дивизии СС «Галичина» принялся убеждать своих вышестоящих начальников в том, что его «войско», состоящее в основном из украинцев, должно быть национальным, украинским и по целям, которые оно преследует и своим командным составом.

За несколько недель до окончания войны Альфред Розенберг, министр восточных оккупированных территорий (которые уже были окончательно утрачены) прислал Шандруку письмо, в котором, в частности, значилось: «С целью обеспечения полного участия в решающей фазе войны против большевизма и наведения порядка в национальных отношениях в Европе, от имени германского правительства я признаю национальное представительство Украины, сформированное вами как украинский национальный комитет. Я объявляю:

1. Украинский национальный комитет является единственным представителем украинского народа, признанным германским правительством.

2. УНК имеет право представлять интересы будущего государства Украины и выражать их в декларациях и заявлениях.

3. Я буду требовать, чтобы все украинцы, которые служат во всей германской армии, были объединены для формирования украинской освободительной армии (УНА)» [4]. Вслед за этим, гитлеровцы назначили командующим УНА П.Шандрука.

Вопреки этому факту некоторые новоявленные историки утверждают, что назначение Шандрука командующим УНА было произведено якобы решением УНК.

Как бы там ни было, дивизия СС «Галичина» до последних дней войны воевала на стороне нацистской Германии. Видя полнейшую бесперспективность дальнейшего сопротивления наступающим частям Красной Армии и ее союзников, она отошла на территорию, занятую англичанами, и была ими интернирована. Отказавшись от эсэсовских регалий, дивизия приняла присягу на «верность украинскому народу». Сменив прежнее название на «Первую украинскую дивизию», она тем не менее ни единым выстрелом по врагу украинского народа не аннулировала своей прежней присяги на верность Гитлеру и «третьему рейху». Это отнюдь не помешало уцелевшим дивизийникам, собравшимся летом 1993 года во Львове, а затем в Киеве, заявить о своей верности

Украине и даже претендовать на звание ее освободителей. Участвовавший в этих «мероприятиях» Иван Драч с умилением принимал бывших эсэсовцев, называя их «справжніми патріотами України».

Для настоящих патриотов Украины, освобождавших Украину от фашистской нечисти, у «национал-демократа» Драча таких слов не нашлось...

Как тут не напомнить однажды брошенную Брехтом фразу: «Итак, знающие правду становятся самыми страшными вралями» (Эрнст Шумахер. Жизнь Брехта. С. 111).

В связи с письмом А.Розенберга П.Шандруку возникает вопрос: в каких еще частях СС служили украинцы, которых гитлеровский министр восточных оккупированных территорий требовал объединить для формирования УНА? Описывая процесс мобилизации галичан в германские вооруженные силы в 1944 году, мы назвали две танковых дивизии СС – 9-ю «Хоенштауфер» и 10-ю «Фрундсберг», в которые немцы отправляли насильственно мобилизованных юнцов. О других эсесовских формированиях, в которых служили украинцы, мы узнаем из книг тех, кто в свое время прислуживал немцам и, как говорится, видел все происходящее по ту сторону фронта своими глазами. Откровенный коллаборационист К.Паньковский в своих воспоминаниях «Роки німецької окупації» сообщает, что уже в октябре 1941 года гитлеровцы провели в Галиции отборочный набор добровольцев в войска СС (Waffen – SS) при «суровой селекции». Тогда было взято в войска СС около двух тысяч юношей. Они были распределены по различным частям войск СС. Об иных формированиях (теперь уже юношеских) войск СС из галичан рассказывается в книге Зенона Зеленого «Українське юнацтво в вирі Другої світової війни». В предисловии к этой книге бывший председатель УЦК В.Кубийович подтверждает слова К.Паньковского о том, что, «... начиная с 1941 года немцы привлекли (в Галиции) небольшое число украинцев к службе в разного рода войсковых, полицейских и парамилитарных формациях» [6]. Далее тот же Кубийович отмечает, что «с начала 1944 года, когда людские резервы были исчерпаны, немцы обратили внимание на использование нашей молодежи, как юношей, так и девушек, в противовоздушной обороне как помощников при обслуживании зенитной артиллерии и на летательных аппаратах. Тут же Кубийович приписывает себе большую заслугу в том, что именно ему удалось достичь того, чтобы немцы не использовали этих юношей против танков». Главный организатор коллаборационистов в Галиции скрывает, что и так хорошо известно: «небольшую часть юношей

гитлеровцы все-таки использовали как фаустников против советских танков».

Во второй половине апреля 1944 года во Львов прибыли 22 германских офицера во главе с обербанфюрером Гавптом. Они развернули акцию «добровольного набора украинских юношей в противоздушную службу». Центром этого набора стала Войсковая управа (ВУ) дивизии СС «Галичина», возглавляемая полковником Бизанцем. Вербовщики заверяли, что юноши будут проходить трехмесячные курсы, а затем продолжат подготовку в дивизии СС «Галичина». В помощь вербовщикам и Войсковой управе пришла общественная коллегия, в которую вошли такие известные в Галиции деятели, как профессор Т.Белостоцкий, редактор Михаил Добрянский, отец доктор Костельник, магистр Михаил Кушнир и др. Вся эта братия была призвана помогать вербовщикам вовлекать молодежь Галиции в вспомогательные структуры СС. И все это в то время, когда фронтовые бои шли уже на пороге Западной Украины.

Первый лагерь для подготовки юных эсесовцев был организован в местечке Переворске (лагерь им. Черника). Тут находилось 300 юношей. Через несколько недель, в конце июня 1944 года, 210 юношей из Переворска были переведены во Львов для того, чтобы провести пропагандистскую «дефиляду». Их празднично приветствовал губернатор Вехтер, руководитель Войсковой управы дивизии СС «Галичина» полковник Бизанц, председатель УЦК К.Паньковский и иные вербовщики.

Второй лагерь был организован в Неполосищах, близ Кракова. Там находилось 3000 юношей. Затем аналогичные лагеря действовали в Егере (1750 чел.), Троппав (1000 чел.), Кремсе (1550 чел.), Гульчине (200 чел.) и Мальте (200 чел.) в районе Австрии и Каринтии. Их освещал главный капеллан дивизии СС «Галичина» Василий Лаба в чине майора войск СС. Во второй половине июля 1944 года было завербовано 7700 человек. Среди них девушек, помощниц СС – более 300 человек. Орест Субтельный в своей книге «Україна. Історія» отмечает, что среди почти миллиона советских граждан, которые в 1944 году носили немецкую форму, было около 220 тысяч украинцев (остальные были преимущественно россиянами). И тут же для сравнения сообщает, что «почти 2 миллиона украинцев воевали на советской стороне, а многие пребывали в польской, румынской, венгерской, чешской, американской и канадской армиях» [7].

Остается прояснить довольно прозаический вопрос – о взаимоотношениях между дивизией СС «Галичина» и УПА. Если поверить нынешним историкам типа Сергейчука и Шаповала, то складывается

впечатление, что это были обособленные формации, хотя и не воюющие между собой, но свои структуры, и формы и методы борьбы против общего врага («большевистской Москвы»). В действительности же никакой отчужденности между ними не было и этим объясняются массовые переходы участников дивизии СС «Галичина» в УПА и, наоборот, боевиков УПА – в дивизию СС «Галичина». Так, из уцелевших остатков дивизии, после ее разгрома под Бродами в июле 1944 года, часть «дивизийников» влилась в УПА. Сам командир УПА Роман Шухевич перед тем, как прийти на эту должность, служил в 201-й полицейской дивизии СС, сражавшейся с белорусскими партизанами. О том же говорит совершенно секретная директива руководства дистрикта «Галиция» «О дезертирах и перебежчиках из добровольческой дивизии СС «Галичина» от 18 апреля 1944 года. Директива требует от главарей банд УПА выдавать оккупационным властям дезертиров и перебежчиков из дивизии СС «Галичина» для привлечения таковых к ответственности за совершенные воинские преступления перед «рейхом». В свою очередь, многие «упавцы» шли добровольцами в дивизию СС «Галичина», отдавая предпочтение ее чисто внешним атрибутам и не видя «существенных» различий между бандеровцами и мельниковцами [8].

В июле 1943 г. Шухевич встретился с офицером связи «Галичина» Любомиром Макарушкой. На встрече была достигнута договоренность о том, что ОУН(Б) не будет блокировать создание «Галичины», но и помощь оказывать тоже не станет. Впоследствии отряды УПА с удовольствием принимали в свой состав солдат «Галичины». Под Тернополем значительная часть личного состава 3-го полка дивизии СС «Галичина» ушла в лес, чтобы стать затем основой для формирования группы УПА «Лисоня». Во время боя под Бродами три тысячи дивизионников ушли в лес и влились в УПА.

Кроме дивизии СС «Галичина», мельниковцам удалось сформировать еще несколько небольших военизированных отрядов под командованием генерала Омеляновича-Павленко, Войновского, Гулая и других. Эти формирования гитлеровцы использовали, главным образом, в карательных операциях против советских партизан. Как справедливо отмечается в Заключении Комитета ветеранов войны организации ветеранов Украины «К вопросу об оценке деятельности ОУН-УПА», «УПА вела специфическую по форме борьбу на той же стороне, что и дивизия СС «Галичина» в составе вооруженных сил фашистской Германии, и ОУН не была никакой «третьей силой», тем более национально-освободительной. Ее провод не представлял никого, кроме себя самого, и в этом он расписался, прибегнув к провозглашению в июле 1944 года УГВР

(Українська головна визвольна рада), которая выдавалась за представительный орган «всех честных и национально ценных украинских патриотов, независимо от их партийных взглядов» [9].

Небольшое послесловие. (По книге С.Чуева «Проклятые солдаты»).

В феврале 1943 года украинские националисты с молчаливого согласия гитлеровцев основали так называемый Украинский Национальный Центральный Комитет (УНК) – орган, нацеленный на объединение всех украинских вооруженных формирований, входящих в состав вооруженных сил нацистской Германии. Гитлеровское руководство, предвидя крушение «Тысячелетнего Рейха» как за соломинку ухватилось за создание самых антисоветских организаций и объединений, членами которых являлись лица, проживающие на территории Германии. Все они рассматривались как определенный резерв немецкой армии и СС. Украинскими националистами, предводительствующим «президентом УНР в эмиграции» А.Левицким, с согласия нацистских властей на пост главы УНК был поставлен бывший петлюровский генерал и польский полковник Павел Шандрук. Своими заместителем он назначил Владимира Кубийовича, «являвшегося ранее главой УЦК в Кракове. Главой Войсковой Рады УНК стал генерал М.Омельянович-Павленко. После назначения на этот пост Шандрук провел ряд переговоров с Бандерой, Мельником и немецким командованием. От немцев он потребовал удалить из «Галичины» всех немецких командиров, проведя их замену украинскими кадрами. Основным же условием своего сотрудничества с немцами Шандрук ставил объединение всех украинских частей в единую армию.

30 марта 1945 года А.Розенберг обратился в новое украинское правительство с письмом, в котором признал за УНК ряд полномочий, основным из которых было создание собственной, союзной Германии армии. После такого признания руководство УНК направило все свои усилия на объединение разрозненных воинских частей и подразделений в Украинскую Национальную Армию (УНУА), ядром которой становилась 14-я дивизия «Галичина». По замыслу верхушки УНК основной задачей нового формирования стала успешная капитуляция УНА войскам Великобритании и США для продолжения борьбы за «самостійну Україну».

В это время в пригороде Берлина Нимеке полковник (вскоре генерал-майор) Петр Дьяченко и майор Владимир Хладич начинают формировать 2-ю украинскую дивизию (противотанковую бригаду «Вільна Україна»). Были набраны 1900 человек из числа советских военнопленных и лиц, ранее служивших в противопожарных частях. Создать дивизию

не удалось, поскольку Красная Армия уже приближалась к пригородам Берлина. То, что уже значилось дивизией «Вільна Україна», было брошено на фронт, а затем влило в состав корпуса «Герман Геринг». В составе этого корпуса «Вільна Україна» вела бои близ Бауцена. К этому времени она была полностью моторизована и экипирована. 5 мая она вышла из подчинения корпуса и пошла на соединение с 1-й дивизией УНА (14-й дивизией СС «Галичина»), но была окружена вместе с немецкими частями в Судетах. Попытка вырваться на территорию, занятую союзниками была неудачной. Прорваться удалось лишь 30% личного состава. Остальные были пленены, либо погибли в боях с частями Советской Армии.

В марте-апреле 1945 года была также сформирована украинская «Парашютная бригада особого назначения» под командованием полковника Тараса Боровца («Бульба»), бывшего атамана Полесской Сечи. В ее составе находилось 400 человек. Бригада была переброшена в Чехию на обучение. Там же оказалась и «Бригада Вольного Козачества» полковника П.Терещенко (350 чел.), заявившего о подчинении командованию УНА.

О готовности войти в УНА заявили: командир размещенной в Дании 281-й запасной бригады (5 тысяч чел.) полковник Ф.Гудыма, командование двух охранных полков (по тысяче человек в Голландии и Бельгии), а также несколько групп ПВО в районе Берлина (2,5 тысячи человек).

Объединение всех названных частей и Українського Вільного Війська позволило бы развернуть 2-ю Украинскую дивизию УНА, но военно-политическая ситуация сложилась не в пользу украинских националистов. Советская Армия стремительно наступала. 30 апреля 1945 года она прорвала немецкий фронт в районе Фельдбах-Гляйхенберг. Основные силы дивизии СС «Галичина» вместе с немецкими частями, находившимися на этом участке фронта, попали в окружение. Ситуация была близка к той, что привела дивизию «Галичина» к полному разгрому под Бродами в июле 1944 года. Оставался единственный выход – прорваться к американским и английским войскам. За два дня до капитуляции парламентарии дивизии посетили «союзников» и договорились с ними об условиях сдачи в плен. Небольшая группа дивизийников пошла на юг до Шпиталя на реке Дравац, в результате она оказалась в английском плену. Большая часть дивизии была разоружена американцами. На этом закончилось существование 14-й гренадерской дивизии СС «Галичина» и всей Украинской Народной Армии, пытавшейся спасти Третий Рейх от неизбежного разгрома.

Источники

1. Масловський В.І. З ким і проти кого воювали українські націоналісти в роки Другої світової війни, – С. 91.
2. Гунчак Тарас. У мундирах ворога. – К., 1993. – С. 142.
3. Чарторийський М.С. Між молотом і кувалдою. Нью-Йорк, 1970.
4. Гайке В.Д. Українська дивізія «Галичина». Історія формування і бойових дій у 1943-1945 роках. – Торонто – Мюнхен – Париж, 1970.
5. Дорошенко К. Пам'ятник фашистським прихвостням// Правда. – України. 1991. 25 мая.
6. Зелений З. Українське юнацтво в вирі Другої світової війни. – Торонто, 1965. – С. 20.
7. Субтельний О. Україна. Історія. – К., 1993. – С. 580.
8. С.Чуев. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 362.
9. К вопросу об оценке деятельности ОУН-УПА//Марксизм и современность. – 1997. – №1-2. – С. 7.

«Полесская Сечь» и атаман Тарас Бульба

Против советских партизан на Волыни действовала еще одна «УПА». Вскоре она была переименована в так называемую «Украинскую народно-революционную армию» (УНРА). Ее возглавил нацистский агент Тарас Боровец, именовавший себя «атаманом Тарасом Бульбой». Уроженец Людвипольского района Ровенской области, Тарас Боровец при панской Польше отбывая наказание в концлагере Береза Картузсская. После освобождения из заключения стал владельцем каменоломни на Ровенщине. В 1939 году перед воссоединением Западной Украины с СССР бежал в Варшаву, откуда гитлеровцами был заброшен на Ровенщину с разведывательным заданием.

Давние симпатии к нацистской Германии логично и неизбежно завершились тем, что Боровец стал агентом немецкой разведки и прошел курс подготовки в абверовской школе.

Во время войны Боровец хвастался в среде своих старшин, что в 1940-1941 годах он несколько раз нелегально переходил границу СССР и что убил тогда семерых бойцов и командиров Красной Армии.

Вновь Боровец объявился на севере Ровенской области, в Сарнах, уже при гитлеровцах в июле 1941 года. Здесь под эгидой оккупантов он сколотил из старых дружков – местных националистов вооруженную группу, которой дал пышное название «Украинская повстанческая армия «Полесская сечь». Вооружили это воинство, разумеется, немцы. Боровец отблагодарил незамедлительно: его отряды вместе с гитлеровцами приняли участие в боях за город Олевск, а потом помогли немцам преследовать разрозненные группы окруженных красноармейцев. Создав «Сечь», честолюбивый Боровец, присвоил себе псевдоним Бульба и чин генерал-хорунжего (был такой когда-то в петлюровской армии).

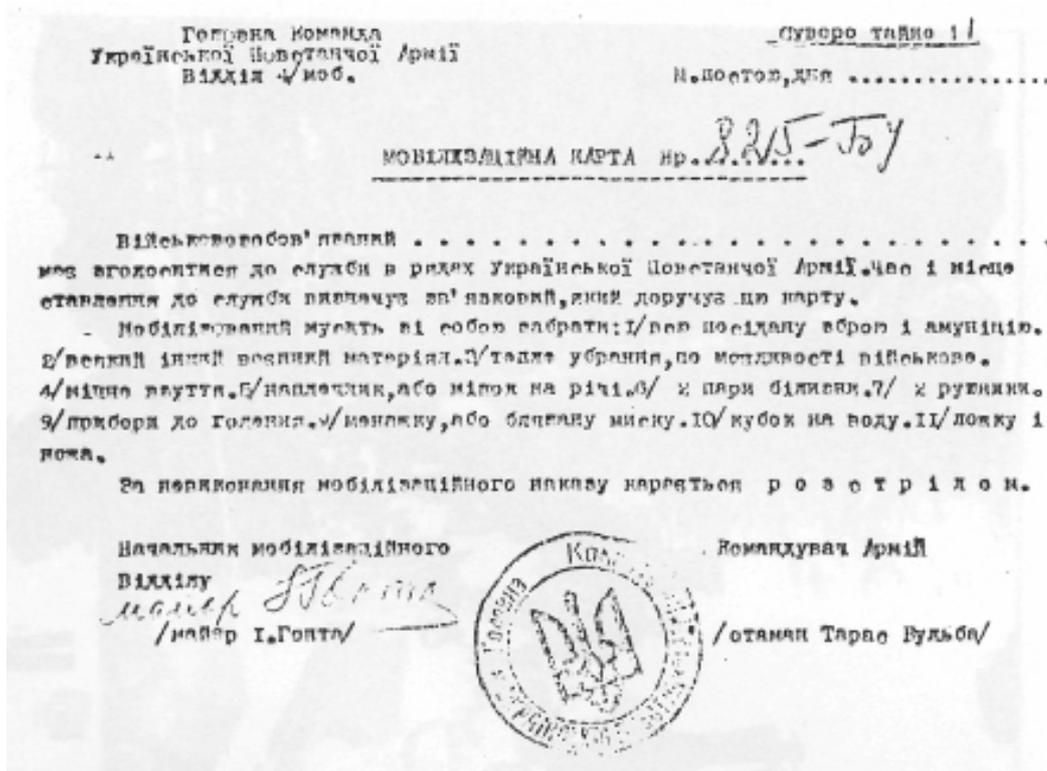
Атаман был достаточно умен, чтобы понимать: трудовой народ Волыни видит в гитлеровцах вовсе не освободителей от «московских большевиков и жидомасонов», а ненавистных оккупантов. И он начал хитрую игру. В выступлениях на митингах и сходах атаман вроде бы по секрету от немцев говорил, что союз с Германией – лишь тактический ход, что, дескать, после разгрома СССР и создания независимой украинской державы «Полесская сечь» тотчас повернет оружие против немцев.

Некоторые попались на крючок и вступили в УПА, полагая, что они и впрямь будут воевать с оккупантами. Впрочем, атаман не стеснялся загонять молодых парней в свои банды и силой.

Попытка Бульбы политически балансировать не имела ни малейших шансов на успех. Он не оценил в должной степени коварства своих немецких хозяев. Гитлеровцы вовсе не собирались создавать какую-либо, даже марионеточную, «украинскую державу». На оккупированной территории им нужны были не союзники, а лишь пособники. В военной помощи жалкой, в сущности, «Полесской сечи» вермахт тоже пока не нуждался. Его командование было уверено, что в ближайшие недели оно само разгромит Красную Армию, захватит Москву и Ленинград. «Полесская сечь» была нужна для других целей – ей предназначалась роль немецкой овчарки, держащей в страхе местное население, а также для участия в боевых действиях против партизан, представлявших с каждым днем все большую угрозу тылам германской армии.

Пока атаман Бульба и его старшины играли в «самостійність», фашистская служба безопасности хладнокровно разработала план акции, как надежно привязать «Сечь» к своей колеснице. Такой акцией и стала «просьба» (а на самом деле – безоговорочный приказ) «помочь» оккупантам ликвидировать еврейское население Олевска. После этой акции Бульбе пришлось переименовать скомпрометированное олевской трагедией название УПА «Полесская сечь» на УНРА – «Украинская народно-революционная армия». На самом деле УНРА не были ни народной, ни революционной, ни армией, если исходить из ее целей и фактической численности. Но немцев это не смущало: в названии фашистской партии тоже ведь фигурировали слова и «рабочая», и «социалистическая».

Минул год. Сотни и курени УНРА превратились в то, что, собственно, гитлеровцам и нужно было – дополнительную полицейскую силу. «Бульбаши» поддерживали «порядок» на контролируемой ими территории, пытались вести вооруженную борьбу с советскими партизанами. С последней задачей, правда, они справлялись не слишком успешно, прямых столкновений с окрепшими, хорошо организованными, сильными соединениями народных мстителей не выдерживали. «Бульбаши» нападали на небольшие группы партизан, перехватывали их связных и разведчиков, выдавали гитлеровцам подпольщиков, если нападали на их след.

Немцы не только санкционировали существование бандитских формирований, но без излишней огласки обеспечивали их вооружением, боеприпасами, снаряжением. По существу, почти весь личный состав УНРА состоял на платной службе у оккупантов. Однако ни один наймит себя таковым никогда не называл и не назовет. И Лаваль во Франции, и Тисо в Словакии, и Квислинг в Норвегии, и прочие, им подобные, мнили себя политическими фигурами. Полагал себя таковой и Бульба, любивший представить перед окружающими дело так, будто он чуть ли не равноправный союзник «ясновельможного пана атамана Адольфа Гитлера».

Относительно спокойная жизнь Бульбы в Сарненском округе закончилась осенью 1942 года, когда под Ровно всерьез и надолго обосновался специальный чекистский отряд «Победители» под командованием полковника Дмитрия Николаевича Медведева, будущего Героя Советского Союза. В нескольких боях медведевцы жестоко потрепали подразделения атамана. Бульба спаниковал. Перед ним зримо замаячил призрак близкого разгрома. И тогда он затеял, как ему казалось, хитрую игру. Он решил вступить с партизанами в переговоры, чтобы добиться некоего перемирия.

Опытнейшего чекиста, давно и хорошо знавшего нравы украинских буржуазных националистов, Медведева, атамана, конечно, обвести вокруг

пальца не мог. И состоявшиеся переговоры Медведев, разумеется, использовал в интересах советской разведки.

В архивах сохранился документ, отпечатанный на порядком разбитой пишущей машинке с украинским шрифтом. В правом верхнем углу слова: «Абсолютно тайно». Ниже название: «План акций по борьбе с большевистскими партизанами, сконцентрированными в Полесской котловине в пределах Брест – Минск – Гомель – Житомир».

Этот документ советские разведчики сумели заполучить почти сразу после того, как атаман подписал его 15 марта 1943 года.

Из «абсолютно тайного плана» явствовало, что действия советских партизан создали для немцев на оккупированных ими территориях невыносимое положение. Бульба и его воинство поставили перед собой в этой связи задачу ни больше ни меньше как облегчить положение гитлеровцев, ликвидировав советских партизан в названном районе.

В пункте первом Бульба провозглашал, что «акцию проводят украинские партизаны (читай – бандиты УНРА) под моим командованием на основе тихого сотрудничества с немецкими властями». В пункте втором указывалось, что официальная немецкая власть будет бороться и с советскими партизанами, и с «бульбашами», но неофициально будет поддерживать «бульбашей» и тайно поставлять им военные материалы. Заключительный, шестой пункт этого плана звучит так: «В случае дальнейшего продвижения Красной Армии на запад украинские партизаны остаются для диверсий в большевистских тылах, сотрудничая и дальше с немецкой армией...».

Этот план срывает последний флер независимости и идейности с националистов. Кстати, аналогичные документы-соглашения подписывали с гитлеровцами и бандеровцы, и мельниковцы.

«Абсолютно тайный» план ликвидации партизан Бульба не осуществил только потому, что это ему оказалось не по зубам. Чекистам стало с достоверностью известно, что уже осенью 1943 года, когда если не дни, то недели пребывания немцев на Советской Украине были сочтены, гитлеровское командование тайно передало на станциях Малыньск и Антоновка бульбашам четыре эшелона с оружием и боеприпасами.

Люди должны и сегодня знать: когда националисты уже на освобожденной Красной Армией территории убивали наших солдат, партийных и советских работников, колхозных активистов, пытались срывать мобилизацию, они не за самостийную Украину боролись, как сейчас за кордоном уверяют, а выполняли задания немецкой разведки.

Сохранился документ, подписанный ровенским гебитскомиссаром Веером, об отправке одного такого состава. Его охраняли всего двенадцать солдат-мадьяр, осужденных за неблагонадежность. «Бульбаши», не встретив никакого сопротивления с их стороны, уничтожили обреченных и «захватили», а на самом деле спокойно приняли им предназначенный груз, инсценировав «налет» партизан. Как и полагалось по сценарию, немцы подняли фальшивую тревогу и прислали карателей лишь тогда, когда «бульбаши» давно уже вывезли в район своих баз последнюю подводу с боеприпасами.

«Бульбаши» стали уходить в подполье, не дожидаясь появления передовых частей Красной Армии. Столь поспешно, словно и не брали они на себя обязательства защищать Полесскую котловину. Должно быть, и сам атаман позабыл слова своего хвастливого приказа, подписанного им в декабре 1941 года: «Коммуна уничтожена немецкой вооруженной силой. Мы не были пассивными зрителями, а приложили и свою руку к ее смерти».

Единственное, что соответствует истине в этих до смешного самоуверенных строках, – откровенное признание о военном сотрудничестве с фашистскими оккупантами.

После того как Бульба исчез в конце 1943 года из села Пустомыты Тучинского района, где располагался тогда его штаб, следы атамана на время затерялись. Зато то и дело проступали кровавые следы его подчиненных, убивавших тайно, из-за угла, подло и жестоко советских людей.

В самом конце войны чекисты снова слышали о человеке с приметам Боровца. Высокий мужчина лет сорока, блондин, худощавый, с длинным прямым носом, золотым зубом в верхней челюсти, имеющий привычку сильно сдвигать брови, так что на лбу образовывалась глубокая складка, объявился в числе сотрудников фашистского диверсионно-террористического отряда «Ягдфербанд-Ост» входящего в систему СС. Правда, фамилия его была не Боровец, а Коненко.

«Ягдфербанд-Ост» был укомплектован из числа изменников Родины, уроженцев разных республик СССР. Здесь готовились шпионы, диверсанты, террористы, предназначенные для преступной работы в тылу Красной Армии и в глубинных областях страны. Разговоры о создании каких-либо «независимых национальных государств» не допускались. Командовали школой и занимали в ней ключевые посты кадровые немецкие офицеры-разведчики, сотрудники СД и абвера. Они готовили обыкновенных агентов и диверсантов для черновой работы.

Бывшего атамана ввел в команду заместитель начальника «Ягдфербанд-Ост» штурмбанфюрер СС Эбергард Хайнце. Коненко был сразу назначен руководителем подготовки украинской подгруппы, насчитывавшей и своем составе около 50-ти человек. Сам факт назначения на высокий пост уже говорит о том, что для руководства разведоргана он был своим человеком.

Не за страх, а за совесть готовил бывший атаман в строго охраняемом здании близ городка Альтбургунд на территории нынешней ЧССР диверсионную группу «Майглекхен» («Ландыш»), предназначенную для заброса под его же командованием на советскую территорию в бассейн реки Припять.

Почти все агенты, заброшенные «Ягдфербанд-Ост» в последние недели войны на советскую землю, были обезврежены чекистами. Некоторые явились с повинной сами. Коненко среди них не было. В 1945 году в числе других ведущих сотрудников школы он очутился в американском плену.

Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции прекрасно знали, что ими пленена не какая-нибудь пехотная рота вермахта, а руководящий состав, подлежащий выдаче той стране, на территории которой совершал он свои преступления.

Но именно то, что в глазах всех честных людей, в том числе и простых американских солдат, было отягчающим обстоятельством, стало для Коненко и фактором спасительным. Не вопреки тому, что он являлся фашистским агентом, а именно поэтому он был передан американскими военными властями не советским, а английским войскам, а те через некоторое время его освободили. Пройдя без хлопот британское «чистилище», Боровец (фамилия Коненко была уже за ненадобностью отброшена) прибыл... снова в американскую зону, в город Миттервальде.

Здесь его с распростертыми объятиями принял уже не раз упоминавшийся нами бывший петлюровский генерал, бывший командир «Украинского полицейско-охранного батальона» в Виннице, затем сотрудник оккупантов в Ровно Омельянович-Павленко. Старый изменник тоже успел перекраситься – теперь он возглавлял шпионскую «украинскую» школу, поставлявшую агентуру, естественно (чья зона-то?), американской разведке.

Боровец стал одним из руководителей и преподавателей. Под стать ему был и начальник учебной части – изменник Родины,

бывший командир Красной Армии, ставший офицером дивизии СС «Галичина», некто И.Коваль.

Не пошла впрок, однако, слушателям этого сомнительного учебного заведения шпионская наука. В 1947-1948 годах группа бывших бульбашей вместе с прибывшим из-за кордона подкреплением была выявлена и обезврежена чекистами. В пятидесятых годах еще один бульбовский агент, лично им выпестованный и проинструктированный, некто Заядковский, также был арестован.

Один из арестованных в СССР американских агентов рассказал, что его шеф Боровец снова решил подвизаться на националистическом поприще. Генералам «холодной войны» потребовалось возродить сошедшие было на нет различные националистические организации, причем не только украинские. Под крылышком американцев в 1947-1948 годах в Западной Германии из осколков всех окрасок была сколочена так называемая «Украинская национальная гвардия» (УНГ). На втором конгрессе УНГ, который состоялся в 1949 году в Шлейсхейме близ Мюнхена, Тарас Боровец-Бульба (снова пошел в ход громкий псевдоним) был избран главарем УНГ, а Коваль – его помощником.

Вербуя сторонников, а точнее – пушечное мясо для западных спецслужб, Бульба разъезжает по Европе, встречается и с бывшими бандеровцами, и с мельниковцами, и, разумеется, с бульбашами. Есть данные, что в 1958 году атаман выезжал в США для встречи с тогдашним руководителем американской разведки.

Вскоре Бульба перебрался на постоянное жительство в Соединенные Штаты. Лютый враг Советской страны закономерно стал врагом мира во всем мире. В период американской агрессии в Корее Бульба – инициатор формирования и отправки в много-страдальную страну «Украинского батальона», составленного из обманутых им детей украинских эмигрантов, проживающих в США и Канаде. Атаман намеревался сколотить подобный батальон и для действий во Вьетнаме. Развернувшаяся в самих США кампания протеста против «грязной войны» помешала осуществить эту затею.

Тарас Боровец-Бульба умер несколько лет назад. До конца дней лежало на нем проклятие народа.

Д Л Я Н

9

акції по боротьбі з большевицькою партизанкою, сконцентрованою в Поліській кітловині в межах: Бересте - Пинськ - Гомель - Житомир.

На підставі інформативних матеріалів зібраних нашою розвідкою, сила большевицьких парашутно-партизанських відділів, сконцентрованих в лісисто-багністих теренах Поліської кітловини в межах Бересте - Пинськ - Гомель - Житомир, обчислюється на день 15.3.1943 року в 10 - 13.000 людей, але понад 7.000 мобілізованих на місцях та всяких інших банд.

Парашутні відділи сильно озброєні автоматично-машинною легкою зброєю і мають регулярне постачання повітряною дорогою з косями та радіовий зв'язок. Мобілізовані на місцях банди озброєні слабше різноманітною зброєю, але так їх озброєння як і організація діяльності доповнюється від парашутистів через посилення до кожної найменшої банди командного складу та склади зброї з літаків на вказані пункти.

Банди мають завдання голонним чином вести необхідну розвідку в дальніх, не лісйоистих теренах, що робиться малими групами та поодинками особами дуже конспіративно, а дальше виконувати де можна диверсії. Диверсія ведеться в загальному по лінії викликування на окупованих німецькою армією теренах абсолютної внеркхії і невиноского положення. Крім того диверсія має завдання за всяку ціну втягати в свою орбіту якнайбільше місцевого елемента так індивідуально як і цілих організацій.

Ліквідація згаданої сили вимагає до найменше 2-3 конр-партизанів на кожного партизана, так само як вони озброєних.

Ліквідація мусть переводитися послідовно і основно, з обладкуванням звільнених теренів сильними гарнізонами як забезпеченням перед новими десантами.

Основні принципи ліквідаційної акції:

1. Акцію веде українська партизанка під моїм командуванням, на підставі тикого порозуміння з німецькою владою, сила української партизанки 40.000 л.

2. Німецька влада офіційно побороє одну й другу партизанку, а неофіційно підтримує українську партизанку і тайно постачає її воєнним матеріалом.

3. Випадова база акції - Пинська округа. На якійсь зал. станції українська партизанка маркує захоплення призначених для неї ешелонів воєнного матеріалу і з відти розвиває свою акцію у всі напрямки.

4. В порозумінні з німецькою владою українська партизанка оновує деякі міські центри для організації там своїх жителів, постачання ітп. Акція охоплює цілу Поліську кітловину.

5. На випадок сморочування фронту по лінії Одеса-Київ-Вітебськ-Рига, українська партизанка вдержує Поліську кітловину по лінії фронту.

6. На випадок дальшого маршу червоної армії на захід, українська партизанка має лякється для диверсії на большевицьких тилах, співдіючи з дальше з німецькою армією.

Полісся, дня 15.3.1943 р.

/Тарас Бульба-Боровець

Оригінал цього документа, на 1970 рік, зберігався серед багатьох інших штабних документів, так званої, "Поліської Січі", якою командував Отаман Тарас-Бульба-Боровець в 1941-1944 роках. Підчас останнього драмаршу разом з німцями його штабісти невдачно сховали всі штабні документи в лісі на території Гошанського району. Ці документи були знайдені місцевими жителями, і були передані органам державної безпеки. На 1970-й рік, всі ці документи зберігались в архіві УКДБ по Рівненській області.

Оригінал «План борьбы с большевистскими партизанами», и подписанный Тарасом Бульбой-Боровцем 15 марта 1943 года, изъят советскими партизанами из архивов УНРА «Полесская Сечь»

Начальник окружной милиции в Сарнах и Командант партизанских отделов «Полесская Сечь» Тарас Боровец со своим штабом (фото из архивов «Полесской Сечи»)

Сговор «воюющих» сторон

Не успев сформировать и организовать УПА, ее руководители высшего и среднего звена по распоряжению центрального провода ОУН незамедлительно стали налаживать контакты с представителями германской и венгерской армий, фашистской разведки и предлагать им свои услуги, прежде всего в борьбе против советских войск. Иначе и быть не могло. Ведь центральный провод ОУН и так называемая штаб УПА были сформированы под диктовку немецкой разведки практически из числа официальных сотрудников (офицеров) Абвера, СД, гестапо, полиции и их агентуры. Туда вошли С.Арсенич-Березовский, Я.Бусел, Д.Грицай, И.Гриньох, Д.Клячківський, П.Кравчук, С.Ленкавський, Ю.Лопатинський, А.Луцкий, Е.Логуш, Д.Маевский, В.Сидор, Я.Стецко, В.Чижевский, Р.Шухевич и многие другие.

В первых числах августа 1943 года в г. Сарны Ровенской области состоялось совещание представителей немецких властей и ОУН по вопросу совместных действий против советских партизан. В середине августа делегация ОУН для этих же целей выезжала в Берлин. В результате переговоров было достигнуто соглашение, согласно которому ОУН-УПА берут на себя обязательство охранять железные дороги, мосты от налётов советских партизан, принимать участие в борьбе с партизанским движением, выполнять и поддерживать проводимые немецкими оккупационными властями мероприятия. В свою очередь, немцы обязались: оказывать всемерную помощь украинским националистам в поставке оружия; в случае победы Германии над Советским Союзом разрешить создание самостоятельного украинского государства под протекторатом Германии [1].

Для переговоров с представителями венгерской армии был назначен член центрального провода ОУН Емельян Логуш («Иванив»), выполнявший в то время функции руководителя краевого провода ОУН «Південь».

Приведем текст одного любопытного документа.

«... Секретно.

Приказ №21

Командирам и казакам УПА, комендантам и работникам подполья ОУН.

В связи с политической ситуацией и определенными настроениями, требующими от нас чрезвычайного чутья и политической гибкости, приказываю:

1. Прекратить какие-либо агрессивные действия против мадьяр на территории всего военного округа.

2. Договориться на местах с командованием мадьярских подразделений с целью недопущения выступлений одной стороны против другой.

3. В отношении мадьяр необходимо быть приветливыми и предупредительными...

4. Ответственность за выполнение настоящего приказа возложить на командиров подразделений УПА и комендантов подполья ОУН.

Слава Украине.

Командир группы УПА Эней.

9 сентября 1943 года.

Ставка...» [2].

А события развивались так. Во второй половине августа 1943 года возле с. Конюшки (Здолбуновский район Ровенской области. – Ред.) состоялась встреча руководителя отдела разведки так называемого штаба Южного военного округа УПА Андрея Дольницкого, известного в оуновском подполье под кличкой «Голубенко», с офицерами венгерской армии: начальником дислоцировавшегося поблизости гарнизона и представителем расквартированного в г. Дубно подразделения капитаном Буричем. В ходе переговоров была достигнута договоренность о том, что венгерские войска не будут проводить никаких боевых операций против отрядов УПА, дислоцировавшихся на территории Дубновского и Костопольского районов Ровенской области. О состоявшейся беседе с представителями венгерской армии «Голубенко»-Дольницкий доложил своему непосредственному шефу. На основе этих договоренностей был издан выше цитированный приказ «Энея» – Петра Олейника, являвшегося командиром отрядов УПА «Південь».

По распоряжению «Энея» «Голубенко» направился с докладом к командующему УПА «Климу Савуру» – Дмитрию Клячківському. Последний одобрил действия «Голубенко»-Дольницкого и предложил

продолжить дальнейшие контакты с венгерской стороной. По решению Главного штаба УПА для дальнейших переговоров с представителями венгерской армии был назначен член центрального провода ОУН Логуш. По договоренности с венгерской стороной он встретился с сотрудниками Главного штаба соединений венгерской армии подполковником Падани и майором Вецкенди.

Данные переговоры начались 25 декабря 1943 года в с. Дермань Мизочского района Ровенской области и продолжались в течение десяти дней. В этот период в с. Будераж Здолбуновского района проводом ОУН был специально организован для венгров вечер художественной самодеятельности и парад отрядов УПА, находившихся в этом районе. Переговоры закончились 3 января 1944 года подписанием соглашения.

1. Венгерское командование не будет проводить никаких враждебных действий против УПА и украинского населения.

2. Подразделения УПА не будут осуществлять политических и вооруженных выступлений против венгерских гарнизонов на Украине...

3. Венгерское командование будет сообщать командованию УПА о действиях советских партизанских подразделений или коммунистической разведки. Командование УПА будет ставить в известность венгерские штабы о всех известных ему передвижениях большевистских партизан.

4. Венгерские гарнизоны могут получать от хозяйственных подразделений УПА необходимое продовольствие. Взамен они будут передавать в УПА соответствующее количество оружия, боеприпасов, а также другие технические и медицинские материалы.

5. Для успешного выполнения настоящего договора и налаживания необходимого взаимодействия командование венгерской армии на Украине и командование УПА обменяются соответствующими военными представителями».

Вскоре после подписания указанного договора Логуш вместе с подполковником Падани и майором Вецкенди самолетом военно-воздушных сил Венгрии вылетели в г. Львов, где встретились с другими представителями центрального провода ОУН и обсудили достигнутые соглашения. Руководство ОУН приняло решение о необходимости закрепления этого договора на более высоком уровне и достижения политических соглашений. В январе 1944 года делегация в составе Е.Логуша, Е.Врецьоны, А.Луцкого и В.Мудрого совместно с подполковником Падани вылетела на венгерском самолете в Будапешт, где провела ряд встреч с одним из руководителей генерального штаба

вооруженных сил Венгрии полковником Шотани и другими офицерами из высшего командного состава. Шотани заверил представителей ОУН, что регент Венгрии Хорти осведомлен о происходящих переговорах. Было достигнуто соглашение о совместных боевых действиях против СССР, за что венгерская сторона обещала в случае необходимости предоставить возможность эмиграции в Венгрию руководящим деятелям оуновского подполья на Украине [3].

Характерным примером взаимодействия ОУН-УПА с немецкими войсками является факт замены 13 января 1944 года немецкого гарнизона в г. Камень-Каширский Волынской области отрядами УПА. Ушедший гарнизон оставил оуновцам 300 винтовок, 2 ящика патронов, 65 комплектов обмундирования, 200 пар белья и другое снаряжение [4].

В марте 1944 года партизанами соединения А.Ф.Федорова, дислоцировавшегося тогда в северных районах Волынской области, при отражении вооруженного нападения УПА на один из отрядов был захвачен документ, подтверждающий связь УПА с немцами. Вот его содержание:

«Друже Богдан! Пришлите 15 человек к нам в курень, которые будут работать на строительстве моста. 3 марта 1944 года я договорился с немецким капитаном Ошфтом, что мы построим мост для переправы немецких войск, за что они дадут нам подкрепление – два батальона со всей техникой. Совместно с этими батальонами 18 марта с.г. мы очистим от красных партизан лес по обе стороны р. Стоход и дадим свободный проход в тыл Красной Армии своим отрядам УПА, которых там ждут. На переговорах мы пробыли в течение 15 часов. Немцы нам устроили обед. Слава Украине! Командир куреня Орел. 5 марта 1944 года» [5].

Из документа, определяющего условия тесного сотрудничества ОУН-УПА с немцами в Рава-Русском районе Львовской области и составленного по результатам переговоров 1 января 1944 года между руководителями банды Магарасом Тарасом и Руденко Семеном – с одной стороны и оберштурмфюрерами СС Отто Рюккерихом и Унбелесом – с другой, и достигнутого между ними соглашения видно, что обе стороны договаривались о сохранении факта переговоров в строжайшей тайне. Этот же документ свидетельствует о том, что руководители УПА обязывались задерживать и передавать гестапо забрасываемых на оккупированную фашистами территорию советских разведчиков, доставлять добываемые советские шифры, сообщать о дислокации советских и польских (на территории восточных районов Польши –

Ред.) партизанских отрядов и совместно с немецкими вооруженными силами и полицейскими подразделениями принимать меры к их уничтожению, выдавать немецкой полиции дезертиров из дивизии СС «Галичина» [5].

Сотрудничество УПА с немцами не явилось фактом какого-то местного, единичного порядка, а поощрялось сверху и получило широкое распространение, что вызвало соответствующее реагирование со стороны немецких властей.

Так, главнокомандующий полицией безопасности и СД по Украине бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции Бреннер 12 февраля 1944 года ориентировал подчиненные ему разведорганы в западных областях Украины на то, что в связи с успешным проведением переговоров с УПА в районе сел Деражное, Верба (Ровенская область. – Ред.) руководители УПА обязались забрасывать в советский тыл своих разведчиков и о результатах их работы информировать отдел 1-ц боевых групп, находившихся при штабе германских армий «Юг».

В связи с этим Бреннер приказал: разрешить агентам УПА с пропусками капитана Феликса свободное передвижение, запретить изъятие оружия у членов УПА, а при встрече групп УПА с немецкими воинскими подразделениями пользоваться опознавательными знаками (растопыренные пальцы поднятой перед лицом кисти левой руки) [6].

12 февраля 1944 года разведывательным отделом 1-ц боевой группы Прюцмана при штабе германских армий «Юг» был издан приказ, в котором отмечалось, что в результате начатых в районе с. Деражное (Костопольский район) и успешно законченных в районе с. Верба (Дубновский район) переговоров немецкого командования с украинскими националистами достигнута договоренность о взаимном ненападении и помощи в вооруженной борьбе с Красной Армией. ОУН-УПА предписывалось также ведение разведки в пользу немецкого командования.

9 февраля 1944 года в районе сел Башковцы, Тилевка и Угорек Шумского района Тернопольской области передовыми частями Красной Армии была ликвидирована в ходе боевого столкновения вооруженная группа ОУН, которой руководили два немецких офицера. В том же районе была частично ликвидирована банда ОУН численностью около 60 человек, возглавляемая Панасюком. Установлено, что эта группа была переброшена абвером через линию фронта южнее города Броды Львовской области. При ликвидации указанных банд захвачены: немецкая портативная радиостанция, значительное количество оружия

немецкого производства. Среди убитых обнаружены трупы семи немецких военнослужащих [7].

В начале марта 1944 года сотня УПА, возглавляемая куренным по кличке «Макс», в местечке Подкамень Бродовского района Львовской области встретила с одним из воинских подразделений немецкой армии. С согласия немцев бандиты разграбили местный католический монастырь и по указанию коменданта СБ «Грозы», являвшегося местным уроженцем, повесили нескольких ксендзов. От командования дислоцировавшегося здесь немецкого гарнизона курень получил 4 станковых пулемета, 300 винтовок, 25 тысяч штук патронов, 3 ротных миномета с 35 минами к ним и несколько военных топографических карт. Данный факт сотрудничества УПА с немецкими военными и разведывательными органами, а также чинимых зверств по отношению к полякам подтверждается письмом начальника гестапо и СД в Кракове оберфюрера (полковник – Ред.) СС Биркампа [8].

15 марта 1944 года Биркамп сообщал вышестоящему руководству о том, что в районе пос. Подкамень Бродовского района немцами передано бандам УПА оружие, боеприпасы и перевязочные материалы, а также отметил, что «к УПА необходимо относиться как к своим союзникам» [9].

Документ (дело СД-4 №123/44 от 4 апреля 1944 года), составленный гауптштурмфюрером СС и уголовным комиссаром СД Паппе, свидетельствует о начале его переговоров с руководителями группы УПА, дислоцировавшейся в Рава-Русской и прилегающих к нему районах.

Командир разведывательной группы немецкого воинского подразделения Лобау, также участвовавший в этих переговорах, рапортом доносил, что руководитель группы УПА при встрече с ним сделал следующее заявление:

« – Участники УПА нашли полное понимание со стороны вермахта (германская армия. – Ред.) и сожалеют, что с гестапо еще не достигнуто такого единства. Планы УПА не направлены во вред немецким интересам;

– УПА никоим образом не нарушала немецких коммуникаций и подвоз на Восток, хотя имела такие возможности;

– УПА воюет не против немцев, а только против Красной Армии...» [10].

В ходе неоднократных переговоров с УПА, участие в которых принимали адъютант командира 4-го полицейского полка лейтенант Зефарс, уголовный секретарь СД во Львове Штрейхер, окружной руководитель Рава-Русской полиции безопасности Хагер, капитан

полицейской безопасности Бухенвизер и другие, Паппе имел возможность несколько раз встречаться с руководителем подразделения УПА.

На этих переговорах представитель УПА заверил Паппе, что они готовы выделить в распоряжение немцев один батальон (курень УПА – Ред.) для заброски в тыл Красной Армии с задачей срыва там снабжения советского фронта, совершения террористических актов, ведения военной разведки в пользу вермахта. На этом же совещании, в ответ на предложение Рава-Русского руководителя полицейской безопасности Хагера, представитель УПА обещал провести в пользу немцев полностью и в срок заготовку и поставку скота, зернофуража, продовольствия [11].

27 февраля 1944 года начальник полицейской безопасности и СД Галиции доктор Витиска доносил в Берлин штурмбанфюреру СС Элиху и в Краков оберфюреру СС Биркампу о том, что банды УПА избегают вооруженного столкновения с немцами. В тех случаях, когда немецкие военнослужащие захватывались УПА, им предлагалось занять руководящее положение в банде. При их отказе задержанные освобождались и с пропусками УПА свободно возвращались в распоряжение немецких воинских частей [12].

8 апреля 1944 года уголовный комиссар полицейской безопасности и СД Галиции Паппе имел с сотрудником разведывательной группы 1-ц Прюцмана штурмбанфюрером СС Шмитцем беседу о переговорах, которые проводил последний с руководителем банды УПА. В составленной по этому вопросу справке Паппе отметил, что по словам Шмитца, вояки УПА использовались немцами в тылу Советской Армии в диверсионных и разведывательных целях. На основе конкретных фактов Шмитц высказал убеждение, что «банды УПА честно стремятся всемерно поддерживать германские интересы» [13].

Особый интерес представляет содержание переговоров Герасимовского – члена и представителя Центрального провода ОУН-б – с руководителями германских оккупационных властей в генерал-губернаторстве и потому документы, в которых они зафиксированы, мы приводим с наименьшими сокращениями.

Итак, как уже было сказано, первая встреча «договаривающихся сторон» состоялась 5 марта 1944 года. В совершенно секретном «государственной важности» документе №90/44 от 13 марта 1944 года, адресованном командующему полицейской безопасности и СД в генерал-губернаторстве гитлеровский сановник Паппе сообщал следующее:

Краков. 5 марта 1944 года состоялась встреча моего референта 1/с с одним украинцем, назвавшим себя Герасимовским и утверждавшим, что он уполномочен центральным руководством бандеровской группы ОУН вести переговоры от имени политического и военного сектора этой организации, представляющей все территории, на которых проживают украинцы.

Герасимовский высказал следующие положения ОУН (группа Бандеры):

1. Полиция безопасности впредь не будет арестовывать украинцев за нелегальную политическую деятельность, если бандеровская группа ОУН будет твердо придерживаться своего обещания вести активную борьбу исключительно против большевизма и прекратит всякий террор и всякие попытки... Бандеровская группа ОУН хотела бы доказать свою добрую волю и свое честное стремление к сотрудничеству тем что она не настаивает на освобождении отдельных политических заключенных, если полиция безопасности по каким то соображениям особенно заинтересована в содержании их под арестом. Она достаточно благоразумна, чтобы ни разу не потребовать освобождения Бандеры... Что касается подготовительных военных мероприятий, то они должны распространяться исключительно на организацию предстоящей борьбы с большевизмом или на выполнение боевых задач, которые будут поставлены перед организацией германской стороной...

Группа ОУН под руководством Бандеры дает следующие обещания:

1. Группа Бандеры соблюдает безусловную и полную лояльность относительно всех германских интересов, в частности, службы подвоза и снабжения, германских сооружений на Востоке и необходимые условия режима в зоне оперативного тыла группы войск.

2. Бандеровская группа ОУН предоставляет в распоряжение полиции безопасности добытые ею разведданные о большевизме, коммунизме и польской стороне и позволяет полиции оценивать и использовать эти сведения по своему усмотрению...

3. Бандеровская группа ОУН будет использовать свои военные силы против советских банд и в других военных акциях подобного рода.

О дальнейших действиях УПА должны состояться особые переговоры» [11].

Если первую встречу с Герасимовским вел референт полиции и службы безопасности в Кракове, то на вторую встречу, которая проходила во Львове в конце марта 1944 года, пожаловал сам оберштурмфюрер СС и криминал-комиссар Паппе. Её содержание отражено в совершенно секретном «государственной важности» документе, датированном 24.03.1944 года. Его содержание: «Во второй встрече Герасимовского с оберштурмфюрером СС и криминал-комиссаром, в частности, предлагается следующее:

1) ОУН готова немедленно прекратить всякую деятельность наносящую ущерб германским интересам и всякий террор против поляков...

2) ОУН (группа Бандеры) обязуется предоставить в распоряжение полиции безопасности все разведанные о большевизме, коммунизме и о польском движении сопротивления. Кроме того ОУН готова сотрудничать с немцами во всех военных областях, которые окажутся необходимыми в борьбе против общего врага (большеви́зма)... С целью обеспечения интенсивности ведения боевых действий против общего врага ОУН желает, чтобы немцы поставляли ей конспиративным путем боеприпасы, оружие и взрывчатку. Доставка оружия и диверсионных материалов с немецкой стороны через линию фронта в боевые подразделения УПА должна осуществляться по всем правилам конспирации, чтобы не дать повода большевистскому режиму выставить оставшихся за линией фронта украинцев как германских пособников и агентов и отреагировать соответствующими акциями по истреблению... ОУН желает впредь вести переговоры и заключать соглашения лишь централизованно и чтобы партнером по переговорам с германской стороной была по возможности полиция безопасности, так как она знает правила конспирации и умеет их использовать, в то время как другие инстанции и заведения такими знаниями не владеют. ОУН выражает в этой связи свое удовлетворение тем, что удалось, наконец, добиться локальных договоренностей между УПА и армейской стороной. Поэтому отдала приказ своим подразделениям УПА строго придерживаться этих соглашений, несмотря на большие потери и чувствительные удары, наносимые большевиками в ходе их операций по уничтожению... Подпись» [14].

Третья встреча Герасимовского с той же персоной зафиксирована в совершенно секретном «государственной важности» документе, от

Львове 29.03.1944 года. Его содержание: «– Господин командир начал с заявления, что германские оккупационные власти, и особенно охранная полиция, с пониманием относятся к борьбе за самостоятельность, которую ведет бандеровская группа ОУН... Именно сегодня украинцам предоставилась возможность доказать свои солдатские достижения и доблести, именно сейчас, когда большевистская опасность подошла вплотную к Западной Украине. Однако ОУН не хочет видеть или понять этой опасности и, мягко говоря, иногда допускает анти-германские действия, вместо того, чтобы подняться и включиться в борьбу с большевизмом и тем самым оказать помощь германскому народу, так как только он один в состоянии уничтожить большевизм или не допустить его вторжения в Европу. Если такое положение будет продолжаться, то фюрер не увидит в украинском народе фактора, претендующего на определенное место в новом порядке Европы. Похоже, что украинцы готовы не упустить последнюю возможность внести свой вклад в создание новой Европы и пойти ради этого на жертвы, в то время как латыши и литовцы сами поняли необходимость призвать свою молодежь под ружье и отправить ее на борьбу с большевизмом под руководством немцев. Этот шаг латышей и литовцев оценен, а впоследствии будет и вознагражден фюрером. Вот с кого должны брать пример украинцы, иначе они никогда не смогут достичь своих чаяний и целей, тем более, что от большевиков им ждать абсолютно нечего.

Герасимовский высказал подробно свою точку зрения по всем пунктам, содержащимся в заявлении господина командира. Его высказывания по всем вопросам уже известны из донесений о первых переговорах с ним. В заключение он особенно подчеркнул, что вся нелегальная деятельность бандеровской группы ОУН есть не что иное, как борьба исключительно против большевизма и что нанесение ущерба германским интересам и вообще всякие анти-германские тенденции никогда не исходили в приказном порядке от бандеровской группы ОУН и никогда не будут исходить впредь, потому что она видит в германском народе единственного партнера, на которого можно опереться в борьбе против большевизма с надеждой на успех. Он признал, что латыши и литовцы, мобилизовав свою молодежь против большевиков, однозначно доказали фюреру, что они видят в большевизме своего смертельного врага, а в Германии – своего союзника, с которым

они хотят сражаться вместе. Что касается бандеровской группы ОУН, то она так внешне откровенно не может выступить против большевиков, так как в противном случае организация лишится своей конспирации... бандеровская группа ОУН рассчитывает завоевать уважение фюрера и своей подпольной борьбой и поможет украинскому народу заслужить подобающее ему место в новой Европе.

В заключение беседы господин командир задал несколько конкретных вопросов:... Если германская сторона снова объявит мобилизацию украинского народа на борьбу с большевизмом, станет ли бандеровская группа ОУН воздерживаться от пропагандистской деятельности, направленной против этого мероприятия и прекратит ли она всякие попытки как-то помешать мобилизации? Герасимовский заявил в этой связи, что ОУН не станет чинить никаких препятствий, тем более, что, по его мнению, украинский народ располагает еще такими силами, что германские оккупационные власти могут проводить свою мобилизацию, одновременно может ОУН вербовать себе силы для УПА, так что обе стороны не будут мешать друг другу... Криминаль-комиссар – подпись» [15].

Четвертая встреча Герасимовского с той же титулованной особой из военной администрации генерал-губернаторства зафиксирована в секретном документе «государственного значения», составленном во Львове и датированном 29 марта 1944 года. Его содержание: «При встрече господина командира с Герасимовским 27.03.1944 года последний заметил, что одному подразделению УПА, действующему за линией фронта удалось схватить большевистских агентов, одного одетого в форму оберлейтенанта с материалами, связанными с убийством начальника управления Бауэра и двух агентов генерала Зейдлица руководителя «Союза германских офицеров» в Москве. Герасимовский заявил о готовности передать захваченные документы в полицию безопасности и агентов (если они еще живы). В качестве компенсации Герасимовский потребовал освободить некоего Барабаша и госпожу Лебидь. Господин командир намерен ходатайствовать об освобождении Барабаша и Лебидь». Криминаль-комиссар. Подпись [17].

Пятая, но не последняя встреча Герасимовского с оберштурм-фюрером СС и криминаль-комиссаром Паппе состоялась 3 мая 1944 года. Она зафиксирована в секретном государственной важности

документе, датированном 5 мая 1944 года. Его содержание: «3 мая 1944 года состоялась еще одна встреча с Герасимовским, при этом он заявил, что он согласно моему поручению связался с подразделениями УПА в дистрикте Галиция и узнал, что УПА захватила живыми в свои руки 20 советско-русских парашютистов, сброшенных на территории Галиции... ОУН (группа Бандеры) готова передать мне этих агентов-парашютистов... Группа ОУН желает, чтобы охранная полиция за передачу ей 20 парашютистов выполнила следующие просьбы:

а) освободить Черныка, арестованного группой Барабаша;

б) помиловать и отменить приговор к смертной казни за хранение оружия и указанных в последних вывешенных 20.04.1944 года списках украинцев Степана Рогула или Вагула, его жену Анастасию и дочь Софию, проживающих в с. Зозули под Золочевым. Герасимовский подчеркнул, что об этой передаче агентов в охранную полицию не должны знать ни сами парашютисты ни УПА... [18]. 09.05.1944 года Герасимовский должен сообщить мне окончательно и точно, когда и где первые агенты парашютисты могут быть взяты охранной полицией. Герасимовский... обещал представить мне материалы о новом статусе советско-русских политруков в Красной Армии и данные о деятельности генерала Ципаева... Оберштурмфюрер СС и криминаль-комиссар. Подпись».

Все вышеперечисленные трофейные документы (и не только) не оставляют сомнения в том, что, во-первых, бандеровцы просили, а гитлеровцы обязались поставлять оружие «украинским повстанцам» для вооруженной борьбы с советскими и польскими партизанами и частями Советской Армии; во-вторых, бандеровцы были обеспокоены возможной утечкой информации о поставках оружия УПА германской стороной, чреватой разоблачением их секретного сотрудничества и утратой доверия со стороны местного населения западных областей Украины, принимавшего на веру пропагандистские заявления бандеровцев о том, что они якобы ведут вооруженную борьбу против «оккупантов» – как советских, так и немецких. Именно этим и мотивировалась просьба Герасимовского: поручить поставку германского оружия подразделениям УПА полиции безопасности; «так как она знает правила конспирации и умеет ими пользоваться»; в-третьих, бандеровцы пособничали немцам вылавливанием советских парашютистов, заброшенных по воздуху в тыл врага, и передачей их оккупантам, но желали,

чтобы об этом не знали не только местные жители, но и рядовые боевики УПА; так как этим могли выдать свое сотрудничество с гитлеровцами; в-четвертых, представитель Центрального провода ОУН-б подчеркнул, что «вся нелегальная деятельность бандеровской группы ОУН есть не что иное, как борьба исключительно против большевиков и что нанесение ущерба германским интересам и вообще всякие антигерманские тенденции никогда не исходили в приказном порядке от бандеровской группы ОУН и никогда не будут исходить впредь, потому что она видит в германском народе единственного партнера, на которого можно опереться в борьбе против большевизма с надеждой на успех»; в-пятых, бандеровцы устами Герасимовского обязались добывать нужную гитлеровцам информацию «о противнике», т. е. о частях Красной Армии, советских и польских партизанах [19].

Из последующих трофейных документов узнаем, что обе договаривающиеся стороны добросовестно выполняли принятые обязательства. Немцы обеспечивали бандеровцев оружием, боеприпасами, снаряжением и даже направляли в подразделения УПА своих военнослужащих для совместной вооруженной борьбы с советскими войсками и партизанами. «По меньшей мере один раз в неделю я направлял для УПА по 3-4 грузовых автомашины с оружием, – показал взятый в плен начальник отдела обеспечения штаба германских войск в «генерал-губернаторстве» Юзеф Лазарек. И такие отправки, по его заверению, производились вплоть до августа 1944 года [20]. Среди кипы трофейных документов есть и такие, что не оставляют сомнений в правдивости заявлений Ю.Лазарека. Вот один из них – секретное донесение жандармерии города Каменка Бугская жандармскому управлению г. Львова от 5 апреля 1944 года. Краткое содержание документа: Поставка оружия УПА через предводителя округа. Капитан жандармерии Дильман из жандармского взвода г. Каменка Бугская извещает командира жандармерии Галиции о передаче командиру УПА оружия и боеприпасов, полученного из Шуйского перехватного стана, а также о том, что получившие оружие и боеприпасы командир УПА получил от полковника Эйлера определенное поручение о деятельности в боевой зоне.

Другой не менее впечатляющий документ – донесение гитлеровского сановника во Львове Паппе Главному имперскому управлению безопасности (РСХА) о результатах переговоров с Герасимовским 7 июня

1944 года. В нем сообщается, что в разговоре о поставках немецкого оружия в подразделения УПА Герасимовский поднял вопрос: «Не целесообразно ли уже сейчас подумать о закладке на территории дистрикта Галиция складов оружия и боеприпасов для УПА. Однако этими складами она сможет воспользоваться лишь в том случае, если германский вермахт будет вынужден в последующем оставить часть территории дистрикта Галиция. Эти склады могли бы содержаться германской стороной в полной тайне и охраняться, так чтобы они оставались недоступными для посторонних до самой эвакуации» [21].

И это «предложение» представителя Центрального провода ОУН было принято и реализовано гитлеровцами. При отступлении с советской территории немцы создали в Галиции 40 секретных баз с оружием и боеприпасами. Этим занималась специальная группа абвера, возглавляемая майором Гельвихом. Данные о базах были вручены командованию УПА. Об этом дали показания на Нюрнбергском судебном процессе выступавшие в качестве свидетелей высокопоставленные чиновники абвера Эрих Штольце и Юзеф Лазарек.

В свою очередь верхушка ОУН-УПА скрупулезно выполняла обязательства, принятые перед гитлеровцами, о чем говорят ниже-приведенные архивные документы:

1. Секретный доклад верховного командования Южной группой германских войск «О положении банд УПА за февраль 1944 года», адресованный 4-му Управлению РСХА. Львов, 11 марта 1944 года. В нем сказано:... «Национальные украинские банды препятствуют проникновению советских бандитов (так нацисты называли советских партизан. – Ред.). Есть много сообщений о схватках между украинскими бандитами и советскими.

Банды УПА проводят свои собственные операции против Красной Армии. Взятые в плен русские доставляются в распоряжение немцев для допросов. Сведения, добытые УПА о советских русских бандах и Красной Армии, сразу же передаются вермахту [22]. Захваченные бандеровцами 20 советских парашютистов, как и ранее арестованный советский разведчик Молчанов, согласно архивным документам были переданы украинскими националистами германским оккупационным властям «для соответствующего обращения» [12, д. 11, с. 162-166].

2. Секретное, государственной важности донесение оккупационных властей дистрикта Галиция Главному Управлению безопасности от

26 мая 1944 года. Содержание: Контакты УПА с инстанциями вермахта, полицией и гражданскими инстанциями.

Представляю донесение моего передового пункта «Тернополь», находящегося в настоящее время в Бережанах, о деятельности и взглядах группы Бандеры и УПА в округе Бережаны, где их силы достигли наибольшей концентрации, но (как следует из нижеприведенного донесения) она в последнее время, несмотря на эту концентрацию и силу, ведет себя особенно лояльно по отношению к интересам Германии.

Позволю себе предположить, что в таком изменении поведения УПА не последнюю роль сыграли мои встречи с Герасимовским. Последний сообщил нашему референту во время недавней встречи, что он попытался пресечь все инциденты, происходящие по вине УПА (группа Бандеры) одним ударом. С этой целью с одобрения штаба ОУН он объехал все подразделения УПА в дистрикте Галиция и еще раз обратил внимание всех командиров отрядов на то, что по приказу штаба все отряды УПА должны относиться к немцам строго лояльно... В связи с намерением вермахта, в ответ на действия УПА по уничтожению советско-русских парашютистов, позволить ей сохранить свою организацию и при необходимости носить оружие... Обращает внимание на значение обязательного учета мнения и участия охранной полиции в переговорах с УПА, что представляется исключительно важным с учетом, как уже подчеркивалось, политико-полицейского характера этих акций, позволит обеспечить проведение единой линии и исключить обсуждение политических требований. Поэтому представляется весьма желательным, чтобы эта проблема нашла свое решение в центральных инстанциях. Она могла бы разрешиться в ходе срочного обсуждения с участием Главного Управления имперской безопасности и Главного штаба сухопутных войск с тем, чтобы войска вермахта получили приказ во всех случаях приглашать на переговоры с УПА представителей охранной полиции.

К вопросу о переброске отрядов из района Бережаны в Карпаты. Германские оккупационные власти могут быть уверены, что сосредоточение УПА в Карпатах направлено исключительно против Советов, но ни в коей мере против германских интересов. Если кто-то опасается, что УПА намерена со своих карпатских позиций воспрепятствовать возможному отступлению германских войск, то это предложение ложное.

Хочется обратить внимание на то, сколь смехотворно и претенциозно выглядит этот план УПА, намеревающейся остановить Советы перед своими отсечными позициями, если это не по силам германскому вермахту...» [23].

Нам представляется, что содержание приведенных архивных документов дает недвусмысленный ответ на вопрос: «Какими на деле были отношения между германскими оккупационными властями и УПА?» – Если и не союзническими – немцы никогда не считали украинских националистов равноправными партнерами, то и не врагами. При различии целей – украинские националисты мечтали о завоевании Украины и превращении ее в свою вотчину, а немцы – о превращении Украины в аграрно-сырьевой придаток «третьего рейха» – они единым фронтом воевали против страны Советов и ее Вооруженных Сил.

Архивные документы отмечают утверждения таких нынешних «историков», как Билас, Сергейчук, Шаповал, о том, что украинские националисты якобы защищали украинский народ от «незаконного» изъятия оккупантами скота и иного имущества.

Как видно из иллюстрируемого нами приказа командования 13-го армейского корпуса вермахта, националисты не препятствовали немцам изымать у селян скот и иное имущество для потребностей вермахта, а лишь поставили условие: такие действия законны, если совершаются в присутствии сельского старосты. И немцы приняли это условие, чтобы поддержать авторитет «союзника» и избежать ненужных эксцессов. И все же эксцессы имели место. Об этом сказано в донесении командира филиала Тернопольской тайной полиции командиру охранной полиции и СД в дистрикте Галиция оберштурмбанфюреру СС доктору Витиске от 22 мая 1944 года. «За отчетный период, – говорится в донесении, – в подведомственном округе политическая обстановка заметно успокоилась. Не отмечается нападений на немцев, прекратились убийства поляков. Как уже отмечалось в нашем донесении от 16 мая 1944 года, УПА отдала распоряжение прекратить всякие нападения на немцев. Это распоряжение, по всей видимости, строго выполняется. Даже рабочая сила для выполнения дорожно-строительных и окопных работ выделяется безоговорочно... Приводятся примеры: секретарь общины Вирцбов, округ Бжежаны, заявил, что мы все должны стремиться к взаимопониманию с УПА. Трудящийся крестьяне, и в первую очередь администрация сельских общин, чаще

и больше всего страдают от бесчинств со стороны УПА» «... В подведомственном районе до сих пор не прекращаются акции УПА по сбору продуктов и, как теперь стало известно, эти акции проводятся не только у украинцев и поляков – натуральные продукты отбираются под угрозой наказания. В.Пановице, округ Подгайцы, староста одной деревни с польским населением получил в середине марта предписание от УПА, в котором требовалось поставить УПА 10 костюмов, 4 пары сапог, 20 кг муки, 10 литров водки, 10 кг табака, 10 кг сахара... с угрозой «если это требование не будет выполнено пунктуально, то деревня должна приготовиться к худшему» [24]. Не только в цитированном, но и в других трофейных немецких документах имеются констатации того факта, что Центральный провод ОУН-б и командование УПА отдали приказ, запрещающий под страхом наказания совершать вооруженные нападения на немцев. В докладной записке командира охранной полиции и СД в дистрикте Галиция от 6 июня 1944 года в адрес вышестоящей инстанции сообщается о том, что 5 июня 1944 года в районе Дживичерц и Верхрата бандиты схватили двух военнослужащих вермахта и доставили их в Межиглоды (кв. 677) и там намеревались их расстрелять. Однако расстрел не состоялся по приказу УПА. Выяснилось, что нападение на солдат вермахта совершили боевики УПА.

Подобные нападения были единичными и потому не могут рассматриваться, как это делают уже упомянутые горе-историки, как акции УПА, более того недопустимо утверждать, что УПА якобы воевала против немцев.

Разумеется, отдельные стычки локального характера между немцами и оуновцами имели место и поводом к ним могло быть хотя бы то обстоятельство, что боевики УПА нередко неожиданно появлялись вблизи расположения германских войск, будучи экипированными под бойцов и командиров Советской Армии. В этой связи Генеральный штаб XIII-го армейского корпуса 22 февраля 1944 года издал приказ, в котором, в частности, сказано: «Так как в борьбе с бандами нельзя сразу установить из-за отсутствия присвоенных знаков различия, какой национальности банды и каковы ее настроения, рекомендуем националистическим украинским соединениям при приближении немецких войск без боя удаляться» [25].

Kommando XIII.A.K.
Nr. 531/44 Seheim.

K.Gef.Std., den 15.2.1944.

Betrifft: Verhalten gegen nationalukrainische Banden.

- 1.) Als Anlage wird Befehl Gen.Kdo. XIII.A.K. - Ia/Ic Nr. 299/44 G - vom 29.1.1944 über das Verhalten gegen Kräfte der nationalukrainischen Aufstandsarmee "UPA" (national ukrainische Banden) vorgelegt.
- 2.) Die Ende Januar mit der UPA für den Raum Postojno (33 km NNW Rowne) getroffene Abmachung wurde am 12.2. auch mit der UPA im Raum Kremianez - Werba - Kocin - Berezoe vereinbart. Den dem Gen.Kdo. unterstellten Truppenteilen wurde diese Vereinbarung von hier aus bekanntgegeben. Das Gen.Kdo. bittet, die in obigem Raum liegenden, dem Pz.A.O. K.4 unmittelbar unterstellten Truppen von dieser Vereinbarung in Kenntnis zu setzen. Der Unterhändler der UPA wies im Laufe der Verhandlung darauf hin, dass Übergriffe der Truppe, z.Tl. unter Anwendung von Waffengewalt, zur Beitreibung von Vieh usw. die Durchführung der Vereinbarung erschweren. Es wird gebeten, die in obigem Raum liegenden und dem Pz.A.O.K.4 unmittelbar unterstellten Truppenteile im Interesse der reibungslosen Durchführung der Vereinbarung anzuweisen, dass im Raume der UPA Requirierungen, falls solche erforderlich sind, unter Zuziehung des Starosten des Dorfes vorgenommen werden. Die UPA hat sich bereit erklärt, Requirierungen von Vieh und Lebensmitteln, soweit sie ohne Anwendung von Waffengewalt von deutscher Seite aus vorgenommen werden, unter Einschaltung des Starosten zu erfüllen.
- 3.) Angeblicher Auftrag der UPA: Bekämpfung der sowj. Banden. Bei Vordringen der Roten Armee Störung des Nachschubs und Vernichtung der rückwärtigen Dienste. Der Kampf gegen die deutschen Einheiten soll nur aufgenommen werden, wenn von diesen Beitreibungen unter Anwendung von Waffengewalt durchgeführt werden.

Für das Generalkommando
Der Chef des Generalstabes
gez. Unterschrift.

1 Anlage

K.Gef.Std.

Копия архивного германского документа из числа захваченных советскими войсками во Львове в 1944 г. (ЦГАВОВУУ, ф. 4628).

Перевод с немецкого языка

КОПИЯ

Генеральный штаб XIII-го армейского
корпуса
1-а/1 ц №531/44 – СЕКРЕТНО

Командный пункт корпуса
15 февраля 1944 г.

СЕКРЕТНО

Краткое содержание: Взаимоотношения с националистическими украинскими бандами.

1. Приложением является приказ генерального штаба XIII-го армейского корпуса 1-а/1-ц №299/44 – секретно – от 29 января 1944 года об отношении к силам националистической повстанческой армии «УПА» (националистические украинские банды).

2. Соглашение, достигнутое с УПА в конце января в районе Постойно (33 км северо-западнее Ровно), было согласовано с УПА также в районе Кременец – Вербя – Козин – Березец.

Части, подчиненные генеральному штабу, ознакомлены с этой договоренностью, отсюда генеральный штаб просит поставить в известность войска верхнего района, находящиеся в непосредственном подчинении штаба 4-й армии.

Представитель УПА во время переговоров указал на то, что злоупотребления воинских частей, отчасти даже с применением силы оружия, при изъятии скота значительно осложняют проведение переговоров. Он просит без трений указать войсковым частям, расположенным в верхнем районе и находящимся в непосредственном подчинении штаба 4-й армии в интересах соглашения, реквизиции на территории УПА, если таковые необходимы, проводить с привлечением сельских старост. УПА уже высказалась в том смысле, что реквизиция легитимна, если она проводится с участием старост и без применения насилия с немецкой стороны.

3. Обусловленная задача УПА: подавление советских банд (так немцы называли советских партизан. – Переводчик). При продвижении вперед Красной Армии – нарушение подвоза и уничтожение остающихся позади служб. Борьба против немецких подразделений допустима лишь в случае, если последние будут проводить реквизицию с применением силы оружия.

Приложение – 1

П Е Ч А Т Ь

Командир полиции безопасности
и СД по Галиции

(См.: Центральный государственный архив высших органов власти (ЦГАВОВУУ), ф. 4628, оп. 1, д. 9, с. 2; д. 10, с. 167-168)

За командование штаба

Командир генерального штаба

(подпись)

По поводу задержания двух немецких солдат боевиками УПА командир охранной полиции СД в дистрикте Галиция 14 июня 1944 года докладывал в Берлин: «Оба солдата германского бундесвера были взяты в плен само собой разумеется боевиками УПА. Отмена первоначального намерения командования немедленно расстрелять обоих солдат тем более удивительна, что еще совсем недавно один наш полицейский полк в ходе акции по прочесыванию местности буквально разгромил банду УПА, оказавшуюся недалеко от места преступления. Я склонен думать, что оба солдата были бы наверняка расстреляны, если бы не поступило распоряжение из вышестоящей организации о неприменении насилия в отношении немцев» [26].

Нет ничего удивительного в том, что оуновцы смирились с разгромом одной из их банд, нет. Слишком неравными были силы бундесвера и УПА, и к тому же случившееся – результат отсутствия регулярной связи между частями вермахта и УПА, а значит, недоразумения. Такие инциденты случались и ранее. Заканчивались они миром за столом переговоров. Для недопущения их впредь, «стороны» договаривались об использовании войсками УПА при приближении к частям вермахта опознавательных знаков, о чем свидетельствует документ «Об обращении с членами Украинской повстанческой армии» (УПА) от 12.02.1944 г., подписанный генерал-майором и бригадным командиром Бренером.

Источники

1. ЦГАВОВУ Украины, ф. 4628, оп. 1, д. 10, – С. 218-233.
2. Архив КГБ УССР.
3. Літопис УПА. – Торонто, 1984. Т. 5. – С. 49.
4. Марксизм и современность. – 2000. – №1(15), – С. 162.
5. Архив КГБ УССР.
6. ЦГАВОВУ Украины, ф. 4628, оп. 1, д. 10, – С. 218-233.
7. Архив Управления КГБ УССР по Тернопольской области.
8. Архив Управления КГБ УССР по Львовской области.
9. ЦГАВОВУ Украины, ф. 3833, оп. 1, д. 39, – С. 16.
10. ЦГАВОВУ Украины, ф. 4628, оп. 1, д. 6, л. 6-9.
11. Трофейные документы о нацистско-оуновском альянсе // Марксизм й современность. – 2001. – №1(15). – С. 173.
12. ЦГАВОВУ Украины, ф. 4628, оп. 1, д. 9, – С. 2.
13. Там же.
14. Там же.

15. ЦГАВОВУ Укр. ф. 4628, оп. 1, д. 10, – С. 167-169.
16. ЦГАВОВУ Укр. ф. 4628, оп. 1, д. 10, – С. 170-179.
17. ЦГАВОВУ Укр. ф. 4628, оп. 1, д. 11, – С. 183-190.
18. ЦГАВОВУ Укр. ф. 4628, оп. 1, д. 10, – С. 191-20.
19. Там же.
20. ЦГАВОВУ Укр. ф. 4628, оп. 1, д. 11, – С. 167-168.
21. ЦГАВОВУ Укр. ф. 4628, оп. 1, д. 11, – С. 162-166.
22. Архив КГБ УССР, ф. 26, оп. 2, п. н. 3, – Л. 272.
23. Там же.
24. Там же.
25. ЦГАВОВУ Укр. ф. 4628, оп. 1, д. 6, – С. 6-9.
26. ЦГАВОВУ Укр. ф. 4628, оп. 1, д. 11, – С. 203-204.

*Отрицать ложных богов необходимо,
но это еще не все: под их маской следует
искать причины их существования.*

А.Герцен

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ИДЕОЛОГИ И ВОЖДИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Перед глазами читателей фотопортреты людей, на словах борющихся за независимое украинское государство, а на практике шедших в прямо противоположном направлении – к безгосударственности и закабалению Украины иностранным капиталом.

Ни Михновский, ни Петлюра, ни их последователи, много рассусоливавшие о благе Украины, фактически пеклись только об имущей верхушке своей нации, о сохранении и увековечении на Украине власти украинских помещиков и капиталистов. К трудящемуся народу они относились как к быдлу, предназначенному трудиться на своих имущих хозяев и быть пушечным мясом, если возникнет необходимость воевать ради их же интересов, к тому же в большинстве своем (кроме Михновского и Петлюры) эти лица исповедовали и насаждали чуждую украинскому народу греко-католическую (униатскую) религию. Все это и обусловило крах украинского буржуазного национализма в годы Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

Народ, не получивший от буржуазно-националистических властей ни мира, ни земли, ни фабрик и заводов, пошел за большевиками. Напрасно Исаак Мазепа, один из деятелей Центральной Рады, сетовал на то, что «на Україну большевики прийшли, як чужа окупаційна сила, що у своїх змаганнях підпорядкувати собі Україну спиралася, з одного боку, на московські багнети, а з другого – на малу національну і політичну свідомість українських мас».

Национальной и политической сознательности как раз хватило украинским массам, чтобы распознать фальшивые призывы националистов к единству с его угнетателями и выбросить их на свалку истории. Владимир Винниченко был абсолютно прав, подчеркивая: «Большевики никогда не взяли бы власть на Украине, если бы их не поддержали украинские трудящиеся массы».

Самым важным уроком истории, которого не усвоили наши оппоненты, является ошибочность подхода к нации как к бесклассовому монолиту, в котором все социальные классы якобы объединены

единым стремлением к независимому национальному государству. История доказала правильность Ленинских слов о том, что у каждого класса свое представление о государственности. Эксплуататорские классы проповедают государственность буржуазную, основанную на господстве частной собственности, которая их кормит и обогащает за счет эксплуатации трудящихся. Трудящиеся заинтересованы в государственности социалистической, устраняющей эксплуатацию человека человеком и обеспечивающей реальное равенство людей.

Того единства классовых интересов, о котором гласят буржуазные пропагандисты, никогда не было и быть не может в антагонистическом буржуазном обществе. Это противоречие украинские буржуазные националисты «устраняли» путем устранения всех несогласных, т.е. идейных и классовых противников, обрекая всех уцелевших после кровавых расовых и этнических чисток и возвращения их в фашистское гетто, о чем так мечтал Дмитрий Донцов.

Все представленные здесь лица имеют солидный опыт таких чисток. Несмотря на разницу в годах и в социальном положении (Донцов – отпрыск богатого херсонского землевладельца, Петлюра – сын полтавского возницы) едины в том, что построение «самостійної української держави» возможно только насильственным, кровавым путем и непременно при помощи извне. Донцов убеждал: «Государственность Украине может вернуть только интервенция чужих держав». Основываясь на этом догмате они звали себе на помощь немцев, австрийцев, французов, поляков, американцев, никак не надеясь на «собственный» народ, который изгнал их и проклял.

И сколько бы они не горланили о том, что в 1991 году украинский народ якобы пошел за ними, и якобы благодаря им Украина стала самостоятельной державой, люди помнят и никогда не забудут того, что она сохранила свою государственность благодаря победе советского народа в Великой Отечественной войне. В противном случае, под властью украинских националистов она могла бы стать лишь провинциальной окраиной «Третьего рейха», поставщиком сельскохозяйственного сырья. Приглашаем наших читателей убедиться в этом, прочитав книгу о тех, кто возглавлял украинских буржуазных националистов, начиная с 1900 года до наших дней, кто кормил и кормит их своим идеологическим фальсификатом.

Николай Михновский

Николай Иванович Михновский имел импозантную внешность: крупный мужчина с торчащими в разные стороны усами и острой бородкой. Он обладал яркой манерой выступать перед людьми с завораживающими речами [1]. Поклонники называли его идеологом нового национализма соборной Украины. При всем этом о Михновском сохранилась крайне скромная информация. До сего времени не известна даже дата его рождения, крайне разноречивы слухи о причине его смерти.

Автор этих строк попытался представить политический портрет Михновского на основании сохранившихся публикаций его времени. Николай Иванович Михновский родился в 1873 году в селе Туровцы ныне Яготинского района Киевской области в семье священника. Его отец верно служил царскому трону в духе рабской покорности государственной власти. Духовные семинарии в Украине, готовившие молодежь к душепасторской деятельности, были твердыней всероссийского патриотизма и православия.

М.Михновский

Лишь немногие их выпускники думали о преданности своему народу, Украине. К их числу относился и отец Михновского. Он не стал украинским националистическим деятелем, хотя всю жизнь пекся о своем народе. Духовное единство с крестьянами проявилось в отцовском воспитании сына Николая. Тот с детства рос в окружении своих ровесников – крестьянских детей. Отец послал его в

Прилукскую гимназию. Здесь Николай создал кружок гимназистов, в котором изучались произведения Тараса Григорьевича Шевченко и других украинских авторов. К этому времени Николай начал задумываться о судьбе своего народа.

После окончания гимназии Николай поступает на юридический факультет Киевского университета. Он активно участвует в работе общественных организаций. Будучи в Каневе, он вместе со своими друзьями создает националистическую организацию «Братство Тарасовцев», члены которой клялись быть верными политическим идеям и заветам поэта. Так возникло немногочисленное братство единоверцев, строго хранившее тайну своей нелегальной деятельности. Однако полиция нашла след «тарасовцев» и приняла к ним меры устрашения. «Братство Тарасовцев» прекратило свое существование. Однако Михновский не отрекся от своих убеждений. После окончания университета он некоторое время работал в Киеве адвокатом и поддерживал связи со студентами. Затем перебрался в Одессу, где также работал по специальности [2]. В 1898 году, будучи сотрудником одной из адвокатских контор, он сошелся с супругой своего начальника и в 1900 году увез ее в Харьков, имея намерение жениться на ней. Но отец Михновского, будучи благоверным священником, решительно выступил против брака своего сына с «чужестранкой» (избранница сына не была украинкой). Брак не состоялся, но все случившееся резко отразилось на сознании Николая. Он, как и его отец, начал осуждать браки с «чужаками», решительно выступать против смешанных браков [3].

В Харькове Михновский открыл собственную адвокатскую контору и возобновил политическую деятельность. В феврале 1900 года его усилиями была создана так называемая «Революционная украинская партия» (РУП), главным направлением деятельности которой было отвлечение украинской молодежи от работы в российских политических партиях и вовлечение их в политическую работу, направленную на создание украинского независимого государства. С этой целью в феврале 1900 года Михновский выступает с речами вначале в Полтаве, а затем и в Харькове на шевченковских собраниях. Прозвучавшие в этих речах идеи «самостійності» были подхвачены членами РУП. По их поручению Михновский пишет программную декларацию РУП под названием «Самостійна Україна» и в том же году издает ее массовым тиражом в виде брошюры. Большевистская газета «Искра» с полным основанием назвала ее «дикой шовинистической брошюрой». Не имея четкого представления о классовой борьбе как двигателе социального

прогресса, Михновский стал на путь решительного отрицания марксистской теории классовой борьбы, ставя во главу угла консолидацию нации ради построения самостоятельного украинского государства. Главным врагом «украинства» он считал «чужие нации» – русских, евреев, поляков и призывал к бескомпромиссной борьбе с ними, отбрасывая в сторону наличие в них тех классовых прослоек, которые так же, как и украинцы ненавидели царское самодержавие и добивались установления в стране демократического строя. Однако Михновский не видел в них своих союзников. Он призывал украинских пролетариев бороться против российских пролетариев, которые, по его словам, находятся под опекой российских промышленников и банкиров. «Одним словом, говаривал Михновский, – украинская нация должна бороться против всех враждебных наций, независимо от того, какие классы наличествуют в них и за что они борются».

Как известно, РУП вскоре распалась на множество псевдосоциалистических партий. Одну из них, так называемую Украинскую народную партию (ПУП) возглавил Николай Михновский. Он разработал для нее 10 принципов, в которых отражено националистическое сознание их автора. Вот эти «принципы»:

1. Единая и неделимая – от Карпат до Кавказа – свободная Украинская Демократическая Республика – это национальный всеукраинский идеал.

2. Все люди – твои братья, но москали, ляхи и жида – враги нашего народа. Они господствуют над нами и грабят нас.

3. Украина для украинцев, а по сему не сложим оружия, пока хоть один чужинец будет находиться на нашей земле.

4. Всегда и всюду пользоваться украинским языком. Пусть ни жена твоя, ни дети твои не позволят очернять себя чужеземцам-угнетателям.

5. Уважай деятелей родного края, презирай его врагов, отвергай перевертышей – отступников и хорошо будет твоему народу и тебе.

6. Не убивай Украину своим презрением к всенародным интересам.

7. Не становись ренегатом - отступником.

8. Не обдирай собственный народ, работая на врагов Украины.

9. Помогай своему земляку прежде всех.

10. Не бери себе супругу из чужеземцев, ибо дети твои будут тебе врагами.

Не дружи с врагами нашего народа, ибо это прибавит им силы и отваги; не поддерживай угнетателей наших, ибо сам предателем станешь.

Эти принципы Михновский адресовал представителям третьего поколения украинской интеллигенции, которая, по его словам, должна создать новую самостоятельную Украину. По его мнению, первое поколение украинской интеллигенции служило Польше, а второе – России.

Михновский и члены Народной Украинской Партии осуждали гетмана Богдана Хмельницкого за то, что он якобы «отдал Украину во власть московского царя», подписав Переяславский договор 1654 года.

В 1905-1909 гг. Михновский работает адвокатом, защищает интересы украинцев. Особый резонанс обрело его участие в суде по делу «Лубенских боевых дружин» (1909). Своей защитительной речью он вызвал сочувствие к подсудимым и они были оправданы судом.

Во время выборов в первую государственную думу Михновский активно потрудился в пользу украинских кандидатов от Полтавщины и все они были избраны в Госдуму.

С началом Первой мировой войны Михновский был призван в царскую армию. В звании поручика он служил в судах Северного фронта. Защищал солдат, обвиненных в дезертирстве, саботаже и прочих преступлениях. Находился под пристальным надзором царской жандармерии и тайной полиции. Накануне революционных событий 1917 года Михновского перевели в распоряжение Киевского военного окружного суда. Свержение царского самодержавия он воспринял как реальный шанс для образования самостоятельного украинского государства. В Киеве Михновский нашел своих единомышленников и вместе с ними начал инициировать создание Украинской Центральной Рады. В марте 1917 года он нашел общий язык с членами Общества украинских поступовцев. Вместе с ними инициирует создание украинской армии. 19 марта 1917 года Михновским было созвано первое украинское подготавливающее вече, в котором участвовали 211 украинских военных. 29 марта Михновский созвал широкий военный совет Киева и его окраин. Председателем совета был избран полковник П.Волошин, начальником штаба – сотник О.Сахно-Устимович, секретарем – поручик Михновский. 18 мая 1917 года по инициативе Михновского в Киеве собрался Первый Всеукраинский Клуб имени гетмана Полуботка, делегировавший Михновского в Центральную Раду. 18 июля 1917 года Михновский выступил инициатором восстания полуботковцев, стремившихся провозгласить Украину самостоятельной державой. Однако украинские власти сочли такие действия «некорректными», и восстание было отменено. Михновский был отправлен на Румынский фронт. Когда

немцы, оккупировавшие Украину, свергли Центральную Раду и установили гетманат во главе с Павлом Скоропадским, Михновскому был предложен пост министра внутренних дел. Однако он это предложение не принял под тем предлогом, что ему нужны не должности и чины, а независимая Украина. Со временем ему предложили должность «бунчужного» товарища, то есть советника гетмана. Но и на этот раз он отказался [4].

После установления на Украине Советской власти Михновский был арестован за свою националистическую деятельность, но вскоре был освобожден из-под ареста. В 1919 г. он переболел тифом и после выздоровления уехал на Кубань, где работал в кооперации и в школе. В апреле 1924 года возвратился в Киев, остановился у друзей. Как отмечал П.Павелко в статье «Последняя встреча с Михновским», последний напоминал тех средневековых королей или герцогов, место которых на гравюрах и картинах. Он курил трубку. Глаза и голова были те же, что и, в молодости. Интересовался он настроениями молодежи, более всего студентов. Долго бродил по городу, вел разговоры с разными людьми и на самые различные темы. Был бодр. «Мы расстались с ним и никто не мог бы и подумать, что этот человек покончит с собой». Он повесился в саду на лоне цветущей весенней природы. Похоронили его на старом Байковом кладбище – там, где обычно хоронят самоубийц [5].

Видимо, веселость Михновского накануне его смерти никак не отвечала его внутренним переживаниям.

Источники

1. Провідники духовності України. К., 2003, – С. 70.
2. Мірчук П. Микола Міхновський. Апостол української державності. – Філадельфія (США), 1960. – С. 23-25.
3. Історія України в особах ХІХ-ХХ століття. – Київ, 1999. – С. 263. «Краківські вісті», 1941, 18 травня.
4. Енциклопедія українознавства. – Нью-Йорк, 1966. Т. 5. – С. 1616.
5. Краківські вісті, 1944. 19 липня.

Дмитрий Донцов

Дмитрий Донцов (1883-1973) оставил о себе память как основатель идеологии украинского фашизма, именуемого украинским интегральным национализмом. Родился на Херсонщине в семье крупного землевладельца (владел 1 500 га пахотной земли). Семья Донцовых была русскоязычная [1]. Она чтит свои российские корни, в ней никто не говорил по-украински. Окончив гимназию, Дмитрий Донцов поступил в Петербургский университет на юридический факультет. В годы учебы в Петербурге примыкал к революционному движению. В Киеве поддерживал контакты с активом Украинской социал-демократической рабочей партии.

В 1917 году во Львове защитил диссертацию и стал доктором права. В 1921 году в Вене сблизился с приверженцами украинской греко-католической веры. В том же 1921 г. прибыл во Львов и по поручению Евгения Коновальца стал редактором «Літературно-наукового вісника», усвоив галицийский диалект.

Д.Донцов менял свои взгляды в зависимости от политической ситуации: в 1917 г. он был сторонником Украинской народной республики М.Грушевского, С.Петлюры, В.Винниченко, в апреле 1918 года переметнулся на сторону атамана Павла Скоропадского, а затем петлюровской Директории. В начале 1920 года перешел на позиции украинского национализма фашистского толка, стал его идеологом.

В годы Первой мировой войны по заданию австрийской и германской разведок Донцов занимался идеологической обработкой военнопленных русской армии украинской национальности с целью привлечения их к участию в боевых действиях против России. В 1918 году по поручению командующего оккупационными войсками генерала Айхгорна возглавил пресс-бюро ставленника оккупантов гетмана Скоропадского. Позже прислуживал панской Польше, гитлеровской Германии...

Словом, Донцов всегда оставался сыном своего класса. В своем творчестве он опирался на идеи и методологические установки Макиавелли, Шопенгауэра, Ницше и Моски. Но ближе всех он был к идеологу украинского монархизма Вячеславу Липинскому, «обосновавшему» право имущей элиты на монопольную власть в Украине и эксплуатацию трудящихся масс. Донцов, хотя и не был членом ОУН, но весь свой творческий потенциал отдал этой политической организации, стремившейся к завоеванию власти на Украине с помощью Германии. Он теоретически обосновал основополагающий принцип украинского интегрального национализма о господствующей и направляющей роли ОУН в построении украинской независимой державы. Это так называемый «провідницький принцип», или фюрер-принцип, согласно которому, построение независимого украинского государства должно начаться с осознания творческой роли избранного меньшинства нации, обладающего такими качествами, как беспредельная преданность национальной идее, осознание своего превосходства перед всей нацией, уверенность в своей правоте. Они противостоят «серой массе» большинства и способны подчинить это большинство своей воле и повести за собой.

Что касается самой национальной идеи, то она, по словам Донцова, должна быть построена не на разуме, а на своей воле, не на правиле, а на бездоказательном порыве, не нуждающемся ни в каких аргументах.

Народным массам Донцов, как и его предшественник В.Липинский, отводит роль пассивной, инертной хаотической стихии, неспособной к какой бы то ни было целенаправленной деятельности и пригодной только трудиться на отведенном участке земли. С нескрываемым цинизмом Донцов называет их «гречкосіями, нуждающимися в жестком руководстве и кнуте».

В работе «Націоналізм» Донцов рисует образ новой (фашизованной) Украины, основу которой призваны составить «правлящая каста новых рыцарей, лучших людей, воинственная церковь, борьба с духом Востока в форме социализма, духовность, бог, Отчизна» [2].

Непременным качеством новой элиты, по Донцову, должно быть презрение к другим народам, жажда их уничтожения. Так, в документе, принятом на Чрезвычайном сборе ОУН-Бандеры в Кракове в апреле 1941 года под названием «Політичні, війскові та пропагандивні вказівки для членів ОУН на час війни», объявлялась тотальная война всем национальным меньшинствам на Украине: «москалям», «полякам» и «жидам». Их, как сказано в этом документе, надлежит уничтожить. Уничтожению в первую очередь подлежит интеллигенция этих нацменьшинств.

В своих произведениях “Історія розвитку української державної ідеї”, “Підстава нашої політики”, “Націоналізм”, “Хрестом і мечем” и др., обращенных к украинской национальной элите, Донцов обосновывает курс на социальную дифференциацию, разжигание национализма, нагнетание вражды и ненависти к русскому народу. Пытается насадить в общественном сознании культ Мазепы.

Уже после Второй мировой войны Степан Бандера повторил слова Донцова: «Врагом был не только данный режим – царский или большевистский; сама московская нация».

Донцов ратует за возвращение к прошлому, к «старокиевской державе», за возрождение частной собственности, за отмежевание от «чужої мудрости», т.е. марксизма-ленинизма. Его “самостійна Україна” – тоталитарное государство военной диктатуры, неизменный признак которого – национальная однородность, полная дискриминация других наций и т.п. Главная цель такого государства – создание «сильной и монолитной» украинской нации, которая навсегда сохранит «иерархию социальных сословий», иначе говоря – социальное неравенство.

Даже набившие руку на «очищении от фашизма» украинского национализма авторы “Енциклопедії українознавства» вынуждены признать, что основой нациократического строя (т.е. буржуазно-националистического строя на Украине. – Ред.) должна стать власть одного движения (монопартийность) и «провідницький принцип». В будущей Украине отводилось место только одной политической организации, которая составила бы своеобразный орден «лучших людей», а аппарат власти должен творить иерархию «проводников» во главе с вождем, который объединит в себе функции лидера движения и главы государства. Все эти принципы и установки были положены в основу первой (1929) и второй (1939) программы ОУН.

Такое понимание политической организации общества свидетельствует о родстве украинского интегрального национализма и фашизма. Бывший

член Центрального провода ОУН А.Луцкий справедливо отметил: «Идеология ОУН формировалась в период усиления германского национал-социализма и итальянского фашизма. Именно потому, что украинский национализм развивался под влиянием этих течений, между украинским национализмом и германским национал-социализмом так много общего».

Исходной методологической установкой, легшей в основание националистической доктрины, стало признание в качестве источника и движущей силы развития человеческого общества борьба между нациями, возведение в абсолют идеи национальной розни и вражды. Призыв Донцова «пустить кровь чужакам» восприняли не только члены националистических организаций, но и клерикальное духовенство. Именно эта среда рекрутировала значительное количество членов ОУН, в том числе членов ее высшего руководства. Униатская церковь оказала помощь националистическим организациям не только в кадровых вопросах, на проведении соответствующей обработки населения Галиции. Благословляя боевиков ОУН на свершение кровавых злодеяний «во имя добра нации», высшие иерархи униатской церкви выступили в будущем с открытой поддержкой фашистского оккупационного режима на Украине (Шептицкий, Слепой, Хомишин, Гриньох, Лаба и другие). Та же часть духовенства, которая после поражения фашизма сочла необходимым дистанцироваться от иерархов, запятнавших себя сотрудничеством с гитлеровцами, преследовалась националистами и физически уничтожалась. Только во Львовской области от рук оуновцев погибло свыше 30 священников – сторонников разрыва унии с Ватиканом [4].

Весь идейный багаж Донцова, – по меткому выражению Ярослава Галана, – «это ненависть к Красной, революционной Москве. В лакейском экстазе перед империалистами Запада он теряет всякую меру, всякое человеческое подобие» [5].

Источники

1. Nationalism ukrainski w dokumentach. – Toronto, 2000.
2. Донцов Д. Націоналізм. 1926. – С. 159.
3. Енциклопедія українознавства. – Нью-Йорк, 1966. т. 5. – С. 1725.
4. Православный вестник. – 1973. – №11. – С.29-31.
5. Галан Я. О чем забывать нельзя. Свет с Востока. – М., 1954. – С. 189.

Симон Петлюра

От редакции «Слава Родины»: В мае 2004 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Симона Петлюры. По этому поводу националистические издания разразились панегириками в адрес юбиляра и даже либеральная газета «2000» опубликовала статью, автор которой совершенно бездоказательно прославляет Петлюру, требуя поставить ему памятник и назвать его именем улицы городов. Воспела осану Петлюре и «социалистическая» газета «Сільські вісті». Историческую же правду о Петлюре упомянутые издания называют «советской пропагандой». Ну, навешивать ярлыки они научились, а кем и каким был С.Петлюра в действительности, предлагаем узнать из публикуемого материала.

Национал-патриоты, оседлавшие средства массовой информации в независимой Украине, усердно прославляют бывших главарей буржуазно-националистического движения на Украине в годы революции и гражданской войны. Одним из них был Симон Петлюра, оставивший о себе недобрую память в народе и канонизированный в «национальные герои» узкими кругами своих последователей в антисоветской эмиграции, а ныне и на Украине. В пропагандистских целях в этих кругах культивируется образ Петлюры – нестигаемого борца за независимость Украины, видного государственного и политического деятеля, орга-низатора украинских вооруженных сил, публициста, главы Директории УНР. Личные же качества «героя, причины банкротства его самого и возглавляемой им Директории, а равно и причины его гибели либо замалчиваются, либо искажаются до

полной неузнаваемости. Против этого еще в первые послереволюционные годы выступили оказавшиеся в эмиграции бывшие соратники Петлюры. Это, прежде всего, бывший премьер-министр Центральной рады и глава Директории В.К.Винниченко, посвятивший Петлюре целый раздел своего «Завещания», многие страницы трилогии «Відродження нації». Далее – бывший премьер-министр правительства Директории Исаак Мазепа, автор трилогии «Україна в огні і бурі революції», бывший министр юстиции в правительстве Центральной рады профессор Сергей Шелухин, автор брошюры «Варшавський договір між поляками і Петлюрою 21 квітня 1920 року», а также украинский историк Степан Томашевский, автор памфлета «Під колесами історії» и ряда других работ, в которых фигурируют Петлюра и петлюровщина.

Не оспаривая тех должностей и званий, которые значатся в послужном списке Петлюры, названные авторы вскрывают всю совокупность его личных и политических качеств, характеризуют его как политического авантюриста и честолюбца, предателя национальных интересов, который ради собственного возвеличивания не брезговал поддержкой со стороны криминальных кругов и даже возглавлял их. «Неудачник, который не сумел сойти со сцены с драматическим эффектом и сохранением личного достоинства – не герой даже для театра» – так сказал о Петлюре Степан Томашевский.

Он и впрямь неудачник — скажет каждый, кто познакомится с биографией Петлюры. Сын полтавского возницы, он не оправдал надежд родителей – не стал священнослужителем. Его исключили из духовной семинарии, когда он был уже близок к ее окончанию. Причина – плохая успеваемость и игра случая, но отнюдь не пробуждение национального сознания юного семинариста, как попытаются впоследствии обыграть это событие лжебиографы Петлюры. Самостоятельная жизнь молодого Симона началась с поиска работы. И здесь фортуна не раз поворачивалась к нему спиной: осуществить мечту – стать учителем ему помешала репутация опального семинариста. Он пытается поступить в университет, но и здесь его поджидает неудача. Тогда он едет за границу, во Львов, где какое-то время слушает лекции университетских профессоров. Перед революцией 1905-1907 гг. работает на Кубани в экспедиции по исследованию степных областей.

Значительная часть жизни Петлюры в межреволюционные годы (1907-1917) протекала в Москве. Здесь он работал бухгалтером на одном из предприятий и по совместительству подрабатывал в

издательстве журнала «Украинская жизнь», публикуя биографические справки об украинских деятелях.

Когда началась империалистическая война, Петлюра поступает на работу в благотворительную организацию земского союза, занимавшуюся бытовым обслуживанием действующей армии. Новая должность хоть и не была престижна, но давала ему возможность материально обеспечить семью, а также пристойно одеться в полумоенную форму, которой он гордился как «военный деятель». Как бы то ни было, должность эта послужила Симону Петлюре трамплином для занятия министерского поста в генеральном секретариате (правительстве) Центральной Украинской рады. Все началось с избрания Петлюры делегатом на 1-й войсковой съезд украинцев, созванный Центральной радой в мае 1917 года. Прежние годы в работе организации РУП и УСДРП, а также в редакциях газеты «Слово» и журнала «Украинская жизнь» дало повод рекомендовать В.Винниченко как социал-демократа в состав президиума съезда. Петлюра вошел в состав избранного съездом «украинского войскового генерального комитета». Впоследствии Винниченко отметит, что Петлюра был избран в «войсковой комитет не из-за его принадлежности к войску, а потому что он заявил себя членом социал-демократической партии». В действительности же Петлюра был когда-то в социал-демократической партии, затем во время реакции, как и многие другие бывшие «революционеры», отошел от нее, не пожелав принимать участия в ее нелегальных организациях, и даже перед самой революцией заявил, что к партии не принадлежит. Желание сделать карьеру возвратило Петлюру в социал-демократическую партию. Когда формировался генеральный секретариат (правительство) Центральной рады, Петлюра получил должность генерального секретаря (министра) военных дел.

«Симон Петлюра, – пояснял В.Винниченко, – получил этот пост благодаря нашей тогдашней национальной бедности... Центральная рада не могла сформировать правительство просто из-за отсутствия соответствующих людей и то... смешно сказать, из-за отсутствия взрослых людей. Самая многочисленная в тот момент украинская партия (партия социально-национальной бедности)... Центральная рада не могла сформировать Правительство просто из-за отсутствия соответствующих людей и то... смешно сказать, из-за отсутствия взрослых людей. Самая многочисленная в тот момент украинская партия (партия социалистов-революционеров) не могла выставить кандидатов в министры старше возрастом 25 лет... И мне, как главе

Правительства и Центрального Комитета Партии (украинских социал-демократов – А.В.) для престижа ее нужно было хвататься за каждого, кто заявлял себя сторонником или членом социал-демократии. Потому, когда позже приехал в Киев с фронта Петлюра как делегат какой-то воинской части русской армии и когда заявил, что он желает возвратиться в социал-демократическую партию, я... «забыл», «простил» ему ренегатство и «победный конец» и ввел его в Центральный Совет, а Центральный Комитет социал-демократической партии по моей рекомендации выдвинул его кандидатуру на незанятый (по причине нехватки людей) пост Генерального секретаря по военным делам (пока не найдется лучший кандидат). Не потому что С.Петлюра разбирался в военных делах, не потому что он проявлял какие-нибудь склонности к войне, нет (снова стыдно говорить), просто потому, что он носил военную форму и был делегатом с фронта. Он не был даже ни офицером, ни солдатом, а каким-то «чиновником» – управленцем российского «Союза Земств и Городов», одетым в солдатскую форму». О том, как готовил себя Петлюра к будущей государственно-политической деятельности, поведал еще один из его бывших соратников – Исаак Мазепа. Последний знал Петлюру с 1906 года. Познакомился с ним в Петербурге, на собраниях местной организации украинской социал-демократической партии. «В то время, – по свидетельству И.Мазепы, – в Петербурге выходил социал-демократический ежемесячник «Вільна Україна», одним из редакторов был Петлюра. Припоминаю, на страницах «Вільної України» Петлюра вел в основном обзор внутренней жизни и литературную хронику. Как член украинского клуба в Петербурге, он там же выступал с рефератами почти исключительно на темы об украинской литературе, театре и т. п. Вообще из разговоров с ним при различных встречах сначала в Петербурге, а потом в 1907 году в Киеве во время II съезда украинской социал-демократической партии, в котором я участвовал как делегат от петербургской организации, я наблюдал, что в то время он больше интересовался вопросами литературы и искусства. В вопросах социалистической теории, политических и экономических он уступал многим другим членам партии.

Что же касается литературных дарований Симона Петлюры, то и они были более чем скромными. Его ранние статьи, последующие речи, манифесты, дипломатические акты и т. п., по отзыву С.Томашевского, удивляют, помимо узкой грамотности еще и убогостью мысли, и

примитивностью формы. «Одинокое громогласное выступление его на писательском поприще, – отмечает историк, – это его позиция в «Украинской жизни» по поводу разразившейся мировой войны. Там он оказался всецело на российском государственном грунте и под аплодисменты московских националистов всех мастей, от Меньшикова и Милюкова до Алексинского и Бурцева, заявил: «Украинцы с честью исполняют свой долг перед государством».

Было бы однако ошибкой полагать, будто бы и в последующем Петлюра оставался убежденным российским «единонеделимцем». Придя в Центральную Раду, он заявил о своей готовности отстаивать ее политические принципы, иными словами он был за федерацию с Россией, пока у власти находилось буржуазное Временное правительство и стал сепаратистом-«самостийником», когда в результате Октябрьского переворота власть перешла к Советам.

В то же время политическая ориентация Петлюры в значительной мере определялась его тайной принадлежностью к масонской ложе. Ложа имела проантантовскую ориентацию и выступала за продолжение войны с немецко-австрийским блоком до «победного конца». Петлюра полностью ее разделял. Он не имел никаких проблем, пока существовало Временное правительство. Добиваясь создания в армии «украинизированных» частей, он рассматривал их как атрибут автономии Украины, обязанной, как и вся Отставка освобождала его от упреков масонской ложи по поводу Брестских переговоров, в которые включалась Центральная рада, предоставляла свободу действий, без которой он не смог бы восстановить свою репутацию «головного атамана». Отставной военный министр отправляется на Полтавщину, чтобы на деньги, полученные от французских эмиссаров, сформировать гайдамацкую часть. «Там он вступает в контакт с местным атаманом О.Волохом и к обоюдному удовлетворению объявляет его отряд «Кошем Слободской Украины». С этим войском в январе 1918 года Петлюра по собственной инициативе приходит на выручку Центральной раде, когда на ее стороне как военная сила оставался только «Галицко-Волынский курень» Е.Коновальца. Петлюровцы жестоко подавили восстание рабочих «Арсенала». Ими было повешено и расстреляно более 1500 человек. Но спасти Центральную раду это не могло. Через два дня она бежала из Киева под напором наступающих частей Красной Армии. Петлюровский «кош» прикрывал отступление Центральной рады до прифронтового местечка Сарны. Отсюда в обратном направлении Петлюра маршировал

со своими гайдамаками впереди немецких оккупационных войск. Немецкое командование разрешило Петлюре первым войти в Киев и даже инсценировать на Софиевской площади парад своих гайдамаков. Так создавалась легенда о Петлюре – «освободителе Украины». Она найдет свое развитие на последующих этапах государственно-политической и военной карьеры С.Петлюры не без участия заинтересованных лиц. На первом этапе немецкой оккупации Украины таковыми оказались члены товарищества, издававшего газету «Час», В.Королив-Старый, В.Петрушевский и другие. Именно эти лица, когда Петлюра появился в Киеве с немецкими войсками, пригласили его в редакцию и предложили отойти от всех официальных дел в правительстве Центральной рады. Их стараниями он стал председателем Киевского губернского ведомства, а со временем, уже при гетманате, возглавил Всеукраинский Земский Союз.

В силу этих обстоятельств Петлюра оказался непричастным к приглашению на Украину немецко-австрийских войск и тем трагическим последствиям, которые принесла Украине немецко-австрийская оккупация. Но он не был и в оппозиции к гетману Скоропадскому, скорее, как отмечают его биографы, находился с ним в отношениях, выдержанных в духе конструктивистского сотрудничества. Когда же оккупационный режим на Украине шел к своему закату, масонская ложа через своего представителя в гетманате «превращает» Петлюру в «жертву режима». В конце августа 1918 года Петлюру арестовывают гетманские власти, инсценируя пресечение деятельности Украинского национального союза (УНС).

Предусмотрительно к началу образования Директории (она была учреждена на собрании УНС, состоявшемся в Киеве в ночь с 13 на 14 ноября 1918 г.) его освобождают из заключения. На том же собрании УНС, на котором была образована Директория в качестве органа противогетманского восстания, Петлюру избирают членом Директории. Избирают заочно, так как все дни после освобождения из гетманской тюрьмы Петлюра находился в компании своих наставников в редакции «Час». Отсюда он подался в Белую Церковь, где дислоцировался полк сечевых стрельцов Е.Коновальца, и поднял его по тревоге, заявив, что приехал от Национального Союза с поручением начать акцию восстания. От собственного имени издал воззвание к украинскому народу с призывом к восстанию. «А когда Директория и члены Национального Союза, – вспоминает В.Винниченко, – поодиночке смогли пробраться через немецко-гетманские наряды, окружавшие Киев, то воззвание,

подписанное «главным атаманом» С.Петлюрой о восстании, уже распространялось по Украине. И сия акция сразу приобрела тот характер персональности, которого так опасались инициаторы и организаторы восстания. Началось движение не украинское, не государственно-национальное и социальное, а петлюровское, не Национальный Союз и избранный им Высший Орган руководили им, а какой-то Петлюра, такой же, как были уже разные бандитские атаманы на Украине в те времена: Махно, Тютюник, Григорьев и другие. Народ отнесся с недоверием к воззванию Петлюры и первое время восстание успеха не имело».

Петлюра не упускал случая для саморекламы и самовосхваления. Где бы он ни появлялся со своим войском, там непременно организовывали парады и богослужения. Так, по случаю падения гетманщины в Киеве была построена торжественная арка и проведен помпезный парад; на протяжении двух недель после этого не прекращались оргии в виде так называемых обедов, вечеров, банкетов, на которых славил Петлюру» «освободителя» и его атаманов. Между тем город перешел на осадное положение. Запрещены какие бы то ни было собрания. Пресса взята под жесточайший контроль. Профессиональные и иные рабочие организации разогнаны, а их делопроизводство уничтожено. Карательные подразделения петлюровцев, преследуя большевиков, расстреливали свои жертвы без следствия и суда.

Любая агитация против Директории преследовалась, как тяжкое преступление. Высылке за пределы Украины подлежали не только сами агитаторы, но и их семьи. Настоящий геноцид обрушился на еврейское население. Еврейские погромы, начавшиеся с приходом петлюровщины, прокатились по всей Украине тысячу двести девяносто пять раз. Тысячи убитых и замученных людей, сотни разрушенных и сожженных городов и селений. Таким был «гуманизм» и «демократизм» Петлюры и петлюровщины.

Война, объявленная Директорией Советской России 15 января 1919 года, ничуть не упрочила ее авторитет в глазах западных союзников. Союзники хотя и десантировались в Одессе, но с признанием УНР и оказанием ей военной помощи не спешили. Положение усложнилось после того, как Директория под натиском частей Красной Армии в начале февраля 1919 года оставила Киев и снова оказалась в Виннице. В ответ на просьбу ее представителя об ускорении военной помощи начальник штаба

интервенционистских войск в Одессе французский полковник А.Фрейденберг ответил требованием «изгнать, как собак» из руководства УНР В.Винниченко и В.Чеховского (тогдашний глава правительства Директории – А.В.) за «большевизм» и С.Петлюру за бандитизм. Националистическое руководство УСДРП и УПСР тотчас отозвало своих представителей из Директории и ее правительства в пользу других, более приемлемых для союзников кругов. Петлюра же, который считался членом УСДРП, вновь заявил о своем выходе из партии и тем сохранил за собой место члена Директории и главного атамана. Тем не менее, деятели УНР ограничили его влияние, введя должность «наказного атамана». На последнего возлагались обязанности по «непосредственному ведению всех военных операций», а за Петлюрой оставался лишь «верховный присмотр вооруженными силами». К тому же «верховным присмотром» занимался и «министр военных дел» атаман Петров. После отъезда В.Винниченко за границу С.Петлюра не сразу занимает его место, довольствуясь сложившимся порядком, когда члены Директории председательствовали на ее заседаниях по очереди. В начале 1919 года в нарушение статуса Директории, созданной, как известно, для руководства противогетманским восстанием, Петлюра провозглашает себя ее единоличным председателем.

Стремление к единовластию и презрение к коллективным формам руководства он не скрывал и раньше. Так, на «государственном совещании», которое состоялось 14 марта 1919 года в Проскурове, Петлюра категорически отклонил мнение большинства о прекращении переговоров с командованием Антанты в Одессе и о мире с большевиками. Аналогичным образом Петлюра поступил и тогда, когда Директория еще до изгнания ее из Киева приняла предложение Советского правительства и выслала в Москву свою делегацию для ведения переговоров о мире. Возглавлял делегацию Семен Мазуренко, член социал-демократической партии. «После продолжительных переговоров, – свидетельствует В.Винниченко в своем «Завещании», – было достигнуто соглашение о прекращении военных действий и о взаимоотношениях между Украиной и Советской Россией. Семен Мазуренко тотчас по прямому проводу уведомил об этом свое правительство и попросил о ратификации Директорией этого важного акта. Его уведомление принял С.Петлюра, заведовавший военным телеграфом, но Директорию об этом не известил, и ратификация договора не состоялась. С.Мазуренко

несколько раз домогался ответа, но не получал его. Он хотел возвратиться на Украину, чтобы привезти заключенный договор, но по приказу Главного атамана С.Петлюры его на границе не пустили на Украину. Таким образом, этот величайшего значения для нашей государственности акт был спрятан от украинства и вся дальнейшая борьба за нее пошла в таком несчастливом для нас направлении. Москва, не дождавшись ратификации мирного пакта, считая молчание Директории нежеланием мира, возобновила военные действия, заняла Киев, направила на разбитую украинскую армию и вытеснила ее за границы Украины до Польши».

Объяснение этому В.Винниченко находил в личном интересе Петлюры. «Особый интерес его был реальным, – писал В.Винниченко. – Он знал, что заключение мира с Россией, установление релятивного спокойствия и организационной творческой работы в украинской державе неизбежно лишат его участия в правительстве, саморекламной роли «главного атамана» и всего связанного с ней. Он знал о том, что военные специалисты относились с неуважением и насмешкой к его безграмотности в военных действиях и в организации армии, ему было известно, что штаб полка сечевых стрельцов после изгнания немцев и Скоропадского прислал ко мне делегацию во главе с Коновальцем... с предложением устранить С.Петлюру с его должности руководителя военными делами... Я понимал их неудовлетворенность Петлюрой и всем беспорядком, который господствовал в военной области, но я предложил поставить этот вопрос на решение... Трудового конгресса во второй его сессии. Е.Коновалец и его товарищи приняли мое предложение и согласились ждать его решения. С.Петлюре, повторяю, было все это известно, и он знал, что на этой сессии он должен уйти в отставку. Итак, его личный интерес требовал недопущения той сессии, а через нее и мира с Москвой, ибо пока тянулась война созыв Трудового конгресса был невозможен».

Те же личные интересы были движущим мотивом и последующих действий Петлюры, направленных на продолжение войны с Советской Россией «до победного конца». Не имея своих собственных твердых социальных принципов и выполняя императивные требования своего честолюбия, Петлюра, по определению В.Винниченко, был орудием тех групп украинского общества, которые льстили его честолюбию, проявляли к его личности чрезмерную склонность (в своих, разумеется, групповых социальных интересах). Такими группами были мелко-буржуазное царское «чиновничество», которое поспешило украинизирова-

ться; земельные собственники, помещики и «кулаки», у которых... революция отобрала землю; наконец, атаманы, которые формировали свои собственные отряды и оперировали по своему собственному усмотрению по разных уголках Украины.

Шаткость социальной основы петлюровского движения, усугубляемая личными амбициями его атаманов, выливалась в неоднократные попытки осуществления «государственного переворота». С целью смягчить напряженность и избежать смещения с занимаемых постов Петлюра предоставлял своим подчиненным полную свободу действий, закрывал глаза на совершаемые ими преступления – убийства, грабежи и насилия. Расследовавший в 1926 году злодеяния петлюровцев французский журналист Бернар Лекаш указал на Петлюру как на главного виновника этих бесчинств. К такому же выводу пришел и суд присяжных во Франции, рассматривавший дело Шварцбарда по обвинению в убийстве Петлюры. Вот несколько выдержек из доклада Бернара Лекаша: «...Из Житомира и Бердичева (во временную Винницкую резиденцию Директории – от авт.) прибыла делегация евреев почти-тельнейше просить остановить погромы.

Она добивалась повидать Винниченко, Петлюру и своего единоверца министра Ревуцкого. Ее встретили атаманы Палиенко и Ковенко, которые ее арестовали и продержали два или три дня под замком.

Когда ее освободили и она смогла наконец быть принятой и принести свою жалобу, ей велели передать от имени главного атамана:

– Люди, на которых вы жалуетесь, составляют гордость Украины! Другая делегация – мне известен ее состав и я видел почти большинство ее членов – прибыла на помощь первой. Более счастливая, она была принята Петлюрой. И Петлюра ответил буквально следующее:

– Не ссорьте меня с моей армией! ...Атаман Петров, его военный министр, сказал пришедшей к нему делегации:

Еврейские погромы – это наше знамя!» [1].

Ориентация Петлюры на Антанту вылилась в прямой торг интересами Украины. Для оказания военной помощи «для совместной борьбы с большевиками» французская сторона в марте 1919 года потребовала от Директории формирования армии численностью в 300 тыс. человек и подчинения ее своему командованию. На это отводился 3-месячный срок.

Подлежали передаче под контроль французов железные дороги и финансы Украины. Директории надлежало обратиться к Франции с просьбой принять Украину под свой протекторат. Помешало этому

наступление частей Красной Армии, завершившееся изгнанием оккупантов с украинской земли.

С изменением ситуации изменилась и ориентация Петлюры. Теперь он отдавал предпочтение сближению с Пилсудским, ждавшим случая, чтобы вторгнуться со своими войсками на территорию Украины и осуществить план создания великой Польши «от моря до моря». Установленные по инициативе главы Директории контакты с польским правительством привели к подписанию 24 мая 1919 года соглашения, в котором была зафиксирована просьба Петлюры к Польше «оказать помощь и поддержку». Петлюра принимал на себя «обязательства заключить с польским правительством договор, который основывался бы на таких основных принципах: отказ его правительства «от своих прав» на Восточную Галицию; признание Западной Волыни «неотъемлемой частью Польши», объединение «для борьбы с большевиками» и организация с этой целью «украинских вооруженных сил при помощи и поддержке польских войск»; подчиненность УНР Польше во внешне-политических делах.

Эти условия составили основу подписанных со временем от имени Петлюры и Пилсудского договора от 21 апреля 1920 года и военной конвенции от 24 апреля того же года.

Идя на сговор с Пилсудским, Петлюра предпринимает в то же время попытку найти общий язык с Деникиным. Он направляет навстречу добровольческой армии, двигавшейся в сторону Киева, свою делегацию. А своим войскам, двигавшимся к той же цели, приказывает при встрече с частями армии Деникина не ввязываться «во вражескую акцию». И тем не менее, миновать инцидента не удалось. Вооруженная стычка между петлюровцами и деникинцами произошла 31 августа 1919 года в самом Киеве, где сошлись обе «армии победительницы». Поводом явилось оскорбление трехцветного деникинского знамени кем-то из петлюровцев, собравшихся на торжественный парад.

«Киевский инцидент» обострил распри в буржуазно-националистическом лагере, особенно между руководством УНР и ее «Западной областью». Петлюровцы обвиняли петрушевцев в измене, а те их – в бездарности. Кончилось это тем, что руководство галицкой армии в начале ноября 1919 года капитулировало перед деникинцами, тайно подписав с ними соответствующий договор. Вслед за этим Петлюру покинули три его атамана, прихватив петлюровскую казну. Наступил черед и самого Петлюры. 5 декабря 1919 года под покровом ночи он выехал в Варшаву. С этого времени он всецело перешел под

покровительство Пилсудского, за что заплатил ему подписанием Варшавского договора и военной конвенции, а также участием в авантюристическом походе на Киев. Тайно подписанный 21 апреля 1920 года так называемый Варшавский договор даже с позиции эмигрантских кругов представляет собой акт национальной измены. По этому «договору» к Польше отходила пятая часть территории Украины с населением около 9 млн человек. Автор брошюры «Варшавський договір між поляками і Сімоном Петлюрою 21 квітня 1920 року», изданной в Праге в 1926 году, профессор С.Шелухин отметил: «содержание договора производит гнетущее впечатление: в нем полно всяких хитростей и выкрутасов, а написан он так, будто между сторонами, которые его творили, был заговор против украинской нации. В нем все для поляков и решительно ничего для украинцев... Такие договоры могут быть продиктованы только победителями». После ознакомления с этим договором участников похода Петлюры на Киев весной 1920 года, писал тот же автор, станет понятным, почему, как только они занимали какую-то часть украинской территории, сразу туда же налетал польский отряд, на заводах и в помещичьих усадьбах разоружал украинских казаков, прогонял их прочь, и поляки там устанавливали свою оккупационную власть [2].

Когда же Пилсудский оказался в положении, принудившим его согласиться на мир с Советскими Республиками России и Украины, он меньше всего заботился о Петлюре. Последний сам должен был решать свою судьбу. И он подался в наемники к барону Врангелю. Предпринятое в ноябре 1920 года совместное антисоветское наступление петлюровских войск и сформированных в Польше частей белогвардейских генералов Перемыкина и Яковлева оказалось безуспешным. Оно не было поддержано действиями врангельских войск в Крыму, понесшими сокрушительное поражение от частей Красной Армии. Петлюровцы вместе со своими союзниками отошли за реку Збруч и 10 ноября 1920 года сложили оружие.

Но и после этого петлюровские банды еще неоднократно совершали разбойные нападения на советскую землю. Наконец, пришло время, когда польское правительство было вынуждено прекратить какую бы то ни было антисоветскую деятельность на ее территории, как того требовали условия Рижского договора. Петлюровцы, гетманцы и прочие обанкротившиеся претенденты на всеукраинский престол вынуждены были искать для себя более удобное укрытие. Так, по воле судьбы Петлюра оказался в Париже, где его приютила масонская ложа. Здесь

25 мая 1926 года он был убит из пистолета неизвестным, назвавшимся Самуилом Шварцбардом. Бывший махновец, анархист, он заявил, что действовал из мести, считая Петлюру главным виновником еврейских погромов на Украине в 1919-1920 годах, унесших жизни тысяч невинных людей, в том числе многих родственников самого Шварцбарда. Следствие, длившееся более 16 месяцев, полностью подтвердило это заявление. На основании собранных доказательств парижский суд присяжных признал Шварцбарда невиновным и оправдал его [3]. (Об этом пишет А.Солженицын в своей книге «Двести лет вместе», М., Русский путь, 2002., ч. II, с. 192-193).

«Одна из важнейших амбиций Петлюры, – писал С.Томашевский, – стать исторической фигурой. Он, несомненно, добился этого. Будущий историк не сможет пройти молча мимо этой фигуры. Вопрос только в том, будет она позитивной или отрицательной».

Не оставляет сомнения, какой фигурой считал Петлюру сам С.Томашевский. Определив Варшавский договор и военное соглашение Петлюры с поляками, как «глупейшие в мире», историк писал: «Теперь повернем лицо от военных и дипломатических подвигов Петлюры к его деятельности во внутреннем государственном строительстве. Режим директории переменялся вскоре на диктатуру «главного атамана».

Должен ли я характеризовать то, чем одарил он Украину? Он имел и имеет достаточно панегириков, приятелей и защитников, но я не припоминаю ни одной строчки, ни одного слова в похвалу внутренним порядкам УНР за последние 3 года; напротив, все то, что написано в этом направлении, дает образ какого-то страшного сна из экзотической страны: сам председатель-игнорант, завистливый и лишенный энергии; министры – шарлатаны и... об урядниках – уже нечего и сказать, в «законодательстве»... школярское доктринерство и женская непоследовательность, глубокое и безнадежное незнание жизни, его законов и потребностей; в «администрации» (снова извините за слово!) – в лучшем случае полная бездеятельность, кроме этого произвол, террор и бандитизм; школа не существует полностью. Так без конца».

Вряд ли эти слова известного украинского историка, который к тому же никогда не сочувствовал ни большевикам, ни Советской власти, нуждаются в комментариях.

Источники

1. За двадцать лет до Освенцима: свидетельства о еврейских погромах на Украине в 1918-1920 гг., собранные французскими журналистами// За рубежом. – 1990. – №28 (1565).

2. Шелухін С. Варшавський договір між поляками і Сімоном Петлюрою 21 квітня 1920 року. – Прага, 1926.

3. Солженицын А. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2002. Ч. II. – С. 192-193.

Полковник Евгений Коновалец

Евгений Коновалец – петлюровский атаман, возглавлявший опорные силы буржуазно-националистической контрреволюции на Украине в лице воинских формирований сечевых стрельцов. Бывшие солдаты австрийской армии, галичане, освобожденные революцией из русского плена и вознамерившиеся с оружием в руках бороться за построение украинского государства под верховенством Центральной рады, сформировались в Киеве осенью 1917 года в отдельную воинскую часть – Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов. С 19 января 1918 года эта часть стала называться «Перший курінь січових стрільців». С того же дня ее командиром (комендантом) стал двадцатилетний Евгений Коновалец, бывший унтер-офицер австрийской армии. Как отмечают его биографы, Коновалец, став командиром куреня, тотчас установил личные контакты с командованием войск Центральной рады, расквартированных в Киеве, чтобы «включиться под одно командование». Вместе со своим штабом (А.Мельник, Р.Сушко и др.) Коновалец немало потрудился над тем, чтобы среди его стрельцов не было колеблющихся, а тем более инакомыслящих. Таких просто изгоняли. От всех остальных требовали такого же беспрекословного повиновения старшим, как и в австрийской армии, готовности

жертвовать собой во имя украинской революции. Впоследствии Е.Коновалец писал: «Сечевые стрельцы, как организация, не выявили в своей деятельности никаких шатаний – их идеология оставалась до последнего дня прямолинейной и последовательной вплоть до нюансов... Сечевые стрельцы, безотносительно к их социально-политическому «кредо», были всегда едины в понимании национально-государственного интереса отчизны».

Впервые свою «прямолинейность» и «последовательность» в понимании национально-государственного интереса Украины сечевые стрельцы показали в дни январского (1918 г.) восстания киевских пролетариев, поднявшихся во главе с арсенальцами против буржуазно-националистической Центральной рады. Вопреки нейтралитету других украинских частей, расквартированных в Киеве полков Хмельницкого, Дорошенко, Сагайдачного, Грушевского, отказавшихся стрелять в рабочих, сечевые стрельцы по приказу своего командира открыли по восставшим огонь из всего наличного оружия и завершили эту полицейскую акцию совместно с гайдамаками Петлюры массовыми казнями захваченных повстанцев. Оттого и распространилась о них по всей Украине недобрая слава как о «австріяках, що не шкодують української крові».

Негативное отношение к сечевым стрельцам в народе нарастало с каждой их последующей акцией. Имеется в виду, прежде всего, возвращение сечевых стрельцов в Киев вместе с приглашенными Центральной радой немецкими войсками в начале марта 1918 года. Режим немецкой оккупации тяжким бременем лег на плечи украинского народа, обескровил его материальные ресурсы и демократические силы. Но именно при нем в апреле 1918 года курень сечевых стрельцов, пополнившись новобранцами (частично из надднепрянцев), амуницией и снаряжением, преобразуется в полк. Его дальнейшему преуспеванию помешали непредвиденные обстоятельства. В конце апреля 1918 года командование немецких оккупационных войск разгоняет обанкротившуюся Центральную раду, а заодно было вынуждено распустить и ее «лейб-гвардию» – Первый пехотный полк сечевых стрельцов. Вскоре, однако, полковник Коновалец (это звание ему присвоил Петлюра за «особые заслуги») находит общий язык со ставленником немецких оккупационных войск гетманом Скоропадским. Он получает от гетмана разрешение на возрождение воинского формирования галичан под названием «Отдельный отряд сечевых стрельцов». Местом дислокации, на сей раз, была определена Белая Церковь. И вот уже в августе 1918 года вновь сформированная часть под командованием полковника Коновальца принимает присягу на верность гетману Скоропадскому.

Не убедительны утверждения биографов Коновальца о том, будто он, навещая гетмана, призывал его блюсти верность принципам украинской национальной государственности. Более правдоподобны их свидетельства о том, что, став на службу к Скоропадскому, Коновалец все свои усилия прилагал к тому, чтобы привлечь бывших членов Центральной рады к сотрудничеству с гетманом и удерживал их от каких-либо действий в пользу восстановления Центральной Рады. Правдоподобны потому, что Коновалец был сторонником сильной власти и ему был чужд какой бы то ни было демократизм, даже унэровский. Его разрыв с гетманом и поворот к демократам из Украинского национального союза был обусловлен отнюдь не идейными соображениями. Он наступил в тот момент, когда пробил час и гетманата, и немецкой оккупации. Разумеется, Коновалец рисковал, покидая гетмана и включаясь в противогетманское восстание, но не меньшим риском было оставаться с гетманом, утратившим поддержку со стороны немцев и не имевшим опоры в украинском народе. К тому же гетман Скоропадский был далеко, в своей киевской резиденции, а руководители повстанцев – рядом, в расположении отдельного отряда сечевых стрельцов. Известно, что сюда накануне восстания прибыл из Киева главный атаман Петлюра, а вслед за ним – глава Директории Винниченко.

С падением гетманщины и уходом немецких войск Киев после долгой осады оказывается под властью сечевых стрельцов, переформированных к тому времени в осадный корпус. В целях «наведения порядка» и «очищения города от враждебных элементов» штаб сечевых стрельцов вводит беспощадную цензуру для прессы и объявляет осадное положение. На протяжении полутора месяцев, вплоть до его освобождения 4 февраля 1919 года частями Красной Армии, в столице Украины шла охота на гетманцев, большевиков, евреев и просто лиц, чем-то показавшихся подозрительными стражам порядка. Запрещались собрания и съезды. Были разогнаны профессиональные и иные рабочие организации, а их документация уничтожена. Высылке за пределы Украины подлежали не только агитаторы, но и их семьи. Начавшиеся в Киеве еврейские погромы распространились на все села и города Украины, находившиеся под властью Директории, и, по существу, под властью атаманщины. Нити же последней, как известно, сходились к «головному» атаману Симону Петлюре. Именно в его руках и штабе сечевых стрельцов, «с которыми Петлюра совершенно солидаризировался и всякими способами заискивал у них ласки», находилась, по свидетельству В.Винниченко, «вся верховная, т. е. реальная, действительная власть».

Оправдывая сложившееся положение, один из биографов Коновальца Ю.Бойко в брошюре «Євген Коновалець і Середньо-Східні землі» писал: «В этот период сечевое стрелцтво было той единственной украинской средой, в которой действовал прекрасно налаженный военно-административный аппарат. И это было доской спасения для Директории. Не способная наладить государственно-административные органы, Директория перекладывает на командно-административную систему сечевого стрелцтва разнообразнейшие административные задачи, ответственными государственно-политическими мерами начиная и ординарными полицейскими функциями кончая» [1].

Диссонансом к этому панегирику сечевому стрелцтву звучат запоздалые признания Коновальца (из его брошюры «Причинки до історії української революції»), о том, что это был самый «прикрый» период в истории сечевых стрельцов, о котором сечевые стрельцы не могут спокойно думать. В этот самый период вложили они более всего труда и энергии, а достигли наименьших результатов. Да и наивно было бы ждать чего-нибудь путного от разнузданной атаманщины, единственным ответом которой на все были «карательные военные экспедиции на крестьян, на рабочих, на большевиков, на свои украинские партии, на обывателя, на газеты, на лозунги – решительно на все» [2]. Энергичные, до фанатизма и экстаза проникнутые национальным чувством сечевые стрельцы были в то же время политически невежественными людьми, с односторонней психикой: они ничего не видели и не понимали, кроме национального момента, да и тот они понимали ошибочно. «Правдою є, – писал Коновалець – що січові стрільці були соціально мало освідомленими й в соціальних питаннях вони мало визнавалися. Це відноситься однаково як до широкої стрілецької маси, так і до стрілецького старшинства та самого проводу організації січових стрільців. Вони мали свій ґрунт не тільки у походженні організаторів Січового Стрільцтва (у Галичині соціальні питання ніколи не мали тієї гостроти, що на великій Україні), але вони наперед готувалися до ролі національного легіону на службі законного, народом визнаного, національного уряду без огляду на характер державного устрою та соціально-політичного законодавства, що його заступав би й переводив в життя той національний уряд». По этой причине, заключает Коновалець, «Січові стрільці не передбачали і не могли передбачити розвитку революції в Росії та на Україні, ще менш вони сподівалися тієї завзятої боротьби, що потім шаліла всередині самого українського громадянства» [3].

Красноречиво признание «революционера», не понимавшего революции, ее социальных корней и политических лозунгов. При всей

своей откровенности и ссылок на психологические особенности галичан, оно не способно оправдать пресмыкательство Коновальца перед Петлюрой и Скоропадским, которых он внутренне презирал, справедливо считая непригодными ни к государственной, ни к военной деятельности.

Новый этап в жизни Коновальца начинается с расформирования корпуса сечевых стрельцов на польской территории в декабре 1919 года и непродолжительного пребывания в лагере военнопленных близ Луцка. Жажда реванша и поиск средств к существованию побуждают Коновальца обратиться к Пилсудскому с просьбой разрешить ему создать армию из украинских националистов Западной Украины и включить ее в состав Войска Польского для борьбы против Красной Армии, а также против национально-освободительного движения западно-украинских трудящихся. Аналогичные предложения о создании националистических вооруженных сил и использовании их против СССР Коновалец и его сообщники направляют разведкам и генеральным штабам Литвы, Румынии, Великобритании.

Окончание гражданской войны и иностранной интервенции перечеркнули далекоидущие «полководческие» планы Коновальца, но не помешали ему и его бывшим офицерам создать полувоенную антисоветскую организацию, объединившую несколько сот украинцев, проживающих на территории Польши, Чехословакии, Румынии, Австрии, Германии и других стран Запада, а впоследствии и на американском континенте. Назвали ее «Українська військова організація» (УВО). В августе 1920 года в Праге состоялся учредительный съезд УВО. В его решениях отмечалось, что организация стоит на принципах «полной соборности и независимости Украины», неудачу украинских «освободительных акций» рассматривает как следствие нестойкости, шатаний и отклонений от принципов соборности. Съезд обращался к воинству в эмиграции с призывом возвращаться на родные земли и там изыскивать новые формы «освободительной акции». Этим было положено начало организации диверсионного, шпионского и террористического характера, названной впоследствии УВО-ОУН. Ее главарем до самой своей кончины был Коновалец, а подлинным хозяином – германская военная разведка, включившая в свою агентурную сеть не только Коновальца, но и всю его организацию, разумеется, за плату и безупречную службу Великой Германии. В самом начале Коновалец передал немецким хозяевам списки членов УВО, а также сведения о их родственниках и знакомых, о всех известных на Украине националистах, способных сотрудничать с УВО и абвером.

С того времени, как УВО стала штатной резидентурой немецкой военной разведки, т. е. с 1921 года, она ежемесячно финансировалась абвером. Подготовка засылаемой в нашу страну агентуры из числа украинских националистов осуществлялась в специальных учебных заведениях Абвера. Одно из них начало свою работу в Мюнхене в 1921 году, другое – в 1924-м. В 1928 году в Гданьске (тогдашнем Данциге) был открыт третий разведывательно-шпионский центр по подготовке украинских националистов для ведения подрывной работы в пользу немецкой разведки. В Берлине существовала специальная школа, готовившая полицейских для будущего оккупационного аппарата на Украине. Одновременно с украинскими националистами тут проходили подготовку и члены гитлеровской партии – немцы. По планам главарей третьего рейха украинская полиция должна быть «смешанной», то есть состоять из немцев и украинцев. Самое непосредственное участие в рекрутировании украинцев в эти учебные заведения принимал Коновалец. «С этой целью он разъезжал по всем странам, где имелись филиалы УВО-ОУН. В 1928 году он побывал в Канаде, где с его участием был создан филиал УВО – так называемая Українська стрілецька громада.

В 1926 году штаб-квартира УВО обосновалась в Берлине. Отсюда Коновалец и его подручные поддерживали связи со своими представителями в Польше, Чехословакии, Румынии, Литве, а со временем – в США и Канаде, направляя их деятельность на службе иностранных разведок, которые поддерживали и финансировали их преступные акции. Близость штаб-квартиры УВО к государственным учреждениям Германии не столько облегчала решение общих вопросов, сколько порождала новые: к заданиям военной разведки присовокупились и задания министерства иностранных дел по сбору политической информации. Руководство Германии хотело знать политическую ситуацию в Советском Союзе и соседних с ним странах, а для этого могла пригодиться и та информация, которой располагали украинские националисты. А вот как они ее добывали, рассказывает уже упоминавшийся Ю.Бойко в брошюре «Євген Коновалець і Середньо-Східні землі». Он пишет, что уже в 1927-928 гг. Коновалец раз за разом направляет своих людей в Надднепрянщину с заданиями «проникать на ответственные посты культурного строительства», прикидываясь симпатиками советского строя коммунистами, которых преследуют на «гнилом Западе» И далее: «Зв'язок з Наддніпрянщиною через Збруч вже в кінці перед-минулого десятиріччя був майже неможливий. Більшовики прекрасно усвідомили, якою небезпекою є для них Галичина, цитадель націоналізму. Тому вони тут створили таку забезпечувальну прикордонну смугу, яку годі

було пройти. Я.Барановський їздив до Румунії, щоб організувати перекидання людей Чорним морем. Чи вдалося йому цього досягти, не знати. Кур'єри пробивалися через Фінляндію, іноді через Естонію, Литву. Переходи через литовський і фінський кордони організували Р.Сушко, О.Сеник-Грибівський».

Все названіє лица – Я.Барановський, Р.Сушко і О.Сеник-Грибівський – сотрудники Коновальца. В этом ряду недостаєт фамилии его ближайшего помощника – некого Рико Ярого, без участия которого не решались подобные дела. Ставленник шефа немецкой военной разведки он был введен в круг украинских националистов в начале 20-х годов самим Коновальцем.

Рико Ярый или, как он сам себя называл, Рико фон Яри находился под особой опекой Коновальца. В 1929 году позиции Ярого среди украинских националистов настолько окрепли, что он даже спровадил в Женеву Коновальца и сам безраздельно правил в берлинской штаб-квартире ОУН. Это случилось вскоре после того, как УВО, слившись воедино с подобной себе Легией украинских националистов преобразовалась в Организацию украинских националистов (ОУН). С провозглашением ОУН единым центром подготовки украинских националистов к крестовому походу против СССР Коновалец обретает новый титул «провідника» или «вождя» ОУН. С легкой руки оуновских пропагандистов прежде всего, Андриевского и Сциборского – его вскоре стали величать «единым вождем нации», а позднее и «главой государства». Точь-в-точь, как у хозяев из нацистской партии, уверенной поступью шедших к завоеванию власти. И никаких расхождений в целях обеих политических группировок: совместная и бескомпромиссная борьба против большевизма и коммунизма. И тот же кощунственный набор средств для достижения цели: шпионаж, диверсии, террор, лживая пропаганда и, наконец, война. Фашизм во всем – в большом и малом – стал образцом для идеологов украинского национализма. «Для нас самое важное в гитлеризме, – писал идеолог украинского национализма Д.Донцов, – это завет решительной борьбы с марксизмом». «Украинский национализм – это тот же фашизм», – вторил ему автор первой программы ОУН Н.Сциборский. «Самостійна Україна» рисовалась их воображению такой же тоталитарной державой, как фашистская Италия и нацистская Германия, разумеется, под властью ОУН. И обязательно во главе с фюрером.

Вскоре после прихода нацистов к власти в Германии контакты между нацистскими правителями и оуновскими главарями приобрели деловой и систематический характер. Над штаб-квартирой ОУН взвился

черно-красный флаг, мало чем отличавшийся от гитлеровского партийного штандарта. «Все йде надобре, – писал Коновалец своему душепастырю Шептицкому. – Щасливий початок 1933 року створив умови, за яких наша визвольна акція кожного дня набирає все більшого розвою і сили. Час випробував нашу дружбу і співробітництво з німцями, випробувавши, показав, що, незважаючи на багатократні спокуси порозумітися з поляками, ми обрали єдино правильну орієнтацію. Цим ми зобов'язані виключно вашій ексцеленції».

В январе 1934 года по приказу германского инспектора полиции Дильгена и полковника Райхенау берлинская центральная организация ОУН, руководимая самим Коновальцем, вливается в штат гестапо на правах особого отдела. В предместье Берлина Вильгельмсдорфе на средства немецкой разведки были построены казармы для украинских националистов и велось обучение сформированных по военному образцу отрядов. Они имели свою форму, были приравнены к гитлеровским штурмовым отрядам. Руководил ими Рико Ярый, он же Ярыга – Рымарт, он же Карпаты, ставший к тому времени офицером гестапо. По такому же образцу перед нападением на Советский Союз будут созданы батальоны «Роланд» и «Нахтигаль».

Памятным событием в жизни Коновальца была встреча с Гитлером в 1931 году. Будущий фюрер великой Германии обещал своему «союзнику» всяческую помощь, если тот направит деятельность своей организации только против Советского Союза и прекратит против Польши. Последнее условие Коновалец воспринял как указание к прекращению террора против политических и государственных деятелей Польши, благосклонно относившихся к фашистскому движению. А таковыми были подвергшиеся террору Ю.Пилсудский, С.Войцеховский – диктатор и президент Польши, воевода О.Грабовский, украинский кандидат в сейм С.Твердохлеб и многие другие. Иное дело – уничтожение недругов Германии. В их числе оказались член сейма, директор департамента министерства иностранных дел Польши Тадеуш Голувко, секретарь советского консульства во Львове Андрей Майлов и многие другие менее известные люди. Каково же было возмущение гитлеровского руководства, а заодно и Коновальца, когда в 1934 году после подписания договора «о дружбе» между гитлеровской Германией и панской Польшей с участием Бандеры в Варшаве был убит министр внутренних дел Польши Перацкий. Непосредственный исполнитель этого теракта М.Лебедь, избличенный с помощью Коновальца, был арестован и выдан гитлеровцами польским властям.

Прекращение оуновского террора против власть придержащих в Польше отнюдь не облегчало положения трудящихся. Напротив, заглаживая свои грехи перед польскими властями, фашиствующие молодчики Коновальца при поддержке польской полиции, реакционной прессы и церкви развернули, что называется, бешеный террор против революционных сил, особенно на исконно украинских землях. Они чинили вооруженные нападения на митинги, собрания и демонстрации трудящихся, организовывали настоящую охоту на коммунистов, которых разыскивала полиция, громили прогрессивные органы печати, истязали и убивали неудобных людей. По указке полиции внедрялись с провокационными целями в коммунистические и профсоюзные организации.

Не с лучшей стороны «коновальщина» зарекомендовала себя и в других странах, где имелись большие скопления украинских поселенцев, – в Канаде, США, Бразилии, Аргентине. Созданная в Канаде в 1928 году с участием Коновальца стрелецкая громада развернула в своих печатных органах пропаганду фашистских идей, а заодно сбор шпионской информации... на случай войны. Как пишет Марко Терлица в книге «Правнуки погані», воодушевленные «подвигами» гитлеровских штурмовиков в Германии, украинские фашисты в Канаде устраивали погромы украинских рабоче-фермерских организаций, уничтожали их помещения, стреляли в дома выдающихся антифашистов. Только что сформированная в 1933 году в Аргентине «Українська стрілецька громада» (с тем, чтобы оправдать надежды, возложенные Берлином) начала свою «деятельность» с разгрома украинского прогрессивного клуба в Буэнос-Айресе.

Тем временем Коновалец неотступно отрекается от каких бы то ни было демократических форм руководства своей организацией, превращается в диктатора, личное усмотрение которого выше каких бы то ни было коллегиально принятых решений. Прежде всего «положен под сукно» устав ОУН («Устрії»), принятый учредительным съездом (Першим Великим Збором) ОУН, обязывавший проводить съезды этой организации каждые два года. Ни в каких съездах Коновалец, ставший «единоличным вождем партии» и марионеткой в руках абвера, не нуждался. Полной нелепостью было бы «вождю партии» и резиденту абвера отчитываться о проделанной работе перед подчиненными и позволить им избирать «провод» ОУН. Вождь сам избирал своих приближенных и удалял неудобных. В числе первых оказались бывшие соратники Коновальца по осадному корпусу – Андрей Мельник, Роман Сушко, Емельян Сеник-Грибивский. Кстати, с Мельником его связывали не только служебные, но и родственные узы: жена Коновальца была

сестрой жены Мельника. А вот бывшие члены Легии украинских националистов – в основном надднепрянцы Кожевников, Костырев, Сциборский – были отстранены от руководства ОУН и обречены на нищенское существование. Дело в том, что Коновалец единолично распоряжался денежными средствами, получаемыми из казны «третьего рейха» и довольно прямолинейно использовал эту возможность в целях упрочения своего положения в ОУН. Он был последней инстанцией, где рядовые оуновцы могли обжаловать принятые им решения. Обращение с жалобами в иные инстанции – в абвер, чиновникам НСДПА – считалось в ОУН покушением на честь и достоинство их «провідника». Недопустимым считалось обращение с жалобами и к самому «провіднику». Бывший «легист» киевлянин Гай Гаевский (настоящая фамилия Жлудский) был изгнан из ОУН только за то, что осмелился написать «провіднику» письмо, в котором указывалось на нераспорядительность референта ОУН Мартынца, причинившего ущерб интересам ОУН во время выселения чешскими властями украинских националистов из страны в 1934 году. Заметим при этом, что Мартынец – бывший адъютант Коновальца в курене сечевых стрельцов.

Действуя подобным образом Коновалец оставлял в рядах ОУН только тех, кто никогда и ни в чем не прекословил ему и умел держать язык за зубами, а на руководящую работу брал лично преданных ему людей, среди которых появлялось все больше авантюристов, непригодных к исполнению возложенных на них функций. Созданное таким путем «единство рядов ОУН» разрушалось изнутри его же «вождем», уверовавшим в свою непогрешимость и незаменимость.

При той системе тотального шпионажа, который пронизывал все звенья немецкого общества, и особенно эмигрантские организации, промахи и злоупотребления Коновальца и его окружения не оставались незамеченными со стороны их немецких хозяев. Их особенно раздражала поставляемая «украинской агентурой» дезинформация о положении в СССР, в которой хвастливо преувеличивались заслуги ОУН «в деле подрыва СССР изнутри». По-иному стал смотреться и сам Коновалец, проваливший агентурную работу в Польше и Швейцарии и выдворенный из этих стран за террористическую деятельность. Ответственный чиновник НСДПА Шикеданц докладывал руководству нацистской партии: «Коновалец не произвел на меня впечатления вождя народа и даже в какой-то мере значительной личности. На мой взгляд, его можно отнести к категории людей посредственных способностей». Все более скептическое отношение к нему сменялось открытым игнорированием. Берлинская «Фольксцайтунг» без всяких обиняков называла «вождем

украинцев», верным последователем Гитлера Рико Ярого. Имя Коновальца даже не упоминалось. О нем снова заговорили лишь после 23 мая 1938 года.

В этот день в Роттердаме (Голландия) Коновалец погиб от взрыва находившегося в его руках пакета со взрывчаткой, который за несколько минут до случившегося он получил от неизвестного человека.

Прибывшие в Роттердам сообщники Коновальца назвали настоящее имя убитого. Высказывались три версии происшедшего. Уже упоминавшийся Юрий Бойко не без основания считал, что больше всех в уничтожении Коновальца заинтересован Советский Союз. В то же время он не исключал заинтересованности других стран. По его мнению, кроме Советского Союза, в уничтожении Коновальца были заинтересованы Польша и Германия. Прежде всего Польша, – писал он. ОУН на западно-украинских землях стала могущественной организацией, которая превратила Галицию в неприступную крепость. На международной арене ОУН изрядно подпортила репутацию Польши. Поляки не могли без скрежета зубного говорить о Коновальце. Гитлеровская Германия также имела намерение уничтожить полковника. Немецкие деятели верили, что после смерти Коновальца его место займет Рихард Ярый. С ним связывали надежду взять ОУН под свою опеку. (Точнее: тверже удерживать в своих руках. – Ред.). Однако наиболее серьезно в борьбу с полковником вступил НКВД...

Что верно, то верно, так как самый ощутимый вред Коновалец, сотрудничая то с польской, то с германской разведками, причинял Советскому Союзу. Коновалец активно готовил своих людей к вооруженному вторжению на Украину вместе с немцами. Он намеревался нелегально прибыть в Украину в 1938 году, чтобы оказать поддержку остаткам националистического подполья, о чем признался советскому разведчику Павлу Судоплатову, вступившему в контакт с Коновальцем от имени легендированного антисоветского подполья на Украине.

В последнюю нелегальную встречу с Коновальцем в Роттердаме Судоплатов ликвидировал последнего, вручив ему взрывное устройство, сработавшее через несколько минут после встречи. Так был исполнен смертный приговор советского суда Коновальцу за всю его террористическую и шпионскую деятельность, включая участие в кровавом подавлении восстания киевских пролетариев против контрреволюционной Центральной рады в январе 1918 года, а также подготовку засылаемых на Украину разведками Польши и Германии шпионов и диверсантов.

Тайну «гибели» Коновальца П.Судоплатов раскрыл лишь после распада Советского Союза в своей книге «Спецорганизации. Лубянка

и Кремль. 1903-1950 годы». Эту книгу, он предварил такими словами: «С риском для жизни [я] боролся против руководства фашистской террористической организации ОУН в Европе и на Западной Украине, против террористов – подручных Гитлера – Коновальца и Шухевича, уничтоживших тысячи моих соотечественников» [4].

И это не только слова, но и напутствие всем, кто сегодня борется против фашизма, поднявшего голову на Украине.

Источники

1. Бойко Ю. Євген Коновалець і Середньо-Східні землі. 1946
2. Вінніченко В. Відродження нації. 1920
3. Коновалець Є. Причинки до історії української революції. 1930
4. Судоплатов П. Спецоперації. Луб'янка и Кремль. 1905-1950 год. – 1999.

Андрей Мельник

Биография Андрея Мельника мало чем отличается от биографии Коновальца. Они вместе командовали сечевыми стрельцами на Украине в 1917-1919 гг. Родился А.Мельник 12 декабря 1890 года в состоятельной крестьянской семье на Дрогобычине. Отец Андрея Атанас был образованным человеком в селе, поскольку окончил сельскую школу. В 19 лет он, имея хороший голос, поступил в Дьяконский институт в городе Перемышль и окончил его за год. В своем селе он считался интеллигентом, работал на земле и чаровал прихожан в церкви своим баритоном. Он был знаком с И.Я.Франко и симпатизировал его взглядам. Женился Атанас Мельник в 1889 году на Марии Коваль, а через год у них родился сын Андрей. Любили они его. Но на шестом году жизни мать умирает от туберкулеза. Отец женился на вдове, и она полюбила сына. Андрей рос, учился в школе, затем в гимназии в Дрогобыче, был первым учеником. Но, когда он учился в пятом классе, умер отец. Мачеха вышла замуж, и отчим полюбил мальчишку.

После окончания гимназии Андрей в 1912 году поступил в Венскую Высшую земельную школу (Академия фюр Боденкультур) и скоро стал образцовым студентом. Он весьма компетентно разбирался в литературе, изобразительном искусстве, музыке. Андрей любил природу. В изучении животных и растений видел

смысл своей жизни. Был асом в своей профессии – лесного инженера. Что касается его политического мировоззрения, то оно формировалось под влиянием Евгения Олеспицкого, галицкого политика, многолетнего депутата Венского парламента.

В 1914 году началась Первая мировая война, и Андрей Мельник добровольцем вступил в состав украинских сечевых стрельцов. Хотя по комиссии он был признан негодным к службе, но добился своего – служил, командовал четой, затем сотней. В сентябре 1916 года в бою за Бережаны в Карпатах попал в русский плен. Ему пришлось совершить огромный путь по маршруту Киев – Пенза – Царицын. Андрей Мельник сошелся с хорунжим австрийской армии Е.Коновальцем, с которым был одинаковых политических взглядов и они поклялись друг другу в верности [1].

Когда в России произошла февральская буржуазно-демократическая революция, А.Мельник и Е.Коновалец организовали группу украинцев и бежали в Украину.

В Киев они прибыли 13 января 1918 года, где в то время формировался Галицко-Буковинский курень, который был преобразован в полк сечевых стрельцов. Командиром полка стал Е.Коновалец, а Мельник его заместителем. Их старшим военачальником стал Симон Петлюра. Как отмечал сам Мельник, удержание столицы в их руках в течение двух кровавых недель января 1918 года скрепило их дружбу с Коновальцем кровью расстрелянных повстанцев. Именно Мельник отдал приказ командиру дивизии полковнику Бизанцу подавить восстание рабочих на заводе «Арсенал». И это произошло в тот момент, когда у арсенальцев не стало продовольствия и воды, кончились патроны и снаряды. Петлюровцы ворвались на территорию завода и учинили кровавую расправу над восставшими, расстреляв более 400 рабочих «Арсенала». Всего же в ходе кровавого подавления было уничтожено более 1500 рабочих [2].

Позже, в ноябре 1918 г., А.Мельник отличился в сражении с немцами под Фастовом. Именно тогда Петлюра присвоил Мельнику чин полковника, которым он гордился всю жизнь. Тогда же А.А.Мельник стал начальником штаба действующей армии Симона Петлюры [1].

В декабре 1919 года Мельник заболел тифом, в связи с чем был отправлен на лечение в Ровно. После выздоровления он был назначен контролером военных миссий УНР за границей, где и закончилась для него война [1; 3].

В 1920 году полковник Коновалец с участием Мельника и других галичан в Чехословакии создал Украинскую военную организацию, декларирующую своей целью продолжение борьбы против польской оккупации. В 1922 году УВО насчитывала 2000 членов и получала финансовую помощь от западноукраинских партий. К этому времени УВО установила связи с немецкой разведкой, за что ей выплачивалась дотация в сумме 9000 рейхсмарок ежемесячно [3, с. 543; 4].

А.Мельник возвратился в Галицию. До этого он сумел окончить учебу в Высшей земельной школе. Все это время он поддерживал тесную связь с Коновальцем, о чем стало известно польской полиции. А.Мельник выполняет ответственные поручения Е.Коновальца и вскоре становится краевым комендантом УВО. 10 апреля 1924 года Мельник был арестован по делу члена УВО Ольги Басараб, замученной польской полицией. Мельник получил 4 года тюремного заключения и вышел из тюрьмы в конце 1928 года. 28 февраля 1929 года он женился на сестре Андрея Шептицкого, был знаком с князем-консортом Люксембурга Феликсом [1; с. 98; 5].

Бандеровские верховоды с подозрением относились к Мельнику. Возглавляемый полковником Мельником ПУН, – писал П.Мирчук, – решил сделать ставку на немецко-гитлеровскую карту. В своей нынешней работе в Германии ОУН поддерживала контакты с военными немецкими кругами («Вермахт»).

Антисоветскую, профашистскую политику украинских националистов всячески поощряли и поддерживали греко-католическая церковь и митрополит Андрей Шептицкий.

И хотя Центральный провод ОУН находился в Берлине, Шептицкий регулярно получал информацию о положении в ОУН и поощрял Коновальца, а после его смерти и Мельника. Апостольский визитатор униатских парафий в Германии Петр Вергун утверждал: «Руководство греко-католической церкви поддерживало тесную связь с ОУН и в контакте с нею вело активную антисоветскую работу. По указанию А.Шептицкого я, находясь в Берлине, поддерживал контакты с Евгением Коновальцем, не раз посещал его квартиру, встречался с ним в церкви... После смерти Коновальца (1938 год) я поддерживал контакты с А.Мельником... Я детально информировал Шептицкого о положении в организации. Сообщал митрополиту, что руководители ОУН находятся на службе у немецкой разведки в интересах Германии [6].

Известно, что в 1933 году после переговоров Коновальца с Гитлером, Герингом и Розенбергом, был создан так называемый «Военный штаб», в состав которого вошел и А.Мельник в качестве

руководителя. 4 августа 1937 года А.Мельник встретился с Е.Коновальцем в районе Ширбского озера. Коновалец предложил ему выехать за границу и стать его заместителем. Для этого необходимо было провести Великий Собор ОУН и на нем все оформить. Однако 23 мая 1938 года А.Мельник получил от митрополита А.Шептицкого известие о гибели Коновальца, в связи с чем он в октябре 1938 года выехал из Берлина в Вену, где был объявлен главой провода украинских националистов [1, с. 100, 101].

После этого Мельник проживал в Бельгии, где работал инженером. В начале 1941 года он переехал в Берлин и продолжал усердно служить интересам германского фашизма. Он создал ряд специальных школ, в которых обучали методам совершения диверсий и террористических актов и т.п. А.Мельник стал агентом абвера под кличкой «Консул I».

В целях максимального использования украинских буржуазных националистов в своих интересах, германская разведка незадолго до нападения на Советский Союз инспирировала раскол в ОУН, используя неприязнь между ее лидерами А.Мельником и С.Бандерой, появившимся к тому времени в Кракове после освобождения немцами из польской тюрьмы.

Борьба между главарями ОУН велась, прежде всего, за главенство в этой организации и монопольное право выступать перед фашистскими властями в качестве «единственного» представителя националистического движения. Ради этого националисты совершали убийства своих оппонентов, захватывая друг у друга помещения, транспорт и т. п.

Нацисты были заинтересованы в расколе, посредством которого они получили возможность крепко держать оуновцев в своих руках и эффективнее использовать их в своих целях [7].

Раскол в ОУН привел к тому, что одну из фракций украинских националистов, возглавляемую А.Мельником, гестапо прибрало к своим рукам. Мельниковцы активизировали свою работу в националистических организациях «Луги» и «Пласт». 28 апреля 1940 года А.Мельник выезжал в Холм (Польша), где информировал свой актив о формировании войсковых подразделений из числа украинских националистов. Условием формирования этих «подразделений» немцы поставили «полное и безупречное признание ОУН всех распоряжений гитлеровских чиновников в проведении разведывательной работы в интересах рейха».

Летом 1940 года Мельник в своей берлинской штаб-квартире издал приказ руководителям организаций «О подготовке к созданию вооруженных сил ОУН». В нем отмечалось, что «обеспечение оружием,

боеприпасами, обмундированием и продовольствием будет осуществляться интендантством немецкой армии». Как отмечал один из ближайших помощников А.Мельника петлюровский генерал Капустянский, за полгода до начала войны мельниковцы начали готовить «военные отряды» [6, с. 183-186].

А.Мельник был инициатором создания «походных групп» ОУН. Их обучение велось в условиях строгой секретности. Каждая из «походных групп» была разбита на отдельные подгруппы, которым предписывалось вступать в конкретные города и населенные пункты, оккупированные фашистской армией. Например, южная «походная группа» была разделена на 6 подгрупп, каждая из которых должна была вступать в один из захваченных городов: Одессу, Кривой Рог, Запорожье, Никополь, Николаев, Херсон. Стараясь заслужить похвалу фашистских покровителей и урвать кусок пожирнее, ОУН-мельниковцы стали усиленно готовить из числа своих единомышленников военные кадры для будущих формирований, а точнее для карательных отрядов, прошедшие курсы в спецшколах Баварии [8].

При участии «походных групп» в октябре 1941 года в Киеве была образована Украинская национальная рада (УНР) во главе с профессором Н.Величковским. В декабре УНР была преобразована в Украинский общественный комитет без политических функций. Однако гестапо не спало. Оно арестовало и расстреляло более 40 ведущих членов ОУН-мельниковцев, закрыло газету «Украинское слово». Со временем нацистская власть уничтожила мера Киева В.Багазия, изгнала из органов управления, полиции националистических украинцев [3, с. 70].

Деятельность «походных групп» сводилась, в основном, к выполнению функций вспомогательного оккупационного аппарата на захваченной территории. Таким образом, оуновцы-мельниковцы, торгуя долей Украины, помогали немецко-фашистским захватчикам. Как отмечал нацистский генерал Лахузен, А.Мельник маневрировал, но беспрекословно выполнял поручения Берлина. В одном из обращений к украинскому народу он провозглашал: «Украина! В немецких войсках мы видим, что под руководством Гитлера прогнали большевиков с Украины. Мы обязаны им сознательно и организованно помогать в крестовом походе против Москвы, несмотря ни на какие трудности. Дух Михновского, Петлюры, Коновальца уже указывает нам путь окончательной победы».

14 ноября 1942 года А.Мельник, находясь в Берлине, подписал вместе с А.Шептицким, А.Левицким, Н.Величковским, М.Омельяновичем-Павленко письмо Адольфу Гитлеру. В нем говорится: «Мы заверяем вашу экциленцию, что руководящие круги на Украине готовы к самому тесному сотрудничеству с Германией, чтобы общими силами немецкого и украинского народов проводить борьбу против общего врага и чтобы фактически осуществить новый порядок на Украине и во всей Восточной Европе [9].

6 февраля 1943 года с благословения митрополита А.Шептицкого А.Мельник, как руководитель ПУН, шлет послание своим хозяевам, в частности, на имя генерала-фельдмаршала В.Кейтеля: «Кажется пришло время включить Украину в антибольшевистский фронт. Необходимо сформировать боеспособное украинское войско. Надеемся, что проблема формирования украинских вооруженных сил в том виде, в котором мы тут изложили, найдет у Вас, господин генерал-фельдмаршал, надлежащее понимание и внимание. Украинские верноподданные и, прежде всего, военные круги, готовы к разрешению этого вопроса, которому мы во имя победоносного окончания борьбы с Москвой придаем огромное значение, стремимся принять участие и отдать себя в распоряжение Верховного командования вооруженными силами» [9].

Действительно, Гитлер разрешил украинским националистам создать дивизию СС «Галичина». В ее составе насчитывалось 15299 человек. Но после «Бродовского котла» в ней осталось около 3000 человек. В начале марта 1945 года была восстановлена дивизия СС «Галичина» во главе с командиром П.Шандруком. Мандат он получил с согласия А.Мельника и С.Бандеры [10].

После окончания войны А.Мельник, благодаря сохранению руководящих кадров, возобновил деятельность в Западной Германии, Франции, Австрии. Основная часть мельниковцев осела в Мюнхене. Здесь же остановился и сам А.Мельник. В конце 40-х годов центр мельниковцев переместился в Париж, появились зарубежные части в Нью-Йорке.

В противовес бандеровскому антибольшевистскому блоку народов мельниковские главари организовали так называемый «Интернационал свободы», который, по их замыслу, должен был объединить осевшие на Западе контрреволюционные элементы из стран Восточной Европы в единый антикоммунистический фронт. В 1948 году «Интернационал свободы» влился в состав АБН [10, с. 63; 11].

Основная деятельность мельниковцев сводилась к выполнению поручений новых империалистических стран. А жизненный путь А.Мельника окончился 1 ноября 1964 года в Люксембурге, где он и похоронен.

Источники

1. Спогади про Андрія Мельника. Збірник статей, б.р. – С. 87-99. Енциклопедія українознавства. – Львів, 1994. Т.4. – С.1515.
2. Історія української РСР. – К., 1967. – С. 217, 218.
3. Субтельний О. Україна. Історія. – К., 1993. – С.543.
4. Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С. Украинский фашизм. – К., 2004. С.11.
5. Енциклопедія українознавства. 1955. Т.1. – С. 96.
6. Дмитрук К. Безбатченки. – К., 1980. С. 96
7. Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С. Без срока давности. – Харьков. 2001, – С. 93.
8. Михайлинюк И., Химчук И. Не можна мовчати. – К., 1962.– С. 4; 5.
9. Ткаченко Г.С., Войцеховский А.А. Документы изобличают. – К., 2005.
10. Ткаченко Г.С., Войцеховский А.А., Ткачук А.В. Документы изобличают. – К., 2004. С. 95.
11. Чуев С. Проклятые солдаты. – М., 2004. – С. 367.
12. Стецько Я. Антибільшовицький блок народів. – С. 427-429.

Степан Бандера

В украинском народе бытует предание, от которого стынет кровь. Это предание о нечеловеке Марко, который любил питаться живой кровью и однажды, не дрогнув, он вырвал сердце из груди своей матери. Зверя этого народ назвал Марком Проклятым. Предание преданием, но мало кто поверит, что в действительности мог быть такой человек. Однако был. Его имя – Степан Бандера.

Этого патологического убийцу и убежденного фашиста «новые демократы» в Украине восхваляют как «бесстрашного борца» за высшие интересы украинской нации, «бес-компромиссного революционера» и т. п.

Чем же прославился этот с детства болезненный человек? Что было его жизненным кредо?

Имя Бандеры прежде всего ассоциируется с кровавыми злодеяниями украинских националистов на западно-украинских землях. Оно неотделимо от терроризма и предательства, всего самого гнусного, что творилось на Украине в те годы.

С самого начала своей политической карьеры Бандера формировался как политический террорист. Идеология фашизма была созвучна с его собственными убеждениями, которые он впитал из работ идеолога украинского национализма Д.Донцова. Его кредом стали слова Донцова: «Целью украинской национальной революции является «установление

преимущества для своей расы, своих обычаев, своей веры и борьбы» По его «учению» все народы делятся на две категории: дружественные и враждебные. К последней он относил русских-москалей, поляков-ляхов, евреев-жидов. Он их ненавидел всеми фибрами своей души.

Родился Степан Бандера 1 января 1909 года в селе Угрине Старом бывшего Калушского уезда в Прикарпатье, в семье греко-католического священника Андрея Бандеры и Мирославы Глодзинской, родители которой также были униатами. Детские годы Степана прошли в отцовском доме, в котором висели портреты гетманов Украины Ивана Выговского, Михаила Дорошенко, Ивана Мазепы, а между ними Христос в казацких шароварах с желто-голубыми лентами. С молитвами отца Степан усвоил школу ненависти к трудовому народу, к «чужим» народам и нациям [1].

Осенью 1919 г. Степан начал учиться в Стрыйской гимназии, закончил ее в 1927 г. Хотел поступить в Украинскую хозяйственную академию в Подебрадах, но в полиции этот низкорослый юноша уже был «замечен» и иностранного паспорта не получил. В 1928 г. он едет во Львов и записывается на агрономический отдел Высокой политехнической школы. Проучился восемь семестров, но дипломного экзамена не сдал. Из-за политической деятельности. Как писал позже Бандера, «самое большое время и энергию, я отдавал в студенческие годы революционной, национально-освободительной деятельности. Она пленяла меня все больше, отодвигала на второй план даже окончание учебы». Находясь во Львове, Бандера вступил в Украинскую военную организацию Евгения Коновальца (УВО) и отдался ей всем своим естеством. Дело в том, что Бандера имел возможность вести беседы с Е.Коновальцем, который был лично знаком с Адольфом Гитлером, на темы революционно-освободительной борьбы и увлекся ими. В Украинскую военную организацию входили представители кулачества и мелкой буржуазии. Идеология Организации украинских националистов (ОУН) формировалась в период распространения фашистского движения в Западной Европе. В 1930 г. Бандера стал деятельным членом ОУН, усвоил ее идеологию [2]. Как писал один из теоретиков ОУН А.Андриевский, «наш новейший национализм не является следствием усилий украинского ума, а именно продуктом итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. Основание такого увлечения подготовил Донцов» [3]. Честолюбивый недоучившийся агроном, не имевший еще никаких заслуг перед движением, поставил своей целью

вывести из руководства ОУН Е.Коновальца. И он активизирует свою деятельность, входит в руководство «Краевой экзекутивы». Под его руководством осуществляются дерзкие разбойные нападения на почтовые отделения и специальные автобусы, перевозившие значительные суммы денег. Таким путем добывались финансовые ресурсы для организации. Были осуществлены вооруженные нападения на еврейский «Народный банк» в Бориславе и банковские конторы во Львове, Стрые, Трускавце и других галицких городах [4].

В 1932-1933 гг. С.Бандера стал заместителем и руководителем Краевой экзекутивы, комендантом УВО. Под его руководством осуществляются резонансные политические акции. Среди них убийство депутата польского сейма Тадеуша Голувко, комиссара полиции Львова Емельяна Чеховского. Бандера был организатором убийства секретаря советского консульства во Львове Андрея Майлова. Всем этим он заслужил доверие будущих европейских хозяев. Для совершенствования своей «профессии» он побывал в Берлине и вернулся оттуда агентом гитлеровских спецслужб под кличкой «Серый». Побывал и в Италии, где прошел полный курс мастера «черных дел» в специальной школе террористов [5].

Полученные знания способствовали выделению Бандеры среди националистов молодого поколения. Свидетельством тому является поведение Бандеры на судебном процессе 1936 г. по делу об убийстве министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого. Бандера вел себя, «как герой» – развязно и заслужил высшую меру наказания – смертную казнь, которую польский суд заменил на пожизненное заключение. Срок наказания отбывал в тюрьме, откуда освобожден в 1939 г. в связи с оккупацией Польши нацистской Германией. За это время в руководстве ОУН произошли значительные изменения. После смерти Е.Коновальца организацию возглавил триумвират в составе Барановского, Сциборского и Сеника-Грибовского, а 27 августа 1939 г. в Вене Сбор ОУН избрал руководителем ОУН Андрея Мельника [6].

В 1939 г., в связи с воссоединением западноукраинских земель с Советской Украиной, многие украинские националисты бежали через временную демаркационную линию в Польшу, оккупированную гитлеровцами. А на захваченных территориях фашисты выпустили из тюрем всех своих приверженцев, в том числе оуновцев. Бандера понял, что на таких, как он, имеется спрос. В связи с подготовкой фашистской Германии к войне против Советского Союза, Бандера поднял бунт

против Мельника, которого объявили малоинициативным и непригодным к руководству ОУН.

Однако Мельник воспротивился авантюризму Бандеры и остался на своем посту вождя провода украинских националистов (ПУН). Бандеру и Мельника принял начальник 2 отдела абвера полковник Штольце. Однако примирения между вождями ОУН не состоялось. В конце концов, шеф абвера Канарис остановился на кандидатуре Бандеры. Ему была поручена организация антисоветских выступлений на территории Западной Украины. Для этого Бандере была выделена громадная сумма денег для финансирования оуновского подполья. Эти деньги Бандера перевел на свой счет в один из швейцарских банков, откуда они были изъяты и снова возвращены Бандере [7].

Бандера неумоимо рвался к власти. Он подался в Вену, где имелся большой круг юных оуновцев, которые поддерживали Степана Бандеру. Бандеровцы обвиняли мельниковцев в бездеятельности и в гибели Е.Коновальца и потребовали «революционного суда» над ними. Мельниковцы, в свою очередь, оценивали действия бандеровцев как авантюристические и провокационные и требовали расправы над ними.

10 февраля 1940 г. в Кракове состоялась конференция сторонников Бандеры, на ней было объявлено о создании «главного революционного трибунала» и «службы безопасности». Новосозданный трибунал тут же вынес смертные приговоры многим мельниковцам. И полилась кровь. За сравнительно короткое время было ликвидировано 400 мельниковцев и более 200 бандеровцев. В числе жертв бандеровского террора оказались основатели ОУН Николай Сциборский, Емельян Сенник-Грибовский, Роман Сушко и др.

В апреле 1941 г. сторонники С.Бандеры созвали в Кракове новый «большой сбор». Он провозгласил Степана Бандеру руководителем ОУН. Основные решения этого сбора сводились к следующему: устранение большевистского режима на Украине; углубление связей ОУН с государствами-противниками коммунизма (Германией, Италией и Японией); воспитание и подготовка кадров ОУН, в том числе военных; координация действий ОУН с немецкой армией в тылах Красной Армии. В программе бандеровцев четко прослеживалось влияние нацизма: ее главный тезис «Украина для украинцев». Бандеровцы ввели гитлеровскую атрибутику: приветствие – поднятием руки со словами «Слава Украине!» и ответом «Героям слава!». Бандеру величали фюрером. Таким образом бандеровцы обрели те же атрибуты, что и гитлеровский нацизм.

Своими кровавыми притязаниями бандеровцы даже превосходили германских фашистов [9].

На этом же бандеровском сборище был принят программный документ ОУН-б под названием «Політичні, військові та пропагандовні вказівки для членів ОУН». Во вступительной части этого документа, под которым стоит подпись С.Бандеры, сказано: «ОУН использует войну против СССР для развертывания борьбы за Украинскую Соборную Самостийную державу (УССД). Она борется за суверенную тотальную власть украинского народа на украинских землях». Как предусловие к осуществлению этой цели, объявлялась война «всем враждебным национальным меньшинствам в Украине: «москалям», «жидам», «полякам». Их, как сказано в «вказівках», «следует уничтожать, в первую очередь уничтожать интеллигенцию этих наций...» [10].

Вполне понятно, что накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз гитлеровцы считались с главарями ОУН, несмотря на то, что последние враждовали между собой. Мельник и Бандера ежегодно получали от немецкого правительства 2-2,5 миллиона марок. Бандере удалось создать собственные национальные подразделения и в начале 1941 г. приступить к формированию специального батальона «Нахтигаль» («Соловей»); затем был создан такой же батальон «Роланд», куда вошли не только бандеровцы, но и мельниковцы [11].

В марте 1941 г. состоялась встреча представителей Абвера и штаба Бандеры, на которой обсуждались условия сотрудничества. Гитлеровцы планировали использовать националистов в качестве орудия для достижения своей цели. Прежде всего, для этого предназначались спецбатальоны «Нахтигаль» и «Роланд» и походные группы численностью до 6 тыс. человек.

Батальон «Нахтигаль» 18 июня 1941 г. был одет в форму гитлеровского вермахта и прибыл в район Родимоного, вблизи советской границы. Его привели к присяге: убийцы на кресте и евангелии поклялись в верности Адольфу Гитлеру. Затем часть батальона, переодетая в красноармейскую форму, была переброшена во Львов в тот момент, когда советский арьергард оставил город, а немецкие войска находились в походе к городу. За это время политкомиссар батальона «Нахтигаль» Оберлендер со своими «соловьями» должен успеть уничтожить видных людей города согласно черному списку Бандеры. За первую неделю июля было уничтожено более 3000

граждан, среди которых было много выдающихся деятелей науки и культуры [12].

30 июня 1941 г. во Львове бандеровцы осуществили фарс провозглашения «украинської державності». Я.Стецко прочитал «Акт о возобновлении украинской государственности». В.Кук объявил приказ руководителя ОУН С.Бандеры о назначении Я.Стецко главой украинского правительства. Здесь же присутствовал и выступил гитлеровский ставленник Эрих Кох, раздавались здравицы в честь руководителей Германии, в действительности ни о какой «самостоятельности» Украины даже в форме какой-то опереточной автономии или протектората не могло быть и речи. Гитлеровская служба безопасности быстро сообщила в Берлин о случившемся. В ответ поступило указание Гитлера «ликвидировать эту банду». 2 июля 1941 г. начались аресты. 5 июля оккупанты разогнали самозванное правительство Я.Стецко, а затем арестовали самого С.Бандеру с сообщниками, перевезли его в Краков, а затем в Берлин. Здесь он был освобожден, имел встречи с гитлеровцами, убеждал их, что «Германия никогда не победит Россию без помощи Украины». Гитлеровцы требовали отречения от акта провозглашения украинской государственности – Бандера и Стецко хотя и не соглашались с этим на словах, на деле подчинились требованиям хозяев, за что им, ценным агентам абвера, была сохранена жизнь. Бандера и Стецко были водворены в концлагерь Заксенхаузен. Они содержались отдельно от узников, обреченных на смерть, в так называемом Целенбау.

Здесь их навещали старые немецкие знакомые. 1 октября 1943 г. с ведома С.Бандеры было направлено открытое письмо губернатору Галиции Отто Вехтеру (в копии Геббельсу, Гиммлеру, Кейтелю и Франку). В нем они заявляли, что являются верными союзниками гитлеровской Германии. Кто говорит о негативном отношении бандеровцев, тот врет. В письме имелись даже угрозы. Такой тон письма раздражал гитлеровцев. Вехтер, получив письмо, дал приказ арестовать братьев Бандеры Василия и Александра. Их арестовали и отправили в концлагерь, где они и погибли [13].

За время пребывания Бандеры в концлагере произошли коренные изменения на советско-немецком фронте. Советская Армия наносила удары по противнику на всех фронтах. В этих условиях гитлеровцы вспомнили и о Бандере. 25 сентября 1944 г. С.Бандеру и его сообщников освободили из концлагеря Заксенхаузен. Он был принят лично Гиммлером. С.Бандера принялся руководить подпольной

деятельностью своей организации ОУН-б, чем раскрыл тайну своего сотрудничества с немцами. Об этом свидетельствуют письма Бандеры, которые доставил в начале 1945 г. в штаб Шухевича офицер абвера Кирн, переброшенный через линию фронта на немецком военном самолете с группой бандеровцев [14]. Бандера участвует в переговорах с немцами по вопросу образования «Украинского национального комитета» (УНК). 12 января 1945 г. УНК был создан. После окончания войны С.Бандера до 1948 г. прятался в Берлине, Инсбруке, Зеефельде, Гильдегате, затем с 1954 по 1959 г. в Мюнхене. Пользуясь услугами гитлеровской военной разведки, обосновался здесь надолго. Тем временем бандеровцы, возглавляемые Романом Шухевичем, до начала 50-х годов противостояли Советской власти в западных областях, развязав кровавый террор против представителей и активистов новой власти [15].

Что касается Бандеры, то он лез из шкуры, чтобы откреститься от сотрудничества с гитлеровскими спецслужбами и доказать, что бандеровцы вели борьбу якобы на два фронта – против гитлеровцев и советов.

Поселившись в американской и английской зонах Германии, бандеровцы не подвергались никаким преследованиям. Так, например, в Баварии было более 80 лагерей, в которых прятались от справедливого наказания каратели и кадровые оуновцы, бежавшие из Украины. Они скоро нашли общий язык с англоамериканскими органами разведки. Благодаря этому уже 31 октября 1945 г. в городе Ашаффенбурге с согласия главного штаба американской армии было создано Центральное представительство украинской эмиграции в Германии, которое осуществляло контакты с украинскими националистическими организациями в США и Канаде. В сентябре 1951 года Бандера, Лебедь и Гриньох предприняли попытку прибрать к своим рукам унеэровское «правительство». Однако понесли поражение. Неудача этой акции заставила Бандеру пойти на мировую и сообщить американцам через П.Шандрука и своих сторонников Я.Стецко и Д.Донцова, которые вели переговоры с польским генералом Андерсом, об «общем фронте» бандеровцев с «Армией Крайовой». По словам Бандеры, Андерсон поставил условием этого сотрудничества будущее присоединение к «свободной Польше» Волыни, Полесья и Белоруссии. Западным областям Украины был обещан статус «автономии в границах «Нового польского государства» [6].

С того времени Бандера постоянно сотрудничает с английской разведкой, поставляет для ее нужд своих людей, инструктирует готовящихся к заброске на территорию Украины агентов. В бандеровской ОУН возникла оппозиционная группа во главе с Лебедем. Она выступала против Бандеры, который дискредитировал себя и своих однопартийцев сотрудничеством с гитлеровцами и тяжкими преступлениями.

Оппозиционеры переметнулись к так называемому «Заграничному представительству украинского главного освободительного совета» (ЗП УГВР), которое распространяло информацию о том, что ведет борьбу на родных землях за «самостийное» украинское государство.

Лебедь и К° продолжали разоблачать преступления Бандеры с позиций «защитников родного края». Бандера ответил на это исключением из ОУН Лебеда, Гриньоха, Охримовича, М.Ребета и Д.Ребета, угрожая им физическим уничтожением. Несогласия между Бандерой и «модернизаторами» из ЗП УГВР были тактическими в трактовании понятия «Демократия». Оппозиционеры считали ошибочным афиширование оуновцами враждебности к демократии. Они приняли решение, в котором сказано: «Бандера считал, что ОУН не может стоять за демократию... Только под видом демократических принципов в своей практической деятельности мы (ЗП УГВР) сможем привлечь на свою сторону и не тянуть в прошлое, от чего народ давно отказался».

Основной причиной очередного раскола оуновского лагеря были не какие-либо идеологические, идеологически-программные или политические расхождения, а борьба за право быть единственным репрезентантом «интересов Украины» перед иностранными разведками, подобно тому, как основной причиной первого раскола оуновского лагеря была грызня за право репрезентации таких же «интересов» перед гитлеровцами.

Сейчас речь шла о новой ориентации на новых хозяев, которые придерживались стратегии и тактики «холодной войны». Верховоды ЗП УГВР делали все возможное, чтобы установить сотрудничество с американской разведкой, а для этого необходимо было устранить с политической арены Бандеру и К°.

28 декабря 1953 г. Бандера подписал соглашение с оппозицией под названием «План и некоторые уточнения деятельности временного руководства ЗЧ ОУН – база действия коллегии уполномоченных», которым Бандера фактически был отстранен от руководства ЗЧ ОУН [16, с. 196-202]. Все это стало следствием того, что сама жизнь показала бесперспективность террористической деятельности. Среди рядовых членов ОУН росло недовольство своим руководством, которое жило

старыми представлениями и не вписывалось в новые реалии жизни. Падал авторитет С.Бандеры, в ОУН вызрел кризис. Дело дошло до того, что оппозицию возглавил заместитель Бандеры, руководитель службы безопасности Н.Лебедь. Бандеру и некоторых его сторонников открыто обвинили в том, в чем они в свое время обвиняли мельниковцев. Как отмечал один из авторитетов оуновского движения Лев Ребет, Бандера и Стецко «психологически не восприняли решений ОУН, которые вырабатывались в борьбе и труде во время их отсутствия. Окружение Бандеры сознательно, неверно и демагогически определяло их как отклонение от программы ОУН в сторону большевизма. По линии отрицания политики и программы ОУН на Украине шло формирование эмигрантской группы С.Бандеры, ядро которой составляли люди, которые не были причастны к деятельности ОУН во время войны.

Положение в ОУН определил один из членов провода ОУН М.Матвиейко такими словами: «Уже давно не было тайной, что основной причиной раздоров, которые привели к расколу националистического лагеря, были не какие-то идеологически-программные или политические различия: камнем преткновения была борьба за право стать первым и единственным представителем интересов Украины... Часть руководства организации, которая давно относилась отрицательно к Бандере, присоединилась к Лебедю, другая половина (Стецко и Ленкавский) осталась верной Бандере до конца. Бандера все больше напоминал генерала без армии, хотя до конца стремился влиять на ход событий» [17].

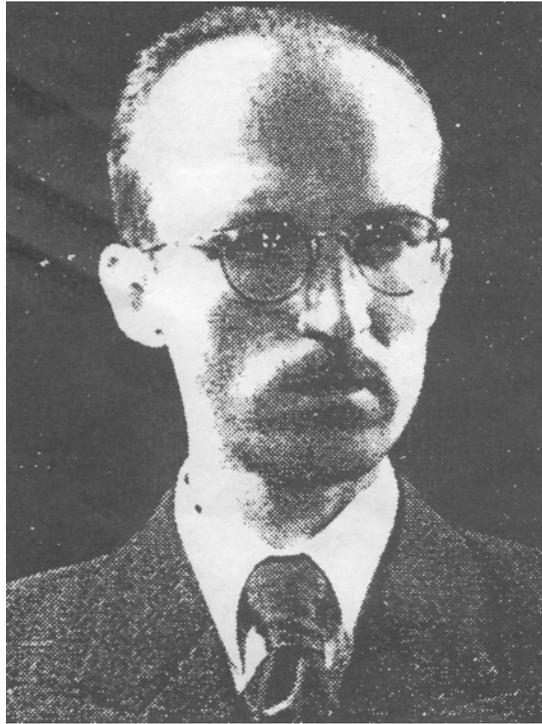
15 октября 1959 года Бандера неожиданно умер. Его бездыханное тело было обнаружено на лестничной клетке дома, в котором он жил в Мюнхене. Врачи констатировали смерть от инфаркта. И лишь через два года, когда с повинной явился к немецким властям некий Сташинский и заявил, что он убил Бандеру специальным устройством с цианистым калием, стала понятной причина смерти проводника ОУН. Сташинский признался, что до Бандеры таким же способом убил его бывшего соратника Левка Ребета. Германская юстиция расценила признание Сташинского обстоятельством чрезвычайной важности и назначила ему наказание за двойное убийство (!) в виде 8 лет лишения свободы. Но и этот срок показался чрезмерно большим: Сташинский был освобожден от тюремного заключения по отбытии четырех лет. Вскоре он получил право на проживание в США, куда выехал вместе с семьей.

Трудно судить по каким основаниям германская юстиция оказалась столь снисходительной к Сташинскому: то ли потому, что он заявил на суде о том, что убил Ребета и Бандеру по заданию КГБ, то ли потому, что состоял в ОУН, где за убийство человека наказывают лишь немногих, действующих не по правилам, и не тех, кого нужно, то ли сочла личности погибших проводников ОУН персонами, заслуживающими расплаты за все совершенные ими преступления. А они были чудовищными: на их совести сотни тысяч загубленных жизней, неисчислимы бедствия людей, попавших в руки бандеровских палачей и преследуемых бандеровской жандармерией и службой безопасности.

Они вполне заслуживали такого же наказания, как и Эйхман, казненный израильским судом за истребление евреев в годы Второй мировой войны. Так что оплакивать их смерть будут немногие.

Источники

1. Збірка публікацій про Степена Бандеру – на 640 стор. Закордонне видання ОУН-р.
2. Степан Бандера. 1909-1989. – Торонто, Нью-Йорк, Мюнхен, Лондон. 1989. – С. 3-8.
3. Степан Бандера. Перспективи української революції. – Дрогобич, 1998. – С. 5-8; Гордусевич С. Степан Бандера. Людина і міф. – К., 2000. – С. 43-44.
4. Дмитрук К. Безбатченки. – К., 1980. – С. 9.
5. Довгань В. Кем был Бандера? //Правда Украины. 1990, 13-19 декабря.
6. Дубина М. Народ не забуде, не простить. – К., 1976. – С. 216.
7. Історичні портрети: Махно, Петлюра, Бандера. – К., 1990. – С. 24.
8. Римаренко Ю.І. З ким і проти кого. – К., 1983. – С. 293-294.
9. Історичні портрети: Махно, Петлюра, Бандера. – К., 1990, – С.25.
- 10.Радянська Україна. – 1990. – 26 грудня.
- 11.Русначенко А. Народ збуджений. – Київ, 2002.
- 12.Радянська Україна. – 1990. – 16 жовтня.
- 13.Даниленко С.Т. Дорогою ганьби і зради. – К., 1972, – С.144.
- 14.Дмитрук К. Безбатченки. – К., 1980, с. 193-194; Визвольний рух 2001, №7, с.48 История Украинской ССР, т.8, – С. 104; Радянська Україна, 1990, 16 жовтня.
- 15.Радянська Україна. – 1990. – 16 жовтня.
- 16.Даниленко С.Т. Доргою ганьби і зради. – К., 1972. – С. 242.
- 17.Радянська Україна. – 1990. – 18 жовтня.
- 18.Римаренко Ю.І. З ким і проти кого. – К., 1983. – С. 170-196.
- 19.Хто є хто. Політичні портрети. – К., 1991. – С.73-74.

Ярослав Стецко

Как ни странно, но об этом активном бандеровце почти ничего не написано. Почему? Ведь зарубежные националистические газеты его очень высоко ценили. Например, канадская «Гомін України» 3 сентября писала: «Своим огромным жертвенным трудом Ярослав Стецко поставил себя на уровень с такими историческими деятелями, как Хмельницкий и Мазепа, Петлюра и Коновалец, Чупринка и Бандера».

Чем же прославился этот оуновский «вождь»? Ответ дают его жизненные пути-дороги.

Ярослав Стецко родился 19 января 1912 года в городе Тернополе в семье священника. Люди, знавшие Ярослава, говорили, что он был наделен большим умом: уже во время учебы в школе отличался необычными интеллектуальными способностями. В Тернопольской гимназии был первым, выпускные экзамены сдал с отличием. Идеи Михновского, Донцова с «Литературно-научным вестником» последнего затемнили душу молодого Ярослава. Сам Я.Стецко в свое время писал: « Я верю в победу так сильно, что могу умереть. С этого пути меня не свернет никто и ничто, ни истязания, ни ад тюрьмы, ни смерть».

Во что же он верил? Как он сам писал: «В соборную, независимую Украину!»

В 1933 году он закончил гимназию. С перерывами учился в Краковском и Львовском университетах: изучал право, философию и социологию. Однако студенческая парта, библиотека, да и сама наука не привлекали молодого Ярослава. Уже в 1929 году он вступил в Организацию украинских националистов и с головой окунулся в пучину антисоветской борьбы и быстро стал продвигаться по руководящей лестнице. В двадцать лет он уже член Краевой экзекутивы (руководящего центра, возглавлявшего всю нелегальную деятельность ОУН на западно-украинских землях). Участвовал в подготовке и осуществлении террористических акций, в нагнетании антикоммунистической истерии. В автобиографии писал, что был причастен к убийству работника советского консульства во Львове Андрея Майлова, а также польского министра внутренних дел Перацкого. Гордился тем, что воспитан в духе «особой любви и преданности к митрополиту Андрею Шептицкому». В 1930, 1932 и 1934 годах арестовывался, а в 1936 году был осужден на пять лет тюремного заключения за подпольную деятельность; в начале 1937 года освобожден по амнистии [1].

После освобождения из тюрьмы по поручению полковника Коновальца Я.Стецко выехал за границу для участия во 2-м Большом Сборе ОУН. В 1939 г. участвовал в Римском конгрессе ОУН, на котором была принята вторая программа ОУН. Здесь он был известен кое-кому как немецкий резидент и как агент итальянской разведки «Белендис».

В 1940 году Я.Стецко был избран руководящий в состав Организации украинских националистов и стал заместителем С.Бандеры. В это время он уже откровенничал: «Стою на позиции уничтожения евреев и целесообразности перенесения на Украину методов экстерминации (физического уничтожения – Ред.)». Более категорично свое отношение к еврейскому народу он выразил в письме к рейхсминистру А.Розенбергу: «Москва и жидовство – это самые большие враги Украины и носители разлагающих большевистских интернационалистических идей. Поэтому настаиваю на уничтожении жидов и целесообразности перенести на Украину немецкие методы экстерминации жидов» [2].

Особенно нагло действовал Я.Стецко в период агрессивной войны фашистской Германии против Советского Союза. Шло восхваление фюрера Германии и его окружения. И дело дошло до весьма роковой игры бандеровцев 30 июня 1941 года. В этот день Я.Стецко в военной форме на площади Рынок устроил фарс провозглашения самостоятельного украинского государства [3]. На этом сборище был объявлен декрет об образовании марионеточного правительства – «Украинского краевого

правления» – во главе с Ярославом Стецко. В акте 30 июня 1941 года говорилось, что «украинское государство будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Великой Германией под руководством Адольфа Гитлера». С.Бандера и его сторонники явно спешили, они хотели упредить действия мельниковцев и побыстрее захватить власть на Украине. Я.Стецко, как клятву, повторял слова Бандеры: «Политику мы будем проводить без всяких сантиментов. Мы уничтожим всех без исключения, кто станет на нашем пути... Наша власть будет политической и военной диктатурой ОУН, для врагов страшной и неумолимой» [4].

Немецкие власти, в частности Эрих Кох, ничего не знали о том, что происходит в «Просвіте». Явившись на это бандеровское собрание, Кох с возмущением произнес: «В настоящее время идет война и украинцы не должны ничего организовывать, а только работать и помогать немецкой армии победить общего врага. Вы играете с огнем». После чего призвал собравшихся разойтись.

Когда немцы ушли, Стецко отдал приказ продолжить работу. Акт о независимости Украины был оглашен по львовскому радио несколько раз в течение трех дней. Только на одиннадцатый день немецкие оккупационные власти отреагировали на него – было публично заявлено о категорической враждебности действий руководства ОУН [5].

Таким образом, 30 июня 1941 года Бандера и Стецко совершили авантюристический акт, явно рассчитанный на снисхождение оккупационных властей, которые знали их как верных и преданных слуг «третьего рейха».

Ссылаясь на то, что Акт 30 июня 1941 года якобы был согласован с абвером, Бандера и Стецко просили своих повелителей не аннулировать его и не разгонять самозванное «украинское» правительство, а вместо всего этого создать так называемую «Украинскую национальную раду» во Львове, которая не будет иметь никаких собственных полномочий и будет беспрекословно выполнять все приказы и указания губернатора Галиции и всесторонне способствовать установлению «нового порядка» в Украине [4, с. 164, 165].

Однако Гитлер распорядился «разогнать эту банду» и его приказ тут же был исполнен. 12 июля 1941 года Бандера и Стецко были арестованы и водворены в концлагерь Заксенхаузен. Для них нашлось место в здании для проштрафившихся гитлеровских сановников так называемом ЦЕЛЕНБАУ, обособленно от узников, обреченных на смерть. Отсюда по каналам нацистских спецслужб они слали письменные

указания своему наместнику во Львов Николаю Лебедю, получившему титул «правлячого провідника», смысл которых сводился к приказу: «Жодного пострілу по німцях, наш ворог – Москва».

В концлагерь Бандера и Стецко были посажены для того, чтобы обрести имидж стойких борцов-мучеников нацизма и таким образом завоевать симпатии соотечественников. Сейчас известно, что в 1943 году Я.Стецко встречался в Кракове с Н.Лебедем, именно тогда, когда значился узником концлагеря. Само собой понятно, что без участия нацистских спецслужб эта встреча не состоялась бы.

В сентябре 1944 года Я.Стецко вышел из концлагеря. Пробрался в американскую зону и оказался в Мюнхене. В 1945 году на Краевой конференции ОУН Стецко избирается членом бюро Провода ОУН, в который входили С.Бандера и Р.Шухевич. Весной 1946 года по инициативе бандеровцев и под патронажем американских оккупационных властей в Мюнхене состоялось сборище предателей Родины из числа латышских, эстонских, белорусских, грузинских и иных буржуазных националистов, на котором было провозглашено создание Антибольшевистского блока народов (АБН). Его возглавил Я.Стецко – сподвижник С.Бандеры, давний враг Советского Союза. АБН, пользуясь финансовой поддержкой со стороны США и их союзников, развернул активную пропагандистскую и организационную деятельность по объединению националистических формирований.

В 1946 году Я.Стецко вошел в состав «Закордонных частей ОУН». Стремился изо всех сил отмежеваться от связей с гитлеровцами, разглагольствовал о самостоятельном курсе ОУН перед войной и даже выдавал себя за «жертву нацизма». Но шила в мешке не утаишь. Архивы сохраняют оригинал «предложений» Бандеры и Стецко, адресованных в августе 1941 года рейхсминистру А.Розенбергу. Они писали: «УВО, а затем ОУН под руководством Евгения Коновальца с самого начала существования сотрудничала с Германией против Польши и Москвы, свою внешнеполитическую концепцию украинский национализм строил на союзе Украины с Германией». Бандера и Стецко выражали готовность во имя общей борьбы за новый, справедливый порядок в мире, в частности на востоке Европы, снова и снова идти на кровь и жертвы [6].

В народе говорят: как настанет напасть, то спать не даст. Так и Стецко. Он начал думать о разбросанной по всему миру украинской «громаде» и начал издавать обращения и «комуникаты» об организации «срочных» сборов для «освободительного дела». Каких только поборов с трудового эмигранта не выгадывал Стецко. Тут и сбор в «Фонд АБН»

и пожертвования на националистическую газету «Шлях перемоги», на «особый (?) освободительный фонд ОУН» и т.п. Эмигрантские «деятели», ссылаясь на правдивые источники, передавали один одному, что к «делу организации новых фондов» и, особенно к их присвоению, имела отношение жена Я.Стецько – Слава, хорошо известная в зарубежных кругах как «Муха». В каждом своем выступлении «экспремьер» назойливо призывал: «Сдавайте на освободительный фонд», «Поддерживайте свою газету», «Не жалейте денег на общее дело!»... Такие призывы из номера в номер печатались в буржуазных националистических газетах и журналах [3, с. 278].

В послевоенный период Стецько чувствовал себя как рыба в воде в окружении натовских спецслужб. Его кошелек наполнялся американскими долларами, западногерманскими марками, английскими фунтами. Ежемесячную плату он получал в британской «Интеллиджинс сервис». Среди новых хозяев в антикоммунистических и разведывательных службах Запада Стецько ловко торговал «украинским делом» и душами обманутых оуновцами эмигрантов. «Стецько, – говорил один из бывших членов провода ОУН Я.Бенцаль, – политический проходимец. Он паразитирует на нашей организации, тратит наши деньги, сколько хочет и как хочет, не отчитываясь за то ни перед кем. Ведет себя среди нас, как удельный князек» [3, с. 280]. Деньги из пресловутых фондов текли в широкие карманы бандровских воротил. На эти деньги содержались автомобили, оплачивались ресторанные счета и путевки на модные курорты. Однажды Стецько присвоил и перевел на свой счет в банк 10 тыс. долларов в «Освободительный фонд» в США, Англии и ФРГ [6, 197].

Стецько развил активную деятельность как президент Антибольшевистского блока. Эта организация, по свидетельству канадской газеты «Гомін України», превратилась в крупную антикоммунистическую организацию, которая стала известна во всем мире своими политическими и дипломатическими акциями. Сам Стецько постоянно находился в поездках, встречался на различных международных конференциях во многих странах Западного мира, а также перед украинской эмиграцией. Он в разное время посетил Китай, Вьетнам, Австралию, Турцию, Великобританию, Италию, Испанию, Португалию, Японию, Корею, Филиппины, Мальту, Данию, Швецию, Бельгию, Голландию и другие страны [1].

Своей ненавистью к социализму и враждебной деятельностью украинские буржуазные националисты снискали благосклонность правительства США и его натовских союзников. Так, в конце 1949

года бывший президент США Трумэн обратился с дружеским посланием к украинским националистам, в котором пожелал успехов во всех делах. И с этого времени начал официально выдавать им денежные субсидии. В 1961 году США выделили 100 млн долларов, в 1963 году – 14 млн и в 1964 году – 30 млн долларов.

Стецко оправдывал надежды хозяев. В ноябре 1964 года им была проведена X-я конференция Антибольшевистской лиги народов. На ней Стецко разглагольствовал о двух противоположных концепциях борьбы в мире: империалистически-московской и АБН. Он призвал «свободный мир» порвать все контакты с Советским Союзом и его сателлитами, создать экономическую блокаду и повести политическое наступление, укреплять «освободительное движение», чтобы убрать из ООН представителей коммунистических стран, создать вокруг них кольцо антикоммунистических радиостанций и центров, наконец, попросил увеличить военную помощь освободительным движениям «порабощенных» народов.

Стецко внимательно следил за правительственными делегациями, которые выезжали за границу. И он появлялся там, где ему было выгодно. Так, когда в Швецию прибыла советская делегация, Стецко демонстративно возложил венок у памятника королю Карлу XII, давая понять, что он и руководимая им ОУН чтят память предателя Мазепы и остаются ей верны.

В 1967 г. в дни празднования 50-летия Октября в Нью-Йорке была осуществлена по инициативе Я.Стецко акция создания антибольшевистского Международного Конгресса свободных украинцев (в украинской транскрипции СКВУ) [7]. Конгресс заявил о своем намерении сплотить все мировое украинство в направлении борьбы против коммунизма, за развал советского федеративного государства и построение на его развалинах независимого украинского государства. Периодически СКВУ заседал то в США, то в Канаде, а с развалом Союза ССР и провозглашением независимой Украины ежегодно СКВУ заседает в Киеве. В 2005 году он также заседал в Украине под патронатом «оранжевой власти».

Как Президент АБН, Стецко преодолевал огромные расстояния. Куда только не носило плюгавого «экс-премьера», то в Сайгон, то на Тайвань с визитом к президенту без государства Чан Кайши, то к южнокорейскому ставленнику Пентагона... От всех, кто принимал его, Стецко принимал подношения. То заем, то «дотацию», а то и прости дорогостоящий автомобиль. Платил за это обещаниями тверже бороться за «соборную и самостийную». В своих выступлениях Стецко беспардонно

делал ставку на ракетно-ядерную войну, призывал реакционные круги империалистических государств к быстрейшему развязыванию ее [3, с. 281].

Конгрессы СКВУ также были направлены на обострение международной обстановки [8].

В 1972 году в Мехико проходил конгресс Международной антикоммунистической лиги. Делегация украинских националистов состояла из 22 человек. В выступлениях Стецко и других украинских делегатов акцентировалось внимание на всяческую поддержку НАТО, на усиление давления на Советский Союз. Подчеркивалось, что Москва, якобы хочет закрепить за собой «статус-кво» завоевателя в Европе и стремится к завоеванию всего мира.

В подобном духе проходила конференция АБН в Мюнхене. В своем докладе Я.Стецко пространно разглагольствовал о том, что «в российской империи якобы никогда не будут осуществлены права человека» [8, с. 366, 367]. Внимание акцентировалось на «подъяремном» положении Украины в составе Союза ССР. Не случайно США отмечали 40-летие провозглашения бандеровцами «акта» 30 июня 1941 года. По этому поводу Стецко призвал американских конгрессменов активизировать дальнейшую помощь украинским националистам для продолжения антисоветской деятельности. И конгресс США пошел им навстречу, увеличив ассигнования на свои «довооружения». 13 июня 1982 года президент Р.Рейган подписал декларацию о проведении «Недели поработенных народов».

Можно было бы продолжить разговор о деятельности Ярослава Стецко, «экс-премьера», «мини-фюрера» и т. п. Во всяком случае, никакого добра для Украины не было от этой деятельности. «Пусть погибнет вся коммунистическая Украина, – каркал Стецко, – это не так уж и страшно..., ибо новые кадры придут из Торонто, Лондона, других городов Запада» [9].

Таким он был до последних дней жизни. Умер врагом социализма и советской власти 5 июня 1984 года в Мюнхене.

Источники

1. Гомін України. – 1986. – 30 липня.
2. Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С. Украинский фашизм. – К., 2004, с.37.
3. Дмитрук К. Безбатченки. К., 1980, с. 193-194.
4. Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С. Без срока давности. – Харьков, 2001. С. 163.

5. Українська думка. – 1986. – 10 липня
6. Дмитрук К.Е. Крестом и трезубцем. – М., 1980. – С. 99.
7. Беляев В. Формула яда. – М., 1970. – С. 67
8. Антибільшовицький блок народів: Збірник документів і статей. 1971-1975 рр., 1982. Т.4, С. 20, 21.
9. Радянська Україна. – 1990. – 22-23 вересня.

В.М.Мазаров

Микола Лебедь: покликання – кат

Коли влітку 1998 року на сторінках деяких радикал-націоналістичних видань з'явилася "посмертна згадка", свідчило це лише про одне: закінчив свій життєпис один з тих, кого аж ніяк не віднести до найкращих представників роду людського. Можна багато просторікувати щодо співвідношення факторів об'єктивного та суб'єктивного плану, недвозначних моментів зламу історичних епох, але є, на наш погляд, незаперечним: Микола Лебедь (в літературі подекуди зустрічається і інше написання цього прізвища - "Лебідь", але тут і надалі користуватимемося розміщеним на обкладинці його книги

"УПА") в історії України залишиться тим, ким він був насправді. Колаборантом і організатором етнічних чисток.

До націоналістичного руху син дрібного кравця з Жидачівщини долучився ще в гімназійні роки. Лебедь належав до другої хвилі, яка на відміну від своїх старших керманічів, що еволюціонували від доволі консервативних (а то і ліберальних) до радикальних поглядів, отримувала вишкіл в дусі інтегрального націоналізму УВО-ОУН. Радикалізації теоретичних уподобань та практичних дій сприяла вкрай напружена ситуація в Польщі, де на складні економічні проблеми накладалося різке загострення міжнаціональних відносин як результат курсу режиму маршала Пілсудського.

Йшлося про намагання законсервувати на теренах Галичини і Волині дискримінаційну специфіку соціально-класової структури, штучно стримувати зростання представництва українців в робітничому класі, мінімізувати їх роль в торгівлі, освіті, культурі, тим більше - в органах управління. Зокрема, влада різко обмежувала прийом представників непольських національностей на державні оборонні, залізничні, поліграфічні, нафтодобувні та ін. підприємства. Згідно даних перепису 1931 р. серед греко-католиків (методика перепису підміняла національну належність конфесійною) Львівського, Станіславського і Тернопільського воєводств частка зайнятих в сільському господарстві складала 88,7%, робітників та ремісників - 5,8%, тих, що проживали на доходи від торгівлі, роботи на транспорті - 0,8%, зайнятих в громадській діяльності, освіті та культурі - 2,1%, домашню прислугу - 1,1% (1). Соціальний визиск в умовах загальної економічної кризи, від якої на зламі 20-30-х років ХХ століття потерпав весь капіталістичний світ, ставав ще помітнішим.

Поряд з цим польська влада вживала дії, спрямовані на асиміляцію, в першу чергу українців. З цією метою проводилися форсовані заходи по мінімізації (де-факто - ліквідації) мережі культурно-освітніх установ.

Таким чином влада буржуазної Польщі прагнула зменшити ризики, пов'язані з можливим плебісцитом відносно долі "східних кресів" - Східної Галичини та Волині, переданих Польщі згідно рішенням Паризької конференції країн-переможниць у Першій світовій війні. Версальський мир був хиткий, а 6 референдумів відносно державного самовизначення окремих територій, проведені на його підставі, не давали однозначних гарантій на утримання загарбаних земель. Так, населення Північного Шлезвігу, анексованого Прусією ще в 1866 р., висловилося за приєднання до Данії, а у Верхній Сілезії 717122 голосам

за перехід до Німеччини протистояло 483514 тих, хто бачив своє майбутнє в Польщі (Див.: 2).

Більш "дієвим" виглядала політика посилення гноблення - і класового, і національного. Як перше, так і друге були справою, звичайною для капіталістичної Європи в міжвоєнний період. Статистика свідчила: в 1920-січні 1931 рр. до Ліги націй було подано 314 петицій відносно порушень прав національних меншин, з яких розглянуто лише 21. Практично половину (155 з 314) складала скарги на національну політику польської держави. З 79 петицій, поданих з українського питання розглянуто лише 1. Більше того, розглядаючи криваву "пацифікацію" ("умиротворення") селянства Галичини та Волині в 1930-31 роках, Рада Ліги Націй в січні 1932 р. на доповідь японського делегата винесла постанову, якою засуджувалися дії... українських селян (Див.: 3).

Альтернативу такій політиці пропонувала КПЗУ, яка організаційно входила до складу Комуністичної партії Польщі. В спеціальній резолюції V Конгресу Комінтерну підкреслювалося, що українське питання є одним з найважливіших національних питань середньої Європи, вирішення якого диктується інтересами пролетарської революції як у Польщі, в Румунії і Чехословаччині, так і у всіх прилеглих країнах. Конгрес, записано в резолюції, "визнає необхідність проголошення комуністичними партіями Польщі, Чехословаччії і Румунії лозунгу об'єднання розірваних імперіалізмом на частини українських областей в Радянську робітничо-селянську республіку" (4). Саме реалізація такої програми дала змогу об'єднати етнічні українські землі в єдине ціле в рамках Української РСР.

Інший шлях був обраний націоналістами, які за словами слабкого політика, але вдумливого письменника В.Винниченка, "зовсім не мали на увазі ніяких соціальних чи навіть глибоко політичних революцій. Їм ходило переважно те, щоб вирвати з під польського панування Галичину" (5).

До різкої радикалізації дій націоналістичних угруповань активно був причетний і Лебедь. Вперше його ім'я широкому загалу стало відомо під час Варшавського процесу над організаторами вбивства 15 червня 1934 р. бойовиком ОУН Мацейком ("Гонта") міністра внутрішніх справ Польщі Перацького. З 12 підсудних троє були засуджені до смертної кари, яку пізніше замінили довічним ув'язненням. Серед них, разом з Бандерою та Карпинцем - "Микола Лебедь, літ 25, абсолювент гімназії" (6).

Звільнений з ув'язнення після блискавичного краху буржуазної Польщі в вересні 1939-го, Лебідь пристав до очолюваних Бандерою прихильників кардинальних змін в ОУН. В утвореному в результаті розколу в ОУН, Революційному проводі на Лебеда були покладені функції другого заступника провідника та куратора створюваного спеціального підрозділу - Служби безпеки ОУН (СБ). Структури, якій пізніше навіть не схильні до сентиментів командири УПА закидатимуть дискредитацію оунівського руху. "Служба безпеки була зорганізована на німецький зразок. Більшість командирів СБ - це колишні курсанти з німецької поліцейської школи в Закопаному (з років 1939-40). Ними були переважно галичани" (7).

Специфічні контакти з гітлерівцями стали в нагоді, коли бандерівський провід (втім, як і його опоненти-мельниківці) зробив остаточну ставку на фашистську Німеччину.

Прийняття такого рішення багато в чому було викликано невдалими спробами розгорнути повномасштабну збройну боротьбу на території, що після вересня 1939-го стала частиною Радянської України. Хоча автори випущеної під егідою робочої групи при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА монографії ведуть мову про "антирадянське збройне повстання ОУН" в жовтні 1939-липні 1941 років (саме таку назву має параграф 1 розділу 1 книги), вони визнають: "збройний виступ націоналістів не мав характеру одномоментного вибуху на всій території Західної України...Виступи мали ознаки початку партизанської війни" (8). Додамо - без особливих надій на успішний підсумок.

В цих умовах, навесні 1941 р. Лебедь в Кракові зустрівся з представником гітлерівських спецслужб Айкерном. В ході переговорів стало зрозумілим, що націоналістичні структури розглядаються як реальні допоміжні сили в майбутніх бойових діях. Умови співпраці з гітлерівською розвідкою Лебедем були сформульовані так: 1) рівноправність бандерівської організації з мельниківською ОУН; 2) постачання зброєю та боєприпасами; 3) матеріальна допомога. Політичні вимоги, пише, спираючись на архівні джерела, сучасний дослідник, не розглядалися (9).

Проте одним з результатів зустрічі стало включення до передових частин вермахту каральних підрозділів "Нахтигаль" та "Роланд".

Аналізуючи природу націоналізму, Д.З.Мануїльський слушно вказував: "Український буржуазний націоналізм завжди працював як наймит на чужого пана. Український націоналізм ніколи не був

національним, бо він завжди обслуговував інтереси чужоземних панівних класів. Він ніколи не був самостійним, бо він ніколи не орієнтувався на сили власного народу, а орієнтувався на багнети чужинців" (10). З цим важко не погодитися, зустрічаючи твердження В.Кука, що на другий день війни вони разом з Я.Стецьком, М.Лебедем та І.Равликом (незабаром - одна з чільних фігур в поліції Львова) на легковій автомашині, зареєстрованій в військовому відомстві, рушили в напрямку Львова (11). (Принагідно наведемо враження колишнього перекладача вермахту українського походження: "...дістали звичайний вояцький мундир без відзнак...незграбний мундир, забраний з трупів (блузка дірява і захляпана кров'ю") - 12).

В "Українському державному правлінні", яке бандерівці намагалися створити після декларативного "акту 30 червня", серед 41 прізвища потенційних урядовців значився і "б. Лебідь М. - безпека" (13).

Саме він несе безпосередню відповідальність за формування на тимчасово загарбаних радянських територіях структур окупаційної влади, включаючи підрозділи допоміжної поліції, які уже з перших днів разом з гітлерівцями включилися в винищення оточенців з частин Червоної Армії, представників державного, партійно-комсомольського активу, працівників правоохоронних органів, симпатиків Радянської влади з числа місцевого населення, а також представників національних груп, чия ліквідація була засадовою вимогою ОУН. Так, в одній з директив СБ до чинників, які мали бути "унишкідливлені", відносилися:

"1) москалі, надсилані на українські землі для закріплення.

2) жида, так індивідуально, як і національна група.

3) чужинці, переважно азіати, якими колонізує Москва Україну з наміром створити в Україні національну шахівницю.

4) поляки на західноукраїнських землях, що не зреклися мрії про відбудову Великої Польщі" (14).

Бандерівці мали програму масштабних етнічних чисток і в умовах окупаційного режиму приступили до її реалізації. Наведемо лише один з багатьох прикладів.

"УПА дала польському населенню наказ опустити українські терени Волині і Полісся" - дещо "меланхолійно" пригадував Лебедь. І далі: " нехай нікого не дивує, що боротьба прийняла в деяких місцевостях спонтанні, гострі форми" (15).

Більш детально оці "гострі форми" визначено в директиві командування УПА "Північ", очолюваного Климом Савуром: "Ми повинні провести гостру акцію по ліквідації польського елемента. При

відході німецьких сил з сіл використати можливості для ліквідації всього чоловічого населення від 16-ти до 60-ти років... Цю боротьбу ми не можемо програти і за будь-яку ціну повинні зменшити польські сили. Лісові і розташовані близько лісових масивів села повинні зчезнути з обличчя землі..." (16).

В літературі фігурують різні оцінки кількості жертв різанини, проведеної бандерівцями на Волині. Так, Віктор Поліщук, не претендуючи на повноту дослідження, говорить про 2000 місцевостей, в яких були скоєні акти вбивств. Загальне число загиблих оцінюється ним в 50-70 тисяч осіб, що складає 20% тодішнього польського населення Волині (17).

Аналогічна (а то й ще жахливіша - як у випадку з геноцидом єврейського населення) картина і по іншим національним групам. І за всім цим - фігура "урядуючого провідника" ОУН, яким восени 1941-го офіційно став Микола Лебедь.

Особа №1 в ОУН(б) С.Бандера, а також його перший заступник Я.Стецько, які виявили таку недоречну на погляд німців ініціативу з проголошенням державності, після нетривкого перебування під "почесним арештом" були доправлені до Заксенхаузену. Принагідно зауважимо, що сам факт їх утримання в цьому таборі адептами видається за аргумент на користь "антинацистської" діяльності ОУН. Проте спогади одного з чільних оунівців Д.Андрієвського про комфортні умови перебування не залишають камені на камені від такої версії. "Я, - згадував Андрієвський, - опинився в невеликій келії. Перед тим, як ввійшли, СС поставив на стіл чашку кави, сказав, що я мушу в 9 годин бути в ліжку...Бандера...питав про моє здоров'я, чи дістаю пакунки, чи маю досить їсти і чи не бракує грошей. Пропонував мені свою поміч і одного дня виніс на прохід та намагався всунути в руку кусень масла" (18).

Але за умов, коли і Бандера і Стецько були обмежені в можливостях оперативного керівництва організацією, на перший план висунулася постать людини №3 в офіціальній ієрархії ОУН(б). І саме з цією постаттю чимало учасників подій та дослідників пов'язують лінію на мінімізацію спротиву фашистським окупантам. В матеріалах III Надзвичайного збору українських націоналістів чітко простежується прагнення довести: "вісью оборони були дві справи - вивіз до Німеччини на каторжні роботи і грабунок хліба" (19), виправдавши відсутність активних бойових дій проти гітлерівців з боку структур ОУН і УПА. Більше того, на трьох (осінь 1941 р., березень 1942 р., лютий 1943 р.)

конференціях ОУН(б) гору брала лінія, що не допускала збройних конфліктів з німцями, а головним проголошувала "фронт боротьби з московським імперіалізмом" (20).

Зміна тактики бандерівського керівництва стала вимушеною реакцією на вагомій підставі. До них слід віднести, в першу чергу перелом в ході війни, пов'язаний з перемогами Червоної Армії, і початок визволення території України від німецько-фашистських загарбників. По-друге, активізацію антифашистського руху, яку один з керівників СБ ОУН В.Макар описував таким чином: "Терен виривається нам з рук. З однієї сторони - почали множитись отаманчики, як Бульба-Боровець, а з другої сторони - червона партизанка стала заливати терен" (21).

Це було набагато серйозніше за особливості характеру тимчасового провідника. Хоча Лебедь, писав один з провідних діячів СБ ОУН, "не любив слухати думок, які вимагали ревізувати ним висловлені погляди, був вибуховим, грубим у відношенні не лише до рядових членів ОУН, але також до членів Проводу" (22), в організації з яскраво вираженим "фюрер-принципом" це було скоріше правило, ніж виняток. Мімікрія до "боротьби на два фронти", посилення антинімецької риторики і конкретних заходів, спрямованих на підготовку до спротиву поверненню в західні області України Радянської влади вимагали заміни найбільш одіозних фігур. А Лебедь, який втратив титул "урядуючого провідника" ОУН(б), відносився саме до таких. Проте без посад він не залишився. А влітку 1944 року Лебедь став генеральним секретарем закордонних справ щойно створеної бандерівцями Української Головної Визвольної Ради (УГВР). Однак, попри всі намагання видати УГВР за "верховний орган українського народу в його революційно-визвольній боротьбі за УССД" (23), ця структура значного впливу на розвиток ситуації не мала. Тому того ж 1944-го за межами України опинився один з тих, про кого Ярослав Олександрович Галан скаже: "На кривді і крові народу виріс суспільний прошарок, позбавлений будь-яких етичних норм, ненажерливе зборище безцеремонних торгашів, готових продати навіть рідну матір, якщо тільки хто добре за це заплатить. З вигнанням фашистів кар'єра цих людей скінчилася. Проте їм важко з цим примиритись, тому вони ненавидять народ, ненавидять Червону Армію, ненавидять Радянську владу" (24).

Микола Лебедь відносився до числа тих, чиї діяння цілком підпадали під класифікацію злочини проти миру та людяності. Відомо, що в перші повоєнні роки чимало військових злочинців, включаючи колаборантів, одержали по заслугах. Державні інституції Союзу РСР та

Української РСР неодноразово вимагали притягнення до відповідальності оунівських верховодів. На словах вчорашні союзники по антигітлерівській коаліції визнавали справедливість таких вимог. "Як тільки Бандера буде нами арештований, його справа як військового злочинця піде звичайним шляхом, встановленим міжнародними угодами" - запевняв в жовтні 1946 р. заступника головнокомандуючого радянської воєнної адміністрації в Німеччині генерала П.Курочкіна його американський колега Л.Клей (25). Контакти, встановлені керівництвом ОУН з англійськими та американськими спецслужбами, можливості їх використання в умовах "холодної війни" переважили тягар злочинів.

Подальші десятиліття життя Лебеда, як може здатися на перший погляд, - на відміну від періоду суворої конспірації цілком на видноті.

Переховування в ченців-васіліян в Італії (26). Створення після зустрічі у Відні (весна 1945 р.) уповноважених проводу ОУН (В.Охрімович, М.Прокоп, Д.Ребет та М.Лебедь) з С.Бандерою, С.Ленкавським та Я.Стецьком закордонного центру ОУН(б), а потому і закордонних частин ОУН (ЗЧ ОУН) (27). Подальший розкол на "ортодоксів" ("теоретиків" з еміграції) на чолі з Бандерою та "ревізіоністів" ("практиків" з "краю"). Багаторічна видавнича діяльність: засновник і голова корпорації "Пролог" у Нью-Йорку (1952-74), заступник її голови (1982-85), фундатор мюнхенських видань "Сучасна Україна", "Сучасність", "Український самостійник", член управи українського товариства закордонних студій (Мюнхен, 1956-91), член видавничого комітету "Літопис УПА" (Торонто, з 1975) (28).

Проте, слушно зауважує вельми зацікавлена особа: "Секретні архівні матеріали та документи Миколи Лебеда, що відносилися до розвідувальної діяльності та зв'язків з підпіллям в Україні та були пов'язані з американською чи англійською розвідувальними службами, залишаються й досі недоступними" (29).

Хоча окремі сторінки повністю прикрити так і не вдалося. В 1975 р., пише вітчизняний дослідник Б.А.Мартиненко, в американській пресі з'явилися відомості про "Операцію "Огайо". В ході її реалізації згідно рішень наради представників американської розвідки (листопад 1948 р., Франкфурт-на-Майні) з таборів для переміщених зі Східної та Південно-Східної Європи осіб було відфільтровано потенційних шпигунів і диверсантів. Разом з цим тих, хто в силу якихось причин для цього не підійшли, передавали до названого аналогічно операції спецпідрозділу "Огайо", сформованого з "фахівців" СБ ОУН на чолі з Лебедем. Допити з подальшою фізичною ліквідацією проводилися щонайменше у 80

точках західної зони окупації, а цифру в 100 знищених вважають заниженою самі американці (30).

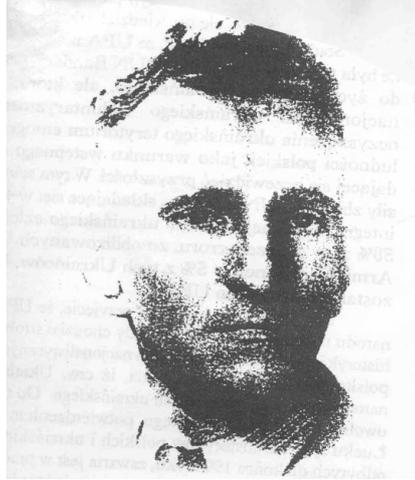
Специфічні послуги були востребувані і надалі. Такий обізнаний автор, як В.Верещак, твердить, що Лебедя, попри солідний вік американці під час агресії в Індокитаї використовували як спеціаліста для боротьби з комуністичними партизанами В'єтнаму (31).

Після буржуазного перевороту 1991-го року він продовжував гнути звичну лінію, заявивши одного разу на черговому засіданні виконавчого комітету "Літопису УПА": уряд України повинен притягнути до відповідальності колишніх співробітників НКВС. "Хоча б двох-трьох на рік" (32). Встиг побувати в Україні, але своїм тут так і не став. Тож і завершив за океаном свій недолугий життєвий шлях, який красномовно підтверджує істинність слів Ярослава Галана: "люди без батьківщини показали, на що здатна каналія, яка з політичного бандитизму і зрадництва зробила собі професію" (33).

Источники

1. Макарчук С.А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западноукраинских землях в период империализма. Львов, 1983. – С.152.
2. Левин И. Национальный вопрос в послевоенной Европе. М., 1934. – С.61.
3. Там же – С.106-109.
4. Галушко Є.М. Нариси історії ідеологічної та організаційної діяльності КПЗУ в 1919-1928 рр. Львів, 1965. – С.150.
5. Винниченко В. Відродження нації. – Ч.ІІІ. – К., 1990. – С.397.
6. Мірчук П. Нарис історії ОУН. – Мюнхен, 1968. – Т.І. – С.389.
7. Туди, де бій за волю. Лондон-Париж, 1989. – С.153.
8. Організація Українських Націоналістів і Українська Повстанська Армія. Історичні нариси. К., 2005. – С.31.
9. Кентій А.В. Нариси історії Організації Українських Націоналістів (1929-1941 рр.). К., 1998. – С.145.
10. Мануїльський Д. Українсько-німецькі націоналісти на службі у фашистської Німеччини. Доповідь 6-го січня 1945 року на нараді вчителів західних областей України. К., 1946. – С.18.
11. Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. Документи і матеріали. Львів-Київ, 2001. – С.ХІ
12. О.П. В чужому мундирі // Визвольний шлях. – 1966. – №7/8. – С.899.

13. Відновлення Української держави в 1941 році. Нові документи і матеріали. К., 2001. – с.40.
14. Матеріали та документи Служби безпеки ОУН(б) у 1940-х роках. К., 2003. – С.50-51.
15. Лебедь М. УПА. – Частина І. – Дрогобич, 1993. – С.53, 129.
16. Цит. по: Наконечний В.А. Злочини ОУН-УПА на Волині (З ким і проти кого вони воювали). Луцьк, 2001. – С.11-12.
17. Поліщук Віктор. Гірка правда. Злочинність ОУН-УПА (сповідь українця). Донецьк, 1996. – С.331-332.
18. В боротьбі за українську державу. Львів, 1992. – С.614, 618.
19. "Ідея і чин". Орган Проводу ОУН, 1942-1946 // Літопис УПА. – Т.24. – Торонто-Львів, 1995. – С.225.
20. Там же. – С.48.
21. Дзьобак В. Конфлікти в ОУН (Б) і їх вплив на Український Рух Опору (1941-1944 рр.). К., 2005. – С.48.
22. Мудрик-Мечник С. З приводу книжки "Микола Лебедь". Новий Ульм-Львів, 2001. – С.11
23. Українська Головна Визвольна Рада. Книга перша. 1944-1945 // Літопис УПА. – Т.8. – Львів, 1992. – С.27.
24. Галан Я. Право на гордість // Галан Я. Твори у 4 т. – Т.4. – К., 1980. – С.625.
25. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000. – С.784.
26. Гриньох І. У 40-ліття видання першої документальної праці, присвяченої Українській Повстанській Армії // Лебедь М. УПА... – С.20.
27. Організація Українських Націоналістів і Українська Повстанська Армія. Історичні нариси... – С.462 і далі.
28. Див.: Содоль Петро. Українська повстанча армія. 1943-49. Довідник. Нью-Йорк, 1994. – С.93-94.
29. Петро Й. Потічний. Літопис УПА – Історія. Документи і матеріали // Літопис УПА. – Т.42. – Торонто-Львів, 2005. – С.9.
30. Мартыненко Б.А. Нацистские военные преступники в США и других странах НАТО. К., 1988. – С.153-158.
31. Верещак В. Правду не одолеть. К., 2003. – С.86.
32. Літопис УПА. – Т.42. – С.316
33. Галан Я. Люди без батьківщини // Галан Я. Твори у 4 т. – Т.2. – К., 1977. – С.111.

Бандеровские преступники: Роман Шухевич

“Они превзошли своими зверствами даже немецких садистов эсэсовцев. Они пытаются наших людей, наших крестьян... Разве мы не знаем, что они режут маленьких детей, разбивают о каменные стены их головки так, что мозг из них вылетает. Страшные зверские убийства – вот действия этих бешеных волков”. (Ярослав Галан)

О Романа Шухевиче (оуновские клички «Тур», «Шуб», «Жар», «Степан», «Чернец», «Туча», «Билый», «Мамай», «Гриць», «Чумак», «Шух», «Борис Щука», «Щука», «Васыль», «Старый», «205», «171», «Роман Лозовский», «Тарас Чупринка», «Чупринка», литературный псевдоним «Чагар») писали многие оуновские авторы, «труды» которых, без излишней, ложной скромности, позволю себе считать скорее художественными панегириками, чем серьезными исследованиями, претендующими хотя бы на элементарную объективность.

Пожалуй, наиболее известными из этих «трудов» являются статья Степана Бандеры «Командир – провідник», впервые напечатанная в еженедельнике «Шлях перемоги» за март-апрель 1954 года; работа известного оуновского историка-дезинформатора общественного мнения Петра Мирчука «Роман Шухевич (ген. Тарас Чупринка) командир армії безсмертних» (Нью-Йорк – Торонто – Лондон, 1970 г); «научный труд» последнего командира УПА Василя Кука «Генерал Роман Шухевич – головний командир Української Повстанської Армії (УПА)», появившаяся в Киеве в 1997 г; а также книга-панегирик известного оуновца Петра Дужого «Роман Шухевич – політик, воїн, громадянин», изданная во Львове в 1998 году.

Общим для этих авторов принципом исследования проблемы можно считать безмерное возвеличивание личности Р.Шухевича, уход от серьезной полемики с оппонентами, отсутствие каких-либо попыток исследовать архивные материалы и труды наиболее известных ученых, не принадлежащих к лагерю ОУН. По-видимому, это не случайно, т.к. подобные подходы, во-первых, вообще характерны для оуновских псевдоисториков, а, во-вторых, верить таким оуновским деятелям как Василь Кук и Петро Дужий любой осведомленный читатель вряд ли станет, поскольку в своей предыдущей жизни эти люди даже не пытались соблюсти идейную, моральную и научную добропорядочность, с легкостью куртизанок перелицовываясь и перебегая из одного политического лагеря в другой.

Василь Кук, будучи захваченным чекистами, сразу же охотно согласился оказывать содействие следствию, что помогло ему избежать не только сурового наказания за прежнюю террористическую деятельность, но и серьезно улучшило его материальное положение. Благодарный Василь Кук не остался в долгу. В 1960 году он обратился к украинскому народу с воззванием, в котором справедливо заклеил позором вчерашних друзей и единомышленников из ОУН: «Активное сотрудничество ОУН с немецкими фашистами перед Великой Отечественной войной и во время ее привело к страшному опустошению нашего края, к огромным жертвам, которые украинский народ не сможет забыть».

Член и референт пропаганды центрального провода ОУН, издатель фашистских газет «Ідея і чін», «Повстанець», «За українську державу» «Щоденні вісти» и др. Петро Дужий 4 июня 1945 года был захвачен с оружием в руках в бандитском бункере и осужден за кровавые преступления к исключительной мере наказания – расстрелу. Спасло его, как и последнего командира УПА Василя Кука, «правильное» поведение. В 1947 году расстрел заменили 25-ю годами тюрьмы. Пришлось снова постараться. Узника Дужого, как и в оуновском подполье, выручила журналистская профессия и умение перевоплощаться, легко менять политический окрас. Он привычно строчит публикации, которые большими тиражами, с помощью друзей-чекистов и идеологического аппарата КПСС расходятся по всему свету.

Попытаемся восполнить сознательно допущенные указанными авторами пробелы, анализируя жизненный путь Романа Шухевича. Согласно данным из книги П.Дужого (приводим почти дословно), родился нынешний кумир галицийской элиты 30.06.1907 года во Львове, погиб 5.03.1950 года в селе Белогорща близ Львова. Сын

уездного судьи. Жена – Н.Березинская была сестрой боевика из террористической группы Р. Шухевича Юрия Березинского (в честь его назвали своего сына супруги Шухевичи – Л.П.), погибшего 30.11.1932 г. во время нападения с целью ограбления на почтовое отделение Городка.

Член Пласта (1922-1930), член УВО (1923-1929), служил в польской армии (1928-1929). Член ОУН с 1929 года. Закончил Львовский политехнический институт. Боевой референт краевой экзекутивы ОУН на Западной Украине (1930-1934), узник польской тюрьмы в Березе Картузской, член штаба «Карпатской Сечи» (1938-1939). Краевой проводник ОУН на «западных окраинных землях» и главный референт связи с подпольем на украинских землях (1939-1941). Член революционного провода ОУН (ОУН-б – Л.П.). Политический руководитель Дружин украинских националистов (1941), заместитель министра обороны в правительстве Ярослава Стецько (1941). Военный референт провода ОУН с мая 1943 года, руководитель бюро провода ОУН, участник Третьего чрезвычайного Сбора ОУН, главнокомандующий УПА, председатель генерального секретариата УГВР (созданный бандеровцами в подполье «парламент» – Л.П.). Награжден Золотым крестом боевых заслуг 1 класса. Генерал-хорунжий УПА, автор статей на политические и военные темы.

Практически все авторы трудов и публикаций о Шухевиче отмечают, что на формирование взглядов будущего командира УПА сильное влияние оказала атмосфера, господствовавшая в среде галицийской элиты на рубеже 19-20 веков. Увлеченная германо-фильскими идеями, преклонявшаяся перед членами австрийского монаршего дома, любившими щеголять в украинских вышиванках, и, с далеко идущими целями, заигрывавшими с украинскими «патриотами», эта элита болезненно переживала поражение немецкой коалиции в 1-й мировой войне и результаты послевоенного устройства Европы.

Не случайно, в период «весны народов» – революционных событий 1848 года в Европе, когда на баррикадах Львова против австрийских карателей плечом к плечу сражались польские юноши и учащиеся российской духовной семинарии, галицийские вояки из легиона сечевых стрельцов (в просторечье, усусы – Л.П.) топили в крови восставшую европейскую демократию, став наиболее надежной опорой императорского дома Габсбургов.

Оуновские авторы хвалебных публикаций и «трудов» о Р.Шухевиче не скрывают, что на формирование его сознания, выбор им жизненного

пути решающее значение оказали труды Донцова и знакомство с Коновальцем. Вот как об этом пишет Петро Дужий в упоминавшейся нами работе: «... четырнадцатилетний гимназист Роман Шухевич в 1921 году не раз имел возможность встречаться во Львове, в помещении своей бабушки Германы Шухевич, с комендантом УВО полковником Евгением Коновальцем, который в том году прибыл из-за кордона... Роман Шухевич через четыре года после встреч с полковником Коновальцем стал членом УВО, одним из выдающихся ее боевиков, а военная профессия пленила хлопца и была особой в его наполненной глубоким содержанием жизни».

Необходимо учитывать, что многие факты сотрудничества Коновальца с немецкими спецслужбами не раскрывались не только перед рядовыми националистами, но и перед их руководителями. В подтверждение этому приведу выдержку из «Меморандума по украинскому вопросу», подготовленному в 1938 году Национал-социалистической партией Германии (НСДПГ): «В 1922 году тогдашний начальник немецкой контрразведки полковник Гемпш вошел в письменное соглашение с руководителем ОУН полковником Е.Коновальцем, на основании которого украинская организация получала материальную поддержку, за что передавала отделу контрразведки сведения о польской армии. Затем организация взялась за подготовку в Польше диверсионных актов. Регулярная месячная плата Коновальцу доходила до 900 марок».

Свою зловещую роль в подстрекательстве украинских националистов к террористической деятельности сыграло руководство греко-католической церкви. Так, в 1932 году печатный орган национал-униатской партии «Украинско-католический союз», которую возглавлял глава УГКЦ, польский граф, митрополит А.Шептицкий в оправдание грядущих кровавых преступлений оуновцев писал: «Украинский национализм должен быть подготовлен ко всяческим средствам борьбы с коммунизмом, не, исключая массовой физической экстерминации (уничтожения – Л.П.), хотя бы и жертвой миллионов человеческих экзистенций (существ – Л.П.)».

В том же 1932 году между немецким представителем, капитаном военной разведки Патцигом и Коновальцем заключается повторное соглашение о сотрудничестве, которое сулило немалую финансовую выгоду украинским националистам, в том числе, личную. Характерно, что финансовые потоки постоянно возрастали по мере поступления

сведений о состоянии в вооруженных силах Польши, Чехословакии и СССР, а также усиления позиций сторонников Гитлера в Германии.

Уже в начале апреля 1933 года, после утверждения в Германии фонда, предназначенного для финансирования национальных меньшинств, украинцам было выделено 200 тыс. марок. Коновальцу же платили 7000 марок в месяц. Кроме того, он получал отдельную плату за выполнение спецзаданий. Словацкий историк Богуслав Хневек в своей книге «Под знаком трезубца» (см. «Культура» за 17.08.1988 г.) утверждает, что с 1 января 1934 года Коновалец получал от немцев по 110 тысяч марок в месяц.

После прихода Гитлера к власти польской разведке удалось добыть ряд ценных документов, неопровержимо доказывающих шпионскую деятельность ОУН в пользу Германии. Согласно добытых улик, было установлено, что ОУН в Абвере зарегистрирована как разведывательная структура под зашифровкой «Dienst UKO» (Украинише Кампфорганизацион – Л.П.). Разведывательные функции между отдельными оуновскими деятелями были строго разграничены. Так, Роман Сушко информацию об обстановке в польской армии наносил на специальные анкеты, которые передавались немцам. Координатором разведывательной работы от Абвера выступал секретарь и адъютант Коновальца Рико Ярый.

Как следовало из документов архива, ОУН сотрудничала не только с Абвером и гестапо, но и с литовскими спецслужбами, регулярно получая от них денежное вознаграждение в сумме от 6 до 8 тысяч долларов США. Литовцы также помогали оуновцам печатать их литературу и снабжали их боевиков фальшивыми паспортами.

О финансовых делах ОУН в 30-е годы некоторое представление нам также дают документы из тайного архива ОУН, изъятого чешской полицией у Сеника-Грибивского.

Согласно этим документам, в 1931 году расходы ОУН на содержание зарубежного руководства, на прессу, на обеспечение боевиков, на помощь заключенным, на адвокатские услуги составили 22 тыс. 143 доллара. Для «революционной работы» в Галиции передано 7425 долларов. Сюда же, в Галицию, от сторонников ОУН из Америки было передано 24 тысячи долларов, но дошли только 5 тысяч. Как видим, иностранная валюта, оказавшись в руках «патриотов Украины», уже в тот период странным образом уходила «в тень». Опыт ветеранов ОУН пригодился их современным сторонникам. В независимой Украине после 1991 года «в тень» исчезли пожертвования диаспоры, исчисляющиеся уже многомиллионными цифрами.

В такой обстановке формировался характер и взгляды героя нашего повествования Романа Шухевича, что дает нам возможность полнее понять причины, подвигшие его на многие резонансные поступки в жизни, имевшие столь трагические последствия для десятков, может быть, даже сотен тысяч невинных человеческих жизней. Необходимо сразу же отметить, что идеи фашизма Р.Шухевичем, как отмечают практически все его биографы, были восприняты без каких-либо внутренних колебаний и сомнений.

В раннем возрасте он становится членом не только «Пласта», но и тайного общества под названием «Общество черного трезубца», возникшего под влиянием и при содействии активистов организации итальянских «Черных рубашек».

Некоторые оуновские авторы, например, восторженно отмечают активную организаторскую роль Шухевича в подготовке и проведении многих «атентатов» (терактов – Л.П.) боевиками УВО. Примечательно, что, находившийся в послевоенной Германии С.Бандера даже не упоминает о том периоде жизни Р.Шухевича, когда тот стал знаменитым террористом. Наоборот, Петро Дужий чувствует себя в современной Галиции как рыба в воде. В своей книге о Р.Шухевиче этому жизненному этапу нашего героя он посвящает целый раздел под названием «Из жизни боевика».

Однозначно положительная оценка террористической деятельности боевиков УВО-ОУН такими «историками», как П.Дужий, ее сегодняшняя героизация современными приверженцами националистической идеологии чрезвычайно опасны, т.к. способствуют воспитанию новых террористов, созданию таких организаций, как упоминавшаяся выше «Самостийна Украина». К чему могут привести последствия подобного «патриотического» воспитания можно предположить, анализируя период деятельности националистических боевиков довоенного периода. Следует, прежде всего, учитывать, что основной костяк боевиков и партийных деятелей УВО-ОУН составляли подростки и юноши, еще не достигшие зрелого возраста. Воспитанные в духе нацистской идеологии, под-стрекаемые функционерами спецслужб фашистских государств, эти юнцы решали вопросы жизни и смерти сотен и тысяч людей, в чем-то с ними не согласных, или не угодивших нацистским бонзам.

Каждое политическое убийство находило официальное объяснение со стороны террористов, иногда по смыслу прямо противоречащее предыдущему. Одних польских чиновников убивали за «враждебное

отношение к украинцам». Собинского же, известного в общественных кругах своими симпатиями к украинцам, убили Роман Шухевич с Б.Пидгайным, официально обвинив в коварстве – «заигрывании с украинцами». Юноши-террористы и их старшие учителя из числа лидеров украинских националистов боялись, что, способствуя развитию украинского образования и культуры, такие, как Собинский, подорвут авторитет террористических УВО-ОУН в народе.

Многих украинцев убивали по огульному обвинению в тайном сотрудничестве с польской полицией, хотя никаких вещественных доказательств и документальных свидетельств при этом, как правило, не приводилось. Так, например, неоднократно пытались физически устранить одного из активных деятелей краевой экзекутивы ОУН Романа Барановского, брат которого Ярослав Барановский был на короткой ноге с самим Коновальцем (невеста Я.Барановского Ганна Чемеринская и жена Коновальца были подругами – Л.П.).

По-видимому, основной виной Романа Барановского были его родственные связи. Его матерью оказалась этническая полячка. Обвинения не сняли даже после того, как Роман Барановский оказался в польской тюрьме, где умер при загадочных обстоятельствах в 1936 году. Зная о том, что провокация была излюбленным методом деятельности оуновских поводырей, можно с уверенностью предположить, что настоящий провокатор польской полиции остался вне подозрений, свалив при помощи польских работодателей вину с себя на Р.Барановского. Сегодня вымысел о «предательстве» Барановского повторяет в своей книге о Шухевиче Петро Дужий, напрочь забыв свои собственные прегрешения. Не тут ли «зарыта собака?»

А вот как этот «специалист» оправдывает ограбления почтовых зданий. В соответствии с его трактовкой, на почту и финансовое отделение в Городке (Львовщина) украинские террористы из группы Р.Шухевича напали «с целью экспроприировать деньги, награбленные польскими оккупантами у украинского населения».

Всячески превознося боевой дух и «героизм» террористов из боевок УВО-ОУН, националистические авторы только вскользь упоминают об их чисто криминальных преступлениях. О том, что с целью ограбления юношами-убийцами совершено десятки нападений на почтовые грузы, почтовые и банковские учреждения, здания, принадлежавшие богатым согражданам, они молчат. В процессе этих нападений погибли десятки невинных людей, а также многие грабители. В числе погибших боевиков брат жены «Чупринки» Юрий

Березинский. Поскольку Ю.Березинский входил в террористическое звено, которым руководил Р.Шухевич, можно с уверенностью сказать, что его смерть – на совести «Звона» (тогдашний псевдоним Р.Шухевича – Л.П.).

Роман Шухевич, кроме руководства многими грабительскими акциями боевиков, лично участвовал как минимум в трех бандитских нападениях: во-первых, на конную почтовую повозку на дороге из Перемышля до Бирчи, на такой же почтовый транспорт на дороге из Калуша до Печенежина, а также в ограблении народного банка в Бориславе. Его карьера развивается успешно. Роман «Звон» становится руководителем боевой референтуры ОУН.

Под руководством Шухевича разрабатываются и совершаются наиболее резонансные убийства того времени. 22 октября 1933 года террорист Микола Лемик с фальшивым паспортом на фамилию Дубенко убивает сотрудника советского консульства во Львове Майлова, наносит ранение курьеру Джугаю. 15 июня 1934 года боевик Григорий Мацейко в Варшаве на улице Фоксаля убивает министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого. Убийце удается бежать в Аргентину, где он и находился до своей кончины в 1966 году.

По подозрению в причастности к убийству Б.Перацкого были арестованы Степан Бандера, Роман Шухевич, Ярослав Карпинец, Дарка Гнаткивская, Катерина Зарицкая, Николай Лебедь, с которым у Р.Шухевича уже тогда складывались непростые отношения. Не случайно, бывший руководитель СБ ОУН-б, приятель Романа Шухевича Мирон Матвиейко после войны обвинит Лебеда в причастности к смерти Шухевича. По-видимому, Матвиейко знал об их отношениях то, чего не было известно многим непосвященным оуновцам.

Освободившись из заключения в 1937 году (польское правосудие не смогло доказать его вины – Л.П.), Роман Шухевич вернулся к своим прежним занятиям. Он с увлечением разрабатывает план освобождения из тюрьмы Вронки своего друга С.Бандеры, но осуществить его так и не удалось – помешала вторая мировая война.

О том, что такие, как Роман Шухевич, молодые террористы даже в мыслях не допускали возможного прекращения убийств свидетельствует их конфликт с представителем руководства ОУН в крае (в Галиции), краевым проводником Львом Ребетом, заменившим на этом посту арестованного С.Бандеру. В середине 30-х годов германская верхушка, обеспокоенная заявлениями представителей Польши о при-

частности немецких спецслужб к террористической деятельности ОУН, попыталась через Коновальца и Ребета приостановить «атентаты».

Не тут-то было. Разгулявшиеся кровавые мальчишки даже слушать об этом не желали. На их сторону решительно стал узник С.Бандера, который даже в своей послевоенной статье о Шухевиче не смог скрыть этого. Прочитируем «вождя»: «Но тогдашний проводник Краевой экзекутивы ОУН на западноукраинских землях (имеется ввиду Лев Ребет – Л. П.), проводя работу по линии прекращения революционных акций, не только боевого, но и массового политико-революционного и пропагандистского характера.... Тогда ведущий актив ОУН на западно-украинских землях единодушно изъявил желание, чтобы Краевую экзекутиву ОУН возглавил Роман Шухевич, боевой референт предыдущей Краевой экзекутивы, который незадолго перед этим вышел из тюрьмы, после осуждения на львовском процессе».

Преступления продолжались.

Было бы неправильным умалять роль Шухевича и в оказании помощи немецким союзникам в подготовке к развязыванию новой мировой бойни. По свидетельству многих очевидцев, Роман Шухевич установил связь с Абвером при помощи все того же вездесущего Рико Ярого. Несмотря на строжайшие меры конспирации, многим в руководстве ОУН было известно, что Шухевич уже с 1925 года, окончив львовскую гимназию, прошел необходимую военную и разведывательную подготовку в Гданьске, которую он конспирировал учебой в политехническом институте.

Через год возвратился во Львов, где начал учиться в местном политехническом институте. Учебу неожиданно прервал, поступив на службу в польскую армию (1928-1929 гг.). После чего продолжил учебу, окончив институт в 1934 году. Военную подготовку после этого совершенствовал снова в Гданьске, затем в Берлине, Чехословакии.

Благодаря покровительству все того же Р.Ярого, он закончил в Гданьске офицерские курсы. Во Львове совершенствовал знания в нелегальной школе офицеров СС, которую посещал вместе с немцами-фольксдойчами – братьями Мауерами. Специальную подготовку проходил в Мюнхене. Одно время, по указанию оуновского руководства, Шухевич в имении Рико Ярого в Зауберсдорфе, расположенном недалеко от Вены, работал над военным учебником для украинских националистов.

Современные апологеты террористической деятельности оуновских «лыцарей» без устали утверждают, что их сотрудничество с иностранными

разведками имело и продолжает иметь одну единственную цель – создание и укрепление независимой Украины. Но, так ли это?

История деятельности ОУН в период подготовки, ведения второй мировой войны и в послевоенный период убедительно опровергает подобные доводы. Опровергает их и биография Романа Шухевича.

Никогда гитлеровское высшее руководство не делало даже намеков оуновцам о своем согласии на образование не только полностью независимой Украины, но даже государства-сателлита Германии. Высшие нацистские бонзы считали ниже своего достоинства даже общаться и обсуждать подобные вопросы с оуновскими коллаборационистами. Контакты ограничивались на уровне тайных отношений с представителями среднего звена руководителей немецких спецслужб (Штольце, Лахузен, Бизанц, Кох и др.).

Характерный пример игнорирования украинских интересов – решение о передаче украинского Закарпатья хортистской Венгрии, которое было принято 2 ноября 1938 года на совместном совещании представителей Германии и Италии в Вене (Австрия). «Спектакль» в форме отторжения Закарпатья от Чехословакии и создания т.н. «Карпатской Сечи», в которой Роман Шухевич («Борис Щука») стал «начальником штаба вооруженных сил», немцы грубо пресекли. Несмотря на это, оуновцы (Михайло Колодинский, Роман Шухевич, Зенон Коссака, Олекса Гасин, Евген Врецьона, Осип Карачевский и другие, в основном, галичане), по примеру немецких хозяев, успели создать на территории Закарпатья концлагерь с несколькими филиалами для перевоспитания своих политических противников.

Роман Шухевич, кроме того, занялся привычным для себя делом, создав террористические боевки, успевшие осуществить ряд террористических актов против поляков и евреев. Как утверждал сразу же после войны один из лидеров ОУН Арсенич-Березовский, Шухевич после поражения «Карпатской Сечи» бежал в Румынию, где некоторое время скрывался у местных украинских националистов. Затем, через Болгарию и Югославию, с помощью абверовцев, проник в Австрию, где стал желанным гостем в имении Рико Ярого под Веной. В начале 1940 года Р.Шухевич («Щука») уже в Кракове – работает в Центральном Проводе (ЦП) ОУН военным референтом.

Работа в ЦП ОУН не мешает совершенствовать мастерство полицейского. Некоторое время Шухевич учится в подофицерской школе в Бранденбурге (Германия), после чего – на полицейских курсах

в Закопане (Польша). Один из специалистов Абвера «по «украинским вопросам» Альфред Бизанц на допросе, который проводился в 1949 году, утверждал, что уже в 1939 году встречался с Шухевичем в Кракове у заместителя Андрея Мельника – полковника Романа Сушко. Встреча состоялась в здании т.н. Украинского центрального комитета (УЦК) по улице Зеленой, 26.

Во второй раз они встретились в 1940 году в городе Криница (Польша), где Шухевич обучался в немецкой диверсионно-разведывательной школе. В Кринице располагалась одна из трех таких «Арбайтсдинштуле». Две других функционировали в польских населенных пунктах Ясло и Вислок-Вельки.

В «Арбайтсдинштуле-1» обучалось 50 оуновцев-галичан. Шухевич был в ней не просто курсантом, а инструктором и особо доверенным у немцев лицом. Курсанты школы готовились для выполнения диверсионно-террористических актов в советском тылу в ходе предстоящей войны.

После успешного прохождения спецподготовки в этой школе Шухевича направляют в «высшую специальную школу», которая располагалась в имении Фриденталь под Берлином. Со временем Фриденталь станет известен как место подготовки личного состава подразделений диверсионного полка Бранденбург-800, в составе которого сформируют украинские батальоны «Нахтигаль» и «Роланд». А еще позже Фриденталь станет базой для подготовки спецназовцев главного диверсанта Германии, любимца самого Гитлера, штурмбанфюрера СС Отто Скорцени – «человека со шрамами на лице».

К началу Великой Отечественной войны практически все лидеры ОУН стали сотрудничать с немецкой военной разведкой или гестапо. Примером для многих «патриотов» в этом вопросе стал С.Бандера, что подтверждается материалами Нюрнбергского процесса. Свидетельствовавший на этом процессе заместитель начальника 2-го отдела абвера (Абвер-2) полковник Эрвин Штольце показал:

«...В октябре 1939 года я с Лахузенем привлек Бандеру к непосредственной работе в Абвере. По своей характеристике Бандера был энергичным агентом и одновременно большим демагогом, карьеристом, фанатиком и бандитом, который пренебрегал всеми принципами человеческой морали для достижения своей цели, всегда готовый совершить любые преступления. Агентурные отношения с Бандерой поддерживал в то время Лахузен, я – полковник Э.Штольце, майор Дюринг, зондерфюрер Маркерт и другие...».

Примерно в этот период давнее сотрудничество Романа Шухевича с абвером получило свое логическое продолжение. Начальником гестапо в Кракове Гаймом он привлекается к сотрудничеству с этой охранкой. По заданию Гайма, как военный референт, ответственный в ЦП ОУН за связь с «краем», собирает через оуновскую подпольную сеть в Западной Украине разведывательную информацию о положении в этом регионе. На Волыни эти задания Шухевича и гестапо выполнял референт областного провода ОУН Закуштуй Ананий («Василь»).

В 1940 году ОУН раскалывается на две противоборствующие ветви: сторонников А.Мельника, с одной стороны, и приверженцев С.Бандеры, с другой. Исследователи этого вопроса однозначно оценивают участников бандеровского крыла ОУН, а, в основном ими стали бывшие боевики-галичане, как наиболее беспощадных, коварных и безжалостных в отношении своих соперников и врагов.

Одним из инициаторов раскола и организаторов нового националистического центра – т.н. «революционного провода» ОУН-б без колебаний стал оуновский террорист №1 Роман Шухевич. В новом руководстве он занял стратегически важную для Абвера должность члена Центрального провода и руководителя краевого провода, то есть оуновского главаря в Галиции, оказавшейся к тому времени в составе советской Украины. Кроме того, в его руках оказалась связь с националистическим подпольем на советской территории.

Весь 1940 год и половина следующего 1941-го прошли в лихорадочной работе по заброске на территорию СССР оуновских эмиссаров. Через кордон были переброшены Василь Сидор, Иван Климив-«Легенда», Василь Чижевский, Дмитро Мирон-«Орлик», Юрко Стельмашук, десятки других эмиссаров и диверсантов.

Жена одного из руководителей ОУН-б Владимира Гербового Таньчакивская Анна после войны вспоминала, что инициаторами сотрудничества ОУН с немцами против СССР были С.Бандера и ее муж. Однако некоторые встречи с представителями Краковского гестапо и вермахта, которые происходили в Кракове, организовал Роман Шухевич. Таньчакивская стала свидетелем 3-х таких встреч, на которых с немецкой стороны в разное время присутствовали гестаповец Гайм, личный представитель Гитлера д-р Фегль, некоторые высшие чины вермахта. Украинскую сторону представляли С.Бандера, Р.Шухевич, Я.Стецько и другие лидеры ОУН, в целом 25 деятелей.

На случай националистического восстания в советском тылу, а также с целью вооружения подполья создавались склады с оружием и

боеприпасами, многие из которых были обнаружены и изъяты советской милицией и НКВД.

Весной 1941 года, созданный в составе абверовского полка «Бранденбург-800» украинский диверсионно-террористический батальон «Нахтигаль», возглавили немцы Альбрехт Герцнер (представитель абвера), Теодор Оберлендер (НСДАП), оуновец Роман Шухевич в звании капитана вермахта (получил это звание от Абвера – Л.П.). Шухевич стал не только «украинским командиром батальона», но и представителем в нем ОУН-б. Униатским капелланом батальона стал бандеровец Иван Гриньох.

Начало Великой Отечественной войны, участие в ней боевиков и карателей из ОУН полностью опровергает господствующую сегодня в среде некоторых украинских «ученых» оуновскую концепцию о войне украинских националистов против «двух врагов» – гитлеровской Германии и «имперской Москвы».

День 30 июня 1941 года стал поистине черным днем для еврейского и польского населения города Львова. В этот день, задолго до прибытия немецких карательных и полицейских частей, с передовыми колоннами вермахта в город ворвались «соловьи» Шухевича. По свидетельству немецкого исследователя Вилли Брокдорфа, своим внешним видом они напоминали окровавленных мясников. Они «взяли в зубы длинные кинжалы, засучили рукава мундиров, держа оружие на изготовку. Их вид был омерзителен, когда они бросились в город... Словно бесноватые, громко отрывивая, с пеной на губах и вытаращенными глазами неслись украинцы по улицам Львова. Каждый, кто попадался в их руки, был казнен».

Подобным образом характеризует нахтигалевцев мельниковец Василий Сельский. В 1947 году в журнале «Украина» (США) он написал: «С началом немецко-советской войны подразделения диверсантов в немецких мундирах, с немецкими автоматами и на немецких танках приезжают в эвакуированный советами Львов. Напыщенные и самоуверенные, достигнув Львова, они устраивают на протяжении нескольких дней садистские оргии. Самые большие оргии устраивались во Львове, где диверсанты начали при молчании немцев грабить магазины и терроризировать население для того, чтобы понравиться хлебосолам из вермахта».

Даже украинский националист, приверженец бандеровского крыла ОУН из Польши, историк Николай Сивицкий в томе 2 своей работы «Dzieje konfliktow polsko-ukrainskich» (Варшава, 1992 г.) признает, что

«во Львове, кроме замордованных 22 профессоров высших учебных заведений (вместе с семьями ок. 40 чел.) украинцы... замордовали ок. 100 польских академиков. В каждом городе и поселке немцы расстреляли от нескольких до нескольких десятков поляков, на которых украинцы указали как на коммунистов».

Замечу, что мнение Сивицкого вступает в явное противоречие с позицией некоторых галицийских идеологов, решивших недавно (повидимому, с целью замести следы своих предшественников – Л. П.) увековечить память ученых и общественных деятелей, погибших в первые дни оккупации Львова от рук «немецких оккупантов».

В действительности, немцы к убийству львовских ученых в период с 30.06 по 7.07.1941 г. отношения практически не имели. Ученые и другие, неудобные ОУН, горожане в эти дни уничтожались «нахтигалевцами» в соответствии со списками, заранее подготовленными участниками местного оуновского подполья. Среди жертв оказались ректор Львовского университета Роман Ремский, писательница Галина Гурская вместе с тремя сыновьями, ученый-юрист Роман Лонгшалноде-Берье, профессор Бой-Желенский, бывший польский премьер, профессор, почетный член многих Академий наук Казимир Бартель и другие известные представители интеллигенции.

Нередко представителей львовской интеллигенции долго мучили и унижали перед тем как убить. Например, 20 человек, среди которых были 4 профессора, 5 женщин... заставили языком и губами мыть ступеньки в семи подъездах четырехэтажного дома.

Особенно цинично убивали евреев. Их заставляли лизать языками мостовую, носить ртом мусор, без подручных средств мыть и чистить дороги. Любой из националистов и их сторонников при этом мог жестоко избить и даже убить еврея. Били железными и деревянными палками, ломami, топорами. Микола Лебедь и Роман Шухевич распределяли палачей по группам, направляя на заранее определенные участки города, контролировали их «работу».

По свидетельству бывшего жителя Львова Хаима Гольдвина, будущий командир УПА принимал личное участие в истязаниях:

«... Так стал свидетелем парада батальона «Нахтигаль» у ратуши, на которой рядом с гитлеровским флагом висел желто-голубой флаг. Вблизи ратуши был тогда рынок. Я отошел немного в сторону и сразу стал свидетелем страшной картины. Какая-то женщина с сыном покупала овощи. Подошли «нахтигалевцы» и грубо толкнули ее. Она обратилась к офицеру на немецком языке с просьбой о помощи.

Когда открыла сумку, показывая документы, он заметил в сумке стетоскоп и понял, что это врач. Офицер (а был им Роман Шухевич) захохотал и ударил женщину по лицу. На следующий день видел на улице Коперника толпу людей (евреев), «соловухи» выстроили эскорт. Вдоль улицы по направлению к тюрьме вели они граждан, попутно избивая их. Во дворе тюрьмы слышались выстрелы...».

Убивая евреев и поляков, нахтигалеvцы раздавали украинскому населению листовки с призывами участвовать в погромах. В листовках указывалось:

«Ляхов, жидов, москалей, коммунистов уничтожай без милосердия, не жалеj врагов украинской национальной революции!»;

«Знай! Москва, Польша, мадьяры, жиdy – это твои враги. Уничтожай их!».

Четко определили они свое отношение и к немецким оккупантам. В пункте 3 «акта» квази-правительства Ярослава Стецько от 30.06.1941 г. провозглашалось: «Украинское государство будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Великой Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый строй в Европе и мире... Украинская армия... будет бороться дальше с союзной немецкой армией... за ... новый строй во всем мире...».

Газета «Самостийна Украина» от 10.07.1941 года писала, что после выступления советника А.Розенберга по украинскому вопросу, абверовца Ганса Коха на собрании бандеровцев и гитлеровцев, на котором в первый же день оккупации Львова в спешном порядке «слепили» правительство Я.Стецько, было зачитано «приветствие немецким воинам и вождю народа Адольфу Гитлеру. Возгласы: «Слава!» и «Гайль!» – отрывочно засвидетельствовали наши настоящие чувства».

Страшные преступления нахтигалеvцев благословило высшее духовенство униатской церкви (УГКЦ). Митрополит А.Шептицкий сразу после вступления нахтигалеvцев во Львов принял Романа Шухевича и капеллана батальона священника УГКЦ Ивана Гриньоха у себя. В ходе встречи эти обер-бандиты получили отпущение грехов и высочайшее благословение. Митрополит предоставил свои апартаменты в распоряжение командиров батальона «Нахтигаль».

А вот как освещается поведение владыки в этот период в «Отчете ОУН об организации украинской власти на западноукраинских землях», составленном 22.07.1941 г.: «Митр. Шептицкий приказал духовенству подготовить нем. знамена и декорировать ими парафиальные здания

и призвал население к послушанию нем. власти и гражданской власти, если такая будет со временем организована...»

Семь дней продолжалась во Львове кровавая оргия батальона «Нахтигаль». Семь долгих летних дней пьяные бандиты грабили, жгли, насиловали, убивали невинных людей, живыми зарывали их в землю. За этот период было убито по разным подсчетам от 5 до 7 тысяч горожан. Свой страшный, кровавый путь бандеровские «соловьи» продолжили в Золочеве, Тернополе, Кременце, Сатанове, Юзвине, Михалполе, Виннице. В Золочеве убивали советских военнопленных, местных евреев. В Кременце, используя львовский опыт, убивали известных представителей польской интеллигенции и евреев. В Сатанове подожгли местную синагогу, заставив евреев-горожан изображать по этому поводу радость. Отказывавшихся убивали. Убили раввина и еще одного верующего еврея, отказавшегося целовать крест. Подобное творили в каждом населенном пункте, в который вступали.

Оказавшись на фронте под Винницей, «соловьи» мгновенно растеряли свою показную храбрость. В первом же бою с регулярными частями Красной Армии они до смерти перепугались и бежали в тыл – за спины немецких союзников. Гитлеровцам пришлось отозвать «бравых вояк» с фронта.

Снова послушаем П.Дужого: «Во Франкфурте-на-Одере 21 октября 1941 г. южная и северная группы (имеются в виду батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» – Л.П.) соединились, и 650 молодых патриотов промаршировали улицами города к своим казармам, исполняя песню «Згорела золота заграда». Командиром реорганизованного легиона (полка – Л.П.) стал майор Е.Побигущий, а его заместителем Роман Шухевич. Формация состояла из четырех сотен (рот – Л.П.)... Ее официальное название «Шуцманшафт батальон №201».

Остается добавить, что Шухевич в батальоне исполнял еще одну функцию – руководил школой полиции, то есть, учил подчиненных убивать, грабить, насиловать. Этому он будет впоследствии учить вояк «армии бессмертных» – УПА.

Гитлеровцы включили 201-й батальон шуцманшафт в состав карательного корпуса СС генерала фон дем Баха-Залевского, боровшегося с партизанами Белоруссии. Этот эсэсовский генерал будет обвиняться на Нюрнбергском процессе в совершении многих преступлений военного времени. Это он, выполняя приказ Гитлера «освободить Остланд от евреев», в кратчайшие сроки «очистил» Прибалтику от еврейского населения. 1 июля 1941 года вермахт занял Ригу, а 31 октября того же

года обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Залевски отправил шифrogramму в Берлин – «в Остланде евреев нет».

На одном из послевоенных судебных процессов над фашистскими преступниками, проходившем на территории СССР, подсудимый Герф следующим образом охарактеризовал карательную операцию палачей Баха-Залевского, очевидцем результатов которой был: «Экспедицию организовал обергруппенфюрер Бах на границе Белоруссии и Украины. Когда он выехал оттуда, я получил задание лично доложить Гитлеру о результатах этой экспедиции. Во время этой карательной экспедиции было уничтожено 5 или 6 тысяч человек».

Благодаря его карателям, лучшими среди которых он назовет украинских шуцманов из 201-го батальона (см. Іnycki Roman “Deutschland und Ukraine”. Munchen, 1958), на территории Белоруссии ляжет в землю каждый четвертый житель. Бах-Залевский разрушит Варшаву и убьет большую часть ее жителей. Даже лишенный эмоций эсэсовец, диверсант и любимец фюрера Отто Скорцени ужаснется, узнав о намерении Баха-Залевского разрушить своей знаменитой осадной мортирой центр города Будапешта. Ужаснется и воспротивится этому.

Высокая похвала из уст обер-карателя Баха-Залевского как нельзя лучше характеризует украинских вояк из 201-го батальона шуцманшафт. Именно они, больше других «союзников», отличились при проведении операций «Болотная лихорадка (Витебская область), «Треугольник» (Брестская область), «Котбус» (Минская, Витебская, Вильнюсская области). Тысячами трупов замученных мирных людей, заживо сожженных детей и стариков отмечен их путь в некоторых лесных селениях Прибалтики, Брянской области России, украинского полесья.

Между тем, Роману Шухевичу чрезвычайно льстила высокая оценка гитлеровского палача. Он даже не смог удержаться, чтобы не похвастаться ею перед своим покровителем и духовником. Летом 1942 года он напишет в письме к митрополиту А.Шептицкому:

«Ваша святейшая эксцеленция. У нас дела идут хорошо, немцы удовлетворены нашей работой» (выделено нами – Л.П.).

О преступлениях шуцманов из 201-го батальона на Украине имеются подробные воспоминания Софьи Шибистой, которые напечатаны в «Коммуникатах общества имени Дмовского» (см. т.2. Лондон, 1979 (90), стр. 154).

Зверства украинских карателей в лесных селах Брянщины в детстве наблюдала жительница Кременчуга К.Азаренко. На ее глазах

шущманы без особой причины жестоко избили ее мать, убили некоторых крестьян, сожгли их постройки. Азаренко свидетельствует:

«Они, оуновцы, чтобы далеко была видна их «работа», сжигали поселки и живьем семьи в хатах наших, деревянных, свирепствовали и убивали больше, чем немцы».

Напомним, что кровавые оргии на территории соседнего государства шущманы устраивали в тот период, когда гитлеровцы четко обозначили свою позицию в отношении оккупированной Украины. К переданному Венгрии Закарпатья, добавилась Галиция, включенная оккупантами в состав польского генерал-губернаторства с центром в Кракове. Львов стал Лембергом, то есть, «немецким» городом. Волынская, Ровенская и часть Тернопольской области, Полесье включалось в т.н. Рейхскомиссариат с центром в Ровно. Буковина была подарена еще одной союзнице фюрера – Румынии. Гитлеровские лакеи из ОУН получили «дырку от бублика».

Квази-правительство Ярослава Стецько – заместителя С.Бандеры, просуществовав несколько дней, было разогнано по приказу А.Гитлера. Не помогли ни клятвы членов правительства, среди которых оказался Р. Шухевич, в верности фюреру, ни практические доказательства этой верности, продемонстрированные путем развязывания террора в отношении населения оккупированной Украины.

Бандеровских лакеев в их коллаборационизме не остановил даже факт ареста немцами и тюремного заключения около 300 их лидеров. Правда, условия содержания под стражей верхушки ОУН-б скорее напоминали условия пребывания в пансионате или санатории, чем в гестаповском застенке.

Ни о какой «независимой» Украине, о которой (на словах) постоянно твердили оуновцы, не могло быть и речи. Для бандеровских лидеров не было секретом, что территория Украины, согласно планам гитлеровских бонз, была предназначена для ее заселения арийцами. Так, в июне 1942 года состоялось совещание в ставке Гимmlера, на котором этот руководитель гестапо, СС и кумир Р.Шухевича дал указание о массовом уничтожении украинцев с целью очистить территорию Украины для будущего переселения немцев.

Между тем, защитники преступной деятельности украинских карателей даже общеизвестные, достоверные факты участия оуновских шущманов, в последствии составивших руководящее ядро УПА, в массовых убийствах невинных людей пытаются всячески извратить в выгодном для себя плане и оправдать. Послушаем П.Дужого: «Легион

выезжает в районы боевых действий. Ими стала та часть Белоруссии, в которой бесчинствовали московско-эмгебистские партизаны, которые имели главной задачей и там, и на смежных украинских землях беспощадно уничтожать население».

Оказывается, если верить на слово Дужому, вояки-шущманы из 201-го батальона в Белоруссии защищали местное население от их же партизан. И именно за это кровавый эсэсовский преступник фон дем Бах-Залевский назвал это подразделение лучшим среди своих головорезов?... И зачем только немцы тратились на содержание украинских коллаборационистов?... Без комментариев!

А содержание шущманов влетало рейху в копеечку. Тем более, что оуновские прихлебатели гитлеровских бонз зорко следили за исполнением этой части контракта. Поверим на слово в этом вопросе абверовцу Бизанцу, который с немецкой аккуратностью фиксировал поведение своих подопечных из ОУН. Отвечая на вопросы следствия относительно своих контактов с Р.Шухевичем, А.Бизанц в 1949 году утверждал, что в период проведения карательных операций в районе Винницы, а также на территории Белоруссии Шухевич имел возможность неоднократно приезжать во Львов, где встречался с абверовцами, в том числе, с Бизанцем. Так, в декабре 1941 года Шухевич прибыл во Львов из-под Винницы. Посетив Бизанца, он обратился к нему с просьбой защитить семьи нахтигалевцев, обеспечить их пайками и денежным содержанием. Со слов Шухевича, после ареста Бандеры гестаповцами нахтигалевцы сильно беспокоились о судьбах членов своих семей и родственников. Бизанц в просьбе не отказал и тут же издал приказ по дистрикту «Галичина», запрещающий вывоз в Германию членов семей карателей из 201-го батальона, а также обеспечении их пайками и деньгами.

В ноябре 1942 года Шухевич, на этот раз из Белоруссии, снова прибывает в родной Львов. На встрече с Бизанцем рассказывает, что 201-й батальон часто проводит карательные операции не только против белорусских партизан, но и поддерживающего их гражданского населения.

Справедливости ради следует отметить, что «заслуги» карателей перед Рейхом достойно оценивались не только оккупантами, которые наградили крестами многих офицеров 201-го батальона, в том числе, его руководителей Евгения Побигущего и Романа Шухевича. Уже после войны, оказавшийся в благополучной Европе Евгений Побигущий бывший командир 201-го батальона шущманов, бывший командир полка

дивизии СС «Галичина», удостоился ордена католической церкви. По-видимому, за «необыкновенную святость»?

Там же, на Западе, иерархи римско-католической церкви окружили почетом и уважением многих оуновских палачей. Таких, например, как капеллан карательных подразделений полиции, дивизий СС «Галичина» Иван Гриньох или первый руководитель кровавой СБ ОУН-б Микола Лебедь. Эсбиста Лебеда после войны не только спрятали от справедливого возмездия в одном из униатских монастырей в Италии, но и дали ему возможность написать там дезинформационную книгу под названием «УПА».

В последующем, в среде галицкой интеллигенции стало известно, что каратели из 201-го батальона потерпели жестокое поражение от белорусских партизан в районе Орши, после которого так и не смогли по-настоящему восстановить боевой дух. К тому же, оптимизма им явно не прибавляло ухудшившееся после Сталинградской битвы положение немецких войск на Восточном фронте.

14 октября 1942 года, в религиозный праздник Покровы, Роман Шухевич и бывшие воины «Нахтигалья» (по утверждению националистов) с оружием в руках «дезертируют» из эсэсовского корпуса и уходят в леса уничтожать бежавших евреев. Уже после войны, в апреле 1948 года УГВР (бандеровский «парламент» – Л.П.) своим специальным постановлением утвердила дату 14.10.1942 г. официальным днем образования УПА. В действительности же бандеровцы свои вооруженные отряды начали называть «УПА» с весны 1943 года, «отняв» это название, вместе с некоторыми бандами, прежде всего кавалерией, у атамана Бульбы-Боровца.

Современные псевдо историки из ОУН, продолжая утверждать, что их УПА создана 14.10.1942 года, ссылаются на приказ «Чупринки» от 14.10.1947 г., текст которого приводится в изданной на Западе «Летописи УПА». В числе таких «историков» можно назвать профессора В.Сергийчука (см. В.Сергийчук. «ОУН-УПА в роки війни». Київ, 1996 р., стр. 231). В действительности же мы имеем дело с тривиальной фальсификацией со стороны «Чупринки» или его более поздних биографов. В октябре 1942 года Шухевич еще находился в составе карателей фон дем Баха-Залевского. В марте-апреле 1943 года он, вместе с «Максимом Рубаном», лично участвовал в создании бандеровской УПА на Волини, а летом 1943 года – УНС в Галиции. Командир «армии бессмертных» наверняка знал, что до февраля 1943 года вооруженные отряды ОУН-б не назывались термином «УПА».

Желающие убедиться в справедливости наших слов могут обратиться к свидетельствам разного уровня руководителей ОУН-УПА, прежде всего, Михаила Степаняка («Серого»), Александра Луцкого («Богуна»), Юрия Стельмащука («Рудого»), Федора Воробца («Верещаки») и многих других.

Фальсификаторы истории ОУН-УПА также утверждают, что УПА существовала до 1952 года, что является ничем иным, как вопиющей дезинформацией общественного мнения. Уже в августе 1945 года, по указанию командира «армии бессмертных» Романа Шухевича, была расформирована и прекратила свое существование УПА-«Пивнич». В июле 1946 года приказом «Чупринки» расформирована УПА-«Запад» (бывшая УНС).

Этому решению способствовали успехи советских правоохранительных органов, воинских подразделений, разгромивших крупные банды УПА. Сама жизнь вынудила «Чупринку» и его сообщников дробить свои силы и уходить в глубокое подполье, нападать из-за угла, как правило, на беззащитных людей. Основные силы УПА в этот период представляли не столько озлобленные банды убийц, прятавшихся в труднодоступных лесных и болотистых местах, сколько так называемые самооборонные кустовые отделы (СКО), состоявшие из легализовавшихся оуновцев, творивших свои черные дела под покровом ночи, а затем, в дневное время, подобно оборотням принимавших вид мирных жителей.

Оуновские авторы оправдывают «дезертирство» Р.Шухевича и его группы из немецкой полиции желанием бороться против немецкого оккупанта, советских и польских партизанских отрядов на Западной Украине.

Одним словом, «перехитрил Р.Шухевич глупых немцев», за что, якобы, арестовывают его жену, но через месяц выпускают с просьбой передать мужу, чтобы ничего не боялся и пришел к представителям Германии... Но, довольно дезинформации. Обратимся к послевоенным свидетельствам абверовцев и оуновцев.

Член центрального провода ОУН Михаил Степаняк в августе 1944 года рассказал следователю, что в декабре 1942 года он и Лебедь, а также «Гармаш» направили Шухевичу письмо с предложением перевести весь батальон шуцманшафт №201 на нелегальное положение. Шухевич это письмо никому из товарищей не показал, что вызвало недовольство и подозрения у тогдашних руководителей ОУН.

По-видимому, с целью оправдать Шухевича перед его оуновскими друзьями, немцы в конце того же 1942 года «задержали» и привезли

его во Львов, где для видимости около 3 дней содержали в гестапо, затем, без всяких предварительных условий, выпустили.

Естественно, Степаняк не мог знать всех деталей сотрудничества Шухевича с Абвером и гестапо. Уже после войны кое-что стало известно после допроса все того же абверовца Бизанца, который рассказал о своих встречах с «Чупринкой» в 1942 и 1943 годах.

Как утверждал Бизанц, в феврале 1943 года Шухевич, официально разыскиваемый немцами, в форме офицера полиции снова появляется в львовском кабинете абверовца. Он просит помощи в освобождении своей жены Наталии, незадолго до этой встречи взятой под стражу гестаповцами. Бизанц незамедлительно обращается к губернатору дистрикта, эсэсовскому генералу Отто Вехтеру. Наталья Шухевич была немедленно освобождена.

В марте 1943 года Шухевич вновь у Бизанца. И снова в мундире офицера полиции. Он благодарит Бизанца за оказанное содействие в освобождении жены.

Как Бизанцу стало известно несколько позже, у Шухевича были близкие «друзья» и среди гестаповцев. В частности, таким другом был Ярослав Мороз, служивший с 1941 по 1942 г. г. во Львовском гестапо в звании фельдфебеля. В 1943 году Мороз окажется в дивизии СС «Галичина».

С Абвером Р.Шухевича связывало долголетнее сотрудничество, не прекращавшееся да самого краха Третьего Рейха. В 1945 году Бизанцу стало известно, что его «друг» Шухевич связан с центральными органами Абвера через посредничество доктора Гринива, приятеля С. Бандеры. Через Гринива, находившегося в городе Колин близ Праги, по уверению Бизанца, к Шухевичу направлялись немецкие связники-парашютисты.

Между гитлеровцами и УПА поддерживалась также постоянная радиосвязь. В частности, офицеры абвера: оберлейтенант Йозеф Мюллер и доктор Вальтер Фель с помощью радиопередатчиков получали от Шухевича разведанные о расположении частей Советской Армии, передавали ему указания о проведении разведки и диверсий в тылу советских войск.

Неоценима роль Романа Шухевича в создании и укреплении УПА, придании подразделениям этой «армии» формы штурмовых отрядов СА, созданных Гитлером и Ремом еще в 20-х годах. Функции немецкого гестапо в УПА выполняла СБ, состоявшая почти поголовно из бывших полицейских, эсэсовцев, в основном, галичан. Постоянными

репрессиями мирного населения и рядовых уповцев занималась также военно-полевая жандармерия (ВПЖ). Процитируем одного из влиятельных бандеровцев генерала М.Смовского: «В отрядах УПА-Бандеры были не только партийные наблюдатели «политруки», но и уполномоченные СБ... Эсбисты были законом и судом в УПА-Бандеры. СБ была организована по гитлеровскому образцу. Почти все команды СБ – это бывшие курсанты гитлеровской полицейской школы в Закопане с годов 1939-1940. Обучали их гестаповцы».

Не была УПА и не могла быть ни армией, ни вооруженной формацией народа. Это был вооруженный отряд одной фашистской партии – ОУН-б. Армии, как известно, создаются правительствами суверенных или официально признанных государств. Украина же в период образования УПА была оккупирована фашистской Германией. УПА не имела своей формы. Ее вояки носили немецкие, польские, советские мундиры или ходили в гражданской одежде.

Бандеровскую УПА не признавали влиятельные политические силы украинского общества. Не говоря уже о негативном отношении сограждан из советской Украины, террористические методы бандеровцев осудили мельниковцы, сторонники Бульбы-Боровца, президента украинского правительства в эмиграции К.Левицкого, гетманцы и т.д.

Нельзя ее оценивать и в качестве некоего проявления «национально-освободительного движения», так как основным методом пополнения куреней и отрядов УПА была мобилизация. За отказ вступить в УПА не только убивали призывника, но, нередко, и членов его семьи. Мобилизованного, как правило, закрепляли кровью. Для этого ему обычно приказывали убить еврея, поляка или, чем-то провинившегося перед бандитами и их руководителями, украинца.

Во главе УПА стояли многолетние агенты абвера и гестапо: Д.Клячківський, Р.Шухевич, М.Лебедь, Р.Волошин, Я.Бусел, А.Луцкий, Д.Грицай, С.Арсенич-Березовский, Д.Маевский.

Только абвер располагал в руководстве УПА целым подразделением своих офицеров. Вот некоторые из них: капитан абвера Роман Шухевич («Чупринка»), награжден двумя крестами и медалью гитлеровской Германии; капитан абвера Василь Сидор («Шелест») – командир роты 201-го батальона шуцманшафт, затем командир УПА «Запад», награжден немецким крестом; старший лейтенант абвера Д.Клячківський («Клим Савур»); капитан абвера И.Гриньох («Герасимовский», «Данилив») – организатор и член Главного штаба УПА, отвечал за связь УПА с абвером и гестапо, бывший капеллан

бандеровского батальона «Нахтигаль», капеллан 201-го батальона шуцманшафт, главный капеллан 14-й Ваффен СС дивизии «Галичина», кавалер двух немецких крестов; старший лейтенант абвера А.Луцкий («Богун») – бывший командир взвода 201-го батальона шуцманшафт, командир УНС (галицийский вариант УПА), с начала 1944 года зам. командира УПА; капитан абвера В.Павлюк («Ирко») – командир роты 201-го батальона шуцманшафт – куренной УПА на Ивано-Франковщине, затем районный проводник ОУН на Львовщине; старший лейтенант абвера Ю.Лопатинский («Калина») – член Центрального провода ОУН и Главного штаба ОУН, активный участник кровавых преступлений нахтигалевцев во Львове (июнь 1941 г.); капитан (гауптштурмфюрер) Ваффен СС П.Мельник («Хмара») – командир роты дивизии СС «Галичина», куренной УПА.

Согласно захваченному при освобождении Львова гестаповскому документу от 22.04.1944 года, на совещании сотрудников немецких спецслужб выступил подполковник Абверкоманды №202 Залингер, который сообщил, что использует в интересах разведки оуновца Романа Шухевича. Он также упомянул, что Шухевичем было направлено к абверовцам несколько человек для обучения их навыкам радио-связи.

Со слов Залингера, Шухевич предложил ему также вооружить все отряды УПА Галиции и постепенно перебрасывать их через линию фронта в тыл советских войск для ведения диверсионно-разведывательной работы. О том, что это предложение имело свои последствия, свидетельствовали конкретные дела бандитов УПА, которые, перейдя линию фронта, стреляли в спины красноармейцев, взрывали мосты и поезда, военные объекты, совершали теракты в отношении крупных советских военачальников.

В феврале 1943 года воля немецких спецслужб была материализована на 3-й Конференции ОУН, на которой было высказано предложение освободить Миколу Лебеда с поста руководителя провода ОУН. Руководителем провода было предложено избрать Романа Шухевича с титулом «первый среди равных». Вскоре Шухевич становится военным референтом провода ОУН, что, фактически позволило ему вмешиваться в руководство отрядами УПА, к крайнему неудовольствию ее формального командира «Клима Савура». Лебедь был обвинен в нарушении «демократии» во взаимоотношениях с другими руководителями ОУН. Ему также вменили вину за провал в организации диверсий в тылу советских войск.

В период апогея геноцида польского населения (лето 1943 года), в процессе которого, по самым скромным оценкам специалистов, бандеровцами уничтожено не менее 100 тысяч мирных поляков, несколько отрядов УПА под общим командованием Романа Шухевича 31 августа 1943 г. атаковали польское село Пшебраже на Волыни.

Это село знаменито тем, что в нем спасались многие тысячи женщин, стариков и детей, которым удалось бежать от кровавой расправы оуновских бандитов из других населенных пунктов. За счет беженцев из сожженных украинскими фашистами польских сел и хуторов население Пшебраже возросло к августу 1943 года до 30 тысяч человек. Для их защиты мужчины села создали сельскую самооборону, вооруженную стрелковым оружием. Защищать мирных поляков от немецких и украинских фашистов помогали также советские партизаны из отряда Прокопюка, дислоцировавшегося в ближайшем лесу.

Для успеха операции Шухевич обеспечил многократное превосходство в силах. В рядах уповцев насчитывалось около 10 тысяч человек, наиболее боеспособных и надежных из которых (4 тыс. галичан) Шухевич перебросил из окрестностей Львова. На вооружении бандитов находилось 66 тяжелых пулеметов, 86 ручных пулеметов, 17 минометов, 2 полевых орудия.

Сражение продолжалось почти целый день и закончилось полным, поражением украинских фашистов. Успех сражения обеспечила атака советских партизан и конницы из Пшебраже в тыл нападавших. Бандиты, потеряв сотни вояк убитыми и ранеными, 17 тяжелых и 6 ручных пулеметов, 6 минометов, панически бежали в сторону украинского села Рудники. В ярости от бессилия, «Чупринка» приказал расправиться с каждым, кто проявил трусость или нерешительность, что и было сделано. Среди жертв этой расправы оказался православный священник из села Рудники, накануне боя уговаривавший уповцев не нападать на мирных соседей.

Как утверждал Александр Луцкий, «Клим Савур», возмущенный низким уровнем командования операцией, во всеуслышание заявил: «Из Шухевича такой же командир, как из рака жеребец!» Нетрудно было предположить, что злопамятный Шухевич никогда не простит своему сопернику такой характеристики.

Некоторые ветераны УПА рассказывали автору этих строк, что невысокого мнения о командирских качествах Шухевича был не только Клячківський, но и многие другие командиры повстанческих отрядов, оперировавших на Волыни и Ровенщине. Особенно возмутил

их один случай, произошедший летом 1943 года в период движения в сторону Карпат соединения дважды Героя Советского Союза С.А.Ковпака. В период передвижения по Волыни советские партизаны разгромили несколько куреней УПА, захватили склады и разрушили их мастерские в Свинаринском лесу.

Вместо того, чтобы защищаться и попытаться организовать отпор ковпаковцам, Шухевич бежал со своей охраной во Львов, где умолял немцев помочь ему в борьбе с советскими партизанами.

Немецкие фашисты сжалились над своим приятелем и союзником. Было принято совместное решение оккупантов и ОУН по созданию Украинской национальной самообороны (УНС). Из бывших полицейских, активистов ОУН срочно сформировали 5 батальонов (900 человек), во главе которых поставили агента абвера, бывшего нахтигалева Александра Луцкого («Андриенко», «Беркут», «Богун», «Богдан»).

УНС немцы вооружили немецким оружием, поставили на продовольственное и боевое довольствие вермахта. С обмундированием было сложнее, поэтому только офицерам выдали немецкую военную форму. Рядовые были экипированы в гражданскую одежду. При-мечательный факт – на головных уборах офицеров красовались немецкие кокарды, а не национальные трезубцы.

После нескольких стычек в Карпатах ковпаковцы наголову разгромили УНС. Из 900 вояк уцелело не более 300, которые со временем были переформированы Шухевичем в УПА-«Запад». УПА-«Запад» возглавил агент Абвера, бывший офицер 201-го батальона шуцманшафт Василь Сидор («Шелест»).

Сокрушительное поражение от Ковпака не помешало уцелевшим участникам боев из УНС, оказавшимся после войны на Западе, извратить события и распространять по миру легенды о своих «победах» над советскими партизанами. Предательские убийства из-за угла отдельных ковпаковцев или уничтожение их мелких групп, отбившихся от батальонов соединения при возвращении из рейда, оуновцы и их «историки», вроде Петра Мирчука, выдали за крупные победы.

В действительности, основные потери советские партизаны понесли от регулярных эсэсовских и полицейских полков (речь идет о 4-м, 6-м и 12-м полках полиции, из которых 4-й и 6-й вошли в состав дивизии СС «Галичина» – Л.П.), подразделений жандармерии, стянутых в район Карпат по личному распоряжению Гитлера, взбешенного успешными

действиями соединения Ковпака в Галиции – регионе, считавшемся оккупантами своим самым надежным тылом в оккупированной Европе.

Украинская национальная самооборона (УНС), этот галицийский вариант УПА, созданная и обеспеченная всем необходимым оккупантами, яркое свидетельство коллаборационизма «участников национально-освободительного движения», которое делает невозможным любой вариант признания бандеровской ОУН-УПА «воюющей на стороне антигитлеровской коалиции».

В отличие от оуновцев, помощь Ковпаку в его сражениях против немцев и бандеровцев в период Карпатского рейда оказывали польские отряды Конвента независимых организаций и лесной отряд Армии Крайовой (АК) под командованием С.Косибы.

В своей книге, посвященной Карпатскому рейду, С.А.Ковпак с благодарностью вспоминает о помощи, оказанной ему участниками польского антифашистского подполья.

Между тем, сотрудничество ОУН-УПА с немцами не просто продолжалось, а, особенно с приходом на должность руководителя этих формаций в Западной Украине Р.Шухевича, крепло и развивалось по восходящей линии. Член ЦП ОУН Степаняк Михаил («Серый») утверждал:

«... На протяжении всей войны бандеровцы, а именно УПА, вели борьбу против красных партизан и отдельных частей Красной Армии... В 1943 году были изданы официальные приказы по УПА, запрещающие нарушать немецкие коммуникации, уничтожать немецкие склады оружия и продовольствия, нападать на немецкие подразделения даже в том случае, если они обессилены и отступают... На 2-м и 3-м Великих Сборах националистов было принято ряд решений антинемецкого характера, однако, в жизнь они не были воплощены...

По мере того, как Шухевич («Чупринка», он же «Тур») почувствовал свою прочность и стал председателем бюро бандеровского Центрального Провода ОУН, он стал по всем вопросам, по которым ранее критиковал «Максима Рубана» (Лебеда), вести линию еще более диктаторскую и реакционную, чем «Рубан», в частности, стал отменять решение 3-го Великого Сбора ОУН в вопросе восстания против немцев и их сателлитов. На 3-м Великом Сборе Шухевич выступил против концепции «общеукраинского представительства», против принятых ранее антинемецких решений, заменив их другими, направленными исключительно на борьбу против Советской власти в советском тылу, для чего уделял внимание укреплению и расширению УПА...».

В октябре 1943 года, опять же, по инициативе «Чупринки», оуновцы отправляют в адрес губернатора дистрикта «Галичина» «Открытое письмо ОУН» с предложением немедленно начать переговоры о более тесном взаимодействии, ввиду угрозы приближения к территории «восточных тирольцев» Красной Армии и, в связи с активизацией участников советско-польского антифашистского сопротивления.

Полное представление об этих переговорах дают возможность получить трофейные документы львовского гестапо, хранящиеся в наших архивах.

Как следует из содержания этих документов, посредником на переговорах с украинской стороны Шухевич определил бывшего капеллана нахтигалевцев Ивана Гриньоха («Герасимовского»). Немецкую сторону представлял начальник полиции безопасности СД штурмбанфюрер СС В.Витиска, который в качестве посредника на переговорах с оуновцами использовал гестаповца, криминал-комиссара Паппе.

Оуновцы настолько глубоко погрязли в своем предательстве, что, не моргнув глазом, обещали передавать немцам дезертиров из дивизии СС «Галичина», перебежавших в УПА в надежде бороться за независимую Украину. Особый цинизм этому факту придает то обстоятельство, что на верную смерть, насильно мобилизованных в войска СС перебежчиков, обещал передавать один из лидеров ОУН-б Иван Гриньох – бывший главный капеллан дивизии СС «Галичина», ближайший сподвижник митрополита А.Шептицкого, посредник на переговорах между «Чупринкой» и оккупантами.

Переговоры держались в строгом секрете от рядовых уповцев и низшего командного звена «армии бессмертных». Немецкая сторона обязалась обеспечить УПА оружием, боеприпасами и взрывчаткой. Это обещание было выполнено. Только подразделением майора Гельвиха на Волыни и в Галиции было конспиративно заложено около 40 баз с военным снаряжением для украинских «повстанцев». Альбом с картами и пометками мест расположения баз немцы передали начальнику главного штаба УПА Д.Маевскому.

Вооружением и оснащением УПА занимались также абверовские друзья «Чупринки». Так, начальник 2-го отдела штаба оккупационных войск генерал-губернаторства гауптман Юзеф Лазарек после войны свидетельствовал: «На протяжении марта-апреля 1944 года я лично через своего подчиненного лейтенанта Винтгансена направил из Львова в Черный лес три раза по две грузовых машины с оружием. Там было всего 15 тонн различного оружия. Примерно 700-800 винтовок, 50

легких пулеметов и много боеприпасов. Одновременно с тем, что я поставлял УПА оружие, отделения второго отдела при первой бронетанковой и 17-й армиях также получили указания о снабжении УПА оружием, и эту задачу выполняли систематически, направляя оружие в большом количестве”. В письме окружного проводника Неринга губернатору Галиции от 2.04.1944 года сообщается, что автора посетил руководитель УПА в районе Камянки под кличкой “Орел”, “26 лет, заслужил в дивизии СС “Мертвая голова” железный крест первой степени, знак отличия участников пехотных штурмовых атак и серебрянный знак образцовых раненых”. Неринг с удовлетворением отметил, что на этой встрече “были приняты конкретные решения о сотрудничестве в разведке и тактике в борьбе с большевистскими бандами. Командир УПА получил оружие и боеприпасы... “Клим Савур” (Д.Клячківський) 26 января 1944 года провел успешные переговоры с полковником Ваффен СС Шифельдом. Переговоры состоялись в селе Скредготовка, расположенном недалеко от волынского поселка Цумань. В ходе переговоров “Клим Савур” пообещал не только сообщать немцам известную УПА информацию о советских партизанах и подразделениях Красной Армии, но и помогать оккупантам уничтожать их. Немецкая сторона “...обязалась полностью обеспечить УПА оружием и боеприпасами, а разведку против большевиков полностью финансировать через командование УПА...”.

В наших архивах хранится множество документальных материалов о совместных действиях УПА и немецких оккупантов против регулярных частей Красной Армии и советских партизан. Так, один из пленных, гауптман 4-й танковой армии вермахта Франц Лансберг в ходе допроса рассказал: “Мне известен случай, когда в марте 1944 года возле села Подкамень Бродовского района Львовской области батальон наших войск в составе 4-х рот совместно с бандеровцами вели бой с советскими партизанами... За участие в этом бою немецкое командование дало им много оружия...”.

Куренной УПА “Карий”, будучи арестованным органами госбезопасности, показал: “Курень, которым я командовал, по указанию “Чупринки” был направлен в распоряжение немецкого командования и принимал участие в боях с Красной Армией на фронте, а после отступления немцев оставлен в тылу советских войск... Моим заместителем был назначен немецкий оберлейтенант войск СС” (см. В.Наконечный. “Злочини ОУН-УПА на Волини. (З ким и проти кого вони воювали)”. Луцьк, 2001 р., стр.24).

Начальник канцелярии охранного батальона 13-й немецкой армии Клаус Нейхауз, оказавшись в плену, рассказал: “... В начале марта 1944 года к нам поступил приказ, подписанный командующим танковой армией, где указывалось: в целях активизации борьбы с советскими партизанами нашим командованием заключен договор с оуновцами о совместной борьбе против большевиков...”. Материальной стороной “договора” стало огромное количество оружия и боеприпасов, переданное гитлеровцами в руки оуновских террористов, позволившее им пролить реки крови на своей земле.

Получая от немецких союзников задания по разведке, диверсиям в тылу советских войск, оуновцы ставили перед ними одно условие сохранить в тайне факт сотрудничества между ними. Вот как писал об этом “Герасимовский” (И.Гриньох) немецкому командованию: “Доставка оружия и диверсионных средств с немецкой стороны через линию фронта для подразделений УПА должно проводиться по правилам конспирации, чтобы не дать большевикам в руки никаких доказательств относительно украинцев – союзников немцев или немецких агентов, которые остались за линией фронта. Поэтому, ОУН просит, чтобы переговоры, договоренность шли от центра и чтобы партнерами со стороны немцев была по возможности полиция безопасности, так как она знакома с правилами конспирации”.

Причастность немецких спецслужб к созданию бандеровской УПА, руководству ее операциями подтверждается материалами Нюрнбергского процесса. Абверовец Эрвин Штольце, заслушанный на процессе, рассказал: “В период отступления немецких войск из Украины ... лично Канарисом было дано указание о продолжении борьбы, проведении террора, диверсий, шпионажа. Специально для руководства националистическим движением оставались официальные сотрудники офицеры, агентура. Были даны указания о создании складов оружия, продовольствия и т.д.... Связь между фашистами и националистами возлагалась на абверкоманду 202. По личному приказу Гимлера “главнокомандующим” УПА был назначен Роман Шухевич (выделено нами Л.П.)”.

Обращает на себя внимание социальный состав “армии бессмертных”. Ее наиболее боеспособное и фанатично настроенное ядро составляли бывшие немецкие полицейские, причастные к уничтожению еврейского населения, а также бывшие эсэсовцы из дивизии СС “Галичина”. Первая группа бывших шуцманов “дезертировала” со службы в немецкой армии вместе с Романом Шухевичем в конце 1942 года. Их примеру последовали другие

палачи из подразделений шуцманшафт Волыни и Галиции в октябре 1942 и в марте 1943 гг. Если принять за основу данные профессора В.Масловского, под-считавшего, что в Галиции в подразделениях “вспомогательной” полиции насчитывалось 12 тысяч коллаборационистов, а на Волыни соответственно 8 тысяч, то можно с полным основанием утверждать, что шуцманы составляли главную, наиболее жестокую часть вояк УПА.

Так, один из руководителей Торчинской районной полиции В.Кревский в УПА стал заместителем шефа СБ провода ОУН “Москва”. Унтер-офицер 103-го Мациевского батальона шуцманшафт Д.Корейчук стал шефом военной референтуры Колковского надрайонного провода ОУН, получив клички “Ткач” и “Ярош”. Комендант Острожецкой районной полиции А.Шпак впоследствии вынырнул в качестве одного из руководителей УПА под кличками “Осыка” и “Моряк”. Унтер-офицер 105-го Тернопольского батальона шуцманшафт Ф.Янюк возглавил Гороховский районный провод ОУН под кличкой “Захаренко”.

Полицай из Ратно Волынской области А.Кошелюк в период службы у немцев собственноручно убил около сотни мирных граждан, участвовал в уничтожении населения села Кортелисы, получившего в народе наименование “украинского Лидице”. Позднее ушел в УПА. В полиции и УПА был известен под псевдонимом “Дорош”. Полицай из Ковельской районной полиции Д.Степанюк стал шефом СБ районного провода ОУН... Список этих коллаборационистов может занять многие сотни страниц текста.

Стоит ли напоминать читателю, что руки коллаборационистов, пополнивших УПА, были обагрены кровью сотен тысяч евреев, цыган, поляков и украинцев, убитых при установлении в Украине “нового мирового порядка”. Руководил этими кровавыми акциями роман Шухевич.

Следовательно, участие этих коллаборационистов в геноциде еврейского, польского, белорусского, российского и своего – украинского народов, который можно характеризовать сегодня как международный терроризм, не позволяет вести речь о реабилитации УПА, признании ее вояк “воюющей на стороне антигитлеровской коалиции” стороной.

Источники

1. Чайковский А.С. Невідома війна. – К., 1996.
2. Верещак В.И. Правду не одолеть. – К., 2003.
3. Ржезач Т., Цуркан В. Розшуковуються. – К.,

- 1982.
4. Даниленко С.Т. Дорогою ганьби і зради. – К., 1972.
 5. “Шляхом перемоги” – подшивка за 1950-1960 г.
 6. “Самостійна Україна” подшивка за 1950-1960 г.
 7. “Літопис УПА”, №1-30.

Андрей Шептицкий

А.Шептицкий (1865-1944) – митрополит греко-католической (униатской) церкви, ставленник Ватикана, идейный и политический наставник украинских националистов. Светское имя – Роман-Марий Александр. Родился на Львовщине в семье богатого польского помещика. Был младшим братом будущего военного министра в правительстве Пилсудского.

Закончил Краковскую гимназию, изучал право в Ягеллонском университете, в вузах Мюнхена и Вены, а теологию и философию – во Вроцлаве.

Свою карьеру Шептицкий начал в 80-х годах XIX в. в качестве офицера австрийской армии. В 1888 г. с благословения папы Льва XIII он постригся в монахи и принял украинскую национальность. При поддержке Ватикана Шептицкий проделывает головокружительную карьеру – в 34 года становится епископом Станиславским, а через год – митрополитом Галицким и Львовским.

Бандеровская газета «Самостійна Україна» опублікувала привітствие А.Шептицкого по случаю вторжения гитлеровских войск в Украину.

На фото текст этого послания

Шептицкий всемерно пытается расширить влияние Ватикана и униатской церкви на украинское население. Накануне и в годы Первой мировой войны служители ГКЦ во главе с митрополитом Шептицким развернули усиленную пропаганду националистических идей, ненависти к православию и русскому народу. Главное содержание деятельности митрополита определялось установками Ватикана и австро-германских правящих кругов, сутью которых являлось превращение Галиции в театр военных действий против России. Шептицкий оказывает помощь украинским националистам в создании легиона сечевых стрельцов, которым поручают карательные функции в украинских городах и селах.

Приветствовал оккупантов и глава греко-католической церкви митрополит А.Шептицкий. На этом снимке он в кругу своих питомцев, руководителей юношеской националистической организации КАУМ (Католическая организация украинской молодежи). г. Львов, 1941-1943 гг.

В 1918 г. Шептицкий приветствует австро-германских оккупантов на украинской земле и благословляет сечевых стрельцов, включенных в состав 25 австрийского оккупационного корпуса, на кровавые расправы с украинским населением [1].

В 1930 г. Шептицкий, выполняя указания Ватикана, возглавил украинскую народную католическую партию.

В 30-х годах он реализацию своих замыслов связал с экспансионистскими планами Гитлера и призвал свою паству готовиться к предстоящей борьбе против Советов. «Многим из нас, – провозглашает он с амвона, – бог дает эту милость – проповедовать в церквах право- и левобережной Великой Украины вплоть до Кубани и Кавказа, Москвы и Тобольска» [2].

В июне 1941 г. митрополит с ликованием встретил вторжение гитлеровских полчищ в пределы Украины и в своем послании к духовенству потребовал отслужить повсюду молебны за победу немецкого оружия. Он благословил на кровавую деятельность батальон «Нахтигаль». А в 1943 г., когда Кубийович по поручению Гитлера начал формировать дивизию «СС-Галичина», церковные амвоны стали напоминать вербовочное бюро. «Где не помогают уговоры и обещания, – писал Я.Галан, – там на головы непослушных валятся угрозы, которые предвещают вечные муки, на том свете и незавидную судьбу в земной» [3].

Предметом особой заботы Шептицкого была поддержка преступной деятельности банд ОУН-УПА. В те годы Святогорская гора, по свидетельству очевидцев, стала местом систематических встреч с Мельником, Бандерой и другими лидерами национализма, на которых вырабатывались меры по укреплению оуновских организаций и активизации их антисоветской деятельности.

Ректор Львовской духовной академии епископ И.Слипый и другие униатские священнослужители приветствуют палача польского и украинского народов генерал-губернатора Ганса Франка. (фото 1941 г.)

А это бывшие хозяева и кумиры буржуазных националистов. Адольф Гитлер и его нацистская камарилья – это те трагические персоны, которые под влиянием своих бредовых идей о мировом господстве германской расы, развязали Вторую мировую войну, принесшую невиданные страдания всему человечеству и позорный конец ее зачинщикам, многие из которых предстали перед Международным Военным Трибуналом и понесли заслуженное наказание. Именно эти люди, если можно так их назвать, и созданный ими бесчеловечный нацистский режим служили образцами для их пособников – украинских националистов, пытавшихся построить «самостійну» Украину по образу и подобию нацистской Германии с ее чуждой для украинского народа идеологией и государственно-политической системой.

Несмотря на то, что эти творцы «нового» порядка на Украине потерпели сокрушительное поражение вместе со своими хозяевами, которые служили верой и правдой, истребляя «свой» народ, они и сегодня с беспримерным цинизмом выставляют себя патриотами Украины, основателями ее нынешней государственности.

Источники

1. Добричев В.В. В тени святого Юра. – Львов, 1979, – С. 24.
2. Галан Я. Тень чужих богов. Избранное. – М., 1958, – С. 535.
3. Галан Я. Тень чужих богов. – М. – С. 536.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТЕРРОР – ОСНОВНОЕ ОРУДИЕ БАНДЕРОВЩИНЫ

Шелюг М.Г.

План «Ост» в нацистско-оуновском исполнении

Генетическое родство фашизма и украинского национализма проявилось не только в общности программной цели – ликвидации социалистического строя на Украине и построении «нового порядка», но и в практических мерах по их реализации. Речь идет о воплощении в жизнь гитлеровского плана «Ост», которым предусматривалось уничтожение основных масс населения оккупированных территорий, прежде всего евреев и славян. Весь аппарат оккупационных властей, включая созданные украинскими националистами местные органы самоуправления, активно выполнял поставленную задачу – избавление от «лишних» людей, с тем чтобы оставшихся в живых заставить работать на Великую Германию.

«Живут ли другие народы в благоденствии или издыхают от голода, – говорил обер-палач Гиммлер, – интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры, в ином смысле это меня не интересует» [1].

Слова у гитлеровских бонз не расходились с делом. Всех лишних и неудобных уничтожали, а остальных, поставленных в рабские условия, принуждали безропотно выполнять приказы «властителей» из «расы господ» как они сами величали себя.

20 августа 1941 года по приказу Гитлера на территории захваченных земель УССР был создан рейхскомиссариат «Украина». Рейхскомиссаром был назначен гауляйтер и оберпрезидент Пруссии Эрих Кох, прославившийся со временем невиданными зверствами над украинским народом. Его резиденция находилась в городе Ровно.

Западные земли были разделены. Ровненская и Волынская области вошли в так называемый Волынско-Подольский округ с центром в городе Луцк. В него вошли Каменец-Подольская область и южные районы Брестской и Пинской областей Белоруссии. Генеральным комиссаром округа стал обергруппенфюрер СС Шене. Что же касается Львовской, Дрогобычской, Тернопольской и Станиславской областей, то Гитлер «определил», что «Галиция должна стать областью германской империи» [2]. «Галицию» включили в генерал-губернаторство, созданное еще в 1939 году из Варшавского, Люблинского, Килецкого воеводств Польши.

Трудящиеся западных областей Украины первыми испытали на себе безграничную жестокость германского оккупационного режима, настоящий военный разбой. Приведем лишь несколько фактов, характеризующих этот режим.

Фашистские оккупанты и их пособники украинские националисты учинили расправу над всеми, кто принимал активное участие в борьбе за установление Советской власти. В частности в городе Яворив Львовской области были расстреляны бывшие участники революционной борьбы в Западной Украине и первых социалистических преобразований Ю.Дацко, М.Сойка, Й.Брындас. Всего в Яворском районе за время фашистской оккупации было расстреляно 7136 человек, в Рава-Русском районе – 42500, в Бродовском районе – 16612, в Сокальском районе – 12418 человек [3].

В городе Збараж Тернопольской области в первые дни оккупации были расстреляны 75 представителей интеллигенции, в областном центре Тернополе – 437 человек. Только за один день 3 августа 1941 года в городе Станиславе фашисты и украинские националисты убили 600 учителей, врачей и юристов [4].

На временно оккупированной территории как грибы вырастали лагеря смерти, в которых погибли десятки тысяч людей. Такие же лагеря были построены во Львове, Ровно, Ковеле и других городах. Печальную славу оставил по себе Лычаковский лагерь в Лисинецком лесу близ Львова. Тут были расстреляны более 200 тысяч мирных жителей и военнопленных – как из Красной Армии, так и из армий других государств, которые воевали против Германии. В Яновском концлагере в окрестностях Львова было уничтожено около 300 тысяч советских граждан. пытки и расстрелы, доведение до смерти голодом и холодом, подвешивание за ноги, вырывание ногтей и сжигание в камерах крематория еще живых – далеко не полный перечень зверств фашистов и их пособников в обращении с узниками.

Во время пыток и расстрелов палачи принуждали музыкантов исполнять классические произведения, дабы тем самым подчеркнуть возвышенный и высоко гуманный характер их ремесла. Находившимся в застенках профессору Я.Штриксу и известному дирижеру Я.Мунда палачи «поручили» написать «Танго смерти». Оно часто исполнялось во время экзекуций над узниками [5].

Таких лагерей смерти, как Яновский, на всей оккупированной территории Украины было не менее 100 [6].

Применяя всевозможные методы массового уничтожения людей, немецкие нацисты и украинские националисты уничтожили в семи западных областях Украины 1 миллион 473 тысячи 575 человек гражданского населения, в частности:

- в Волынской области – 165339 человек;
- в Львовской и Дрогобычской областях – 679804 человека;
- в Ровненской области – 200946 человек;
- в Станиславской области – 239920 человек;
- в Тернопольской области – 256040 человек;
- в Черновицкой области – 15859 человек [7].

Всего же за годы оккупации Украины гитлеровцами вместе с оуновцами было уничтожено 5 миллионов 300 тысяч гражданских советских граждан, 1,5 миллиона советских военнопленных, 2 миллиона 300 тысяч работоспособных украинцев и украинок были угнаны в Германию на каторжные работы. Миллионы граждан Украины были лишены домашнего крова, родителей и близких [6, с. 590].

В 1943 году оккупанты начали вводить повязки с номерами для советских людей всех национальностей. Фашистские власти, воинские части и полиция (в том числе и украинская) охотились на людей всюду – в домах, на улицах, в общественных местах, заставляя схваченных под страхом людей работать. Даже фашистские пособники были вынуждены в 1943 году констатировать: «В мае продолжались захваты людей на улицах и базарах... В результате этого на работы попадают совсем больные и матери, которые оставили дома маленьких беспризорных детей» [8].

Особенно опасными для населения стали дороги. Охотники за рабами ждали человека на каждом повороте. В инструкции частям вермахта, СС и СД, введенной в действие в ноябре 1942 года, под предлогом борьбы с партизанами предлагалось арестовывать всех советских граждан на дорогах. «Дивизии, полки, полицейские батальоны и вся полевая жандармерия, – говорилось в инструкции, – должны по систематическому плану очищать дороги от всяких странствующих элементов... Странствующие должны сдаваться в руки службы СД, гестапо или доставляться в лагеря военнопленных... Девизом должна служить фраза: «Дорога свободна от другого русского» [9].

По приказу начальника фашистского генштаба генерала Цейтлера от 6 февраля 1943 года трудовая повинность в прифронтовой полосе распространялась и на детей, причем рабочий день для них устанавливался продолжительностью не менее 9 часов.

Немецко-фашистские оккупанты и их пособники беспощадно эксплуатировали трудящихся Украины. В 1943 году исчезла даже видимость оплаты труда. Рабочий день продолжался не менее 14-16 часов. Согласно приказу Гитлера, оглашенному на совещании нацистских чиновников на Украине в 1943 году, украинский крестьянин должен ежедневно работать не менее 8 часов на германский рейх.

Большинство насильно мобилизованных рабочих было загнано в лагеря на такой же зверский режим. Люди работали в невероятно трудных условиях, жили впроголодь. Двести граммов недоброкачественных продуктов – таков был дневной паек донецкого шахтера, к тому же часто не выдававшийся оккупантами.

Телесные наказания – порка розгами, шомполами – были обычным явлением и применялись по прямому указанию рейхскомиссара Украины. «Целесообразно, – говорилось в этой гнусной директиве, – непокорных или ленивых рабочих после двух предупреждений подвергать наказанию силами украинской полиции или своими силами, без свидетелей, и, наконец, загонять на некоторое время через СД в трудовые лагеря» [10].

Рекомендации пороть без свидетелей обычно игнорировались. На киевском заводе «Трансигнал» рабочих за малейшее неповиновение секли розгами, сажали в железные ящики. Публичное избиение рабочих и крестьян совершалось почти на каждом заводе и в каждом селе.

На заводах существовали карцеры, в которые сажали не угодивших немецкому шефу рабочих. Фирма «Вариже», захватившая один из киевских заводов и организовавшая там концлагерь для рабочих, устроила сырой и холодный карцер, куда оккупанты по поводу и без повода бросали советских людей. Утрата инструментов рабочими каралась по приказу рейхскомиссара Украины тюрьмой.

Жестокое обращение с рабочими всячески поощрялось фашистскими заправилами. «Меры обеспечения, – указывалось в директиве рейхскомиссариата «Украина», – не должны создавать впечатления нашей мягкости по отношению к украинцам. Наоборот, украинцы на протяжении столетий привыкли к суровому режиму и не понимают обычного вежливого отношения, они воспринимают его как проявление слабости... Украинцы не привыкли к самостоятельному труду, исключительно ленивы и флегматичны. Из-за этого за ними нужен постоянный надзор и контроль со стороны выделенных для этого имперских немцев» [10, с. 261, 262].

В период массового изгнания оккупантов с территории СССР наибольшие масштабы приобрел угон трудоспособного населения в Германию. В основном это были крестьяне, занесенные в списки органами местного самоуправления, в которых восседали украинские националисты.

Однако штрафы, карцеры, избиения, тюрьмы, отправка в Германию не могли сломить волю рабочих и крестьян к борьбе. Система рабского труда действовала только в результате подхлестывания ее смертными приговорами и массовыми казнями.

С образованием УПА в западных областях Украины начался массовый террор против польского населения, в основном жителей сельской местности. Он длился до самого разгрома УПА и унес сотни тысяч человеческих жизней.

На этой странице кровавой истории УПА, которую замалчивают апологеты украинского национализма, мы остановимся подробнее.

Источники

1. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. – М., 1954. Т. 1. – С. 530.
2. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. – М., 1958. Т. 2. – С. 582.
3. Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. – С. 110
4. Історія міст і сіл УРСР. Івано-Франківська область, – С. 68.
5. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 3, – С. 215.
6. Субтельний О. Україна. Історія. – С. 580
7. Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу. М., 1969, том 3, – С. 150
8. Звірства і злочини німецько-фашистських загарбників на Харківщині. – Харків. 1944. – С. 40
9. Лещинский Л. Хойзингер – военный преступник. – М., 1961. С. 38-39.
10. Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. – К., 1963. – С. 261.

Геноцид против поляков

По приказу Центрального провода ОУН-б подразделения УПА в 1943-1944 гг. осуществили широкомасштабную акцию уничтожения поляков, проживающих в Западной Украине. Бандеровцы истребляли поляков целыми семьями и даже селами (колониями).

Поводом к этому послужила давнишняя вражда между украинскими и польскими националистами, оспаривавшими верховенство на смешанных украинско-польских землях Волыни, Полесья и Холмщины.

Но это был только повод, используемый и поныне ревностными адвокатами бандеровщины для оправдания своих подзащитных. Основанием же был приказ сверху, согласующийся с предписанием гитлеровского плана «Ост» относительно искоренения поляков, как и других славянских этносов, мешающих установлению «нового порядка» в Европе. Об этом весьма обстоятельно сказано в книге канадского исследователя Виктора Полищука «Гірка правда. Злочинність ОУН-УПА».

Мы же, чтобы упредить обвинения со стороны оппонентов в плагиате, заимствовании выводов из партийных документов (к чему они сами падки^{*}) и тому подобных грехах, сошлемся на материалы следствия по делам бывших участников кровавой расправы над поляками. Одним из них был Стельмащук Юрий, один из верховодов УПА и агент абвера, известный под псевдонимом «Рудой».

Перед тем как процитировать его показания, напомним читателям, что событиям, о которых пойдет речь, сопутствовало сборище бандеровцев, именуемое Чрезвычайным Великим Сбором ОУН. В решениях этого сборища от 3 августа 1943 года записано:

«...п. 11. Мы гарантируем право национальных меньшинств развивать свою собственную по форме и содержанию национальную культуру.

п. 12. Равенство всех граждан Украины независимо от их национальности в государственных, общественных правах и обязанностях, равное право на труд, оплату труда и отдых...» [1].

* Имеется в виду книга Ивана Биласа «Репресивно-каральна система в Україні 1917-1953 років» (издана в Киеве в 1994), более чем наполовину состоящая из документов ЦК КП Украины, подобранных и прокомментированных автором таким образом, чтобы путем передергивания и подтасовок убедить читателя в правдивости и объективности выводов, сделанных им.

Однако, преднамеренно забывая о провозглашенных ими «принципах» и принятых «решениях», оуновцы действовали по своим, составленным для «керівного складу», человеконенавистническим инструкциям. Вот образец одной из них: «Жестокость против врагов народа никогда не являлась чрезмерной... Нож, пистолет, яд и коварство – это то, чем националист может пользоваться в борьбе с врагом, лишь бы выигрыш был на нашей стороне». И они действовали: ножом, штыком, удавкой, пистолетом... Еще не успели главари ОУН принять и провозгласить «постанову збору», как члены центрального провода дали устные (письменные побоялись) указания о поголовном уничтожении лиц неукраинской национальности.

Обратимся к документам.

Из собственноручных показаний одного из верховодов УПА Стельмащук Юрия* от 28 февраля 1945 года.

«... В июне 1943 года руководитель так называемой северной группы УПА «Клим Савур» – Клячковский Дмитрий передал мне устное указание центрального провода ОУН о поголовном и повсеместном физическом истреблении всего польского населения, проживавшего на территории западных областей Украины. Выполняя эту директиву главарей ОУН, я в августе 1943 года с соединением ряда бандгрупп УПА-вырезал более 15 тысяч польского населения в некоторых районах Волыни... 29-30 августа 1943 года я собрал отряд в несколько сот человек и по приказу командующего так называемого военного округа ОУН «Олега» на территории Ковельского, Любомльского и Туринского районов Волынской области мы вырезали все польское население. Все их имущество мы разграбили, а хозяйства сожгли. Всего в этих районах за 29 и 30 августа 1943 года мы вырезали и расстреляли более 15 тысяч человек, среди которых было много престарелых людей, женщин и детей.

Мы сгоняли поголовно все население в одно место, окружали его и начинали резню. После того, как не оставалось ни одного живого человека, рыли большие ямы, сбрасывали в них все трупы и засыпали землей. Чтобы сокрыть следы этой страшной акции, на могилах мы разжигали костры. Так мы полностью уничтожили десятки небольших сел и хуторов... [2].

* Стельмащук Юрий уроженец с. Коршеа Луцкого р-на Волынской области, главарь УПА под кличками «Кайдаш» и «Рудой», захвачен в феврале 1945 г. Расстрелян по приговору суда за совершенные злодеяния.

Теперь обратимся к свидетельствам очевидцев злодеяний Стельмашука – «Рудого», других националистических главарей и руководимых ими банд ОУН. Гаврилюк А.И., с. Литогоще Рожищенского района Волынской области, июнь 1945 г.: «...Массовое уничтожение населения в колониях Гай и Суходолы произошло в конце лета 1943 года. Я лично был свидетелем этого страшного зрелища, поскольку бандиты заставили меня закапывать трупы убитых. В колониях Гай и Суходолы насчитывалось около 15 хозяйств. Все жители этих колоний были убиты, их имущество разграблено, а строения сожжены...» [2].

Столярчук Ф.М., с. Подрожье бывшего Голобского района, июнь 1945 года: «... В марте 1943 года в нашем селе появилась банда, которой руководил Пашкевич. До этого он был командиром немецкой полиции в Голобах. Пашкевич непосредственно подчинялся бандиту «Рудому», который иногда заходил в село Подрожье. В селе насчитывалось 42 семьи польской национальности, которые в конце лета 1943 года были убиты бандитами под руководством «Рудого», их дома сожжены, а имущество разграблено...» [2.]

Карпук Т.П., житель с. Подрожье, июнь 1945 г.: «...Уничтожение польского населения бандами ОУН на территории Голобского района произошло примерно в июле-августе 1943 года. В это время я проживал в колонии Подрожье, в которой насчитывалось более 50 хозяйств. Поскольку я лично знал всех жителей этой колонии, по моим подсчетам, было убито 426 человек, в том числе жена моего сына и их двое детей...».

Севасюк О.П., житель села Марьяновка Ковельского района, 1 июля 1945 года: «...Массовое уничтожение польского населения в Волынской области проводилось летом 1943 года отрядом так называемой УПА под руководством верховода «Рудого». В каждом районе карательные акции проводили банды, входившие в подчинение «Рудого». Например, уничтожением польских колоний Подрожье, Гай, Мыслина руководил бывший комендант немецкой полиции Пашкевич под бандитской кличкой «Лысый», в колониях Засмыки, Грушовка, Яновка, Пересеки – бандит «Рудой». Под руководством «Рудого» на территориях области было замучено несколько тысяч человек польского населения...» [2].

Чтобы иметь полное представление о душегубе Стельмашуке – «Рудом», отметим некоторые штрихи его биографии. Являясь членом ОУН, он в январе 1940 года нелегально бежал на территорию оккупированной немцами Польши, где связался с националистическими главарями.

Позже был завербован так называемым референтом по военным делам центрального провода ОУН агентом абвера Юрием Лопатинским и направлен в немецкую разведшколу. 16 июня 1941 года Стельмашук, получив документы на имя Григория Михайловича Грицкива, в составе группы из четырех агентов фашистской военной разведки был заброшен на территорию СССР с заданием пробраться в район города Сарны для совершения диверсий на железнодорожном узле.

В середине сентября 1943 года бандами УПА в Гороховском и бывшем Сенкивическом районах Волынской области было убито и зарезано около 3 тысяч жителей польской национальности. Характерно, что одной из групп УПА, руководил священник автокефальной церкви, находившийся в ОУН отпускаявший грехи своей пастве за учиненные злодеяния [3].

Такая правда об ОУН-УПА вытекает из документальных материалов. И напрасно стараются сегодняшние национал-демократы скрыть от общественного мнения правду о той роли, которую они выполняли в нацистско-оуновском альянсе.

Резня, развязанная бандеровцами в августе 1943 года в северных районах Волыни, а в сентябре и в южных районах, оставила несмыслимое кровавое пятно в их «послужном» списке. Убийцы думали, что уничтожили всех «под корень» и в живых не осталось свидетелей, которые могли бы рассказать о их античеловеческих злодеяниях. К их сожалению, а нашему счастью, сотни очевидцев и жертв этой трагедии остались живы. Они перебрались на исконную родину, в Польшу, с годами «отошли» от пережитого и увиденного, а затем многие из них написали свои воспоминания о волынской трагедии.

В 1996 году Варшавское полиграфическое предприятие издало книгу-сборник воспоминаний ряда очевидцев под названием «Свидетели говорят»⁸ Сборник состоит из 35 воспоминаний лиц, которым удалось пережить эту страшную трагедию, чудом спастись и остаться в живых, его невозможно читать без содрогания [4].

Предоставим слово некоторым свидетелям трагедии.

Чеслав Кувалек: 29 августа 1943 года в воскресенье после обеда к нам дошли сведения об уничтожении польских сел. Реакция у людей была разная: одни не верили, что кто-то может прийти и безосновательно уничтожить польское село; другие высказывали намерения выехать с семьями до Ягодина; третьи предлагали оборонять село. Эта мысль стала доминирующей, но у нас не было ни одного человека, который хорошо знал бы военное дело и имел в этом соответствующий авторитет. Мы не имели необходимой информации относительно сил

и вооружения нападающих. В ночь с 29 на 30 августа возле моего дома сформировалась колонна повозок, загруженных семьями, которые намеревались покинуть село. К сожалению, их вернули обратно и предложили участвовать в обороне села. Это привело к напрасной гибели около 480 человек.

Рано утром 30 августа 1943 года село было обстреляно из пулеметов по всей его длине с южного направления. Дорога на Ягодин была отрезана. Естественно, чтобы обороняться от такой силы, необходимо было бы иметь хотя бы 8 ручных пулеметов. Бандеровцы вошли в село после спада тумана. Успокаивая людей, они начали сгонять их в школу якобы для проведения собрания, вначале мужчин, а затем женщин и детей. Перед тем, как идти в школу, я сказал членам своей семьи, чтобы они прятались за сложенными на куче колодами, предназначенными для строительства, а сам хотел сориентироваться в ситуации возле школы. Поскольку родители и вся моя семья сразу за мной пришли в школу, я уже ничем не мог им помочь.

Некоторое время я ходил между согнанными к школе людьми и бандеровцами, присматриваясь к их вооружению и обмундированию. По их поведению я пришел к заключению, что они не будут покладистыми и никого не пожалеют. Поэтому решил незаметно исчезнуть со двора школы, чтобы где-то спрятаться. Я ушел из толпы в то время, когда мужчин начали загонять внутрь школы, а детей и женщин – в костел. В это время я заметил, что со стороны села Заполье шла группа украинцев с вилами и топорами на плечах. Я стал удаляться вглубь села, чтобы не дать себя зарубить. Побежал между дворами и оказался в хозяйстве односельчанина Шведа. Тут я попал в ловушку, так как двор обыскивали бандеровцы. Было их полно и на главной улице села. Еще каких-то людей вели в направлении школы.

В этой ситуации я не имел другого выхода из положения, как лечь под забором, который со стороны Шведов зарос кустами, а со стороны других соседей – большими лопухами и красной смородиной. Там я спрятался и долго лежал недвижимый. Через некоторое время послышалась украинская речь: «Видишь, где он сидит». Подумал, что меня заметили и пришел конец. Но в этот момент меня осенила другая мысль: «Пока не увижу над собой ствола винтовки, не раскрою себя». В это время послышался плач мальчика Шведа Феликса, 10 лет, лежавшего между рядами на картофельной грядке. Один из украинцев предложил застрелить его, а другой приказал ему идти в школу. Мальчик с плачем ушел в направлении школы.

Лежа в укрытии под забором, я пережил еще две угрозы. Первая, когда перепуганная корова бежала прямо на меня и могла растоптать. Я пошевелился, и она остановилась, а затем побежала в сторону. Во второй раз был напуган мчавшимся на коне бандеровцем. Его внимание отвлекли входившие в село немецкие солдаты. Услышав их голоса, я вышел из укрытия. Здесь же я увидел своего отца и еще нескольких односельчан. Среди них был мой школьный товарищ Юлиан Трусюк, 18 лет, который немного говорил по-немецки. Он обратился к немцам, прося их спасти женщин и детей, которых бандеровцы погнали по дороге. Немцы отказались. Тогда Трусюк попросил их дать оружие, дабы силами поляков освободить от расправы обреченных односельчан. В ответ немцы рассмеялись и оттолкнули от себя Юлиана. Но и после этого Юлиан Трусюк пытался как-то спасти женщин и детей, среди которых находились моя 50-летняя мать, сестра Оля и брат Генрих. Позже нам стало известно, что в колодце возле дома Трусюков, во дворе которого расстреливали мужчин, находятся тела моего 98-летнего прадеда Владислава Кувалка и трупы многих детей. Через некоторое время детей, брошенных в колодец, вытянули, но опознать их уже было невозможно.

Юлиан Трусюк позже стал воином 27-й Волынской пехотной дивизии Армии Краевой. Он погиб в апреле 1944 года.

... Хочу возвратиться к эпизоду, когда бандеровцы стогнали поляков в шкоду, чтобы показать их коварство. Они разговаривали с нами притворно вежливо, даже «по-приятельски». Дескать, проведем собрание и по-хорошему разойдемся. Но потом, когда люди были согнаны, бандеровцы показали свое настоящее лицо. Один из моих товарищей, переживших расстрел, рассказал, как все это происходило. Людей клали на землю рядами, лицом вниз, а затем расстреливали их. Укладывая в очередной раз людей для расстрела, бандеровец выстрелил в 3-4-летнего мальчика. Пуля снесла верхнюю часть его черепа. Ребенок поднялся, начал кричать и бегать то в одну, то в другую сторону с открытым пульсирующим мозгом. Бандеровец продолжал стрелять, а ребенок бегал, пока очередная пуля не успокоила его...

Ева Швед: В воскресенье 29 августа 1943 года я пошла в костел, а затем к подруге Марцельке Музыке, чтобы узнать, вернулась ли она из больницы и что слышно вокруг, потому что в селе Островки идет какая-то суета. Девушки в селе готовят бинты из старых простыней и рубашек. Люди о чем-то перешептываются, творится непонятная

суматоха. Когда я пришла к Марцельке, то она предложила переночевать у нее с тем, чтобы утром мы вместе пошли в костел...

Утром на нас напала националистическая свора. Люди начали убегать в поле. Я направилась домой, но группа бандеровцев, укрывшихся за кладбищем, повернула меня обратно. Некоторые поляки начали убегать на повозках. Я побежала в направлении костела. Навстречу мне двигались люди, вооруженные чем попало, винтовками, топорами, косами, вилами..

Я спряталась в хлебной копне. Здесь же пряталась односельчанка Гелена с дочерью. Нас обнаружили и погнали в костел, где уже было много народа, а отсюда повели к школе. Мужчин отделили и повели во двор Ильи. Там их всех и побили, предварительно вырыв ямы, а нас, женщин, вновь загнали в костел. В колодце, что во дворе Ильи, утопили священника Станислава Добрянского, человека ангельской доброты. Живыми бросили в колодец еще несколько человек. Побитых закопали во рвах. Один из таких рвов находился во дворе Ильи, а другой – у Марцинка. Хотя сегодня не узнать тех мест, но я попыталась бы их найти.

В костеле люди плакали, причитали, дети обещали, если останутся живыми, пешком отправиться на молебен в Ченстохов. Бандеровцы открыли костел и засучив рукава начали вытаскивать людей на улицу. Нас погнали под наше село Сокол. Было нас около 550 человек из сел Островки и Воля Островецкая. Из Воли Островецкой женщины с детьми съехались в воскресенье в Островки на молебен. Здесь находилась наша парафия. Мужчин замучили до нас. В костеле все начали готовиться к смерти: крестились, молились, исповедовались. Когда начали открывать дверь и выгонять людей на улицу, я подумала, что будут поджигать костел. Я легла на гроб Иисуса Христа возле алтаря со словами:

«Господи, ты в гробу, а я возле гроба».

И все же добрались и до меня. Когда нас выгнали на улицу, никто не плакал. Брали по десять человек и клали на землю лицом вниз. Стреляли разрывными пулями. Рядом со мной лежала Михайлина Ваврикова со своим сыном. Я стала молиться, и в этот момент палач выстрелил в меня. Чувствую, что ранена. Поднимаю голову и говорю палачу: «Пусть спадет пелена с ваших глаз. За границей проживает много поляков. Придет время, и вам отомстят». А он мне отвечает: «Ты их видеть не будешь». А я к нему. «Убей меня, только хорошенько, чтобы не мучилась». Выстрел пришелся мне в бок и палец на руке.

Кто-то подошел ко мне и, дав несколько пинков, сказал, что я убита. Долгое время я лежала совсем неподвижно, пока не ушли бандеровцы.

Очнувшись, я подняла голову. Светит солнце, прекрасный мир...

И вдруг вижу вокруг себя трупы близких мне людей. Дочери Марцельки, Музыки Луция и Ядзя держат под руки маленького братика. У Марцельки была размозжена голова. Луция лежала с простреленной головой. Ядзя и братик оказались живы. Они поднялись, взяли за руки и пошли в г. Любомль. Я же пошла в Ягодин. Воля Островецкая вся горела. Здесь на железнодорожной станции сделали мне перевязку. Доехала до г. Дорогуска (Хелмское воеводство). Доктор Вядовский взял меня к себе и вылечил. Говорить об этом очень тяжело: открывается душевная рана.

Тадеуш Которский: До 1939 года я проживал в Ковельском районе на Волыни. Ходил в семилетнюю школу, которая находилась в польской колонии Ружин, что в 15 км от Ковеля. В период немецкой оккупации работал в автомастерских в Ковеле. До конца 1942 года мы жили с украинцами добрососедски. Даже не испытывали обиды, когда в период немецкой оккупации нас в местных учреждениях заставляли говорить исключительно по-украински, поскольку всегда воспитывались в атмосфере уважения к украинской культуре и православной вере. Учили, что необходимо отвечать по-украински, когда спрашивающий не знал польского языка или не хотел им пользоваться. Большинство поляков владело украинским языком, а украинцы, особенно молодежь, знали польский.

Уничтожение поляков бандами УПА началось летом 1943 года, а под осень того же года трагедия достигла своей вершины. Первое действие трагедии имело место 10 июля 1943 г., когда польская делегация в составе Зигмунда Румля, Кристофера Мазуркевича и Витольда Добровольского отправилась на повторные мирные переговоры с представителями УПА с целью выяснения претензий со стороны оуновцев к польскому населению Ковельского округа. Польские парламентарии с переговоров не вернулись. Как выяснилось позже, они были зверски убиты.

Вторая трагедия произошла 27 августа 1943 г. В этот день на глазах жителей колонии и села Ружин были коварно схвачены и связаны колючей проволокой восемь беззащитных молодых поляков. Молодая учительница, обучавшая украинцев и поляков, Александра Магер молила палачей пощадить этих людей. Ее дерзко отбросили от одной из повозок, на которой приехали бандеровцы, и прикладами винтовок

затолкали в придорожную канаву. Несмотря на это, учительница не успокоилась и на повозке одного односельчанина поехала вслед за удалявшимися бандеровцами, которые ехали в сторону леса Свинючинский. Тем временем отец трех схваченных бандеровцами юношей Магер Петр действовал по-своему. Он подкупил соседа Митьку Юхимчука, являвшегося старостой и пропагандистом ОУН. Тот сел на мой велосипед и поехал к своему родственнику Ляховскому (или Лясковскому), проживающему в селе Ставок близ г. Турийска и занимавшему важное положение в УПА, с целью спасти жизнь сыновей Магера и их товарищей. Юхимчук Митька возвратился только через неделю. Он рассказал, что был задержан оуновцами и обвинен в пособничестве полякам.

Позже в лесу Свинючинском была найдена могила с телами убитых молодых поляков, чьи останки были опознаны по сохранившимся остаткам одежды. Через некоторое время в колонию Трускоты вторглась развернувшаяся в боевые порядки сотня УПА. Застигнутые неожиданностью в середине дня, жители колонии спасались бегством в направлении железной дороги, т.е. в сторону немецкого гарнизона, охранявшего железнодорожный мост. Убегавшие интуитивно избрали правильное направление: преследовавшие их уповцы не могли стрелять в сторону немецкого гарнизона. В колонии уповцы убили двух поляков – Адольфа Мусялка и Максимилиана Крупку, которые оставались в своих усадьбах, когда появились бандеровцы.

К этому времени в селе Трускоты была организована вооруженная группа самообороны из пяти человек польской национальности. Они открыли огонь по наступавшей сотне УПА и убили, одного бандеровца – уроженца села. Факт самообороны оказался для бандеровцев неожиданным. Боясь потревожить немецкий гарнизон, находившийся неподалеку, бандеровцы не открывали ответный огонь по полякам. Вечером того же дня сотня УПА сожгла школу в селе Ружин. Для меня был и остается непонятным этот акт вандализма. Ведь школу посещали не только поляки, но и украинцы.

11 ноября 1943 г. наша группа самообороны в колониях Ружин и Трускоты отбивала попытки группы УПА ворваться в эти села. На другой день мы покинули Трускоты. Там получил тяжелое ранение в ногу Стефан Сковрон, 18 лет, полный сирота, являвшийся моим хорошим товарищем. Мы оказали ему возможную первую помощь, и он попросил нас оставить его возле дома нашего соседа Гната Юхимчука. На другой день Стах Шимчак пошел забрать Стефана.

Оказалось, что его уже нет в живых. У него был распорот живот, вытянуты все внутренности, выколоты глаза, а с ног сняты ботинки. Вскоре его брат Зигмунд опознал эти ботинки на жителе села Люблинец Леньке Аксютиче.

Большой трагедией для меня стала смерть украинцев Ивана Аксютича и его сына Сергея осенью 1943 года. Человек в годах, Аксютич Иван хорошо жил со своими соседями, не вступал ни в какие политические интриги, имел смелость не поддерживать украинских националистов. Убили его в селе Клевецк с участием племянника Леонида, который для родного дяди избрал страшную смерть – распилил живое тело пилой. Его сына Сергея оуновцы застрелили.

Францишка Косинская: Я проживала на Волыни в селе Дошно, что в 17 км от Ковеля. Соседние села Велимче и Датынь. С болью в сердце вспоминаю трагический день 28 августа 1943 года. Этой ночью мой муж с младшим братом, как это уже было и раньше, спал на сене стодоле. В доме находились сват и сваха, три сестры мужа и я с малым ребенком. Уже было достаточно светло, когда я с ребенком подошла к окну и увидела страшную картину. Вдоль озера бежит Йозеф Савицкий, а за ним на коне мчится бандеровец с саблей в вытянутой вперед руке. Когда лошадь догнала Савицкого, бандеровец взмахнул саблей, и голова убегающего повисла на плечах. Несчастный еще сделал несколько шагов и замертво упал. Я разбудила домашних и с ребенком на руках выскочила на полевую дорогу сбоку дома и спряталась во ржи. Была уже середина дня. Дочь крепко припала к моей шее и шептала: «Мама, пить...» Мне показалось, что в селе уже наступила тишина. Мы встали и пошли в дом соседа-украинца. Мы не успели напиться воды, как к дому подъехала группа бандеровцев на конях. Их было человек 30-40. Один из них с порога спросил: «Где здесь полька Франя?» Я стала против него, внимательно смотрю ему в глаза и отвечаю по-украински: «А если я полька Франя, то нельзя мне жить?» Дочь, прижавшись к моей шее, тихонько просит: «Не говори, мама, по-польски». Я мысленно молилась, глядя в глаза бандиту, которые никогда не забуду. Мой хозяин тем временем убеждал бандеровца, что здесь нет никакой польки Франи, а я просто слабоумная женщина.

– А где она венчалась? – допытывался бандеровец.

– В церкви, где же еще она могла венчаться, – был ответ моего спасителя. Тогда бандит хлестнул кнутом по голенищу и сказал: «Пусть живет»...

Я вышла из дома и побежала к двухсемейному дому моих дядей – братьев отца. Мои дяди Флориан и Петр Рубиновские и наш кузен Казимир лежали на полу лицом вниз, пробитые штыками. Под яблоней, недалеко от порога, лежали мертвые тетя Геня с детьми. У нее и ее сына были разрублены головы. Тетя держала в объятиях наименьшего ребенка. Тетя Сабина, жена другого дяди, была совершенно голая. У нее также была разрублена голова, а у груди лежали два восьмимесячных близнеца. Тут же увидела бабушку Еву. Она стояла, прислонившись к стене лицом. Я подумала, что она жива. Оказалось, что она пробита штыком и в такой позе умерла, опершись о стену.

Ошалелая бегала я от дома к дому и, наконец, добежала до своих родителей. Отец лежал в комнате возле кровати в одном белье, пробитый штыками, лицом вниз. На него был сброшен стянутый с кровати матрац. Сестра Янина была одета в белое праздничное платье с распущенными волосами, перевязанными голубой лентой. Она лежала под столом. У нее было прострелено сердце. Где ни искала, не находила трупа матери.

Дальше побежала по колонии к трем незамужним женщинам «Цырылянкам», как звали их в селе по имени отца – Цырыля. В доме никого не оказалось. На огороде, где рос картофель, я нашла Михайлину с отрубленными руками и ногами. Стася и Ганя были замордованы в селе. В зернохранилище обнаружила обезображенное тело Каролины Едынович со связанными руками, ее сына Тадеуша и падчерицы Юзи. Ее пасынок Бронислав проживал с женой и тремя детьми отдельно. Из дома их выгнали в стодолу и там превратили в неподдающиеся описанию изувеченные трупы.

Жена Казимира Едыновича Мария увидела людей во дворе своей тети Каролины и пошла разузнать, что там происходит. В это время старший сын Каролины вынес на улицу маленького ребенка, калеку, и отдал его матери. Когда дети увидели, что мать с больным ребенком толкают неизвестные, они убежали во двор к соседу украинцу. Вскоре мать с больным ребенком обнаружили мертвыми. Трое оставшихся в живых детей до вечера пересидели в доме соседа, который накормил их, дал хлеба и сыра и показал им дорогу в село Велимче, где проживала их бабушка.

Украинка Ева дважды выходила замуж за украинцев. От первого брака имела сына калеку. Ее мужья умерли, и она в третий раз вышла замуж за поляка – моего двоюродного брата Леона Рубиновского. Венчалась в костеле. От этого брака также имела сына. В присутствии

Евы и ее детей бандеровцы убили Рубиновского. Младшего сына 16-17 лет забрали для того, чтобы он показывал дома поляков. Тот привел палачей в дом Павла Рубиновского. Бандиты принуждали его принять участие в убийстве Каролины Рубиновской, ее матери и троих детей. Но юноше удалось, сбежать. В отместку бандиты убили его брата калеку и всю семью Рубиновских,

Так я бегала целый день с двухлетней дочерью от дома к дому, от семьи к семье. Под вечер меня нашел муж и отвел в лес за кладбищем. Когда стемнело, муж привел мою мать и сестру Язю. Украинцы из села Велимче принесли молоко для ребенка и провиант для взрослых.

Около 10 дней мы прятались в лесу. Все время нам оказывали помощь украинцы из села Велимче. Украинец Савлук прежде всего отвел мою мать и сестру Язю в г.Ратно. Через несколько дней другой украинец, фамилии которого не помню, по-уличному его звали Хрипучий Роман, перевел меня с ребенком, мужа и его двоюродного брата в Ратно. Здесь всеми нами занимался украинец по фамилии Козел и его жена [4].

Несколько лет назад в Киеве состоялась представительная встреча общественности (избирателей) с народными депутатами Украины. Присутствовали в большинстве люди в возрасте 25-30 лет. Выступавшие народные избранники говорили много и темпераментно: о «демократическом обустройстве Украины; о достигнутых больших успехах во внутренней и международной политике; рисовали экономические достижения», касались реорганизации Вооруженных Сил, борьбы с организованной преступностью... Но вот поднялся известный депутат, принял артистическую позу, самодовольно погладил седеющую бороду, окинул зал зорким взглядом, слегка откашлялся и начал говорить. Учитывая, что в зале много молодежи, оратор начал в «патриотическом духе» убеждать аудиторию, какие невзгоды терпела Украина от «имперского большевистского произвола».

Затем, как бы между прочим, заговорил об известном командире партизанского соединения Д.Н.Медведеве. «Мы с вами, – продолжал народный избранник, – когда-то боготворили Медведева. А знаете ли вы, что на Ровненщине его банда грабила украинский народ, сжигала целые села и поголовно убивала всех жителей». Считая, что достаточно «промыл» мозги присутствовавших, он с чувством собственного удовлетворения передал слово очередному оратору.

Подумалось, откуда у этого человека столько желчи и зла на все советское. Его выступление затронуло за живое моего товарища, бывшего партизана, лично знавшего Дмитрия Николаевича как храброго и рассудительного командира, скромного, немногословного и доброго человека.

А ведь каждому понятно, что партизанское движение (отряд или соединение) может действовать в тылу и бороться с противником только в том случае, когда оно опирается на местное население, получает от него материальную, моральную и информационную поддержку. Именно таким и было соединение Медведева, успешно выполнявшее возложенные на него задачи.

Осталось загадкой, откуда народный избранник почерпнул такую подлую и жестокую клевету. Приоткрыла тайну книга польского автора Ч.Пиотровского под названием «Кровавая жатва» [5]. Автор лично видел Д.Медведева, являлся свидетелем кровавых злодеяний оуновских банд в 1942-1943 гг. на территории Ровненской и Волынской областей. Оказалось, что все свои кровавые злодеяния оуновцы приписали советским партизанам.

Рассказывая о славных делах медведевцев, Пиотровский, родившийся и выросший в селе Гута Степанская Крстопольского района Ровненской области, поведал и о черных делах оуновцев. Один из его рассказов о семье Ступницких из соседнего села Рудня. В этом селе большинство жителей – Ступницкие. Они были польского происхождения, но давным-давно их предки приняли православие... Братья Степан и Григорий Ступницкие, молодые, пристойные и очень музыкальные ребята, женились на польках из Лидно. Уже в 1942 году местные украинские власти приказали таким семьям в Рудне принять православную веру, пригрозив смертью в случае отказа. Весной 1943 года Степану и Григорию приказали убить своих жен и их родителей. Братья Ступницкие сначала воспротивились этому. Но, поддавшись угрозам бандитов, сами стали бандитами. Степан собственноручно убил свою беременную жену, сына, тестя, тещу и двух сестер жены. Григорий ограничился убийством жены и дочери, а также избиением родителей жены. После этого братья Ступницкие стали активными участниками оуновской банды. Степан погиб в одной из вооруженных стычек с членами польской самообороны, а Григория они поймали и расстреляли возле с. Гута Степанская...

И еще одна история, изложенная Пиотровским.

1943 год. В субботу утром, перед пасхой, к нам в село пришла очередная трагическая весть о массовом убийстве поляков в с. Янова Долина. Вблизи села находился карьер, где в течение многих лет добывался базальт. В период оккупации немцы возобновили добычу базальта. Карьер постоянно охраняла усиленная рота немецких солдат численностью сто человек. Они расположились в здании бывшей гостиницы рудника, обнесенной высоким дощатым забором и примыкавшей к домам местных жителей. Когда немцы заняли это здание под казарму, они в целях безопасности дополнительно оградил его по периметру колючей проволокой и сделали огневые позиции и бойницы в заборе. Большинство солдат роты якобы составляли литовцы, служившие в немецкой армии. Командный состав роты и часть солдат составляли немцы.

В Долине постоянно находился немецкий гарнизон, туда съехалось много поляков, спасающихся от разгула бандеровцев, надеясь на защиту со стороны немцев. Накануне нападения на данное поселение там собралось свыше 3 тысяч поляков.

Украинцы из близлежащих сел Злазно, Постойно, Поддужное, Головин, Берестовец, Ставок и других часто посещали там польские семьи, доставляли им продукты питания, которые обменивали на разные товары. Они предупреждали поляков об ожидаемом нападении оуновских банд с целью уничтожения всех жителей. Большинство поляков, находясь рядом с крупным немецким гарнизоном, просто не верили в это. До поляков дошла угроза «Сделаем ляхам кровавую пятницу». Знали об этом и немцы. Некоторые из них даже предупреждали поляков, чтобы те не ночевали в своих домах.

Атака бандеровских резунов на село, как и следовало ожидать, началась ночью в пасхальную пятницу со стороны реки Горынь и леса в направлении железнодорожной станции и казармы немецкого гарнизона. Множество вооруженных и невооруженных украинцев начали стрелять и поджигать дома. В большинстве случаев в дома не входили. Поджигали их с нескольких сторон, используя при необходимости быстровоспламеняющуюся жидкость, и поджигали выходы спасающихся. Их хватали, убивали топорами и чем попало, а тела бросали в огонь. Тех, кому удалось бежать, расстреливали. Заблокированные в деревянных домах люди не имели никаких шансов на спасение. Поскольку часть домов поселения, примыкавших к немецкому гарнизону, не была окружена, многим жителям удалось бежать и рассредоточиться в ближайшем лесу, однако часть из них попала в

руки убийц. Несколько пойманных поляков были повешены или посажены на острые колья. Расправа над поляками продолжалась до рассвета. Команда немецкого гарнизона вела себя пассивно – поляков, пытавшихся найти укрытие на их территории не пускали за ограду. Немцы открыли огонь только тогда, когда бандеровцы начали поджигать дома, примыкающие к гарнизону.

Когда стало светло и догорали пепелища сожженных домов, немцы вышли за ограду своей казармы и, стреляя, стали разгонять бандеровцев. Уцелевшим польским мужчинам даже выдали под расписку несколько винтовок, чтобы те отомстили за убитых. Полякам удалось все же поймать около десяти оуновцев, над которыми с согласия немцев они учинили самосуд.

В пламени пожарищ сгорело свыше 600 человек. Более 500 останков сгоревших похоронили в братской могиле.

В Яновой Долине в полной мере раскрылась коварная политика немцев относительно польского населения на Волыни. Стало очевидным, что антипольские акции бандеровцы проводили с ведома и согласия немцев. Здесь нашли практическое воплощение слова, провозглашенные в 1943 г. рейхскомиссаром Украины Эрихом Кохом на одном из совещаний со своими подчиненными в г. Ровно: «Хочу, чтобы поляк при встрече убил украинца и, наоборот, чтобы украинец убил поляка. Если к этому еще застрелят еврея – это будет то, что нам требуется...»¹¹

В ходе бандеровских акций уничтожено (полностью или частично) 399 польских сел на Волыни, 218 – на Ровенщине.⁹

Жертвы бандеровского террора – изуродованные трупы поляков, обнаруженные в январе 1944 г. близ местечка Ягельнича Тернопольской области. (Из фолианта В.Полищука «Dowody zbrodni OUN i UPA». – С. 485)

**Жертвы бандеровских
головорезов.**

**Осенью 1943 г.
бандеровские головорезы
учинили резню поляков в
селе Лозовая Тернопольской
области. Никого не щадили.
Трупы малолетних детей**

**подв'язали к одному из
деревьев в сельском парке и
назвали его «дороговказом
до самостійної України».**

**(Из фолианта В.Полищука
«Dowody zbrodni OUN i
UPA», С. 485**

Литература и источники

1. Архив КГБ УССР, новый фонд.
2. Архив Управления КГБ УССР по Волынской области, уголовное дело Стельмашука Ю.
3. Архив Управления КГБ УССР по Волынской области, уголовно следственные дела Илюшина и Павловича.
4. Свидетели говорят. Сборник воспоминаний лиц, переживших трагедию поляков в Западной Украине. – Варшава, 1996.
5. Пиотровский И. Кровавая жатва. – Варшава, 1995, – С. 88, 92, 93, 98.
6. Там же, – С. 102
7. Зарічанський М. Мертві застерігають живих//Діалог. – 1995. – №5. – С. 3.
8. Михайлюк Б. Цитована праця, – С. 92.
9. Масловський. В. І. З ким і проти кого воювали українські націоналісти в роки Другої світової війни. М., 1999,

Геноцид против евреев

Эта запланированная гитлеровцами преступная кампания началась, как уже отмечено в предыдущей главе, в первые дни оккупации территории Украины и не прекращалась до самого изгнания гитлеровцев с нашей земли.

Бандеровцы ведут на расстрел группу евреев.
Станиславщина (немецкая хроника)

Благодаря недавно изданной Еврейским Советом Украины «Энциклопедии холокоста» (Еврейская энциклопедия Украины) нам представилась возможность конкретизировать представление о масштабах трагедии, выпавшей на долю еврейского народа в результате нацистско-оуновского геноцида. Сухие статистические данные свидетельствуют, что из 2 млн 700 тысяч евреев, проживавших на территории Украины до войны, оккупантами уничтожено примерно 1 млн 550 тысяч человек, включая 50 тысяч из других государств (Молдовы, Венгрии, Румынии) [1]. Примерно треть всех жертв приходится на 1941 год, половина – на 1942 год. В 1941 году наибольшее количество жертв приходится на сентябрь – около 143 тысяч. Летом было убито 95 тысяч, в октябре – около 120 тысяч, в ноябре – свыше 60 тысяч, в декабре – 100 тысяч

евреев. В 1942 году наибольшее количество жертв приходится на август (около 175 тысяч) и на сентябрь (свыше 120 тысяч). В 1941 году оккупанты истребляли ежемесячно 85 тысяч евреев, или более 2 тысяч 600 человек ежедневно, в 1942 году – соответственно 64,5 тысяч и свыше 2 тысяч. Подавляющее число евреев было уничтожено на территории Украины, более 20% (около 340 тысяч) вывезено и уничтожено на территории Польши. Более 70% из них были уничтожены путем расстрела, 22-23% – путем отравления газом, а примерно 5% (в основном, в румынской зоне) умерли в гетто и лагерях от голода и болезней [2, с. 204].

В селе Починок (ныне – Ивано-Франковщина) агент гестапо, националист Алексей Левадоновский издевается над евреями за несколько минут до их уничтожения

Иными словами, пятую часть от общего числа людей, погибших на территории Украины за годы войны (5 млн 300 тысяч) одну пятую составляют лица еврейской национальности. Эта цифра намного превосходит отношение численности еврейского населения к числу всех граждан Украины. А это значит, что еврейский народ заплатил за оккупацию Украины наибольшим числом жертв по сравнению с другими народами, воевавшими против фашизма в составе анти-

гитлеровской коалиции. В то же время воины еврейской национальности, сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны, отмечены наибольшим количеством высших наград Родины.

Самое большое количество жертв нацистско-оуновского холокоста приходится на Западные области Украины – 977 тысяч человек (Львовская область – 260 тысяч, Закарпатская – 125 тысяч, Дрогобычская – 120 тысяч, Тернопольская – 125 тысяч, Черновицкая – 102 тысячи) [1, с. 202]. Объясняется это прежде всего тем, что в этих областях действовали украинские националисты, осуществляющие под контролем в гитлеровце вылавливание и уничтожение евреев.

Как отмечено в «Энциклопедии холокоста», первые убийства евреев были совершены в г. Сокаль Львовской области уже 22 июня 1941 года. В этот день у польского костела были расстреляны 11 евреев [1, с. 107]. По данным Львовского управления КГБ УССР, исполнителями этого преступления была группа украинских националистов, «торжественно встретивших немецких оккупантов» [2].

Новые казни были связаны с деятельностью в городе зондеркоманды 4А. 28 июня эта зондеркоманда расстреляла «17 коммунистических функционеров, агентов и партизан», 29 июня – «117 активных коммунистов и агентов НКВД» и 30 июня – «183 еврейских коммунистов» [1, с. 107].

Человеческая река
медленно извивалась к
Лукьяновскому
пустырю... Отсюда до
расстрельного места –
рукой подать. Это
известный всему миру
Бабий Яр. Евреев Киева
ведут на казнь. Сентябрь-
октябрь 1941 г.

В конце июня – начале июля убийства евреев имели место в Каменке Струмиловой (180 чел.), Топорове (ок. 180 чел.), а также в Немирове, Нестерове, Раве-Русской.

Много евреев погибло в начале июля во Львове и Золочеве.

Памятник жертвам нацизма и украинского национализма в Бабьем Яру.
Мертвые зывают к живым

В «Энциклопедии холокоста» мы находим описание первых дней пребывания оккупантов во Львове. К сожалению, они расходятся с фактическими данными. Как известно из ряда источников, «охоту» на неудобных людей (прежде всего, коммунистов, евреев и поляков) во Львове уже в первый день вступления в город немецких войск 30 июня

1941 года открыли легионеры из специаль-батальона «Нахтигаль» во главе с Оберлендером, Герцнером и Шухевичем. Легионеры в тот же день на глазах у людей расстреляли 15 человек, 12 человек советских граждан повесили на балконе Оперного театра, много людей вывезли в район Дрожжевого завода и там их расстреляли. За первую неделю оккупации Львова каратели из зондеркоманды 4А и их пособники из «Нахтигалья» уничтожили более 5 тысяч жителей города – евреев, поляков, украинцев, русских [3].

По непонятным причинам о специальном батальоне «Нахтигаль» и его кровавом пути в «Энциклопедии холокоста» не сказано ни слова.

«Во Львове, в который немецкие войска вступили рано утром 30 июня (советские войска покинули город еще 28 июня), – говорится в «Энциклопедии холокоста», – ОУН сразу же сформировала милицию, которая в тот же день приступила к аресту евреев-мужчин. Арестованных доставляли на участки милиции, и там они подвергались истязаниям» [1, с. 107].

Очевидец этих событий немецкий историк Вальтер Брокдорф в своей книге «Тайные команды Второй мировой войны» утверждает, что зверские расправы с львовянами украинские националисты из батальона «Нахтигаль» начали тотчас же по прибытии во Львов утром 30 июня 1941 года, не дожидаясь, пока местная организация ОУН сформирует милицию и начнет доставлять задержанных евреев в милицейские участки. Так что ссылка на «Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941-1944» неуместна. Она ничего не проясняет, кроме того единственного факта, что «в конце июля оперативная команда «Львов» расстреляла в городе еще около 1500 евреев из интеллигенции» [1, с. 108].

Тем же недугом страдает и статья И.М.Левитаса «Неразгаданные тайны Бабьего Яру». При всей обстоятельности описания трагедии евреев в Бабьем Яру, автор обошел молчанием ставшее уже давно известным участие в этих акциях палачей из Буковинского куреня Петра Войновского. По И.М.Левитасу, палачами евреев в Бабьем Яру была эсесовская зондеркоманда 4а. Да, так называлась команда эсесовцев, которая значилась в архивных документах как команда исполнителей расстрелов. Но в тех же документах сказано и о том, что 21 сентября из Житомира прибыла передовая команда украинской полиции во главе с Б.Коником, а 23 сентября – «казачья сотня» под командованием И.Кедюмича. И Коник, и Кедюмич представляли ОУН бандеровского направления, в то время, как прибывший в эти же дни Буковинский

курень – ОУН мельниковского направления. К 26 сентября в Киеве собралось свыше 2 тысяч полицейских и эсесовцев» [1, с. 82].

Известно: немцы не оставили записи о конкретных исполнителях расстрелов. Однако о них, как о героях Украины заговорили ново-явленные национал-демократы. Один из них, Шкуратюк, публично заявил на сессии Ровенского областного Совета о том, что украинские нацио-налисты из Буковинского куреня Петра Войновского участвовали в расстрелах евреев в Бабьем Яру, о чем сообщила газета «Киевский вестник» в 1991 году [4].

Думается, что такие заявления не могут быть игнорированы как «не имеющие под собой документальной основы». Тем более, что преступный путь Буковинского куреня до Киева (в Буковине) и после Киева (в Белоруссии) обозначен многочисленными карательными акциями, жертвами которых стали тысячи советских граждан, среди которых немало евреев [5].

Впрочем, И.М.Левитас не единственный, кто упорно замалчивает участие украинских националистов в уничтожении евреев в Бабьем Яру. Еще ни один государственный и политический деятель «самостійної України», произнося траурные речи по случаю очередной годовщины Бабьего Яра, не упомянул о Буковинском курене как о коллективном соучастнике злодеяния. Такую же позицию заняли и создатели хроникально-документального фильма «Женщины с улицы Бабий Яр» во главе с В.Н.Георгиенко [6]. Показывая и интервьюируя киевлянок, которые в годы оккупации спасали евреев от верной смерти, постановщики фильма даже не поинтересовались, кем были палачи – только ли немцами, или среди них были лица других национальностей. Вопрос этот вытекает из той ситуации, которая сложилась в районе Бабьего Яра: расстрелы наблюдали сотни, если не тысячи киевлян, среди которых были и героини фильма Георгиенко. По описанию американского писателя Леона Уриса, толпы киевлян находились на таком расстоянии от места казни, что хорошо видели лица обреченных и их палачей, слышали голоса тех и других, плач женщин и детей. Можно не соглашаться с писателем, описавшим толпу зевак у Бабьего Яра как «пламенных сторонников идеи уничтожения евреев, восторженно откликавшихся на действия палачей» [7]. Теперь мы знаем, что толпа зевак у Бабьего Яра не была сплошной массой юдофобов – в ней были и те, кого полстолетия спустя назвали праведниками мира, люди, презирающие убийства и убийц. Но в остальном Леон Урис прав: толпа видела в лицо обреченных и их палачей. И в этом – ключ к раз-решению

еще одной загадки Бабьего Яра, над которой бьются авторы «Энциклопедии холокоста». Уничтожение евреев было заранее спланировано гитлеровскими властями, одобрявшими план «Ост», и оуновской кликой, создавшей еще до войны карательные батальоны и полки, в том числе легион «Нахтигаль» и Буковинский курень Петра Войновского.

А насадили и подогрели юдофобию в наиболее отсталых массах украинского населения доморощенные украинские националисты. Без этого не было бы тех еврейских погромов, которые, как смерч, прокатились по западным областям Украины в первые дни войны и о которых написано в «Энциклопедии холокоста». В главе «Житомирская область» отмечается: «Часть евреев стала жертвами погромов, организованных местными националистами-антисемитами». А далее повествуется о том, что в Овруче, «как писала издававшаяся в годы оккупации газета «Наша борьба», при отступлении большевики убили 363 жителя. В уничтожении главную роль играли евреи. Реакция населения на бегство красных очень острая. В городе вырезаны все евреи, а с приходом немцев население не захотело скрыть их тела» [1, с. 55].

Что проясняет эта цитата из националистической газеты? Да только то, что ее издатели «оправдали» массовое уничтожение евреев «виной» самих же евреев. А инициаторы и исполнители этого гнусного преступления оказались как бы народными мстителями.

Более полное и, как нам представляется, более вразумительное понимание трагедии евреев в Украине дает книга Александра Шлаена «Бабий яр», изданная в 1995 году. Опираясь на архивные документы, показания пленных офицеров СС, свидетельства чудом оставшихся в живых жертв нацистского геноцида евреев и очевидцев событий, происходивших в Киеве и особенно в Бабьем Яру в 1941–1943 годах, А. Шлаен делает однозначный вывод о причастности к холокосту не только фашистских палачей из айнзатцкоманды СС, но и в не меньшей мере украинских *националистов*, униатской и автокефальной церкви, верой и правдой служивших нацистам. Для этих целей, – пишет А. Шлаен, – «не дожидаясь, пока из нор повыползут местные (националисты – Ред.), они (немецкие оккупанты) привезли с собой в обозе немало заранее подготовленных, купленных ими еще в довоенные годы на европейских задворках. Положение в Украине эта коллаборационистская нечисть знала хорошо и предупреждала Гитлера, чтобы он проявил к ней особое внимание... С приходом гитлеровцев в Киев на его улицах появились первые повешенные. Под виселицы использовали вековые деревья,

фонарные столбы, балконные решетки. Появились первые жертвы нацистского террора. У них на груди были таблички с надписями: «коммунист», «партизан», «жид», появились первые трупы расстрелянных...»

Пройдет совсем немного времени после захвата Киева оккупантами как штаткомиссариат даст городской управе, где восседало немало националистов, указание об установлении адресов интеллигенции, чтобы изъять из ее квартир ценности. Вслед за этим «составили списки и адреса квартир, в которых проживали высшие руководители партии большевиков, работники искусства, науки и культуры, а также евреев, которые имели хорошие картины (оригиналы и копии) и книги...» Но местные и привозные нацистские приспешники, не дожидаясь ничьих указаний уже успели нагреть руки на грабежах.

Это — только цветочки, ягодки были впереди.

Происходившие в центре города взрывы и пожары на некоторое время остудили пыл любителей легкой наживы и они попрятались в своих норах. Но постепенно опрянули и снова принялись грабить. Именно эта категория нелюдей первыми подалась прислуживать гитлеровцам. И те охотно приняли их для совершения их руками самых грязных дел, которые они, «юберменши» поручали, в основном, своим пособникам – «унтерменшам».

А верхушка украинских националистов в верноподданническом экстазе в это время шлет своим нацистским хозяевам признания в преданности и готовности идти с ними до конца — до становления на Украине и во всей Европе «нового порядка». Им грезилась самостийная украинская держава, в которой безграничная власть будет принадлежать им. И потому они были согласны безропотно выполнять любую грязную работу, которую им поручат хозяева. «Требуется кровь — дадим море крови, требуется террор — доведем его до адского кипения» — кричали оуновские главари в ответ на приглашение фашистов *ПРИСТУПИТЬ К ДЕЛУ*.

И вот уже в городе появились предупреждающие надписи «Nur fur Deutsche» и «Тільки для українців» — на немецком и украинском языках.

...«Из собора святого ЮРА во Львове, из резиденции митрополита униатской церкви на имя Гитлера идет поздравительная телеграмма: «Ваше превосходительство! Как глава греко-католической церкви, я шлю вашему превосходительству мои сердечные поздравления в связи с освобождением столицы Украины — златоглавого города на Днестре — Киева. С особым уважением — Андрей, граф Шептицкий, митрополит» ... В первых числах октября 1941 года разнеслась весть об образовании в

Киеве «Украинской национальной рады» во главе с профессором Величковским, или, как ее именовали обыватели — украинского правительства. Фактически это был подсобный орган германских оккупационных властей, которым управляли абверовцы Г. Кох и Р. Филь. Деятельность этого так называемого украинского правительства не шла дальше декларирования своей преданности Гитлеру и намерений построить на Украина «новый порядок». Рада намеревалась также создать украинскую национальную армию, а создала украинскую полицию, которая и строила этот «новый порядок», вылавливая евреев и коммунистов и отправляя их на «тот свет», как это делали до них явившиеся первыми в Киев украинские палачи из Буковинского куреня Петра Войновского и примкнувшие к ним уголовники - любители легкой наживы. Они-то и конвоировали согнанных ими со всего города евреев в Бабий Яр и там вместе с немецкими эсэсовцами методично расстреливали их. Как заявляют сами нынешние националисты, Буковинские боевики из куреня Петра Войновского составляли подавляющее большинство палачей в Бабьем Яру. Расстрелы здесь продолжались и тогда, когда Буковинский курень по повелению гитлеровцев был переброшен в Белоруссию для борьбы с партизанами и на его место в Бабий Яр пришли украинские полицейские «правительства» Величковского. Их кровавая деятельность началась с приказа коменданта украинской полиции Орлика, которым предписывалось: «Всем управляющим домами города Киева до 24 часов сообщить о всех жидках, работниках НКВД и членах ВКП(б), проживающих в их домах, в ближайшие комиссариаты и команды украинской полиции по улице Короленко (ныне Владимирская), 15, второй этаж.» Укрывательство таких лиц объявлялось преступлением, караемым смертной казнью. Управляющим домами и дворникам разрешалось «самостоятельно доставлять жидов в жидовский лагерь», находившийся при лагере военнопленных на улице Керосинная.

И эти слуги «нового режима» не сидели сложа руки. Многие из них выслуживались перед «украинской» властью и ее повелителями, вылавливая евреев и передавая их в руки палачей.

В то же самое время киевский, митрополит Пантелеймон с согласия и благословения митрополита Украинской автокефальной православной церкви Иллариона (Ивана Огиенко, бывшего петлюровского министра) во Владимирском соборе отпускал грехи украинским палачам и благословлял их на новые кровавые свершения во имя утверждения веры и искоренения жидо-коммунизма.

С амвона Андреевской церкви ему вторил Степан Скрыпник, бывший петлюровский сотник, преобразившийся в епископ-униата Мстислава.

Так с благословения «святой» церкви осуществлялось одно из жесточайших преступлений века – поголовное истребление евреев как на Украине, так и за ее пределами. Его исполнителями были не только эсэсовские айнзатцкоманды, на чем акцентируют внимание авторы «Энциклопедии холокоста», но и в не меньшей мере украинские националисты, прославившиеся наёмными убийцами и фашистами.

Иерархи греко-католической церкви в обществе гитлеровских офицеров во Львове. 1943 год.
(немецкая хроника)

Источники

1. Круглов А. Энциклопедия холокоста (Еврейская энциклопедия Украины; Под ред. И.М.Левитаса). – К., 2000. – С.203.
2. Архив Львовского областного УКГБ УССР.
3. Чечелюк О. Чорні справи «Сірого». Кому вигідно робити з Бандери «національного героя»?//Радянська Україна. – 1990. – 9 вересня.
4. Шлаен А. Бабий Яр. – Киев, Абрис, 1995.

5. Загрива Е. Бандеровщина: обычный нацизм/Коммунист, 1998, №45
6. Архивы КГБ УССР и УКГБ УССР по Черновицкой области, а также архивы КГБ Белорусской ССР.
7. Дрозд В., Полищук А. Полуправда – та же ложь.// «Товарищ», 1992, №12, ноябрь
8. Leon Uris. Exodus. – München, 1963. – С. 143.

Бандеровский террор в послевоенной Украине

В результате успешного наступления советских войск в январе-феврале 1944 года немецко-фашистские захватчики потерпели поражение под Житомиром, Бердичевым, Кировоградом, Корсунь-Шевченковским, Ровно, Луцком, Николаевым и Кривым Рогом, а вместе с ними и так называемые «восточные походные группы» националистов.

Советское правительство хорошо знало о кровавых погромах и предательских планах украинских националистов и принимало все необходимые меры к тому, чтобы не допустить братоубийства. Знало и о том, что в УПА было много людей, обманутых националистами или взятые ими в УПА под страхом физического уничтожения. Чтобы не вызвать ненужных жертв, украинское правительство 12 февраля 1944 года обратилось к украинским националистам с призывом прекратить борьбу против украинского народа. В этом документе правительство Советской Украины, проявляя гуманность, призывало участников УПА к явке с повинной, гарантируя безопасность и неприкосновенность каждому. В частности, в документе отмечалось, что украинское правительство открывает дорогу к жизни, к мирному труду всем участникам УПА и УНРА, которые чистосердечно и глубоко осознают свою тяжелую ошибку в том, что вступили в состав УПА и УНРА.

Это обращение правительства Советской Украины имело громадное значение в деле разложения УПА и УНРА, созданных украинскими националистами. Однако, несмотря на этот гуманный призыв прекратить братоубийство, многие украинские националисты продолжали метаться по селам западных областей Украины, одержимые страстью расправиться с простыми советскими гражданами, с нетерпением ожидавшими освобождения их доблестными воинами Красной Армии от гитлеровского рабства.

Только на территории одной Львовской области участниками УПА была совершена 25 февраля 1944 года совместно с фашистскими карателями жестокая расправа над жителями села Гута-Пеняцкой бывшего Подкаменского, ныне Бродовского района Львовской области. Обвинив жителей села в оказании помощи советским партизанам, фашистские каратели и украинские националисты заживо сожгли около 700 человек, в том числе женщин, детей и стариков, а их имущество разграбили. Один из очевидцев этой трагедии, оставшийся в живых, рассказывал: «Все село горело, а выпущенный из сараев скот страшно ревел. Было такое ощущение, что это конец света» [1].

Пелагея Покотило дает показания на суде.

(Фото из архивов УКГБ по Ровенской области)

В одну из ночей «борцы» за так называемую «самостійну Україну» оуновские бандиты уничтожили семью председателя сельсовета Покотило. Со звериной яростью они изрубили топорами Покотило, его жену и семерых детей. Топором рассекли лоб Пелагее Покотило. Усилиями врачей ее жизнь была спасена.

5 марта 1944 года украинские националисты уже сами сожгли польское село Гута-Верхобужская того же района на Львовщине, уничтожили 50 человек.

В ночь с 13 на 14 апреля 1944 года участниками УПА «Дороша» – Саноцкого Ивана (впоследствии убит) совершено в селе Низы (в прошлом – Прусиков) бывшего Рава-Русского района на Львовщине тяжелейшее преступление, впоследствии названное местными жителями «низовской трагедией». В одну ночь украинскими националистами было замучено и убито 21 человек, в т.ч. 8 детей в возрасте от 2 до 10 лет, 13 женщин и стариков, а их трупы были брошены в старый колодец [1].

В Бусском районе Львовской области действовала группа участников УПА под руководством «Клея» – Купяка Дмитрия (впоследствии

бежал в Канаду), которая совершала дикие расправы над советскими гражданами, в т.ч. женщинами, детьми и стариками. Этой группой УПА было убито и задушено около 200 ни в чем не повинных граждан. В декабре 1944 года повешен в помещении сельсовета десятник Гродзевич Петр. В январе 1945 года убита на последнем месяце беременности Ольга Бедрий. В феврале 1945 года задушена Екатерина Политыло, а ее труп брошен в колодец. В мае 1945 года задушена с помощью ремня Мария Кищак. В июне 1945 года задушены заведующая молокопунктом Анна Голота и председатель сельского потребсоюза Иванна Палига и другие» [2].

Сожжены сотни хозяйств и несколько населенных пунктов. 19 августа 1945 года участники банды «Клея» – «Голодомор», «Береза», «Бенито», «Крук» и другие – совершили налет на село Чучманы-Заболотные Каменка-Бугского района и убили там председателя сельсовета Гончара Степана, его жену Гончар Марию, их дочерей Юлию и Анну, а также жителей этого села Боруцкую Марию и ее сына Федора, Споданюк Марию и Присяжнюк Юстину. Принадлежавшее убитым имущество разграбили.

Более предметно зверства бандеровцев предъявлены в информационной записке Львовского ОК КП(б)У в адрес ЦК КП(б)У от 9 ноября 1944 г.

Несмотря на усилившуюся за последнее время вооруженную борьбу против украинско-немецких националистов и большую агитационно-массовую работу среди населения, проводимую партийно-советским активом, в ряде районов области еще имеют место действия вооруженных банд УПА.

Эти банды под лозунгом борьбы за «самостийну Украину» занимаются грабежами, убийствами советских активистов, тормозят в некоторых селах выполнение хозяйственных и политических мероприятий и пытаются путем террора, запугивания и лживой фашистской пропаганды привлечь на свою сторону местное украинское население.

Как свидетельствуют многочисленные факты, эти банды проводят свою преступную деятельность в тесном сотрудничестве и при поддержке немцев, получают от них оружие, боеприпасы, обмундирование. Например, в Бобрском районе, в лесах между селами Сырники, Дюбешка и Романове находятся несколько банд УПА. Этим бандам немецкие самолеты сбрасывали на парашютах в эти леса вооружение и боеприпасы.

В Поморянском районе возле сел Поморяны, Разгадов, Кальче, Жуков, Дунаев и Подусков над лесами, прилегающими к этим селам, в ночное время появлялись немецкие самолеты, которые сбрасывали светящийся груз. При появлении этих самолетов бандиты пускали ракеты.

По показаниям задержанного бандита Жук Дмитрия, в районе села Малая Вишенка Ивано-Франковского района совершали посадку немецкие самолеты, которые доставляли боеприпасы и продовольствие для банд УПА. Установлено, что в составе многих банд УПА находятся вооруженные немцы, принимающие участие во всех действиях этих банд.

Например, при ликвидации банды в Турчинском лесу были убиты 292 бандита, среди которых оказалось 39 немцев. При ликвидации банды, находившейся в 8 километрах от г. Перемышляны, установлено, что банда была обмундирована в немецкую форму и среди бандитов были немцы. При столкновении с бандой в районе с. Чумчаны-Чумницкое Бусского района в числе убитых бандитов также были немцы.

Таким образом, эти факты свидетельствуют о тесных связях украинских националистов с немцами и, следовательно, разоблачают перед населением подлинную сущность буржуазно-украинских националистов как пособников германского фашизма и врагов украинского народа.

Действуя на руку немецким захватчикам, банды УПА пытаются срывать проведение хозяйственных и политических мероприятий в ряде районов области.

К числу таких мероприятий относится, например, призыв мужского населения в РККА.

В ряде сел бандиты не только запрещают призывникам являться на призывные пункты, но и проводят террористические акты над семьями призванных в Красную Армию. Например, один из главарей бандеровской банды – Огинский В., узнав о том, что из села Зубков Сокальского района мужчины призывного возраста должны идти в райвоенкомат, ночью обошел все село и объявил, что если кто пойдет на призывной пункт, то их семьи будут уничтожены.

В Куликовском районе в с. Артасов группа бандитов с главарем Морозом Василием сожгла 20 дворов жителей села, члены семей которых были призваны и ушли в РККА.

В с. Кишыца Каменко-Бугского района бандитами повешены Глушко Г. А., Кирик Г. И. и Муранец П. В., сыновья которых были призваны в Красную Армию.

Наряду с террором и запугиванием населения нередки случаи, когда бандиты насильно угоняют в леса мужчин призывных возрастов и включают их в состав своих банд. Например, в Куликовском районе в с. Жовтанцы появилась банда УПА численностью до 200 человек. Банда собрала все мужское население и объявила, что все мужчины от 16 до 35 лет должны уйти в лес с ними, а кто уклонится от этого, будет убит и хозяйство его будет сожжено. В результате банда увела в лес 150 человек.

Банда УПА, появившаяся в Сокальском лесу Бусского района, начала делать налеты на села Ямное, Деревляны, Стрептув, хутор Германовка и уводить с собой мужское население. Так, например, из села Стрептув бандитами были уведены 33 мужчины призывного возраста, из которых 4 человека были отпущены, как больные.

В с. Побужаны этого района бандиты увели с собою в лес 50 человек призывного возраста. Из с. Ракотушы Бусского района банда увела с собой 35 человек, за невыполнение требований банды о явке еще 35 человек сожгли 10 домов.

Имеют место также случаи нападения банд на работников райвоенкоматов, проводивших работу по призыву в РККА.

Например, в Куликовском районе группа работников военкомата в 20 человек возвращалась из села Жовтанцы в Куликов. По дороге их окружила банда численностью свыше 200 человек. В бою все работники военкомата погибли. Погрузив на подводы убитых, бандиты увезли их в лес.

В Каменко-Бугском районе группа работников военкомата возвращалась из с. Тишица, где проводила работу по мобилизации в РККА. По дороге их встретила банда и стала обстреливать. В бою с бандитами погибли 3 работника военкомата.

В Перемышлянском районе в с. Липовцы бандиты напали на команду призванных в РККА численностью в 38 человек, сопровождавших команду 4 красноармейцев убили, а призывников увели в лес.

Убийствами, террором и запугиванием населения банды УПА также пытались сорвать проведение государственных поставок зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Так, например, во многих селах Соколицкого, Пониковецкого, Одесского, Каменко-Бугского, Магеровского и других районов с начала заготовительной кампании

бандиты стали запрещать крестьянам сдавать хлеб государству, там где находили приготовленный к сдаче хлеб и другие продукты, все забирали себе. По отношению к населению, сдававшему госпоставки, бандиты применяли террор.

В с. Ставчаны Сокольницкого района бандиты заявили секретарю сельсовета: если будешь помогать большевикам, тебе не жить, хлеба Советам не сдавать, а если сдадите, все сели сожжем.

После районного совещания председателей и секретарей сельсоветов о хлебозаготовках в районном центре Сокольницкого района недалеко от здания райисполкома бандиты сожгли 18 копен хлеба. В селе Закоморы Одесского района было проведено собрание, на котором крестьяне дали согласие сдать хлеб государству в 2-3 дня. После этого прошло 12 дней, и ни один крестьянин из-за угроз бандитов хлеба не сдал. Была послана в это село воинская часть, там она была встречена пулеметным и ружейным огнем. В произошедшем бою были убиты 7 бандитов и командир бандеровской сотни, а также сгорело 20 домов, откуда отстреливались бандиты.

В селе Каменка Магеровекою района на собрании по вопросу хлебозаготовок выступили 10 крестьян, которые считали необходимым приступить к сдаче хлеба государству. Этой же ночью на село напали бандиты и расстреляли всех этих 10 человек.

В с. Перегноев Глинянского района ворвалась банда и увела с собой представителя РК КП(б)У тов. Босого, проводившего днем в этом селе собрание по вопросу хлебопоставок.

В селе Бодусов (возможно, Богутин. – Ред.) Поморянского района бандитами был повешен председатель сельсовета за то, что выполнил план госпоставок, а также уведен с собой председатель сельсовета с. Ясинув Пониковецкого района за выполнение поставок.

В двух километрах от районного центра Поморяны группой бандитов были обстреляны подводы с зерном для сдачи государству.

В ряде районов банды делают налеты на мельницы, маслозаводы, молочные пункты, уничтожают оборудование и увозят продукты.

Так, в Каменко-Бугском районе в с. Незнание банда разгромила молочный пункт и забрала заготовленное молоко. В селе Батячи этого района банда уничтожила сепараторный пункт.

В селе Николаев Сокальского района банда напала на мельницу и забрала 14 центнеров муки.

В селе Гае Винниковского района банда, вооруженная 4 пулеметами, винтовками и гранатами, совершила налет на мельницу. Бандиты забрали

2 тонны пшеницы, 1,5 тонны муки, сняли приводные ремни, забрали весы и на подводах увезли в лес.

Имеется ряд случаев, когда банда УПА требует от крестьян сдачи хлеба и других продуктов предназначенных государству. Так, в Сокальском районе в селах Волица Комарова, Зубков, Лучицы, Шарпанцы бандиты потребовали, чтобы каждый двор внес им по 2 центнера муки, по 20 килограммов сала и других продуктов.

Одной из своих главных задач украинско-немецкие националисты ставят уничтожение партийно-советского актива, как присланного из восточных областей так и местного. Главарь одной банды Шеремет, оперирующей в Поморянском районе, все время стремится поймать секретаря райкома партии т. Гробового, чтобы подвергнуть его пыткам и узнать, кто из местных жителей имеет связи с органами НКВД и НКГБ.

В Золочевском районе в 7 километрах от г. Золочева бандиты схватили и увели с собой секретаря Золочевского горисполкома, члена ВКП (б), т. Хуторного Андрея Гавриловича, о судьбе которого до сих пор ничего не известно.

В Глинянском районе директор Вижнянской МТС т. Бондаренко вместе со старшим механиком МТС т. Сердюком при возвращении из районного центра к себе в МТС, расположенной в трех километрах от с. Глиняны, были подвергнуты обстрелу со стороны бандитов. В результате оба были тяжело ранены, но удержались на бричке, и лошади их довезли до МТС. Не успели работники МТС оказать раненым помощь, как банда в 40 человек ворвалась в МТС. Разграбив контору и квартиры работников МТС, банда ушла, взяв с собой т. Бондаренко и т. Сердюка, о судьбе которых до сих пор ничего не известно. 3.IX банда совершила нападение на Глинянский сельсовет Глинянского района, уничтожила все документы сельсовета, а также забрала у местных жителей скот и продукты.

15.IX в селе Добраничи Перемышлянского района были повешены бандеровской бандой секретарь сельсовета т. Кушнир Николай Алексеевич и его жена Кушнир Юлия. Часть бандитов была одета в немецкую форму.

В ночь на 16.IX бандитами были уведены из села Спас Новомилятинского района зам. председателя и секретарь сельсовета, а также 20 мужчин призывного возраста.

17.IX в селе Боршев Перемышлянского района бандитами повешена депутат местного сельсовета Шуль Анна Ивановна и убита ее 12-летняя дочь.

В ночь на 17.IX в с. Ремнево бандитами была брошена граната в окно секретарю сельсовета т. Ковалихину. В результате взрыва была убита жена Ковалихина, а сам Ковалихин тяжело ранен. Затем бандиты подожгли дом Ковалихина. От пожара сгорело еще 8 домов.

19.IX в с. Новый Янов Яворовского района бандитами был убит председатель сельсовета т. Горовский Николай Петрович.

В ночь на 28.IX в селе Выхони Куликовского района избита в помещении школы учительница т. Денисенко. Бандиты написали на классной доске: «Смерть доносчикам НКВД».

В Пониковецком районе в с. Высоцком 8.IX бандеровцами были убиты 6 человек активистов села. Одного человека бандиты повесили в центре села.

В ночь на 1.IX бандиты увели в лес и зверски убили зам. Председателя Шуровецкого сельсовета Лопатинского района т. Михальчевского Михаила Яковлевича.

3.X. в с. Хренов Новомилятинского района были убиты председатель сельсовета т. Мужик Михаил Федорович и его жена Мужик София.

Приведенные факты далеко не исчерпывают всех злодеяний украинско-немецких националистов по отношению к партийно-советскому активу.

Немало зверских расправ учинили банды УПА по отношению к польскому населению. Так, в с. Емельна (Ямельня. – В.С. Ивано-Франковского района банда бандеровцев ночью совершила налет и вырезала 52 человек поляков. В ту же ночь в селе Поглубы этого района банда избивала 5 поляков.

3.IX было нападение банды на села Великий и Малый Желихов Новомилятинского района. Бандиты убили 9 поляков и разгромили 2 польских хозяйства.

28.IX в с. Черница Подкаменского района бандитами избиты две женщины-польки и трое их детей.

Ночью 30.IX банда напала на пос. Мазурки Ивано-Франковского района и учинила погром польского населения. Убит 51 поляк и разграблены их дома.

На протяжении всей своей преступной деятельности банды УПА систематически грабят местное украинское население, забирают скот, продукты питания, одежду. Так, например, в Поморянеком районе в

течение 5 дней с И по 15.IX бандеровскими бандами были совершены массовые ограбления жителей сел Жуков, Била, Кропивно и Бачив,

В Куликовском районе 15.IX банда ограбила село Белешевода (Блищиводи. – Ред.), забрав у крестьян скот и продукты питания, которые затем были увезены в лес,

В Краснянском районе, в селах Ферлиевка и Зашков банды под угрозой оружия забрали у населения хлеб, молоко, мясо и другие продукты питания и увезли в лес.

В Жолкевском районе в 6 сельсоветах банды под угрозой оружия забрали у населения продукты питания и увезли на свои склады. Одновременно с грабежом населения бандиты громили сельсоветы и уничтожали все находящиеся там документы.

В Пониковецком районе в селах Пониковица (в 7 км от райцентра), Лабач, Майдан, Жарков и др. бандиты совершают грабежи, убийства, не дают производить сельскохозяйственные работы.

В Бродовском районе в селах Клекотав, Шнирев, Ражков, Лешнив бандиты разгромили помещения сельсоветов, забрали коров, зерно, убили несколько человек.

Эти грабежи и убийства, особенно женщин и детей, вызывают ненависть украинского населения к бандам УПА. Уже имеются случаи, когда население само начинает проявлять активность в борьбе с ними.

Например, в селе Чехи Пониковецкого района банда в 40 человек совершила убийство 6 местных жителей. Узнав об этом, население села взялось за оружие и вступило в бой с бандой, несколько бандитов ранило, а остальных выгнало из села.

В селе Любинь Городокского района бандиты потребовали выпечь им 500 хлебов. Население села этого не выполнило, а немедленно донесло об этом вымогательстве в органы НКВД и попросило защитить их от бандитов.

В селе Турчаны (очевидно, Тучапи. – Ред.) Городокского района крестьяне, узнав, что семьи бандитов будут выселяться из района, стали приходить в райотдел НКВД и сообщать, кто в их селе бандит, с тем чтобы семьи их были выселены.

На собрании крестьян с. Чемеринцы Поморьянского района, состоявшемся после проведенной в районе операции войсками НКВД по уничтожению банд УПА, крестьянка Степанишина София заявила: «Бандеровцы нам житья не давали, а теперь стало лучше. Все говорят – давно бы пора покончить с этими бандитами, которые наделали нам много несчастий».

В с. Брикун Перемышлянского района крестьянин Кубийлович Илья заявил: «Я человек старый, но не пойму, что такое творится. Русское войско сильное, разбило немцев, а нас какие-то бандиты мучают и грабят. Конечно, они будут уничтожены, но когда это будет? Эти бандиты совершенно не дают возможности работать в поле, гонят домой, говорят, что кто работает, тот агент большевиков. Неужели из-за бандеровцев нам придется пухнуть с голода?».

Эти высказывания свидетельствуют о том, что в глазах крестьян украинско-немецкие банды УПА являются бандами грабителей и убийц.

Одновременно с разъяснительной работой среди населения последнее время значительно усилена также и вооруженная борьба против бандеровских банд. За это время нашими войсками убиты более 10 тысяч и взято около 7 тыс. бандитов.

Видя неизбежность своей гибели, многие бандиты уходят из банд и являются с повинной в органы Советской власти. Например, большинство жителей сел Стрекув, Спас и Деревляны Бугского района, бывшие в бандитских шайках в Сокальском лесу, бежали оттуда и вернулись домой. Вернувшиеся заявили, что среди бандитов наблюдается обострение взаимоотношений между главарями и рядовыми бандитами, которые хотят сложить оружие и явиться с повинной.

После разгрома фашистской Германии доблестный воин Советской Армии Антонюк Степан, демобилизовавшись, активно включился в строительство новой жизни на селе. В одну из ночей в дом Антонюка ворвались бандеровцы и отрубили ему руку за то, что он первый подал заявление о вступлении в колхоз. На фото: Антонюк Степан дает показания на суде.

—

Матвейчук Денис Матвеевич, житель Лишня Кременецкого района Тернопольской области был изувечен бандеровцами за то, что служил в рядах Советской Армии

Особенно жестоко расправились участники УПА с девушками. Их стригли, сажали на бутылки. Вешали за косы и убивали только за то, что они встречались с уроженцами восточных областей Украины. Кроме того, они жгли и уничтожали школы, клубы, библиотеки и убивали их работников.

В течение 1944-1945 годов было убито в Тернопольской области 127 учителей, в Волынской области – 16 учителей-комсомольцев, в Дрогобычской (теперь – Львовская) – 16 учителей, в Ровенской сожжено и уничтожено 50 школ, в Тернопольской – 50 клубов и хат-читалень. В 1946 году в Тернопольской области убито 133 заведующих клубами и хатами-читальнями [3].

Наряду с убийствами и поджогами, участники УПА продолжали терроризировать местное население различными поборами – забирали скот, свиней, зерно и т.п.

О зверствах украинских националистов широко известно. Приведем один факт, характеризующем их звериное лицо.

В октябре 1979 года спелеологами Львова в пещере, находящейся в лесу, недалеко от Ивано-Франковска, были найдены архивные материалы бывших участников УПА, относящиеся к периоду 1944-1945 годов, издававшие запах цвели и крови. Среди этих документов были обнаружены и протоколы допросов советских граждан, бывших жителей Львовской области, которые допрашивались участниками УПА. Из этих потускневших от времени протоколов допросов видно, как украинские националисты издевались над простыми советскими гражданами, и погубили многих ни в чем не повинных людей.

Так, допрашивая более десяти дней участницу партизанского соединения С.А.Ковпака Питчук Марию, уроженку Ивано-Франковской области, неграмотную, эсбист УПА очень подробно описал ее тяжелейшие условия жизни и труда в немецком концлагере, затем побег из лагеря и вступление в партизанское соединение С.А.Ковпака. Описал также подробно ее героические подвиги в борьбе против фашистских захватчиков в составе партизанского соединения, за что она была награждена орденом Красной Звезды. И в конце протокола приписка: «Ликвидирована».

А в чем провинилась перед украинскими националистами молодая комсомолка Сирошкина Зоя Акимовна из г. Лозовая Харьковской области? Как указано в протоколе ее допроса, вина ее заключалась в том, что она в январе 1945 года по направлению Харьковского облздравотдела как медсестра прибыла в Прикарпатье для оказания

медицинской помощи местному населению, а также в том, что ходила в школу и воспитывалась в «московском» духе.

В начале допроса Сирошкиной указано: «Поймана большевистская разведчица», а в конце та же приписка: «Ликвидирована». И далее, почти на всех протоколах допросов – Копача Ивана, Бучковича Михаила и других – «Ликвидирован», «Ликвидирован прилюдно», «Ликвидирован с женой и тремя дочерьми. Хозяйство и скот конфисковано». И снова, и снова это же страшное и зловещее слово «Ликвидирован»! А на одном из таких протоколов допроса – приписка: «Долгие идейные убеждения на него не имели никакого воздействия. Начал говорить только в результате применения к нему мер физического воздействия. Признаться его побудило только то, что он за любую цену очень хотел жить. Ликвидирован».

А сколько было убито советских граждан в других районах западных областей Советской Украины другими участниками УПА.

Навсегда сохранится в памяти народной трагическая гибель пламенного патриота Украины писателя Ярослава Галана. По приказу главарей ОУН его зарубили бандеровцы Лукашевич и Стахур на квартире писателя во Львове 24 октября 1949 года. Галан лишился жизни только за то, что страстно любил свой народ и разоблачал его предателей – украинских националистов и клерикалов.

Годом раньше бандеровцы убили протоиерея Гавриила Костельника, возглавившего инициативную группу, добивавшуюся ликвидации Брестской унии и воссоединения с Русской православной церковью.

Но бандитов ждало народное возмездие. Уже осенью 1944 года по ним был нанесен серьезный удар. Было разгромлено соединение УПА и взято в плен более 300 фашистов, большинство из которых были офицеры вермахта, абвера и гестапо. Они воевали в составе частей УПА по заданию своего начальства.

Этот факт способствовал прозрению многих участников УПА. Воспользовавшись обращением правительства Советской Украины, они явились в органы Советской власти с повинной. Только до конца 1944 года это сделали более 10 тысяч участников УПА и их активных пособников. Многие из них искупили свою вину на фронте в борьбе с фашизмом, другие – в борьбе с оуновцами и в восстановлении народного хозяйства, разрушенного войной.

По мере продвижения линии фронта и освобождения территории Волынской, Ровенской, Тернопольской, Львовской, Черновицкой и Станиславской (ныне Ивано-Франковская) областей от немецко-

фашистских захватчиков УПА стремительно начала терять свои кадры. Только в течение января-февраля 1945 года УПА покинули более 60 тысяч человек. Многие из них добровольно явились с повинной в органы Советской власти.

К маю 1945 года УПА была распущена приказом своего командования. Но борьбу с Советской властью продолжили ее боевики, перешедшие в подчинение территориальным проводам ОУН.

К концу октября 1944 года Советская Армия освободила территорию Украины от оккупантов. О задачах, вставших перед Советской властью по восстановлению народного хозяйства, говорят такие цифры: на временно оккупированной территории нацисты и оуновцы уничтожили 714 городов и поселков городского типа и свыше 28 тысяч сел, оставив без крова 10 млн человек; превратили в развалины заводы тяжелого и среднего машиностроения и опустошили Донбасс; большие разрушения претерпел железнодорожный, водный и автомобильный транспорт [4].

В связи с изгнанием с территории Украины фашистских оккупантов и завершением воссоединения украинских земель в составе Украинской ССР VII сессия Верховного Совета УССР 30 июня 1945 года приняла воззвание к украинскому народу, в котором отмечалось: «Настал долгожданный день – завершилось полное воссоединение украинского народа в едином Украинском Советском социалистическом государстве. Историческая несправедливость полностью устранена... благодаря политике Советского правительства и пониманию интересов Закарпатской Украины со стороны правительства Чехословацкой Республики» [5].

Так, благодаря бескорыстной братской помощи всех народов Советского Союза, многовековая мечта украинского народа о воссоединении стала явью.

**Похороны жертв террора в г. Червоноармейске,
ныне Радзивилове Ровенской области в 1958 г.
Фото из архивов УКГБ по Ровенской области**

Источники

1. Архив УКГБ по Львовской области.
2. Архив УКГБ по Львовской области, уголовные дела по обвинению Дубецкого П., Гадия Я., Кобака В.
3. Правду не здолати. – Львів: Каменяр. 1974, – С. 214-217.
4. Архив УКГБ по Львовской области, уголовные дела по обвинению Олейника В., Мороза А.
5. История Украинской ССР. – К., Наукова думка. – 1982. – С. 306, 307.

**Жертвы бандеровского террора: Н.В.Ватутин, Н.Ф.Кузнецов,
Я.А.Галан, К.Сверчевский, Г.М.Костельник, В.И.Масловский**

А.Войцеховский, Н.Зазулин

Национальный герой – Николай Федорович Ватутин

15 апреля 2004 года исполнилось 60 лет с того дня, как не стало выдающегося советского полководца Николая Федоровича Ватутина. Его имя навсегда вошло в историю Великой Отечественной войны.

Он родился в 1901 году в бедной крестьянской семье в селе Чепухино бывшей Воронежской губернии, всю свою жизнь связал с Красной Армией, в рядах которой прошел славный боевой путь от красноармейца до генерала армии.

Наиболее полно и ярко полководецский талант генерала Н.Ф.Ватутина раскрылся в годы Великой Отечественной войны, когда он занимал ответственные посты начальника штаба Северо-Западного фронта, командующего войсками Воронежского, Юго-Западного и Первого Украинского фронтов, особенно в ходе Сталинградской битвы и освобождения Советской Украины.

В ходе операции по освобождению Харькова генерал Н.Ф.Ватутин впервые в истории ввел в сражение на чрезвычайно узком участке фронта две танковые армии. Эта бронированная армада рассекла,

словно мечом, группировку войск противника на две части. Затем, ударив с флангов, танкисты расчленили оборону врага. 23 августа 1943 года первая столица Советской Украины войсками Воронежского фронта была освобождена от немецко-фашистских захватчиков.

Открылось новое направление военных операций – Киевское. Накануне наступления командующий фронтом вместе с оперативной группой штаба переместился в район Ново-Петровцы, на командно-наблюдательный пункт, расположенный вблизи переднего края. Отсюда генерал Н.Ф.Ватутин руководил боевыми действиями войск фронта. В результате стремительного наступления наших войск, начавшегося 3 ноября 1943 года, Киев в 4 часа утра 6 ноября был полностью освобожден от гитлеровских захватчиков.

«Надо заметить, – писал бывший член Военного совета Первого Украинского фронта генерал-полковник К.В.Крайнюков, – что в канун Киевской операции наш фронт почти не имел численного превосходства над противником. В том-то и состоит полководческое искусство, чтобы при равных силах суметь использовать их наиболее целесообразно, чтобы разгромить врага... В результате перегруппировки войск и ослабления второстепенных участков командование и штаб Первого Украинского фронта, творчески выполняя директиву Ставки, создали на Лютежском плацдарме на направлении главного удара значительный перевес в силах и средствах».

Фронт шел и шел вперед, освобождая украинскую землю.

29 февраля 1944 г. Н.Ф.Ватутин выехал в Ровно в штаб 13-й армии и в тот же день в сопровождении небольшой группы офицеров и десяти автоматчиков выехал в направлении Славуты. При подъезде к селу Милятин Гощанского района эскорт штабных автомашин подвергся нападению находившихся в засаде бандеровцев. Головная машина, принявшая на себя первый удар, оказалась подбитой. Из следовавших за ней четырех других автомашин выскочили автоматчики и открыли огонь по бандитам. В эти критические минуты сопровождавшие Н.Ф.Ватутина (член Военного совета К.В.Крайнюков и другие ответственные лица) предложили командующему покинуть обстреливаемую зону и увезти с собой штабную документацию. Однако Н.Ф.Ватутин решил иначе. Он отправил штабные документы с одним из офицеров по назначению, а сам взял в руки оружие. В разгар боя Н.Ф.Ватутин был тяжело ранен. Полководца доставили сначала в Ровно, а оттуда в Киев, за его жизнь боролись высококвалифицированные врачи. Но

несмотря на все принятые меры, спасти жизнь отважного генерала не удалось, 15 апреля 1944 года Н.Ф.Ватутин скончался.

Следствием, проведенным Ровенским областным управлением КГБ установлено, что в засаде под Милятином, где был смертельно ранен Ватутин, находилась сотня УПА, возглавляемая бандглаварем по кличке Мадьяр. Она совершала нападения на подразделения советских войск, двигавшиеся в сторону фронта, а также на советских патриотов на территории Гощанского и Острожского районов Ровенской области. Последнюю точку в этой истории поставил Ровенский областной суд, рассмотревший в 1960 году уголовное дело по обвинению Трусика Ивана, входившего в банду Мадьяра, и шестерых его сообщников, обвинявшихся в терроризме и бандитизме. Суд, заслушав признания подсудимых и показания многочисленных свидетелей, признал Трусика и его сообщников виновными во всех предъявленных обвинениях и осудил пятерых из них к высшей мере наказания и двоих – к длительным срокам заключения.

Весть о смерти Николая Федоровича Ватутина глубокой болью отозвалась в сердцах миллионов людей, знавших его как обаятельного человека и выдающегося полководца, посвятившего свою жизнь защите Отечества и по-сыновьи любившего Украину.

Олицетворением любви и уважения украинского народа к генералу Н.Ф.Ватутину стал гранитный монумент на его могиле на берегу Днепра в центре Киева.

Спустя годы в память о генерале – освободителе Киева – один из новых районов столицы носил имя Ватутина. Однако недавно, перекраивая карту города, «реформаторы», не считаясь с мнением киевлян, ликвидировали Ватутинский район. Не меньшим цинизмом явилось и переименование в ряде западноукраинских городов улиц, названных именем полководца. Так, во Львове бывшая ул. им. Ватутина теперь носит имя одного из тех, кто виновен в его смерти!

Фронтовики, лично знавшие Н.Ф.Ватутина, наш народ уважали его за доброе и чуткое отношение к подчиненным, за скромность и огромное трудолюбие. Не случайно на Памятнике генералу начертано: «Герою Советского Союза генералу армии Н.Ф.Ватутину от украинского народа». 29 ноября 2001 года парламент Украины принял постановление «О 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза генерала армии Н.Ф.Ватутина», в котором в соответствии с Законом «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» рекомендовал органам местной власти вернуть бывшие

названия улицам, площадям, районам, учебным заведениям в городах и иных населенных пунктах Украины, которые ранее были названы именем НФ.Ватутина.

(Киевский вестник, апрель 2004)

Теодор Гладков

Легендарный разведчик Николай Кузнецов

В нынешней украинской печати можно прочитать самые невероятные домыслы о судьбе Кузнецова. Один автор утверждает, что дескать, попав в плен к бандеровцам, Кузнецов «раскололся», для спасения своей жизни начал выкладывать все, что знал. Автору даже не приходит в голову простенькая и коротенькая, словно рожденная под бумажным колпачком Буратино мысль: если «Зиберт» стал все выкладывать, то почему он не назвал даже своего имени – ни подлинного, ни того, под которым значился в отряде – «Грачев»? Нет, в документе значатся только «Зиберт» и «Пух». И уж подавно не пришлось бы по сей день гадать, кто такой таинственный «генерал Ф.» тем более что никакого особого секрета в фамилии начальника советской контрразведки не было.

Пока убедительно никому не удалось опровергнуть самую простую, уже по-настоящему простую версию: группа Кузнецова в лесу или населенном пункте напоролась на гораздо более многочисленный отряд оуновцев и погибла в коротком бою. Не исключено, что в последний момент Кузнецов покончил жизнь самоубийством.

А.Лукин в свое время высказывал автору свое предположение, основанное на информации все от того же неизвестного источника и подкрепленного логикой, что Кузнецов, Каминский и Белов

натолкнулись на группу бандеровцев, переодетых в форму красноармейцев, и только в последний момент поняли роковую ошибку. Такие случаи известны.

Некоторые авторы на Украине ставят под сомнение достоверность телеграммы. Аргументов у них всего два. Первый – почему представитель УПА называет Зиберта обер-лейтенантом, когда тот уже был «произведен» в гауптманы? Ответ прост: надо внимательнее читать. Нигде не говорится, что Зиберт имел на плечах погоны с двумя звездочками гауптмана. И в телеграмме и в рассказах бойцов еврейского отряда отмечается воевавшего на стороне УПА, что он был в немецкой офицерской форме, и только. Нигде его звание не упоминается. Да скорее всего Кузнецов в это время уже снял с шинели и френча ненужные и даже опасные погоны, только и всего. В телеграмме говорится совершенно о другом: что на фотографии в удостоверении он снят в погонах обер-лейтенанта! Новое звание Зиберта – «гауптман» – было внесено на первую же страницу его удостоверения личности, то есть «зольдбуха».

Второй аргумент связан с шофером Зиберта. Он назван Иваном Власовцом по кличке «Белов». В действительности было совсем наоборот. Но откуда тогда взялась настоящая фамилия – Белов? Только не потому, что он был захвачен живым и дал какие-то показания. Бандеровцев совершенно не должна была бы интересовать настоящая фамилия шофера, но тогда они непременно выбили бы из Белова настоящую фамилию Зиберта, это было куда важнее. Белов знал Николая Ивановича как Грачева, но эта фамилия, как мы уже знаем, нигде не упоминается. Значит, Белов его не выдал! Иначе его тоже не стали бы расстреливать по вышеизложенным причинам, даже если бы были убиты Кузнецов и Каминский. Но откуда в таком случае стала известна его фамилия – Белов (а также, возможно, и фамилия Белько, под которой он значился в партизанском отряде). Тут возможно одно-единственное объяснение: в нарушение правил конспирации, которые Иван мог в полном объеме и не знать, у него были при себе какие-то справки, письма, надписанные фотографии, где фамилия Белов фигурировала.

Иными словами, даже не зная точно, как именно произошло роковое событие, приходится признать, что все три разведчика были не пленены, а погибли при столкновении с оуновцами на территории, еще не освобожденной Красной Армией.

Существует и такое утверждение: дескать, Кузнецов совершил огромную, недопустимую ошибку для разведчика такого класса, держа при себе тот отчет, подписанный псевдонимом «Пух».

С этим нельзя согласиться. Строго говоря, в этом отчете не содержалось ничего такого, чего немецкие спецслужбы уже не знали бы. А именно: что все акты возмездия во Львове, а также убийство майора Кантера совершил советский разведчик, выдававший себя за гауптмана Пауля Вильгельма Зиберта. Но вот в Москве, в Центре, о них ничего еще известно не было.

С другой стороны, не будь у Кузнецова при себе пакета с этим отчетом, не было бы и переговоров УПА с полицией безопасности, бандеровцы просто закопали бы тела трех убитых. не уведомив об этом гестапо, и мы бы до сих пор числили «Колониста-Пуха», «Кантора» и «Ила» без вести пропавшими...

Есть ли надежда, что когда-нибудь мы узнаем все обстоятельства гибели разведчиков?

Теоретически – да, об этом свидетельствуют две строчки в разных документах, на которые почему-то никто из биографов не обратил должного внимания.

В телеграмме-молнии указано, что трупы «большевистских агентов» были найдены немецкой боевой группой, направленной для проверки высшим шефом СС и полиции на Украине Прютцманом. Это же подтвердил на допросе в 1951 году гауптштурмфюрер СС Краузе: «В марте 1945 года, находясь в Словакии, я узнал о его (Зиберта. – *Авт.*) смерти. Об этом сообщил генерал Биркампф, по словам которого Зиберт был при попытке перехода линии фронта опознан и убит. Выдал Зиберта находящийся при нем дневник. Дневник с фотографиями Зиберта после смерти передан командованием УПА действующему в этой области СС-обергруппенфюреру Прютцману».

Обратим и в данном случае внимание на два момента: генерал Биркампф сообщил Краузе, что Зиберт был не задержан, а убит, и что его личность была установлена благодаря найденному при нем дневнику. Уже одно это исключает вопрос о пленении. И далее – бригаденфюрер СС и генерал-майор Вальтер Биркампф точно знает, что найденные при Зиберте документы и его фотографии (у Кузнецова было несколько таких фотографий, сделанных еще в Москве) были переданы людям Прютцмана.

Можно с уверенностью считать, что эсэсовцы Прютцмана со свойственной им немецкой, да и профессиональной дотошностью не

только проверили нахождение трупов советских разведчиков, но выяснили все обстоятельства их гибели, о чем, естественно, направили рапорт своему начальству, но никак не оберштурмбаннфюреру Витиске во Львов.

К сожалению, рапорт группы Прютцмана, а также полученные ею документы, найденные при Кузнецове и его спутниках, до сих пор ни в одном архиве бывшего СССР не обнаружены. Опять же, зная немецкую аккуратность, можно предполагать, что если они не были уничтожены службой безопасности и полицией безопасности в последние дни «третьего рейха» в Берлине, то могут быть целы и ныне. Не исключено, что они пылятся среди документов, захваченных в 1945 году на территории Германии нашими тогдашними союзниками. Хранится же, к примеру, в одном из архивов в США полный отчет, составленный гестапо по делу о знаменитой «Красной капелле».

Так что теоретически не угасла надежда, что эти бумаги еще всплывут на белый свет, и тогда мы с достоверностью узнаем о последних днях жизни замечательного разведчика и героя Великой Отечественной войны Николая Кузнецова, его боевых друзей до самого смертного часа Яна Каминского и Ивана Белова.

...В Центре телеграмма-молния была, разумеется, тщательно изучена и по сути содержания, и на предмет подлинности. Об этом автору говорил еще лет за пятнадцать до своей кончины в 1996 году генерал Судоплатов. После доклада сообщения наркому НКГБ Меркулову он сделал на первой странице документа распоряжение:

«Товарищу Зубову.

1. Наркому доложено, что всех троих следует считать погибшими.

2. «Колониста» представить к званию Героя Советского Союза, «Кантора» и «Ила» к ордену Отечественной войны I степени.

Судоплатов. 12 октября 1944 г.».

...Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года Николаю Ивановичу Кузнецову было присвоено звание Героя Советского Союза. Ян Станиславович Каминский и Иван Васильевич Белов были награждены орденами Отечественной войны I степени.

На войне случались и чудеса. Бывало, что воскресали и те, о ком отрыдали, получив похоронки, матери и вдовы... А потому хоть и не было веры, но все же тлел в сердцах тех кто готовил Указ, уголек надежды, потому и не проставили в нем слово «посмертно»...

«Слава Родины», №№6-7 (58-59), 2004 г.

Памятник Герою Советского Союза Н.И.Кузнецову*

* На месте, где стоял памятник разведчику мирового уровня, герою Советского Союза Николаю Ивановичу Кузнецову, ныне стоит камень с надписью о том, что здесь будет сооружен памятнику Владимиру Кубийовичу.

Струтинский М.В.

Про мого побратима Миколу Кузнєцова

Н.В.Струтинский

...Продовжуючи пошук місця загибелі Кузнєцова, нам довелось зустрічатись з багатьма людьми на терені Бродівського та багатьох інших районів Львівщини, у самому Львові, а також Тернополі, Станіславі та далеко за їх межами. Було піднято з архіву сотні кримінальних справ на колишніх ватажків різних підрозділів УПА і тих, котрі вийшли з повинною розмовляти на мирних засадах. В процесі цієї роботи були виявлені страхітливі дії оунівців-садистів, особливо референтів Служби безпеки, які діяли безпосередньо за завданням підрайонних, районних і крайових проводирів ОУН та УПА.

Я впевнений, що якби народ України знав про ці страхітливі дії оунівців, то їм, особливо зверхникам ОУН-УПА, не було б місця на нашій землі, политій кров'ю синів і дочок України, особливо в областях Західної смуги нашого краю.

Слід наголосити на тому, що майже не було села, району від Прип'яті до вершин Карпат, де б цими вояками не було б замордовано людей, а то й цілі сім'ї – чоловіків, хлопців, дівчат, а ще посивілих дідів, бабусь, дітей дошкільного віку, а поде-куди немовлят у колисці.

До того, як відправити групу Кузнецова до Львова, була раніше відправлена група медведівців Крутикова для підготовки бази Кузнецову. Однією з баз мала бути хата колишнього лісника Максима Гаврилишина у селі Боратин. У цю групу була включена і Євгенія Гаврилишин (натоді вже дружина Дроздова). Дроздови по дорозі відвідали хату батьків та свою доньку Любу. Про це стало відомо кримінал-комісару фон Папее, який по своїй службі у Львівському СД персонально вів агентурний нагляд за підопічними йому зверхниками оунівців та аковців на периферії.

З того часу за селом Боратин і його жителями німці посилили нагляд. У селі було створено чотири окремі оунівські боївки. А гестапівець під псевдонімом «Темний» став Бродівським повітовим референтом СБ. Цей кривавий хижак вишукував свої жертви і особисто їх убивав, кого – удавкою, а кого – із пістолета. Пізньою осінню 1943 та ранньою весною 1944 р. «Темний» знищив у Боратині Климчука Степана, Дудися Теодозія, Леуса Йосипа, Дзись Марію та Грицишина Петра.

Усі вони були бажаними людьми свого села, добрими, чемними, чуйними, мирно трудилися на своєму клаптику землі.

Водночас майже кожний день безслідно зникали селяни. Їх знаходили задушеними удавками, зарубаними сокирою, з вогнепальними пробоїнами.

Село Боратин було майже зовсім очищене від небажаних оунівцям та німцям елементів. Оунівці тримали під суворим контролем усі дороги, стежки, по яких хтось міг би зайти до села. Сотня «Чорногори» теж постійно чатувала у різних куточках села. Німці та зверхники УПА надіялись на появу Пауля Зібєрта. Нарешті дочекались. У глуху морозну ніч з 8 на 9 березня 1944 р. Микола Кузнецов з Яном Камінським та Іваном Беловим добирались зі сторони Сталашки буковим лісом до хати Степана Голубовича, де усі троє й загинули, підірвавшись на гранаті.

Аналізуючи низку документів таємного листування Герасимовського (Івана Гриньоха) – члена Центрального проводу ОУН із шефом СД Галичини оберштурмбанфюрером Вітіске та іншими високопоставленими діячами абверу і кримінальних управлінь Німеччини, доведено, що Герасимовський отримав від зверхників ОУН-УПА директиву щодо особи Кузнецова, на пошуки якого були задіяні вищі кримінальні та розвідувальні Управління СД Волині та Поділля, Галичини, абверу... До пошуку невловимого Пауля Зібєрта були також залучені підрозділи

оунівського СБ, дивізії «СС-Галичина», курені та окремі сотні УПА. Як бачимо тепер, село Боратин вийшло на особистий статус, у якому німці жорстоким терором руками бандерівців навели свій порядок.

Коли кримінал-комісарові фон Паппе стало відомо, що жителі села Гута Пеняцька, яке розкинулось у смузї Пеняцького лісу, переходять партизанів-медведівців, він пов'язав їх із Баратинським Гаврилишиним та його дочкою і зятем – Дроздовими. Над мирними жителями Гути Пеняцької нависла смертельна загроза, про яку вони навіть не здогадувались. Уже в другій половині лютого 1944 р. на підступах до Гути стягувались підрозділи УПА та їх місцеві боївки, а згодом підійшли дивізійники «СС-Галичина» та підрозділи самих німців, але вони поки що стояли осторонь на випадок необхідної підтримки бандерівцям.

28 лютого 1944 р. облога стиснула село і були знищені всі його жителі, спалені оселі, майно розграбовано.

Про цю звірячу розправу ОУН-УПА разом із дивізією «СС-Галичина» та німцями, що скоїлася 28 лютого 1944 р., розповіли самі учасники цієї кровавої події та її очевидці після звільнення місцевості радянськими військами.

Слід зазначити, що в перші післявоєнні роки верховоди українського нацизму стримувались від наклепу на дії радянських партизанів, в тому числі і проти відомого радянського розвідника Кузнецова, розуміючи, що це викликало б непримиренний гнів не тільки нашого народу, але й народів світу, тому що Кузнецов здійснив без перебільшення героїчні операції проти гітлерівців. Лише у Рівному і Львові ним було знищено шістьох нацистських-генералів. Але все-таки, саме із-за «рогу» з'явилися перші наклепи проти Кузнецова. Так, газета «Українське слово», яка видавалась «першою українською друкарнею» у Франції, у №711 за 26 червня 1955 р. (редактор О. Жданович), даючи рецензію на книжку «Під чужими прапорами», писала: «... Згадується в праці “Під чужими прапорами» також, що українські націоналісти вбили прославленого партизана, Героя Радянського Союзу Миколу Кузнецова. Це правда, – висловлюється Жданович, – і його застрілення було те, що він видав на смерть німецьким гестапівцям сотні українських патріотів. За це й удостоївся честі Героя Радянського Союзу».

Треба сказати, що це було перше публічне визнання оунівцями їхнього злочину. Але правду по загибель Кузнецова вони так і не відважились відкрити. По-перше, його не було застрелено, а він загинув, як дійсний герой, опинившись у безвихідному становищі, та знаючи однозначно про те, що «оунівці» передають радянських розвідників

до рук гестапівців та СД, він, Кузнецов, підірвав бойову гранату на власних грудях і загинув як герой. Це був останній подвиг видатного розвідника всіх часів.

По-друге. Він, Микола Кузнецов, не посилав на смерть німецьким гестапівцям (не те що сотні) ні одного українського патріота. Звання Героя йому присвоєно лише 5 листопада 1944 р. за знищення цілої низки гітлерівських генералів, а саме Даргеля, Кнутта, Функе, Геля, Ільгена у столиці окупованої гітлерівцями України – м. Рівне. Окрім того, Кузнецовим було проведено цілу серію бойових операцій проти німців.

Ми, його бойові побратими, вважали, що Кузнецов заслуговував на Героя двічі, а то й тричі, але, на жаль, цього не сталося.

Після переїзду до Львова Кузнецов знищив генерала Отто Бауера та високу персону Шнейдера. Добув вагомі розвіддані. А звання Героя так і не поспішали йому присвоїти, затримавшись аж до листопада 1944 р., коли Кузнецова уже не було серед живих.

Якщо бути до кінця відвертим, то скажу, що Кузнецов дуже переживав за долю українського народу, бажав йому щастя та добра і братньої дружби з російськими людьми.

Кузнецов – це уральський золотий самоцвіт, великий друг України. В історії Великої Вітчизняної війни його ім'я повинно бути викарбоване і українською і російською мовами, бо він загинув за щастя обох братніх народів.

В.Жуковский

**Непримиримый борец с украинским
национализмом и унианством**

Ярослав Галан

**«ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ ПРИДАВИЛА ПЯТА
СТОПРОЦЕНТНОГО ФАШИЗМА»**

В июле нынешнего года исполнилось 103 года со дня рождения Ярослава Галана, выдающегося украинского советского писателя-публициста.

О нем не прочитаешь сегодня в украинских учебниках литературы, его имени не услышишь ни по радио, ни по телевидению. Еще бы – будучи уроженцем Западной Украины, Ярослав Галан всю свою жизнь боролся против украинского национал-сепаратизма, уродливого искусственного движения, выдуманного в Вене, насажденного сначала в гапцишских землях, а потом, в годы горбачевщины, пустившего свои ядовитые корни по всей Украине.

Ярослав Александрович боролся с предателями нашей великой единой Родины пером, своим великолепными памфлетами и очерками, а они его зарубили топором прямо за рабочим столом. Это случилось в 1949 году.

Может возникнуть вопрос: зачем вспоминать прошлое? Убийцы и организаторы этого злодеяния изобличены и сурово наказаны.

Память о талантливом литераторе жива среди широкой общественности, его помыслы и дела наследуют коллеги-журналисты и писатели республики. Во Львове, например, при издательстве «Каменяр» действовал «Пост Галана». В театрах страны шли его пьесы. Ежегодно к празднованию Дня печати лучшим журналистам республики вручались премии имени видного публициста. В доме, где он жил, был открыт музей писателя.

За последнее время в периодической печати республики, в теле-, радиопередачах, на различного рода митингах делаются попытки представить оуновских бандитов такими «национальными героями» и более того – «жертвами сталинизма». Неблаговидные на сей счет поползновения были предприняты и в ходе недавней сессии Верховного Совета Украины, но получили должный отпор народных депутатов.

Реаниматоры бандеровщины, ратуя за «усамостійнення» Украины под националистическими штандартами, распространяют слухи, будто бы дело Романа Щепанского (организатора убийства Галана) и его сообщников сфальсифицировано органами госбезопасности. Один известный поэт, добившийся депутатских мандатов страны и республики, подхватил эту версию, заявив по украинскому телевидению: «Говорят, Галан убит по заданию МГБ. Его убили, вы знаете, люди из боевки, но кто послал, этого я не знаю».

Поэт должен хорошо знать, как все было: он в течение ряда лет жил и работал во Львове. И вот этим своим заявлением «я не знаю» усилил слухок о неправомерности приговора по делу убийства Галана.

Всех, кто желает еще раз лично удостовериться в том, кто направил Стахура и Лукашевича на совершение жестокой кровавой расправы с «неудобным писателем», приглашаем в Украинский государственный музей Великой Отечественной войны, где вся правда представлена в подлинных документах. В витринах – постановления на арест подозреваемых в преступлении, протоколы опознания задержанных оуновцев, допроса обвиняемых, документы следствия и суда, фото-снимки, подтверждающие факт убийства, личности убийц.

Для начала кратко напомним кем был Ярослав Галан, которого смертельно невзлюбили (правильнее сказать – боялись) убийцы и их вдохновители. Вот что говорится о нем в характеристике, подготовленной Союзом писателей Украины и приложенной к следствию. Ярослав Галан, указывается в ней, родился в 1902 году в Дынове (ныне Польша) в семье мелкого служащего. Украинец. Окончив Краковский университет,

вошел в организацию «Горно», которая создана на съезде украинских пролетарских писателей во Львове в мае 1929 года. В течение четырех лет (1924-1928) состоял в Компартии Польши. Неоднократно арестовывался за революционную деятельность, активно сотрудничал в прогрессивном журнале «Вікна», в котором опубликованы многие его произведения, разоблачающие врагов демократии – украинских националистов и священнослужителей.

Галан был одним из организаторов и участником антифашистского Конгресса защитников культуры во Львове (1936 год). С 1939 по 1941 год сотрудничал в газете «Вільна Україна». В годы войны – комментатор на радиостанции им. Т.Г.Шевченко. Был спецкором «Радянської України» на Нюрнбергском процессе.

...С тех пор, как Ярослав Александрович еще в двадцатых годах включился в революционное движение, у него не было мирных дней. Активный фронт всегда пролегал через его сердце. Таким – непримиримым и честным – и прошел он по земле сквозь застенки панских тюрем, под пулями полицейских карабинов, по дорогам Великой Отечественной войны, в непримиримых схватках с националистами и униатами. Что бы ни писал он – памфлеты (книга под таким названием представлена в витрине), пьесы «Под золотым орлом», «Любовь на рассвете», публицистические размышления (например, статья «Націоналістичні упирі», напечатанная в «Радянській Україні» за 14 августа 1946 года он оставался солдатом, коммунистом. Вот почему так ненавидели и боялись его оуновцы, но еще пуще – греко-католики и их церковь, которую народ Украины отвергал, чему также есть многочисленные свидетельства жителей края.

Неутомимая деятельность писателя-обличителя костью в горле застряла у униатов, которые пытались запугать Галана: ему угрожали, устраивали слежку, ходили за ним «по пятам», засылали анонимные письма, предпринимали другие акты откровенного шантажа. Видя, что это мало на него действует, они решили расправиться с ним физически. Протоколы допроса Стахура и Лукашевича, представленные в музее, не оставляют никаких сомнений в том, что именно они варварски, из-за угла нанесли смертельные раны писателю трагическим днем 24 октября 1949 года.

На суде были сорваны маски с тех, кто разрабатывал и вдохновлял планы этого коварного преступления. Одним из них был 25-летний надрайонный проводник, сын осужденного за антисоветскую деятельность священника-униата Роман Щепанский (в подполье «Буйтур»). Лишь

летом 1953 года органам госбезопасности Львовской области, которые добросовестно и мужественно, нередко с риском для жизни, провели расследование этого дела, удалось напасть на след Щепанского: четыре года оуновец тщательно скрывался по лесам и селам.

Перед нами – дело номер 22, начатое пятого и оконченное тринадцатого октября 1954 года. Это – протокол судебного заседания военного трибунала Прикарпатского военного округа. Суд допрашивает Р.Щепанского. Под давлением неопровержимых улик он, как и исполнители гнусного заговора, не смог опровергнуть ни одного из обвинений.

«Осенью 1947 года, – показывает Щепанский, – я получил задание собирать сведения о Галане, Пелехатом и Козланюке с целью последующей их ликвидации. Нужные адреса дали сыновья священника Лукашевича. Затем руководитель окружного провода поручил продолжать сбор необходимых данных только о Галане, мотивируя это тем, что он в своих выступлениях разоблачает ОУН и Ватикан. Кроме того, говорил проповедник, присутствуя на процессе в Нюрнберге, Галан требовал суда над Степаном Бандерой.

Подробные сведения, касающиеся львовского публициста, «Буйтур» получил от старшего сына Лукашевича Иллария весной 1949 года и передал их референту СБ «Демьяну», вместе с которым и был окончательно утвержден подробный план проведения теракта.

После выполнения задания, – продолжал показания Щепанский, – Стахур и Лукашевич пришли ко мне, рассказали обо всем, а в подтверждение принесли две медали, прихваченные из квартиры писателя».

Это, надо подчеркнуть, была далеко не первая попытка свести счеты с Галаном. Из следственного дела видно, что еще 8 октября того же года «Буйтур» организовал подобную акцию с помощью И.Лукашевича и оуновца Чмиля, но она сорвалась: в квартире писателя оказались посторонние люди.

Чувствовал ли Ярослав Александрович грозящую опасность? Да, это можно утверждать определенно. О неоднократных угрозах, исходивших от националистов и Ватикана, уже упоминалось. И когда бандеровец, в прошлом полицей, Панский с участием Александра Лукашевича убивает протопресвитера Костельника, председателя инициативной группы по самоликвидации униатской церкви, Галан в присутствии близких людей заметил: «Теперь – мой черед». Было это за год до трагических событий. Здесь уместно сказать также о том, что беспокойное душевное состояние, которое писатель испытывал в

последние месяцы жизни, он никоим образом не связывал с какими-либо действиями органов Советской власти, как это хотели бы утверждать некоторые его «защитники».

Документы свидетельствуют: никто из участников преступления не отрицал своей сопричастности к террористической деятельности организации украинских националистов. Видимо, рассчитывая на снисхождение, они изобличали друг друга, пытались переложить вину на «провод» ОУН, чьи указания они, дескать, вынуждены были исполнять. Указания – указаниями, а на чей счет отнести те 20 тысяч рублей, которые, например, получил И.Лукашевич от «провода» за убийство Галана?

Итак, исполнители тягчайшего злодеяния во Львове в октябре 1949 года – бандеровские наймиты, а вдохновители и подстрекатели ничем не оправданной жестокости – воинствующие церковники.

Газета «Советский пограничник», 14 сентября 1990 г.

Пламенный интернационалист Кароль Сверчевский

В последнее время мне иногда кажется, что на Украину заносится страшная инфекция. Людей все больше одолевает недуг, поражающий мысли, чувства, способность думать, помнить. Первый синдром этой хвори – перечеркивание собственной истории, забвение того, что было на родной земле всего несколько десятилетий назад. И распространители инфекции хорошо понимают, что без замутнения народной памяти не вытащить на арену заплесневелые идеи и кровавых маньяков, не слепить из Бандеры и Петлюры «Национальных героев», не заставить Украину забыть о преступлениях ОУН.

Беспамятство, усилено подогреваемое и раздуваемое, нарастает. Его закрепляют факельные парады, марширующие и горланящие штурмовики в Ивано-Франковске, открытие музея Степана Бандеры в Стрыйском районе на Львовщине, освящение могилы-кургана и памятника «национальным героям Украины воинам ОУН и УПА» на Тернопольщине, толпы молодчиков, избивающие старух и монахов в Киеве возле святой Софии. И, наконец, бессмысленная и безответственная «ухвала» вторых Всеукраинских сборов Руха о полной реабилитации ОУН-УПА и их вождей, которые

провозглашены теперь «национальными героями» всей Украины.

Своим самым убедительным доводом в оправдание оуновцев поклонники Бандеры считают факты о преступлениях Сталина и Берии, их кровавых пособников, носивших партийные билеты. Но скажите на милость, разве коммунисты предлагают сегодня называть площади и улицы в честь Берии, Ежова, Кобулова? Разве возводят им памятники? Разве преступления одних негодяев могут служить для оправдания, обеления и провозглашения героями других мерзавцев?

И если сегодня в Тернополе областная организация Руха добивается переименования улицы Ленина в улицу Бандеры, то что подумали бы все психически нормальные граждане Украины о руководителях Тернопольского обкома Компартии Украины, предложи те назвать одну из центральных улиц Тернополя улицей Лаврентия Берии? Такой поворот событий не придёт ведь никому в голову даже во сне, а улицу Бандеры обсуждают на полном серьезе...

Куда же мы катимся? Неужто не ясно, что прикрываясь сине-желтыми знаменами, на нашу землю ползет, вернее уже вполз, самый оголтелый национализм – родной брат обыкновенного фашизма? Ведь нужно совсем немного, чтобы понять: между бандеровщиной и фашизмом, между ОУН и СС нет принципиальной разницы. Различия были лишь в масштабах. Ни политическая практика, ни идеология, ни методы достижения целей ни в чем существенно не отличались.

Массовые зверства над мирным населением, заваленные истерзанными трупами людей колодцы, оскверненные тела женщин, выжженные дотла села – все это было и в действиях нацистов, и в злодеяниях бандеровцев.

Но сегодня речь хочется повести о другом. О международном терроризме оуновцев в мирные послевоенные годы, о террористических акциях на территории чужих суверенных государств.

Недавно мне довелось познакомиться с документами и материалами, проливающими свет на убийства из-за угла, убийства из засад, совершенные оуновцами в 1947-1948 гг. в Польше, когда их жертвами пали несколько крупных верных деятелей Войска Польского. И среди них легендарный полководец, национальный герой испанского народа генерал Вальтер, имя которого гремело в Европе в конце 30-х годов XIX в.

Известный оуновский публицист Роман Рахманный, член этой организации с 1937 г., в послевоенные годы – главный редактор газеты «Час» и издатель «Української трибуни», а позднее преподаватель Торонтского университета, в 1948-1949 гг. писал в швейцарском

еженедельнике «Ди Вельтвохе», лондонском журнале «Уорлд дайджест» ряде немецких, голландских и бельгийских, аргентинских газет о «подвигах» оуновцев – боевиков Украинской повстанческой армии (УПА) на территории Польши. Полагаю, что сомневаться в симпатиях одного из видных националистических журналистов нет оснований, но даже на основе его публикаций истинное лицо «героев УПА» становится ясным непредубежденному читателю.

Но вначале несколько слов о генерале Вальтере. Он же Кароль Сверчевский – видный военный и государственный деятель Польши, один из создателей Войска Польского.

Будущий генерал родился в Варшаве 22 февраля 1897 года, воевал в 1914-1918 годах. А слава полководца пришла к Каролю Сверчевскому в огне гражданской войны в Испании, где он под псевдонимом генерала Вальтера оказывал помощь законно избранному республиканскому правительству в борьбе с мятежом генерала Франко.

После Испании Сверчевский работал старшим преподавателем в Военной академии им. М.В.Фрунзе в Москве, а когда началась Великая Отечественная, попросился на фронт. Командовал стрелковой дивизией в тяжелейших боях под Смоленском, Вязьмой, Москвой. С лета 1943 г. включился в создание первых боевых соединений Войска Польского. Был заместителем командира 1-го польского корпуса, заместителем командующего 1-й армией Войска Польского. С августа 1944 г. генерал дивизии Сверчевский – командующий 2-й Армией Войска Польского, знамена которого под его началом жолнежи пронесли до дня Великой Победы. Войска под его командованием освобождали Варшаву и Прагу, штурмовали Берлин и Данцинг, форсировали Вислу и Нейсе, Одер и Влгаву. Завидное мужество и талант полководца Сверчевского были отмечены высшими военными наградами Польши, Великобритании, США, Франции, Чехословакии. Был среди его наград и полководческий орден Суворова 1 степени.

После войны генерал брони (т. е. генерал-полковник) Сверчевский был избран депутатом сейма Польши и в феврале 1946 г. назначен заместителем министра национальной обороны республики. А 28 марта 1947 г. генерал был подло, предательски убит.

До сих пор официальные исторические источники, словари, энциклопедии не говорят всей правды о гибели генерала Сверчевского. Стесняются, что ли, писать о том, как наши земляки занимались политическим бандитизмом на землях соседних держав? Или опасаются показать, что у оуновцев в свое время были очень длинные и кровавые руки? Во всяком случае, в энциклопедических статьях вы ни слова не

найдете, что убили его бандеровцы. Советская военная энциклопедия в 7-м томе говорит, что генерал «убит националистами во время инспекционной поездки в г. Балигруд».

А Энциклопедический словарь «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» и того лаконичнее: «убит 28 марта буржуазными националистами». Какие же это националисты на территории Польши? Польские что ли?

Но посмотрим, что пишет, не скрывая своих симпатий, оуновский летописец Р.Рахманный: «Я имел возможность говорить со всеми бойцами восьми групп УПА, которым удалось прорваться на Запад через Чехословакию. Между ними я нашел и участников атентата (преднамеренного убийства – Д.Т.), жертвою которого пал польский генерал К.Сверчевский...».

А дальше Рахманный записал рассказ двух «отважных воинов УПА», как он их называет, подстаршины Прикуя и булавного Соколенко из отряда беспощадного боевика Хрина, орудовавшего на территории южной Польши и Словакии и своими зверствами вконец затравившего местное население.

Однако обратимся к рассказу «героев»:

«...Целью нашего марша стало шоссе Балигруд-Сянок. Было чудное весеннее утро, снега не было, так что никакие следы не могли предать... Свежая зелень наполняла нас чувством уверенности... (читатель, обратите внимание, как поэтично описана подготовка к убийству – Д.Т.). Когда мы приближались к нашей заветной цели, наш патруль сообщил, что из Балиграда идут четыре танка и четыре тяжелые автомашины с польскими солдатами.

Это было передовое охранение. Осматриваясь, охрана медленно проехала. Глубокая тишина дала ей ощущение безопасности. Наш командир приказал занять позиции параллельно к дороге. Моей задачей было разместиться с пулеметом у края леса, возле самого шоссе. Сам командир был близко, в каких-то 5 метрах сзади меня, три роты (взвода УПА – Д.Т.) спрятались в зарослях леса справа от меня. Через бинокль я увидел, продолжает подстаршина Прикуй, – как слева к нам приближается легковой автомобиль и грузовик, в котором было человек 35 солдат. В легковой машине сидели трое высших офицеров с медалями и орденами, без фуражек. Можно было хорошо видеть их лысые головы.

Все произошло очень быстро. Покуда наши бойцы занимали позиции, автомашина вошла в радиус действия моего пулемета.

Барабанный огонь остановил авто. Высокий и полный офицер вышел из машины и стал командовать солдатами, приказывая бойцам занять позиции против нас. Мы удивились, – это было отважно, но и не разумно, потому что вскоре после этого он упал на землю, и я еще и сейчас слышу его слова: «Генерал, меня ранили...» Его товарищ по поездке, генерал Герхардт не мог оказать ему никакой помощи, так как сам лежал на земле смертельно раненый. Не знаю, выстрелы ли из моего пулемета поразили генерала Сверчевского или нет, но я сразу ввязался в бой со второй автомашиной. Возле меня лежал ротовой (взводный) Грань, бывший лейтенант Советской Армии, который получил во время финской кампании 1940 г. медаль «За отвагу», дезертировал, а теперь принадлежал к командирам УПА, которые внушают самый огромный ужас на Украине. Этот знаменитый снайпер был единственным, способным точно попадать во всеобщем хаосе. Он и добил генерала. Бой продолжался минут пятнадцать. Вечером нам сообщил один крестьянин, что в Сянок привезли 5 убитых и 6 раненых. Среди убитых были знаменитый генерал Сверчевский – «Вальтер», герой красной Испании, и его товарищ по оружию в испанской гражданской войне генерал Герхардт.

...Утром следующего дня наша сотня перешла с польской на чехословацкую территорию» («Ди Вельтвохе», 12 ноября 1948 г.).

В этой же статье Рахманский подробно, явно смакуя, рассказывает со слов того же Соколенко и Прикуя, как через месяц, в апреле 1947 г., оуновцы на той же дороге в Балигруд зверски перебили 15 польских офицеров из гарнизона в Тисне, ехавших за зарплатой в город. От рук националистов пал и военный комендант Перемышля генерал Венцковский, целый ряд других польских офицеров и чиновники.

После гибели Сверчевского, который должен был попытаться навести порядок на юге страны, польское правительство призвало все население к решительной борьбе с бандеровщиной. Вскоре был заключен специальный «договор трех» – СССР, Польши и Чехословакии о совместной борьбе с бандитизмом. Чехословакия двинула на польскую границу для прикрытия горных дорог специальную горно-стрелковую дивизию. Оуновцы же, чтобы раздуть значение просто зверского и политически бесплодного убийства видного военачальника Польши, чтобы обычному разбою придать видимость какой-то заранее спланированной военно-политической операции, принялись трубить в Европе об убийстве «официального заместителя Сталина в Польше» генерала Сверчевского, о том, что ими уничтожен «российский

милитарный диктатор Польши», «главный военачальник государства» и т. д. и т. п.

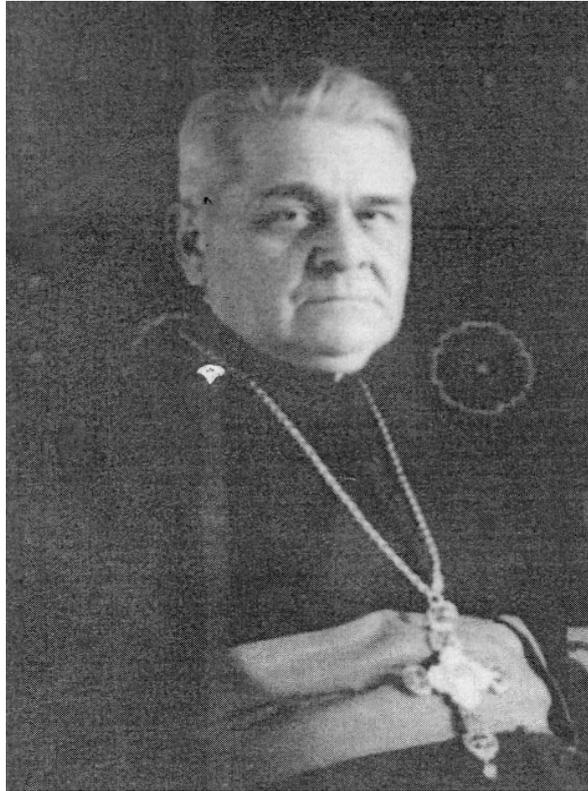
Смехотворность таких утверждений была очевидна для всех – об этом заявили в прессе министр национальной обороны Польши маршал Польши М.Роля Жимерский и его заместитель генерал А.Завадский. Но именно убийство депутата сейма и члена Польского правительства генерала Сверчевского окончательно убедило правительство Польши начать решительную и бескомпромиссную борьбу по уничтожению оуновских банд в Южной Польше совместно с чехословацким правительством Э. Бенеша...

Во всем мире сегодня мировым сообществом осуждается и ставится вне закона международный терроризм. И только у нас, на Украине, предлагают возводить памятник и объявлять национальными героями бандеровцев, международных убийц. Никогда, даже в самые черные годы тоталитарного произвола сталинская охранка – госбезопасность не осмеливалась пойти на уничтожение правительства соседних государств на территории их стран. Бандеровцы превзошли бериевцев и ежовцев даже в этом. Может быть, лидеры Руха вскоре предложат нам воздвигнуть на Украине еще один памятник – монумент международным террористам? Право слово, так можно по чести отметить подвиги ОУН-УПА.

(«Правда Украины», 9 января 1991 г.)

Чубенко В.В.

Захисник православ'я и борець з уніатством Гавриїл Костельник

Щоб зрозуміти постать священика Гавриїла Костельника, його боротьбу і смерть, треба трошки згадати події історії.

Після об'єднання Литви і Польщі по договору 1 липня 1569 року частина українських земель попала під фізичне рабство панської Польщі, але щоб поработити українців і духовно, польські феодали вирішили об'єднати українську православну церкву з католицькою. З використанням зрадників свого народу православних єпископів була досягнута домовленість і 6 жовтня 1596 року в Бресті Собор католицьких і православних єпископів, представників Ватикану і короля Сигізмунда III проголосив унію православ'я з католицизмом.

Щоправда, відрізняючи уніатську церкву від римсько-католицької її назвали греко-католицькою, а згодом ліквідовувались православні традиції й обряди, і УГКЦ, по суті, стала цілком католицькою, слугою польської шляхти і войовничою силою проти православ'я, проти свого народу.

Особливо себе проявила УГКЦ на чолі з митрополитом Щептицьким під час Другої світової війни, вітаючи окупантів, благословляючи

на криваві справи дивізію СС «Галичина», батальйони «Нахтігаль» і «Роланд», а після війни навіть брала безпосередню участь у бан- дитських акціях оунівців.

У 1945 році протопресвітер Гавриїл Костельник очолив ініціативну групу, яка рішуче виступила проти Ватикану, за ліквідацію проклятою народом Брестської унії та воз'єднання з Руською православної церквою. Це той доктор Костельник, який свого часу разом з єпископом Сліпим входив до складу митрополичої капітули, поруч працював у духовній семінарії, а потім служив настоятелем Преображенської церкви у Львові.

Свої дії Костельник пояснив так: «Годі! Ми ситі Римом, ситі унією з Римом. Берестейська унія – це сатанинський витвір езуйтів. Вони придумали її для знищення Русі. Берестейська унія створювалася як ініціативна група для окатоличення всього сходу, всіх нароїв Росії...»

У зверненні «До всесеснітого греко-католицького духовенства в Західних областях України» група Костельника писала: «Унія – історичний спогад і символ упадку нашого народу, чужинницького поневолення. Багато крові мусив наш народ пролити, щоб скинути з себе те чуже ярмо».

Реакційне духовенство вимагало від каноніка Костельника відмовитись від своїх намірів, його відлучили від церкви та піддали анафемі. Але незважаючи на погрози і моральний терор його група 10 березня 1946 року провела Львівський собор, який проголосив ліквідацію унії.

Простити це Костельнику уніати та їх духовні вихованці бандерівці не могли. Наприкінці 1945 року для убивства Костельника проводом СУМ були направлені у Львів бандерівці Ординець і Панків, але біля дому Костельника вони були затримані міліцією і завдання не виконали. В 1945 році у Львів прибув посланець Бандері Поліщук – «Хмурий» із завданням примусити Костельника відмовитись від свого рішення і вивести його за кордон. У протилежному випадку убити його та оголосити його жертвою більшовізма. Цей план теж закінчився невдачею.

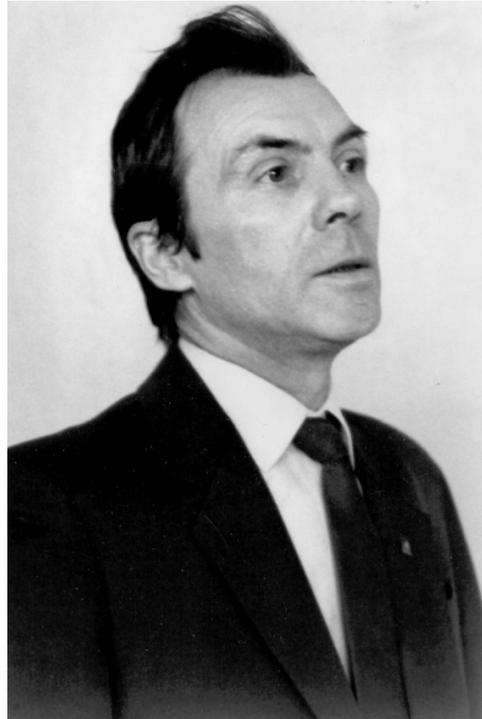
Після цього справою Костельника зайнявся особисто один з керівних членів ОУН Щепанський Роман. Він залучив до своїх дій родину священика Лукашевича Дениса (це та сама родина, що брала участь в убивстві письменника Галана), зокрема син Дениса Олександр слідкував за Костельником і про все доповідав Щепанському. Виконання теракту було доручено колишньому поліцаю, секретарю львівського краєвого проводу ОУН Василю Панківу.

20 вересня 1948 року, коли Костельник вийшов після служби із собору, Паньків застрелив його двома пострілами, а сам, зрозумівши, що втекти не зможе, бо за ним побігли люди, застрелився.

Гавриїла Костельника було поховано на Личаківському кладовищі Львова, майже поруч із славетним каменяром. А у Преображенському соборі, як і у всіх соборах Львова, служать знову уніати, і у соборі святого Юра, в колишніх палатах митрополита Шептицького, знову воссїдають високі чини Ватикану.

Олейник А.И.

**Выдающийся отечественный историк
Масловский Виталий Иванович (1935-1999)
(в память о друге)**

Свою научную деятельность Виталий Иванович начал в 1968 году в Институте общественных наук Академии наук СССР в городе Львове научным сотрудником отдела истории Украины. Избрав тему кандидатской диссертации «Борьба трудящихся западных областей СССР против классово-враждебных элементов в период социалистических преобразований в деревне (1944-1950 гг.)», изучил документы государственных, партийных, областных и столичных архивов и уже до конца своей жизни не прекращал исследовать и развенчивать идеологию украинского национализма.

Человек энциклопедических знаний в области истории и культуры Украины, прекрасно знал литературу, особенно увлекаясь поэзией, хорошо разбирался в живописи, был глубоко интеллигентным человеком, гуманным, чутким, отзывчивым по отношению к людям. Любил свой народ, язык, свой город, свою природу, своё село на Ковельщине, был патриотом. Но непримиримо относился к тому, когда патриотизм подменялся человеконенавистничеством национализма. Постоянно размышлял над историческими обстоятельствами, способствующими

возникновению фашизма, национализма. Сверял свои размышления, взгляды, оценки, касающиеся патриотизма, национальных особенностей, традиций, природы национализма и фашизма с размышлениями, высказываниями И.Франко, Р.Роллана, Р.Тагора, П.Грабовского, Ф.Достоевского, В.Симоненко, В.Сосюры, А.Довженко, В.Винниченко, А.Мальро, В.Вернадского, Питера Устинова, Л.Гумилёва и многих других. Как и Жорис Вольфром (французский писатель), мог о себе сказать: «Я слишком горжусь своей страной, чтобы быть националистом».

Первая научно-публицистическая книга «Жовто-блакитна мафія» вышла в 1975 году, а в 1978 издаётся «Дорога в безодню», в которой значительная часть посвящена борьбе трудящихся против националистического бандитизма.

Увлекаясь публицистикой, Виталий Иванович много выступает со статьями в местных газетах, становится членом Союза журналистов СССР. Изучает творческую и публицистическую деятельность Я.Галана и публикует научно-популярную книгу «Зброя Ярослава Галана» (1982 г.), в которой на широком документальном материале раскрывает общественно-политическую сторону творчества этого выдающегося украинского писателя и журналиста.

Особенно много статей, направленных на раскрытие сути ОУН-УПА, пишет в 90-е годы, когда во Львове именами Бандеры, Коновальца, Мельника называют улицы, а 30 июня отмечают как великий праздник, когда в честь националистических «героев» воздвигаются памятники и открываются музеи. Хотел, чтобы люди научились по-настоящему различать национализм и патриотизм, ибо зло маскируется под добро. Названия статей говорят сами за себя: «Бандера: прапор чи банда?», «Від правди не сховаєшся», «Акт 30 червня», «Якою була перша українська дивізія», «Метаморфози в ОУН», «Міф про всенародність УПА» и десятки других. Последняя статья была напечатана в сентябре 1999 года «Вересень 1939: вияв доброї волі чи окупація?».

В 1997 году издается брошюра «Трагедія галицького єврейства», а в 1999 – книга «З ким і проти кого воювали українські націоналісти в роки Другої світової війни». Написанная на документальной основе, книга раскрывает антинародную, фашистскую сущность украинского интегрального национализма.

Она служит делу утверждения исторической правды в Украине, которую националисты заполнили «трудами» своих вождей и идеологов, начиная с Донцова и кончая Лебедем и Боровцом. Этого ему не могли простить те, кого он обрекал на вечное презрение и

проклятие. Ему неоднократно угрожали по телефону неизвестные лица, говорившие по-галицки, которые и отняли жизнь у этого прекрасного ученого, считавшего национализм самым тяжелым из несчастий человеческого рода.